

З. В. АНЧАБАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ

(VI–XVII вв.)

АБГОСИЗДАТ
1959

З. В. АНЧАБАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ

(VI—XVII вв.)

АБХАЗСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сухуми — 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем труде преимущественное внимание уделено рассмотрению следующих важных вопросов истории средневековой Абхазии — этнического развития абхазского народа и его взаимоотношений с грузинским народом. Затронутые в труде другие вопросы истории Абхазии освещаются лишь постольку, поскольку они находятся в связи с отмеченными выше основными проблемами данного исследования.

Н а р о д н о с т ь является исторической категорией, которая следует за родом и племенем и предшествует нации. Если возникновение и развитие наций связаны с капиталистической эпохой, то история народностей относится к предшествующим общественно-экономическим формациям — рабовладельческой и феодальной, в то время как род и племя являются категориями первобытно-общинного строя[1].

С переходом к феодализму процесс формирования народности получает дальнейшее развитие. Такая этническая общность, как феодальная народность, представляет собой исторически сложившуюся сравнительно устойчивую общность, возникшую на базе относительной общности языка, территории, хозяйственного уклада и культуры.

В социальном отношении феодальная народность состоит из двух основных общественных классов — крестьян и феодалов, — ведущих между собой систематическую классовую борьбу, но связанных друг с другом производственными отношениями и этническим единством.

В соответствии с различиями конкретно-исторических условий формирование народностей происходило различными путями. В частности, абхазская феодальная народность сформировалась в раннефеодальную эпоху в результате слияния нескольких родственных этнических общностей, бытовавших в тот период на территории современной Абхазии и к северу от нее. Естественно поэтому, что изучение этнической истории абхазского народа предполагает, в первую очередь, исследование этих этнических компонентов, из ко-

---

[1] Всемирная история, т. III, Москва, 1957, стр. 17.

торых сложилась на определенном историческом этапе единая абхазская народность. Последующая этническая история абхазской народности в средние века также должна быть изучена в тесной связи с теми историческими условиями, в которых она развивалась.

Одной из важнейших особенностей этнической истории абхазского народа являлась его неразрывная связь с историческим развитием братского грузинского народа. Известно, что ни один народ не развивается изолированно. На протяжении всей исторической жизни он поддерживает разносторонние связи с другими народами, которые налагают заметный отпечаток и на его этнические судьбы. В частности, в этнической истории абхазов грузинскому народу принадлежит весьма важное место. Общность происхождения обоих народов, их ближайшее территориальное соседство и единство исторических судеб имели сильное влияние на этническое развитие абхазского народа. Поэтому проблема истории грузино-абхазских взаимоотношений, имея актуальное научное значение, сама по себе занимает определенное место и при изучении истории этнического развития абхазов. Именно поэтому эти два вопроса рассматриваются в данной работе совместно, в тесной связи друг с другом.

Однако, несмотря на большую научную значимость этих вопросов, они до сих пор не были предметом специального исследования. Отдельные стороны этих проблем лишь вскользь затрагивались в общих трудах по истории Грузии и Абхазии. Особо должна быть отмечена большая заслуга академика С. Н. Джанашиа в деле изучения некоторых вопросов истории средневековой Абхазии и, в частности, истории грузино-абхазских взаимоотношений[1].

Отсутствие специальных работ, посвященных этнической истории абхазского народа, создавало в известной степени почву для высказывания в печати самых произвольных положений по истории абхазского народа; зачастую такие положения выдвигались по мотивам, не имеющим никакого отношения к науке.

Эти неверные теории были подвергнуты принципиальной критике в нашей партийной печати.

Хронологические рамки данной работы (VI—XVII вв.) обусловлены конкретными особенностями этнической истории абхазов. Процесс формирования абхазской феодальной народности начинается в основном с VI столетия, когда в веду-

---

[1] См. нашу статью «Вопросы истории Абхазии в трудах акад. С. Н. Джанашиа». «Труды Абх. инст. яз., лит. и истории АН Грузинской ССР», т. XXV, 1953.

щих районах Абхазии побеждают феодальные отношения. К концу же XVII в. абхазы замыкаются в рамках той территории, которую они занимали в последующее время.

Трудность разрешения поставленных в работе проблем объясняется не только отсутствием посвященных им специальных работ, но и крайней скудностью исторических источников по средневековой Абхазии. Это обстоятельство ставит историка перед необходимостью порой несколько раз обращаться к одному и тому же показанию источника для уяснения различных сторон некоторых исследуемых вопросов.

От специального историографического и источниковедческого введения автор решил отказаться, так как в необходимых случаях в тексте критически рассмотрены взгляды отдельных авторов по исследуемым вопросам. Вместе с тем книга снабжена подробным научным аппаратом.

ГЛАВА I

АБХАЗИЯ В СОСТАВЕ ЛАЗСКОГО ЦАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI ВЕКА

I. Этно-политические образования Абхазии в первой половине VI века

К началу VI века на территории современной Абхазии существовало несколько этно-политических образований, находившихся в различных степенях зависимости от лазского царя[1]. Это — Абазгия, Апсилия, Мисиминия и Южная часть Санигии. Приморская территория современных Гальского и Очамчирского районов была в значительной части населена собственно лазами (эгрисцами) и непосредственно входила в состав Лазского царства[2].

Местоположение каждой из этих этно-политических областей представляется приблизительно следующим образом.

Южную часть территории, населенной в VI веке предками абхазского народа, занимало племя апсилов, в наименовании которого, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, следует видеть самоназвание абхазов — «апсуа». О местоположении Апсилии у византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского имеется такое указание: «Река Фазис... впадает в конечную часть Эвксинского Понта на краях залива-полумесяца; на одной стороне, принадлежащей Азии, находится город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, нахо-

---

[1] Вопрос о происхождении абхазов и их этнической истории в древний период, а также критический разбор теорий, существующих по этому вопросу, подробно излагается автором в работе «Древняя история и культура Абхазии», которая близка к завершению. Там же освещается история образования Лазского царства и включения в его состав абхазских племен.

[2] Местечко Гудава, близ Илори, считалось в тот период расположенным на территории Эгриси (см. «Георгика», Свед. визан. писателей о Грузии, под ред. С. Г. Каухчишвили, т. IV, ч. 2, стр. 415).

дится область апсилиев»[1]. В данном случае Прокопий имеет в виду южную приморскую границу Апсилии. Для определения этого пограничного пункта следует установить, что разумеет Прокопий под «заливом-полумесяцем» «конечной части Эвксинского Понта». Как правильно указал еще М. М. Иващенко, «под луновидностью Прокопий понимает изгиб берега моря в 550 стадий (около 100 км.) от города Петры к северу. Если город Петра — Цихисдзири, то другой конец этой «луновидности» придется приблизительно около Илори... (поскольку, по Прокопию, Фазис делит этот изгиб берега пополам»)[2].

Таким образом, южная этническая граница Апсилии проходила, по-видимому, по реке Галидзга (Эгрис-цкали, по грузинским источникам). Неслучайно, надо полагать, когда впоследствии образовалось единое Абхазское княжество, то его южная граница проходила по реке Галидзга (Эгрис-цкали), которая отделяла Абхазию от Лазского княжества.

Одним из пограничных пунктов Апсилии в юго-восточном секторе было укрепление Тусумэ, расположенное к северу от Моквы. В житии Максима Исповедника (сост. в конце VII в.) говорится, что Тусумэ находится «выше села Мокви (Μόχοis) на границе апсилийского края, к востоку от Понтийского моря, у подножья кавказских гор»[3].

В северо-восточной части Апсилии, вблизи ее границы с Мисиминией, находилось укрепление Тзибил (ныне Цебельда). О том, что это укрепление было расположено на территории Апсилии, имеется прямое свидетельство Прокопия, который сообщает: «В Апсилии... есть крепость в высшей степени укрепленная; местные жители называют ее Тзибилой»[4]. Источники указывают также и на то, что в районе Тзибила проходила граница между Апсилией и Мисиминией. Так, византийский историк Агафий (2-я пол. VI в.) говорит об «укреплении Тибелия (Тзибила — З. А.), отделяющем страну мисимиян от апсилийцев»[5].

В северо-западной части Апсилии, на берегу моря, находился город Сухуми (Цхуми, по грузинским источникам). В сочинении грузинского историка XI в. Джуаншера Сухуми пря-

---

[1] Прокопий из Кесарии, Война с готами, Москва, 1950 г., стр. 380.

[2] М. М. Иващенко, Великая Абхазская стена, Изв. АбНО, 1925 г., стр. 83.

[3] См. К. С. Кекелидзе, Этюды из истории древнегрузинской литературы, т. III, 1955 г., стр. 280 (на груз. яз.)

[4] Прокопий, там же, стр. 403.

[5] Агафий, О царствовании Юстиниана, М—Л., 1953 г., стр. 118.

мо именуется «городом Апсилии» („ქალაქი აფშილეთისა ცხუმი“).[1] Под таким определением Сухуми фигурирует почти во всех сводах «Жизни Грузии» („ქართლის ცხოვრება“) — Теймураза (I четв. XVIII в.), царицы Марии (XVII в.), Мачабели (1736 г.), Чалашвили (2 пол. XVI в.) и др. Лишь в наиболее раннем из известных сводов «Жизни Грузии» — в своде царицы Аины (XV в.)—говорится о Сухуми как о «городе Абхазии и Апсилии» („ქალაქი აფხაზეთისა და აფშილეთისა ცხუმი“). В данном случае, несомненно, под названием «Абхазия» подразумевается не Абазгия в узком смысле, которая являлась в VI—VII вв. одной из этнических областей на территории Абхазии, наряду с Апсилией, Мисиминией и др., а «Абхазия» в ином смысле, разумеющем более широкое географическо-политическое образование, включавшее в себя и Абазгию и Апсилию, равно как и другие этнические области Абхазии. Следовательно, выражеиие «город Абхазии и Апсилии Цхуми» надо понимать так: «город Апсилии, которая находится на террнторни Абхазии». Отсюда следует, что фраза «город Апсилии Цхуми», содержащаяся в более поздних сводах «Жизни Грузии», чем свод царнцы Анны, представляет собой первоначальную редакцию данного места из сочинения Джуаншера.

Крайняя северо-западная (приморская) граница Апсилии проходила вблизи нынешнего Нов. Афона, район которого входил уже в состав Абазгии (см. ниже). Возможно, что эта граница пролегала по реке Гумисте нли несколько западнее ее.

Таким образом, территория Апсилии в VI веке заннмала значительную часть современной Абхазии: от р. Галидзга на юге до р. Гумисты (приблизительно) на севере. С запада она омывалась Черным морем, а на востоке проходила по линии Тусумэ (к северу от Мокви) — Цебельда. В состав Апсилии, следовательно, входили территории ведущнх провинций феодальной Абхазии — Гума и значительной части Абжуа.

Переходя к определенню границ Абазгии, следует прежде всего отметить, что Абазгия непосредственно соседила с Апсилией. Прокопий Кесарийский пншет: «За апсилиями и за вторым краем этого «полумесячиого» залива по бе-

---

1 «Жизнь Грузии». Под ред. С. Г. Каухчишвили, Тбилиси, 1953 г., стр. 235 (на древнегруз. яз.).

регу живут абазги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта»[1].

Более конкретное определение границ Абазгии содержится в труде Вахушти Багратиони «Описание Грузинского царства», который опирается, как видно, на древние источники. Вахушти пишет: «Границей Абхазии являются: на востоке—Малая гора (к западу от Анакопии), которая тянется от Кавказского хребта до моря; на западе же—море и река Капоэти [Бзыбь — З. А.]... В длину она (Абхазия) тянется от Анакопии до р. Капоэти, или до моря; в ширину—от моря до Кавказского хребта»[2]. В другом месте названного сочинения Вахушти также подчеркивает, что «к западу от Анакопии расположена Абхазия»[3]. Что касается Анакопии, то она, по Вахушти, находилась на месте нынешнего Нового Афона[4]. Вахушти в данном случае имеет в виду не границы современной ему Абхазии, а именно территорию древней Абазгии. Это видно из того, что в своем «Описании» он отмечает: «Ныне же страной до реки Эгриси владеют абхазцы»[5].

Таким образом, в свете сказанного выше становится очевидным, что утверждение М. М. Иващенко, будто граница между Апсилией и Абазгией проходила по р. Келасури, не соответствует действительности. Сообщение «Жизни Грузии» о том, что к концу V в. граница Лазики на северо-западе доходила до р. Келасури, на которое ссылается М. М. Иващенко, имеет в виду, надо полагать, политические границы Лазского царства, с которыми не следует смешивать этнические границы между Абазгией и Апсилией[6].

Эта граница, как отмечалось, пролегала вблизи Анакопии, которая в течение длительного времени была столицей Абазгии, а затем объединенного Абхазского княжества. Нам кажется, что Анакопия — это именно тот пункт, который Прокопий в VI веке назвал «Трахеей».

Решение вопроса о местонахождении Трахеи представляет интерес не только в том отношении, что позволит, наконец, уточнить, где именно была расположена крепость, ставшая основным очагом сопротивления восставших абазгов византийским захватчикам в 550 г., — этот вопрос имеет так-

---

[1] Прокопий, цит. соч., стр. 382.

[2] Вахушти, Описание Грузинского царства, Тбилиси, 1941 г., стр. 171 (на груз. яз.).

[3] Там же, стр. 170.

[4] Там же, стр. 169. (См. также его подробную карту Грузии).

[5] Там же, стр. 170.

Анакопию Вахушти представляет вне пределов Абазгии, потому, надо полагать, что в XI—XIII вв. она не входила в состав эриставства «Абхазия».

[6] *М. М. Иващенко*, цит. соч., стр. 85—86.

же весьма важное значение и для определения южных границ расселения абазгов.

Еще Д. Бакрадзе полагал, что Трахея находилась на месте позднейшей Анакопии (т. е. в районе нынешнего Нового Афона). В своей работе «Кавказ в древних памятниках христианства» он писал: « В Анакопии, на самом берегу моря, сначала перед вами встает массивная круглая башня, вся обросшая плющем, и местами вдоль берега тянется обширная ограда, столь же роскошно увитая ползучими растениями; затем позади нее углубляется в горы знаменитое трахейское ущелье и на гребне утеса видны остатки замка Трахеи»[1].

Однако позднее все чаще стал высказываться взгляд, что Трахея была расположена в районе нынешнего Гагра. Этой точки зрения придерживался, в частности, акад. С. Н. Джанашиа, который считал, что описание Трахеи, содержащееся в труде Прокопия Кесарийского «Война с готами», соответствует лишь Гагра[2]. По этому поводу он пишет: «Кто знаком с побережьем Абхазии, тот согласится с нами, что данное описание подходит только к Гагра — в другом месте такого пункта нет»[3].

Однако тщательное сравнение описания Трахеи Прокопия с районом Старые Гагры приводит к заключению, что между ними имеется немало существенных отличий. К такому выводу пришла историко-археологическая экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, работавшая в Абхазии в 1951 г. под руководством академика АН Грузинской ССР Н. А. Бердзенишвили. Приблизительно такой же вывод она сделала и в отношении Анакопии. Третьего же пункта, на который в данном случае можно было обратить внимание, на побережье Абхазии нет. А это говорит о том, что при определении местоположения Трахеи нельзя придавать описанию Прокопия решающего значения. Сам Прокопий, как известно, в Абхазии никогда не был и при описании Трахеи целиком зависел от показаний своих информаторов, которые не всегда могли абсолютно точно описать местность.

Однако даже если исходить из рассказа Прокопия, то придется признать, что его описание все-таки более соответствует Анакопии, нежели Гагра. Так, Прокопий пишет, что укрепленный лагерь абазгов был построен на верхушке ска-

---

[1] Д. Бакрадзе, *Кавказ в древних памятниках христианства*, Тифлис, 1875 г., стр. 25 (разрядка наша — З. А.).

[2] С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, Труды, т. I, Тбилиси, 1949 г., стр. 73 (на груз. яз.).

[3] Там же, стр. 74.

лы, которую он характеризует как «очень отвесную и грозную в своей суровости скалу, идущую от лагеря до самого моря»[1]. Недаром греческое название этого пункта — «Трахея» означало в переводе «сурово-кремнистая». Такое определение смело можно отнести к Иверской горе, на которой была расположена цитадель Анакопии, поскольку эта гора, по сути дела, представляет собой огромную скалу, покрытую лишь очень тонким почвенным слоем.

Следующий момент, который также следует учитывать, это указание Прокопия, что Трахея «по величине наиболее значительное укрепление» абазгов. Таковой могла быть только Анакопия, которая в последующие два столетия являлась столицей Абазгского княжества[2].

Наконец, очень важное значение имеет свидетельство Прокопия о том, что Трахея была расположена вблизи границы между Абазгией и Апсилией — «за пределами Апсилии при входе в пределы абасгов»[3]. Он сообщает далее, что когда византийское войско приблизилось на кораблях к побережью Абхазии, то оно «пристало к берегу между пределами абасгов и апсилиев»[4].

Между тем хорошо известно, что территория, населенная апсилами, никогда не доходила до Гагра. Если это допустить, то получится, что не только Анакопия, но и Питиунт находился на территории Апсилии, чего в действительности не было. По всем данным, следовательно, Трахея была расположена не в районе Гагра, а на месте Нового Афона.

Следует подчеркнуть, что окончательное решение вопроса о возможности местонахождения Трахеи в районе нынешнего Нового Афона может быть получено в результате археологических раскопок на территории Анакопийского городища. Еще К. Кудрявцев справедливо указывал, что без археологических изысканий ответ на этот вопрос получить нельзя[5].

Если южная граница Абазгии пролегала в районе Анакопийского сектора, то северная ее граница, как это видно из приведенного выше сообщения Вахушти, проходила по реке Бзыбь (Капоэти); восточные районы Абазгии упирались в Главный Кавказский хребет (Прокопий, Вахушти). Таким образом, Абазгия занимала в основном территорию Бзыб-

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 401.
[2] Там же.
[3] Там же (разрядка везде наша — З. А.).
[4] Там же (разрядка наша — З. А.).
[5] К. Кудрявцев, Сб. материалов по истор. Абхазии, Сухум, 1922 г., стр. 82.

ской Абхазии феодальной эпохи. Крупнейшими прибрежными пунктами Абазгии были Анакопия и Питиунт (Бичвинта).

По своей этнической принадлежности абазги, как и апсилы, были племенами абхазского происхождения и явились этническими предками впоследствии сложившейся абхазской феодальной народности. Однако в VI в. процесс консолидации этих племен (точнее небольших родственных народностей) в единый народ (в который с течением времени включились и другие этнические компоненты, бытовавшие на территории исторической Абхазии) находился лишь на начальных стадиях своего развития.

Третьей сравнительно крупной областью на территории Абхазии VI столетия была Мисиминия.

Византийский историк Агафий, говоря о местопребывании мисимиян, указывает, что «живут они севернее народа апсилиев и несколько восточнее»[1]. Граница между Апсилией и Мисиминией проходила, как уже отмечалось, в цебельдинском секторе. С востока, по сообщению другого византийского историка Менандра, Мисиминия граничила со Сванетией[2]. Южный отрезок восточной границы мисимиян упирался непосредственно в Лазику. В этом секторе мисимияне владели укреплением Бухлоон[3]. С севера территория Мисиминии упиралась в главный Кавказский хребет, по-видимому, в районе Клухорского и Марухского перевалов, поскольку ближайшими соседями мисимиян на севере были аланы, жившие уже за Кавказским хребтом[4]. На северо-западе Мисиминия должна была граничить с нагорной Абхазией. Возможно, что эта граница проходила по верховьям р. Келасури.

Территория Мисиминии, таким образом, охватывала полностью провинцию феодальной Абхазии Дал и некоторую часть Цабала (Цебельды).

Через Мисиминию проходил основной путь (на территории Абхазии) на северный Кавказ, к аланам, через Клухорский и, по-видимому, Марухский перевалы (во всяком случае, начальная часть пути на Марухский перевал, по р. Ацгара (Чхалта), пролегала по территории Мисиминии). Путь через Клухорский перевал вначале был известен под названием «Мисимийского пути»[5], а впоследствии, с образованием единого Абхазского раннефеодального княжества, в

1 Агафий, цит. соч., стр. 87.
2 «Георгика», т. III, стр. 236.
3 Агафий, цит. соч., стр. 87.
4 С. Г. Каухчишвили, Племя мисимиян, 1936 г., стр. 279 (на груз. яз.).
5 «Георгика», т. III, стр. 237.

состав которого вошла и Мисиминия, он получил название «Абхазского пути» („გზა აფხაზეთისა“).

Наиболее укрепленным пунктом в Мисиминии, по сообщению Агафия, была крепость Тсахар. «Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему»[1]. Описание Агафия дает основание предполагать, что крепость Тсахар, являвшаяся, по-видимому, административным центром Мисиминии, была расположена в районе Багадских скал на правом обрывистом берегу Кодори. На территории Мисиминии, на границе с Аланией, находился укрепленный пункт Согбиси, по всей вероятности, вблизи Марухского перевела („რომელ არს გარდასავალსა ოვსეთისასა“).[2]

Вопрос об этнической принадлежности мисимиян не может считаться *окончательно решенным*. *Историк Агафий*, который дает наиболее ценные сведения о мисимиянах, сообщает, что этнически они отличаются от лазов. «Язык у них разный, так же как и нравы»[3]. Проф. С. Г. Каухчишвили считает, что «мисимияне — это одно из сванских племеи, но настолько отличающееся по своему быту от прочих сванов, что греки иаделили его отдельным именем»[4].

Для подтверждения этого положения С. Каухчишвили указывает на факт разделения Сванетии на «Верхнюю» и «Нижнюю» и в феодальную эпоху — на «Вольную» и «Княжескую». Этническое название «мисимияне» С. Каухчишвили возводит к самоназванию сваиов — მუშჳან, считая, что наиболее правильной формой греческой транскрипции этого имени является Μισσιανοί («Миссианой»).

Однако эти доводы не могут быть признаны убедительными. В основе разделения Сванетии на «Верхнюю» и «Нижнюю» лежит чисто географический момент, наличествующий в топонимике и других этнографических областей Грузии (ср. Верхняя и Нижняя Картли, Верхняя и Нижняя Имерети и т. д.). В разделении Сванетии на «Княжескую» и «Вольную» подчеркивается лишь различие в социально-политическом строе обеих областей Сванетии. Но этнически обитатели обеих Сванетий являются сванами, и никто не наделял их отдельными именами.

Что касается увязки этнического имени мисимиян с самоназванием сванов, то и это обстоятельство не может иметь

---

[1] Агафий, цит. соч., стр. 119—120.

[2] *«Жизнь Грузии», под. ред. С. Каухчишвили*, стр. 235.

[3] Агафий, цит. соч., стр. 87.

[4] С. Каухчишвили, Племя мисимиян, стр. 280; см. также «Георгика», т. IV, кн. 2, стр. 32.

решающего значения. Слово «мисимияне» можно увязать и с собственным именем მარშანი (Маршания) — фамилией абхазского феодального рода, занимавшего в средние века господствующее положение в Цабале и Дале, т. е. в тех местах, где обитали мисимияне.

Этническая принадлежность мисимиян к сванскому племени опровергается уже тем обстоятельством, что ни у одного из историков раннего средневековья нет и намека иа это. Агафий, например, сообщая подробные сведения о мисимиянах, в частности об их антивизантийском восстании 555 г., ни словом не обмолвился о каком-лнбо родстве мисимияи со сванами. Наоборот, он четко отличает их друг от друга, особо отмечая «племя сванов, живущее по ту сторону Кавказского хребта»[1]. Зато Агафий находит у мисимиян общие черты с апсилами. Он считает их не только ближайшими соседями, ио и «близкими им по образу жизни»[2]. Именно здесь мы можем усмотреть намек на этническое родство, хотя, к сожалению, Агафий ничего не говорит о взаимоотношении апсильского и мисимийского языков, считая, возможно, их диалектами одного и того же языка.

Вопроса об этнической принадлежности мисимнйцев коснулся в своем труде «Георгий Мерчуле» Павле Ингороква, который считает, что мисимияие образовались в результате слияния «двух грузинских племен — мегрело-лазов и сванов»[3]. Говоря, в частности о языке мисимиян, он пишет: «Языком населения мисимийского края был или сванский, или местный мисимийский диалект, который произошел в результате смешения (შერევის ნიადაგზე) сванского и мегрельского языков»[4].

Утверждения П. Ингороква о том, что мисимияне якобы говорили на сванском языке, приводится им совершенно бездоказательно и поэтому остается неизвестным, на чем он основывает свое предположение. Сомнительность же такого предположения была нами отмечена выше. Что же касается положення о «смешанном свано-мегрельском диалекте», то, как известно, таких «смешанных» диалектов или языков не существует. Сообщение армянского писателя V века Фауста Византийского об «эгер-сванах», на которое ссылается П. Ингороква, не может быть признано как доказательство существования какого-то «смешанного» племени, а, скорее всего, оно

---

1 Агафий, цит. соч., стр. 111—112.
2 Там же, стр. 119.
3 П. Ингороква, Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1956 г., стр. 130.
4 Там же. стр. 145.

разумеет «эгрисских сванов», т. е. сванов, подчиненных лазскому (эгрисскому) царю[1].

Однако для нас самое важное в этнических судьбах мисимиян, это то, что впоследствии они слились с абхазской феодальной народностью. К какой бы этнической группе они ни принадлежали — картвельской или абхазской (что более вероятно), мисимияне явились непосредственными предками цабало-дальской этнической ветви абхазского народа, представители которой обитали на родине мисимиян вплоть до начала второй половины XIX века.

Следующая этническая общность, которая также локализуется на территории современной Абхазии или вблизи нее, это с а н и г и (сагиды, или сагины Прокопия Кесарийского). О местообитании санигов Прокопий не дает определенных указаний. Комментируя его сообщения о санигах, проф. С. Каухчишвили пишет: «Сагидов, или санигов Прокопий упоминает четыре раза («Война с готами»). Из этих мест ясно видно, что данные сведения относятся к положению предшествующих веков, а не к обстановке, современной автору». Так, проф. Каухчишвили считает, что Прокопий лишь повторяет данные Флавия Арриана (II в.) и Псевдо-Арриана (V в.) о санигах[2]. Действительно, соответствующий текст одного из мест сочинения Прокопия почти дословно повторяет сведения Фл. Арриана[3]. Прокопий пишет: «По берегу же Понта Эвксинского утвердились зехи... За ними живут сагины; приморской частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт..., и с самого начала держали здесь военный гарнизон»[4]. Здесь, в сравнении с Аррианом, саниги (сагины) лишь обменялись местами с зихами (или зехами): у Арриана северными соседями абазгов являются саниги, за которыми уже следуют зихи, у Прокопия же—наоборот. Однако то обстоятельство, что крепости Питиунт и Севастополь, по Прокопию, были построены «для устрашения санигов» указывает, нам кажется, на то, что здесь у автора произошла путаница при пользовании своим первоисточником.

Несмотря на это, Прокопий, можно полагать, имеет в виду определенную этническую общность, реально существовавшую в его время по соседству с Абазгией. Так, говоря об

---

[1] Ср. выражение Прокопия «персо-армяне» (т. е. армяне, подданные персов в отличие от армян, подданных римлян). Война с готами, стр. 379)

[2] «Георгика», т. II, примеч. на стр. 106.

[3] В. Латышев, Известия греч. и лат. писателей о Скифии и Кавказе, ч. I, стр. 343.

[4] Прокопий, Война с готами, стр. 383.

обитателях страны санигов, он пишет: «Живущие здесь люди не являются подданными ни римского императора, ни царя лазов... Только в силу того, что они являются христианами, епископы лазов назначают им священников»[1].

М. Иващенко высказал предположение, что «зихов надо отнести севернее, за пределы современной Абхазии, там, где обитали зихи Страбона (Джикетия). Что же касается сагидов, то это или другое наименование тех же абазгов, или одно из племен, на которые они подразделялись»[2].

Соглашаясь с мнением М. Иващенко, что «зихов надо отнести севернее, за пределы Современной Абхазии», нельзя все-таки признать правильным, что саниги являлись подразделением абазгов, проживавших на территории Абхазии, или, тем более, другим наименованием тех же абазгов. Ведь северная граница Абазгии, как выше было отмечено, проходила по реке Бзыбь. Здесь же кончались официальные владения Византии. Еще в V веке церковный писатель Феодорит Киррский указывал, что город Питиунт находился на самой границе Восточно-Римской империи, «в конце римских владений, по соседству с дикими племенами»[3]. Значит, тогда Абазгия, как вассальное владение Лазики, в свою очередь являвшейся вассалом Византии, мыслилась как область, находящаяся внутри римских владений. Между тем Прокопий Кесарийский определенно помещает санигов (сагинов) за этой территорией и не считает их подданными ни лазского царя, ни византийского императора (см. выше). Следовательно, саниги обитали в VI веке за р. Бзыбь, на территории современного Гагрского и Адлерского районов, и, может быть, далее к северу, т. е. занимали территорию, которую впоследствии населяло абхазское племя садзов, явившееся затем одним из этнических компонентов абхазской феодальной народности.

Приведенные выше материалы позволяют представить себе этнографическую карту Абхазии VI века примерно в следующем виде: юго-западную, приморскую часть современной Абхазии (приблизительно до р. Галидзги) населяли лазы. К северу и северо-востоку от них (до Цебельды) проживали апсилы. Юго-восточную, нагорную часть Абхазии занимали мисимияне. К северо-западу от Апсилии, от побережья до Кавказского хребта, вплоть до р. Бзыбь жили абазги. К северо-западу от последних, на территории нынешнего Гагрского района — саниги.

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 383.

[2] М. Иващенко, цит. соч., стр. 84.

[3] «Георгика», т. IV, ч. II, стр. 321.

2. К вопросу о социально-экономическом строе населения Абхазии в VI в.

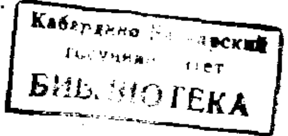
Выяснение вопроса о внутренней общественной и хозяйственной структуре политических образований Абхазии рассматриваемого периода имеет важное значение для определения уровня их этнического развития. Как известно, характер и устойчивость этнической общности находятся в прямой зависимости от степени и характера социально-экономического развития данной общности.

Акад. С. Н. Джанашиа, который специально занимался изучением истории общественных отношений в Абхазии раннефеодальной эпохи, считал, что в VI в. здесь в основном господствовалн феодальные отношения. Касаясь, в частиости, вопроса о социальной структуре абазгского общества, он писал: «Раннефеодальная общественная сословность (ფენიანთა), с одной стороны, различные феодальные, или, вообще, господствующие группы, с другой стороны, — эта социальная картина в Абазгии, в взятое время, является примечательной»[1]. Указание Прокопия о том, что иранский военачальник Набед, отступая из области абазгов, «взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»[2], С. Н. Джанашиа считает свидетельством наличия у абазгов родовитой феодальной знати[3]. И действительно, замечание Прокопия — «из числа с а м ы х з н а т н ы х» несомненно указывает на то, что речь идет о в е р х у ш е ч н о й части господствующего сословия абазгов, наряду с которой должна была существовать и рядовая знать, подчиненная, надо полагать, «самым знатным».

Как и во всяком раннеклассовом обществе, в социальной структуре абазгского общества определеиное место должен был заннмать и примитивно-рабовладельческий уклад. Сообщение Прокопия о щироко практикуемой абазгскими правителями («басилевсами») работорговле[4] является, несомненно, косвенным свидетельством того, что в какой-то степени господствующие слои абазгов использовали в своих владениях и подневольный труд рабов (в частности, пленников). Однако, как справедливо отмечает акад. С. Джанашиа, «В Абхазии того времени это рабовладельческое хозяйство было весьма слабым, и, возможно, что оно выражалось преимущественно лишь в «производстве» рабов в качестве рыночного продукта»[5].

1 С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 67.
2 Прокопий, Война с готами, стр. 400.
3 С. Джанашиа, цит. соч., стр. 68.
4 Прокопий, цит. соч., стр. 382—383.
5 С. Джанашиа, цит. соч., стр. 71

Практика работорговли, процветавшая в Абхазии, разумеется, отрицательно воздействовала на общественную жизнь и, в частности, должна была наносить большой вред интересам этнического развития абхазов. Об этой работорговле Прокопий сообщает следующее: «Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом, и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей осуждала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смертоносной красотой. Потому-то большинство евнухов у римлян и главным образом в царском дворце родом абасги»[1].

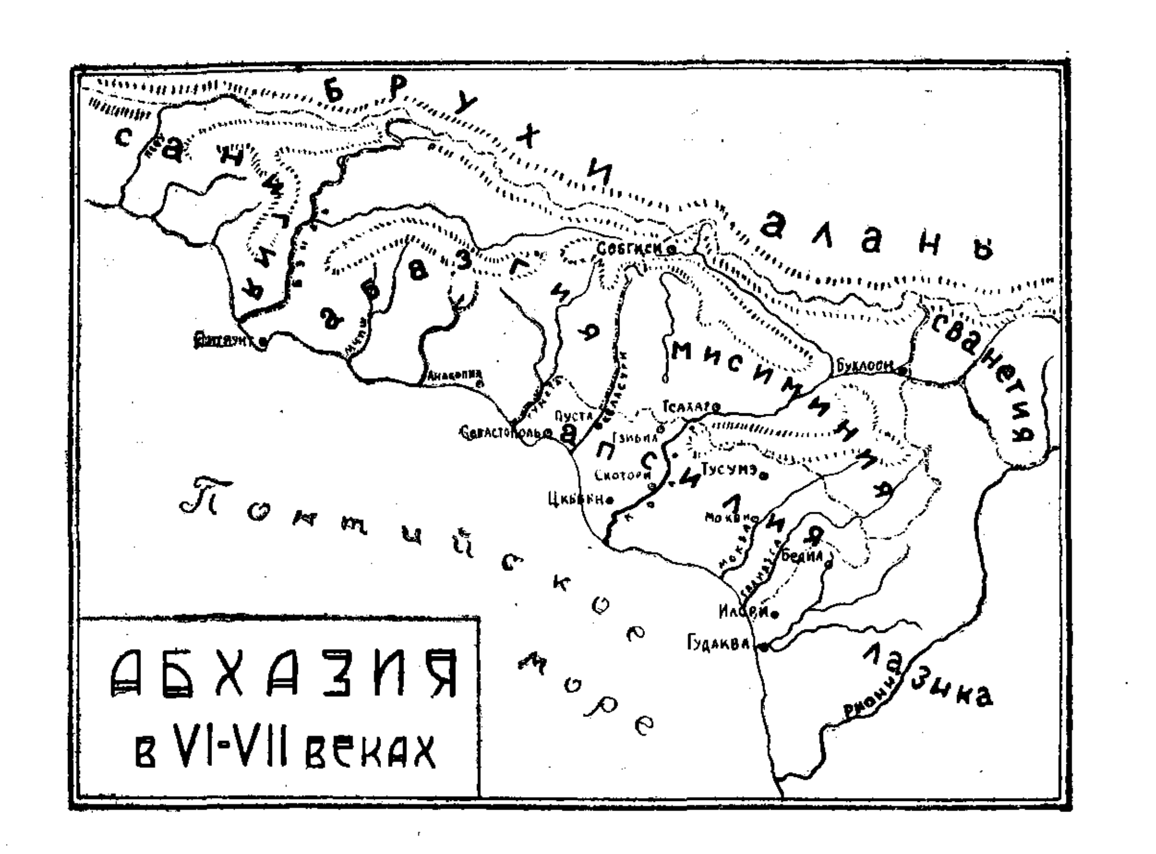
Как это явно вытекает из показаний Прокопия, вдохновителями описанной им позорной работорговли была правящая верхушка византийского общества (не исключая и царского двора), которая являлась главным потребителем поставляемого из Абхазии «живого товара». Причина этого явления, следовательно, не только в «корыстолюбии» абазгских правителей. С другой стороны, сообщение Прокопия наводит на мысль, что «абазгская верхушка» продавала на чужбину не только своих единоплеменников, но и, тем более, представителей соседних племен, которых брали в плен во время междоусобиц[2].

В цитированной выше работе акад. С. Джанашиа отмечал, что рассказ Прокопия о произволе абазгских правителей по отношению к своим подданным свидетельствует о деспотическом характере их правления, а «это предполагает наличие достаточно развитой общественной дифференциации»[3]. В условиях развивающихся феодальных отношений «деспотия абазгских правителей не могла соответствовать... феодальным элементам, переживавшим процесс своего роста»[4]. Рано или поздно окрепшие феодальные элементы должны были открыто выступить против деспотизма своих правителей.

Само собой разумеется, что внутренние противоречия

---

[1] Прокопий, цит. стр. 382—383.
[2] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 67.
[3] Там же, стр. 66—67.
[4] Там же, стр. 71.

Брухи
аланы
санигия
абазгия
апсилия
мисиминия
Сванетия
Лазика
Понтийское море
Себгиси
Буклоон
Анакопия
Севастополь
Пуста
Тсахаро
Гзыбиа
Скотори
Тусумэ
Цкыбни
Илори
Гудаква
Бедиа
Рион
АБХАЗИЯ
в VI-VII веках

абазгского общества стремилась использовать в своих политических интересах византийская держава, особенно активизировавшая в тот период свою экспансию на Кавказе (подробнее об этом ниже). В частности, она воспользовалась и недовольством широких слоев Абазгии уродливыми формами работорговли.

Прокопий Кесарийский, объясняя непосредственные причины обострения социальной борьбы в Абазгии, пишет: «При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абасгов вылились в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Ефрата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу. С удовольствием услыхали абасги этот приказ императора. Получив смелость в силу такого приказания императора, они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы не стать отцом красивого сына...

В скором времени абасги, низложив своих царей, решили жить свободно»[1].

Совершенно очевидно, что забота Юстиниана о «смягчении нравов» абазгов была продиктована отнюдь не бескорыстными соображениями. Здесь, несомненно, имела место инспирация определенных абазгских кругов, ориентировавшихся на Византию, на борьбу против правителей Абазгии. Акад. С. Джанашиа не без основания предполагал, что после того, как абазги низложили своих царей, то места изгнанных тиранов заняли византийские агенты[2]. Но в данном случае для нас представляет интерес социальная подоплёка происшедших в Абазгии событий. Нам кажется, прав был акад. С. Джанашиа, когда он утверждал, что переворот в Абазгии произвел «молодой феодальный класс», а внешняя сила (Византия) сыграла лишь роль катализатора в развязке событий[3].

Когда, спустя некоторое время, абазги отложились от Византии и избрали себе новых правителей, то эти последние были уже выразителями интересов феодального класса[4].

Однако вряд ли к этому имеет отношение то обстоятельство, что последующих правителей Абазгии византийские источники называют лишь «владетельными князьями» («архон-

---

[1] *Прокопий*, цит. соч., стр. 383 (разрядка наша—*З. А.*).
[2] *С. Джанашиа*, цит. соч., стр. 72.
[3] Там же, стр. 126.
[4] Там же, стр. 73.

тами») или просто «предводителями» («егуменами»), в то время как старых правителей называли обычно «царями» («басилевсами»)[1]. На самом деле новое титулование правителей Абазгии объяснялось, вероятнее всего, непосредственной вассальной зависимостью от Византии, в которую была поставлена Абазгия с середины VI века. Ношение царского титула, как известно, вовсе не противоречит феодальному государственному строю.

Таким образом, Абазгия в VI веке, тогда же, когда и в Картли и Лазике, пережила «феодальную революцию», с тем отличием, что если в Картли этот процесс растянулся на два с лишним столетия (IV—VI вв.), то в Абазгии он протекал в основном в рамках VI века[2], хотя зачатки его возникли значительно раньше. Однако, разумеется, до полной победы феодализма в Абазгии было еще далеко. В частности, пережитки патриархально-общинных отношений еще долгое время должны были играть значительную роль в общественной жизни, а в нагорной Абазгии они, конечно, продолжали занимать ведущее место.

Феодальные отношения постепенно пробивали себе дорогу в Апсилии, Мисиминии и в других областях Абхазии. По уровню социально-экономического развития Апсилия, по-видимому, не уступала Абазгии, а, может быть, и превосходила ее, в чем немалую роль должно было играть непосредственное влияние соседней Лазики, где феодальные отношения были более развитыми. Наличие на территории Апсилии многих укрепленных мест, о которых сообщают византийские писатели, свидетельствовало о возраставшем социально-политическом влиянии опиравшейся на них феодализирующейся знати. Одним из таких феодалов представляется нам начальник апсильской крепости Тзибил, о котором рассказывает Прокопий (см. ниже).

Близкими апсилам по «образу жизни» были мисимияне[3], хотя здесь, в горных условиях, должны были устойчивее сохраняться патриархально-общинные пережитки. Правящая мисимийская знать пользовалась политической властью в своем обществе, о чем свидетельствует, в частности, характер ее взаимоотношений с византийцами. Когда мисимияне решили восстать против Византии и заручиться поддержкой иранцев, то они направили в Иберию к иранскому военачальнику Нахогарану «людей, имеющих наибольшую власть у мисимиян»[4].

---

[1] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 112.
[2] Там же, стр. 183.
[3] Агафий, цит. соч., стр. 119.
[4] Там же, стр. 115 (разрядка наша — З. А.).

Таким образом, абазги, апсилы и мисимияне представляли собой в VI в. далеко не родо-племенные общества, а раннеклассовые (раннефеодальные) социальные организации, в которых, наряду с ведущим феодальным укладом, продолжали еще играть значительную роль пережитки дофеодальных общественных отношений — рабовладельческих и патриархально-общинных. Тенденция последующего социально-экономического развития этих обществ проявлялась в направлении дальнейшей их феодализации и постепенного изживания элементов дофеодальных укладов. Этот процесс, разумеется, особенно быстро развивался в приморской и предгорной зонах, в нагорной же полосе патриархально-общинный строй продолжал занимать господствующее место.

Признание факта наличия социально-классовой структуры абхазских обществ VI столетия позволяет сделать вывод, что в этническом отношении эти общества не являлись уже племенами в строгом смысле этого слова. Ведь племя — это этническая категория доклассового общества со своими характерными ей этническими чертами. Что касается феодального общества и его политической организации, то оно требует уже наличия более устойчивой этнической общности, нежели племя. Такой общностью может быть только н а р о д н о с т ь.

Поэтому мы и считаем, что абазги, апсилы, мисимияне и саниги в начальный период раннефеодальной эпохи являлись уже небольшими народностями, тем более устойчивыми, чем более развивались в них феодальные отношения, дающие для народности более прочную социально-экономическую базу, чем отношения рабовладельческие.

Однако, с другой стороны, в тех условиях этническая устойчивость малых феодальных народностей должна была быть весьма относительной. На это указывает, в частности, отсутствие даже внутри этих народностей прочного единства. Возьмем, к примеру, абазгов. Прокопий сообщает, что абазги «искони веков» имели двух правителей, один из которых «властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»[1]. Характерно, что вскоре после социального переворота в Абазгии, который привел к установлению феодальной политической власти, абазгская знать так же избирает не одного, а двух правителей — для западной и восточной частей страны. Не подлежит сомнению, что такое внутреннее расчленение Абазгии в политическом отношении на две области выражало в известной степени и относительную неустойчивость этнической базы абазгского общества.

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 383.

В условиях дальнейшего развития социально-экономической и политической жизни страны, в частности, в результате роста феодальных отношений вглубь и вширь, неминуемо должна была произойти этническая консолидация небольших народностей в более крупную и более устойчивую этническую общность — в единую феодальную народность. Этому процессу значительно способствовало этническое родство консолидирующихся народностей.

3. Введение христианства в Абхазии

Рассказывая о религиозных верованиях древних абхазов, Прокопий Кесарийский указывает на широкое распространение среди них дохристианских культов, в частности, культа деревьев. Он пишет: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами»[1].

Однако у того же Прокопия мы находим указания, что христианство проникло в Абхазию задолго до того, как оно было объявлено здесь официальной религией. Об апсилах, например, он сообщает, что они «с давних времен уже христиане». О мисимиянах Агафий рассказывает, что во время переговоров мисимийских послов с римскими военачальниками послы называли себя представителями «народа, уже с древних времен подчиненного римлянам и одной с ними религии»[2].

Что касается абазгов, то на их территории, в городе Питиунте, уже в первой половине IV века существовала епископская кафедра. Ясно, что определенные элементы местного населения уже тогда исповедовали христианство. Неслучайно, что позднейшие церковные легенды первоначальное распространение христианства на Западном Кавказе, в том числе и в Абхазии, приписывали «апостолам» Андрею Первозванному и Симону Кананиту. Это свидетельствует о том, что христианство рано стало проникать на побережье Кавказа[3].

К концу первой четверти VI в., в связи с активизацией византийской экспансии на Кавказе, христианство объявляется государственной религией в Лазике (523 г.). С этого времени оно считается таковым во всех вассальных владениях Лазского царства, в том числе в Апсилии и Мисиминии. Видимо, поэтому византийские источники ничего не сообщают об официальном признании христианства в этих областях.

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 380.

[2] Агафий, цит. соч., стр. 124.

[3] См. также, Ив. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. I, Тбилиси, изд. 3, стр. 231 (на груз. яз.).

Что касается Абазгии, то она в этот период уже достигла (не без помощи Византии) в некоторой степени освобождения от лазской зависимости и вначале не признавала христианства в качестве государственной религии. Оно было официально принято здесь по инициативе императора Юстиниана (527—565 гг.) несколько позднее. Прокопий свидетельствует, что абазги прнняли христианскую веру «при ныне царствующем императоре Юстинииане»[1]. Он сообщает далее, что «тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм богородицы и, иазначив к ним священников, добился того, что они приняли весь христианский образ жизни»[2].

Стараниня византийских правящих кругов внедрить в Абхазии христианство могли увенчаться успехом лишь при наличии соответствующей социальной базы внутри местного общества. Таковой в Абхазии и Лазике (так же, как и в свое время в Картли) была феодализирующаяся знать и возглавляемый ею социальный уклад. Акад. С. Джанашиа правильно указывал, что христианство в Абазгии явилось религией господствующего класса феодалов («азнауров»)[3].

Поэтому христианство, несмотря на свою эксплуататорско-классовую сущность, в тех исторических условиях сыграло значительную положительную роль, способствуя утверждению новых, прогрессивных в ту эпоху производственных отношений. По справедливому замечанию С. Джанашиа, христианство имело большое значение в развитни «абхазского феодализма»[4].

Содействуя укреплению феодального уклада, христианство тем самым косвенно способствовало упрочению этнической общности абхазов, поскольку феодальная социально-экономическая база народности гораздо основательнее, чем дофеодальные уклады.

С другой стороны, христианская религия с этнической точки зрения играла в то время и прямую положительную роль. Монотеистическая по своему характеру, христианская религия представляла собой более высокую форму религиозного мировоззрения, чем политеистические дохристианские верования абхазов. Поэтому она в значительно большей степени способствовала развитию общности культуры народа, как одного из обязательных этнических признаков. Развитие образованности и письмениости, ускоряемое христианством, способствует также дальнейшему росту общности языка, хо-

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 383.
[2] Там же.
[3] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 75.
[4] Там же.

тя в условиях Абхазии этот момент должен был играть незначительную роль, поскольку богослужение здесь длительное время велось на непонятном народу греческом языке.

Вместе с тем распространение в Абхазии христианства имело большое положительное следствие в деле дальнейшего укрепления абхазо-грузинских связей, поскольку та же религия господствовала и в Грузии. Общеизвестно, насколько значительна была в этом отношении роль христианства в условиях средневековья. Это положение ниже будет иллюстрировано на большом конкретном материале.

Определенный интерес представляет вопрос о месте, в котором по приказанию Юстиниана был воздвигнут храм для абазгов, поскольку он позволит уточнить местонахождение центрального (или одного из центральных) населенного пункта Абазгии, ибо Юстиниан вряд ли занялся бы строительством соборной церкви где-либо в другом месте. В свое время этот вопрос не раз дебатировался в научной литературе.

Прокопий Кесарийский, сообщая о построении Юстинианом «храма богородицы у абасгов», не указывает конкретно место, в котором он был воздвигнут. Однако уже в средние века сложилось мнение, что этот храм был сооружен в Пицунде. Так, грузинский ученый второй половины XI в. Ефрем Мцире писал: «Внутри Абхазии, в Бичвиита, Юстиниан построил храм святой божьей матери и назначил туда священников»[1]. Позднее и царевич Вахушти также указывал на Бичвинту, как на место построения Юстинианом храма для абазгов[2]. Во второй половине XIX в. это повторяют П. Уварова[3] и проф. Кондаков[4].

Однако в 1897 г. проф. Ю. Кулаковский выступил со специальной статьей «Где был построен императором Юстинианом храм для абазгов?», в которой выдвинул утверждение, что император Юстиниан не сооружал храма в Пицунде»[5]. В названной статье Ю. Кулаковский приходит к выводу, что храм для абазгов Юстиниан приказал воздвигнуть в Севастополе (Сухуми). Ю. Кулаковский исходит из того, что, во-первых, Юстиниан восстановил и благоустроил Севастополь, а не Питиунт (см. сочинение Прокопия «О постройках»), так что их храм он должен был соорудить здесь, а не где-либо в другом месте. Во-вторых, в списке епархий Константинопольского патриархата, относящемся к первой поло-

---

[1] Ф. Жордания, Хроники, т. I. стр. 53 (на груз. яз.).
[2] Вахушти, Описание, стр. 171 (на груз. яз.).
[3] Материалы по археологии Кавказа, т. IV, Москва, 1894 г., стр. 67.
[4] «Русские ведомости», вып. 4, СПБ, 1891 г., стр. 36.
[5] Археологические известия и заметки, № 2, Москва, 1897 г., стр. 34.

вине IX в., указывается, что «кафедра архиепископа Абазгии есть город Севастополь»[1].

Однако приведенные Ю. Кулаковским доводы не могут быть признаны состоятельными. Прежде всего, Юстиниан воздвиг храм в Абазгии и направил туда священников, как сообщает Прокопий в «Войне с готами», «тогда же», когда он ввел там христианство, т. е. не позднее 40-х годов VI в.[2] Уже в 547 г. («на 21-м году царствования Юстиниана» — Прокопий) послы готов-тетракситов просили у Юстиниана утвердить у них христианство так же, как и у абазгов. Что же касается благоустроительных мероприятий Юстиниана в Севастополе, то они могли быть осуществлены только после окончания 13-летней (542—555 гг.) упорной борьбы между Ираном и Византией на территории Лазики и Абхазии. Кроме того, нет никаких оснований обязательно увязывать друг с другом два разных факта — строительство храма для абазгов и благоустройство города Севастополя.

Что касается ссылки Ю. Кулаковского на список епархий Константинопольского патриархата, то и этот довод нельзя признать убедительным, поскольку обстановка в Абхазии в IX в. существенно изменилась в сравнении с VI столетием. Наличие резиденции абхазского архиепископа в Севастополе в начале IX в. никак не может служить аргументом в пользу положения о постройке Юстинианом храма для абазгов там же.

Решающим обстоятельством для опровержения мнения Ю. Кулаковского является то, что Севастополь, как выше было сказано, вопреки утверждению Ю. Кулаковского[3], находился не на территории Абазгии, а являлся «городом Апсилии»[4]. Уже по одному этому Юстиниан не стал бы строить здесь храма для абазгов.

Однако доказательство того, что Юстиниан не строил храма в Севастополе, отнюдь не является признанием факта сооружения такового храма в Пицунде[5].

Дело в том, что Пицунда, как отмечалось выше, была одним из наиболее ранних центров распространения христианства на Кавказе. Здесь помещалась епископская кафед-

[1] Археологические известия и заметки, № 2, Москва, 1897 г., стр. 36.

[2] Сам Ю. Кулаковский считает, что храм для абазгов был построен в 548 г.

[3] Там же, стр. 35.

[4] «Жизнь Грузии», под ред. С. Каухчишвили, стр. 235.

[5] *Против возможности построения Юстинианом храма в Пицунде* выступил Л. М. Меликсет-Бек (см. его «Древнейшая Пицунда у Понта Эвксинского», Одесса, 1914 г.). Мнения, что этот храм был сооружен именно в Пицунде, а не в Севастополе, придерживается акад. К. Кекелидзе (см. его «Этюды из истории древнегруз. литературы», т. IV, стр. 302).

ра, а поэтому был, конечно, и свой храм, и, может быть, не один. Бичвинтская (пицундская) археологическая экспедиция Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР обнаружила внутри пицундской цитадели остатки древнейшего храма, относящегося к еще доюстиниановскому времени. К середине VI в. может быть отнесен лишь второй, раскопанный экспедицией, храм, сооружение которого, возможно, и связано со строительной деятельностью Юстиниана[1].

Не отрицая установленного археологами факта построения храма в Пицунде в период правления Юстиниана, мы тем не менее не можем утверждать, что это именно тот храм, о котором писал Прокопий. Более того, небесознательно будет выдвинуто предположение—стал бы Юстиниан строить «для абазгов» там, где такие храмы уже издавна существовали? Думается, что нет. Юстиниан, надо полагать, повелел воздвигнуть храм там, где его еще не было и где для осуществления поставленной им цели он был наиболее необходим. Таким местом, нам кажется, могла быть в VI в. только Анакопия — «наиболее значительное укрепление» абазгов[2].

Подтверждением этого положения может, в частности, служить следующее обстоятельство.

Как указывает Прокопий, построенный Юстинианом храм был посвящен богоматери. В специальной литературе уже не раз отмечалось, что в Пицунде такого храма не было, зато в Анакопии издревле пользовалась известностью «святая» икона божьей матери. Еще грузинский историк XI в. Джуаншер подчеркивал, что в Анакопии есть «чудотворная... икона пресвятой богородицы»[3]. Название города «Анакопия» увязывается также с абхазским словом «аныха» — «икона». Неслучайно, что соседнее с Новым Афоном абхазское село носит название «Анхуа» (Анухва). Возможно, что первый христианский храм в Анакопии был воздвигнут на месте древнего языческого капища, которое пользовалось популярностью среди абазгов.

Анакопия, как известно, в последующее время была столицей Абазгии (и Абхазии в целом) и вместе с тем одним из религиозных центров страны. Для нас, в частности, это обстоятельство имеет и то значение, что сектор Анакопия входил в состав того территориального ядра, вокруг которого происходил процесс формирования единой абхазской феодальной народности.

---

[1] А. М. Апакидзе, Бичвинта, Результаты археолог. раскопок, 1952 г., Тезисы докладов, Тбилиси, 1952 г., стр. 33.

[2] Прокопий, Война с готами, стр. 401.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 235.

4. Взаимоотношения политических образований Абхазии с Лазским царством

Лазы, или эгрисцы (колхи античной эпохи), — непосредственные предки мегрело-чанской (занской) ветви грузинского народа, — издревле были ближайшими соседями абхазских племён — абазгов, апсилов и других. Абхазы всегда поддерживали с лазами многосторонние связи, которые с течением времени систематически ширились и крепли. Связанные с лазами, как и с другими картвельскими племенами, узами этнического родства, предки абхазского народа жили с ними общей исторической жизнью, которая обусловливалась не только этническими связями и территориальным соседством, но и сходством форм общественно-экономической жизни, духовной и материальной культуры, совпадением внешне-политических интересов.

Как известно, в силу определенных исторических обстоятельств, еще за несколько столетий до нашей эры лазы (колхи) оказались наиболее развитыми в социальном и политическом отношениях в сравнении с другими этническими образованиями Западной Грузии, как картвельского, так и некартвельского происхождения. Это привело вначале, в античную эпоху, к политическому объединению всей Западной Грузии под гегемонией эгрисцев-колхов на базе раннерабовладельческих отношений, а впоследствии, с IV в. н. э., — к новому объединению края под главенством потомков тех же колхов, которых теперь иностранцы именовали «лазами». Прокопий Кесарийский свидетельствует, что лазы — это те же колхи, «они только имя колхов переменили на имя лазов»[1].

Высокую характеристику современных ему лазов дал византийский историк второй половины VI в. Агафий. «Лазы,— пишет он, — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью (имеется в виду вассальная зависимость Лазики от Византии —З. А.), я не видел никакого другого столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благоприятностью и прямотой нравов... В настоящее время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоды из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 376.

живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку»[1].

Агафий, конечно, допускает явную натяжку, объясняя достоинства лазов результатом «общения с римлянами», однако в целом такая характеристика лазов, данная византийским писателем, несомненно свидетельствует о высоком представлении, которое сложилось о лазском государстве у византийской общественности того времени.

Правильную оценку исторической роли Лазики в истории Западной Грузии и, в частности, в истории предков абхазского народа дал акад. С. Н. Джанашиа. В своей работе «Происхождение Эгрисского царства» он пишет: «Эгриси и предшествующие ей политические образования представляли собой мост, через который эта страна уже окончательно перешла от древнего мира к феодальному»[2]. И действительно, в недрах Лазского (Эгрисского) царства и его ведущих составных частей полностью вызрели феодальные отношения и к VI веку стали господствующими общественными отношениями. Рабовладельческий и патриархально-общинный уклады отныне сравнительно быстро уступали свои позиции наступающему феодализму.

Однако утверждение феодализма в Лазике закономерно приводило к возникновению и развитию тенденции политической децентрализации страны, которая уже явно стала проявляться к V столетию. В первую очередь, разумеется, такую тенденцию проявляют самостоятельные этнические области, входившие в состав Лазского царства, в частности, — Абазгия, Апсилия и Мисиминия. Даже к VI веку, когда перед лицом возросшей иноземной опасности в Западной Грузии вновь проявляется стремление к укреплению единства, то это единство уже не являлось таким прочным, каким оно было в начальный период существования Лазского царства. Характеризуя внутреннее политическое положение Лазики в начале VI в., акад. С. Джанашиа в своей работе «Феодальная революция в Грузии» писал: «В Западной Грузии... стремление к восстановлению единства, как видно, опять возобновилось и частично одержало победу. В этот период только апсилы и абазги имеют своих, зависимых от Византии, царей. В каких правовых отношениях находились эти цари от лазского царя, не совсем ясно. Сванетия же принадлежала к владениям лазского царя, но имела особого, назначенного лазским царем правителя (мтавара)... Ввиду отсутствия источников, остается невыяс-

---

[1] Агафий, О царствовании Юстиниана, М.—Л., 1953 г., стр. 73.
[2] С. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1952 г., стр. 307.

ненным, мирным или немирным путем была осуществлена идея политического единства Западной Грузии»[1].

Отдельные политические образования Абхазии находились в различных степенях зависимости от лазского царя. В VI в. наиболее тесно с Лазикой была связана Апсилия. С одной стороны, это объясиялось непосредственным соседством Лазики с Апсилией, что, несомнено, облегчало правящим кругам лазского общества поддерживать свое господство в этой стране. С другой стороны, Апсилия, в силу своего географического положения, занимала ключевые позиции на важнейших путях, соединяющих Западную Грузию с Северным Кавказом, — на Клухорском и Марухском, а это естественно, заставляло лазского царя принимать активные меры, направленные на укрепление вассальной зависимости апсилов.

В своей работе «Великая Абхазская стена» М. М. Иващенко высказал даже предположение, что Апсилия составляла с Лазикой одно «государственное целое»[2]. Такое предположение вряд ли может быть подтверждено. Византийские историки того времени четко различают друг от друга Апсилию и Лазику. Повествуя о замыслах иранцев овладеть Апсилией, Прокопий Кесарийский пишет: «Мидяне стали подумывать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии»[3]. Такое разграничение позволяет думать, что Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого.

Однако, с другой стороны, тот же Прокопий сообщает, что «апсилы издревле являются подданными лазов»[4]. Апсилия, как и другие этно-политические области, входившие в состав Лазского царства, пользовалась, надо полагать, определенными автономными правами. На это в известной степени указывает то обстоятельство, что во главе местных крепостей стояли апсилы; в частности, апсилом по национальности был, как свидетельствует Прокопий, начальник «в высшей степени укрепленной крепости» Тзибил (Цебельда).

Зависимость Апсилии от Лазики выливалась в форму сюзеренно-вассальных отношений, вряд ли существенно отличавшихся от тех отношений, которые сложились между Лазикой и Сванетией. По сообщению Менандра (VI в.), сваны выплачивали лазскому царю определенные натуральные подати (мед, шерсть, кожи и др.), должны были нести воен-

---

1 С. Джанашиа, Труды, т. 1, стр. 275 (разрядка наша — З. А.).
2 Иващенко, цит. соч., стр. 85.
3 Прокопий, цит. соч., стр. 403.
4 Там же, стр. 382.

ную повинность и, кроме того, правители Сванетии получали регалии своей власти от лазского царя[1]. Еще раньше Прокопий Кесарийский писал: «За Лазикой лежат области Скимния и Свания. Живущие здесь племена являются подчиненными лазам. Они управляются начальниками из числа местных жителей. После смерти этих начальников, по обычаю, раз навсегда установленному, царь лазов ставит над ними другого, взамен умершего»[2].

Лазский царь, в свою очередь, должен был оказывать, в случае необходимости, военную помощь своим вассалам. Невыполнение этого важного пункта могло послужить поводом к официальному отпадению вассала. Во время восстания апсилов против персидских захватчиков (середина VI в.), как сообщает Прокопий, «апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилью со стороны персов»[3]. Только лишь с помощью византийцев, отнюдь не заинтересованных во внутренних распрях в Лазике в разгар военных действий против персов, удалось успокоить апсилов и «вновь сделать подданными лазов»[4].

Однако действительную причину отпадения апсилов от Лазики, в данном случае, следует усматривать не в том, что в трудный момент лазы не оказали им помощи. Лазы не могли этого сделать при всем желании, так как именно в это время объединенные византийско-лазские войска осаждали Петру, испытывая большие трудности[5], чего, конечно, не могли не знать правящие круги Апсилии.

Основную причину отпадения апсилов надо видеть в феодально-партикуляристских тенденциях нарождающейся апсилийской феодальной знати. В этом отношении небезынтересны обстоятельства, при которых персам удалось овладеть Апсилией и, в частности, захватить Тзибил. Прокопий рассказывает, что один из высших государственных чиновников «магистр» Лазики, по имени Тердет, поссорившись с царем Губазом, перешел на сторону иранцев и решил передать им Апсилию. Усыпив, якобы, бдительность апсилийских старшин, он прошел вглубь Апсилии, занял Тзибил и ввел туда иранский гарнизон[6].

Сомнительно, однако, чтобы Тердету удалось так легко провести через всю Апсилию вражеские войска, если бы он

---

1 См. С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 314—315.
2 Прокопий, Война с готами, стр. 379.
3 Там же, стр. 403.
4 Там же.
5 Там же.
6 Там же.

не пользовался поддержкой со стороны отдельных кругов апсилийской знати. Вернее предположить, что Тердет уже заранее имел договоренность с этими кругами, придерживавшимися сепаратистской политики. На это указывает и последующее отпадение апсилов от Лазики, хотя в целом в период ирано-византийских войн Апсилия продолжала оставаться вассальным владением Лазики.

Несколько иначе сложились взаимоотношения между Лазикой и Абазгией. Стремление выделиться из Лазики в самостоятельное политическое образование в Абазгии проявляется значительно раньше и в большей степени. Еще в период вхождения в состав Лазского царства абазги, как видно, пользовались большими автономными правами, нежели другие этнические области Абхазии. По свидетельству историков, абазги всегда имели внутреннее самоуправление.

Прокопий сообщает: «Абазги издревле были подданными лазов, начальниками же искони веков они имели двух из своих соплеменников; один из них властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную»[1]. Надо думать, что подобное административное разделение Абазгии на две части, помимо внутренних причин, отвечало интересам лазских правящих кругов с точки зрения укрепления их господства в Абазгии.

Однако с конца V в. абазги начинают проявлять активное стремление к независимости от лазов[2]. Это объяснялось, прежде всего, успехами феодализации страны, закономерно стимулирующей рост тенденций к политической децентрализации. Но, кроме этого, большую подстрекательную роль в этом сыграла Византия, заинтересованная в том, чтобы поставить Абазгию в непосредственную зависимость от себя. Это ей было необходимо с целью укрепления своих политических позиций на Кавказе и, в частности, для оказания дополнительного давления на Лазику, позиция которой в назревшей политической ситуации (обострение отношений с Ираном) получила весьма важное начение. Акад. С. Джанашиа считал, что уже в начале 20-х гг. VI в. византийцы сумели «в известном отношении добиться выключения Абазгского района из политической системы Эгрисского царства»[3].

Тем не менее какая-то доля зависимости Абазгии от Лазики, в значительной степени формальной, еще до некоторого времени оставалась. Неслучайно, нам кажется, Прокопий

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 382 (разрядка наша — З. А.).
[2] С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, т. I, стр. 66.
[3] Там же, стр. 68.

Кесарийский среди городов и крепостей Лазики называет не только Севастополь, приморский город Апсилии, но и крепость Питиунт, расположенную уже на абазгском побережье[1]. Полной независимости от Лазики абазги, надо полагать, добились уже после того, как они изгнали своих прежних правителей («басилевсов») и «стали жить свободно»[2].

После подавления антивизантийского восстания абазгов в 550 г. уже прочно утверждается их непосредственная зависимость от Византийской империи, и господство Лазики на территории нынешней Абхазии ограничивается на севере районом Апсилии, границы которой на побережье доходили, как было показано, приблизительно до Анакопийского сектора.

В вассальной зависимости от лазов находились также и мисимияне. Агафий свидетельствует, что «они были подданными царя колхов, так же как и апсилийцы»[3]. Несомненно, что и мисимияне пользовались определенным самоуправлением. Подобно апсилам, мисимияне считали себя вправе порвать с лазским царем, если его политика противоречила интересам верхушечных слоев мисимийского общества. Когда, например, представитель византийского императора Соттерих замыслил передать мисимийскую крепость Бухлоон аланам (надо полагать, не без ведома лазского царя Цате), то мисимияне направили к Соттериху послов с требованием отказаться от своего намерения. Возмущенный Соттерих приказал избить послов, заявив при этом, что «нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян»[4].

Эти события в конечном итоге послужили поводом к массовому восстанию мисимийцев против византийских захватчиков, несморя на то, что Лазика — сюзерен Мисиминии — находилась в тот момент в военном союзе с Византией, и даже привели к отпадению Мисиминии от Лазики.

Что касается санигов, то они, по свидетельству Прокопия, «не являлись подданными ни римского императора, ни царя лазов»[5]. Но то обстоятельство, что санигам, как христианам, лазские епископы назначили священников, указывает на определенную зависимость известной части санигов (очевидно, тех, которые обитали в непосредственном соседстве с абазгами) от Лазского государства.

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 72.
[2] Там же, стр. 383.
[3] Агафий, О царствовании Юстиниана, стр. 87.
[4] Там же.
[5] Прокопий, цит. соч., стр. 383.

5. Северо-кавказские соседи абхазов

Перечисляя народности и племена, обитавшие по соседству с Абхазией, Прокопий Кесарийский пишет: «За пределами абасгов, у самого Кавказа, живут б р у х и, находясь между абасгами и аланами. По берегу же Понта Эвксинского утвердились з е х и... За ними живут с а н н г и»[1].

Что касается последних (сагинов, или санигов), то о них речь шла выше (см. § 1). По нашему мнению, это — этническая единица, родственная абазгам, апсилам и другим абхазским племенам. Впоследствии они выступают под именем «садзов», а позднее, как видно, часть их была ассимилирована убыхами.

Этническая принадлежность приморских «зехов» не может пока еще поддаться точному определению. Есть основание считать, что под этим именем в раннефеодальную эпоху выступают не только адыгские (черкесские) племена, но и этническая группа, состоящая в ближайшем родстве с абхазами. Здесь уместно отметить, что адыги и до сих пор называют абхазов именем «а-зега». В этой связи следует указать также, что так называемые готы-тетракситы считали абазгов «своими ближайшими» соседями[2]. В частности, населенный пункт Анапа, бывший в VI в. резиденцией одного из готских князей, «именем своим, вероятно, обязан абхазам»[3]. Но известно, что готские владения не имели непосредственной границы с Абазгией, территория которой на северо-западе доходила, как выше было показано, только до р. Бзыбь. Поэтому положение о «ближайшем» соседстве готов с абазгами может понято как соседство с населением, родственным абазгам.

Еще более неясен этнический облик упомянутых Прокопием б р у х о в. По-видимому, это племя проживало в верховьях большой Лабы и Мзымты в соответствующей полосе Главного Кавказского хребта. Возможно, что брухи имели какое-то отношение к предкам убыхов, впоследствии спустившимся по р. Мзымте к Черноморскому побережью в районе Хоста—Сочи. Неслучайно, нам кажется, одно из убыхских племен впоследствии носило название «аланов», с которыми брухи соседили в раннесредневековую эпоху.

Одной из крупнейших этнических общностей, соседствующих с Абхазией (с северо-востока), было а л а н с к о е племенное объединение. Аланами была заселена, в частности, территория нынешней Карачаево-Черкесской автономной об-

---

1 Прокопий, Война с готами, стр. 383.

2 Ф. Брун, Черноморские готы и следы долгого их пребывания в Южн. России, Сб. «Черноморье», т. 2, 1883 г., стр. 209.

3 Там же.

ласти, о чем свидетельствуют как древнейшие топонимические данные этого районна, так и вся история алано-абхазских взаимоотношений в раннефеодальную эпоху (да и позднее). Уже в VI—VII вв., как свидетельствуют различные источники той эпохи, Клухорский и Марухский перевальные пути связывали Абхазию именно с аланской территорией. По этим путям осуществлялись оживленные связи экономического и политического характера, о чем речь будет вестись ниже.

В VI столетии на территории Северного Кавказа значительную роль играли племенные союзы тюркского происхождения, которые в византийских источниках того времени фигурируют под названием гуннов-утигуров и гуннов-савиров. Прокопий сообщает, что «за сагинами осели многие племена гуннов»[1]. Они занимали, по-видимому, северо-западную часть степей нынешнего Краснодарского края и бассейн среднего и нижнего течения Кубани, непосредственно соседствуя с адыгскими племенами. Местом расселения гуннов-утигуров Прокопий считает область между Кубанью, Меотидой (Азовское море) и Танаисом (р. Дон)[2]. Возможно, что гунны-утигуры это те же прикубанские болгары, под каковым именем они фигурируют в некоторых источниках VII века.

Гунны-савиры, по Прокопию, обитали «у Кавказского хребта». «Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на множество самостоятельных колен»[3].

В качестве военных наемников в период ирано-византийской войны гунны-савиры не раз бывали на территории Абхазии. Агафий дает им следующую, далеко нелестную характеристику: «Этот народ, и величайший, и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасности то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим»[4]. Это сообщение Агафия свидетельствует, что гунны-савиры находились еще на стадии «варварского строя», для которого военное наемничество и война с целью грабежа являются весьма характерным явлением.

О связях абазгов с гуннами свидетельствует хотя бы тот факт, что после подавления восстания абазгов против Ви-

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 384.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 117.

[4] Агафий, стр. 402.

зантии в 550 г. правитель Восточной Абазгии Опсит «удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта»[1].

Определенные связи, надо полагать, поддерживали абазги и с упомянутыми выше готами-тетракситами, которые проживали в районе Керченского пролива[2]. Небезынтересно отметить, что готы принимают христианство под влиянием распространения этой религии среди абазгов. В 547 году готы направили к императору Юстиниану четырех послов с просьбой прислать им епископа. «Они узнали, по их словам, что и абазгам император прислал священника»[3].

Следует, однако, отметить, что перечисленные выше «народности», за исключением причерноморских зехов и, возможно, некоторой части алан, не сыграли сколько-нибудь заметной роли в этнических судьбах абхазского народа. Что касается брухов, если они действительно являлись предками позднейших убыхов, то можно сказать, что впоследствии они ассимилировали определенную часть абхазов Причерноморья (в частности, некоторое число садзов). Не исключено также, что некоторые брухские элементы, в свою очередь, были ассимилированы абхазами.

---

1 Прокопий, Война с готами, стр. 400.
2 Там же.
3 Там же, стр. 384.

ГЛАВА II

СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ГРУЗИН И АБХАЗОВ ПРОТИВ ИРАНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В VI ВЕКЕ

1. Ирано-византийские противоречия и Лазское царство

Почти в течение всего VI века сасанидский Иран и Византия вели между собой упорные войны, стремясь пробиться к Средиземному и Черному морям, полностью подчинить себе караванные пути и транзитную торговлю стран Средиземноморья с Китаем и Индией. Борьба между обеими державами шла также и за обладание стратегически важным Армянским нагорьем[1].

Одним из главных плацдармов, на котором велись военные действия, было Западное Закавказье и, в частности, Лазское царство, не исключая входившей в ее состав территории Абхазии. Борьба за обладание этим районом приняла особенно ожесточенный характер и имела весьма отрицательные последствия для местного населения.

VI век являлся одним из бурных периодов в истории Византии. В это столетие завершился в основном сложный процесс превращения византийского общества из рабовладельческого в раннефеодальное. Однако старая рабовладельческая знать, заправлявшая судьбами Восточно-Римской империи, не сдавала своих позиций и стремилась во что бы то ни стало отстоять их.

«Реакционная роль рабовладельческого государства, пытавшегося сохранить систему рабовладельческих отношений, наиболее ярко проявилась в правление императора Юстиниана (527—565 гг.), выдающегося государственного деятеля и умного политика, сочетавшего в себе неутомимую энергию, образованность и широту взглядов с беспощадной жестокостью и коварством»[2].

Одним из проявлений реакционной политики византийской рабовладельческой аристократии являлось ее стремле-

---

[1] Всемирная история, т. 3, Москва, 1957 г., стр. 99.

[2] Там же, стр. 87.

ние достичь мирового господства, подчинить своей власти возможно больше стран и народов. В этом ей помогли и представители нарождающейся феодальной знати, стремившейся заполучить новые земли в завоеванных странах. Широкие завоевания, следовательно, должны были до известной степени смягчить остроту противоречий между отжившим свой век рабовладельческим строем и новыми феодальными отношениями. В результате всего этого «византинизм в VI в. стремится к универсальной империи и задается целью восстановить римскую империю в ее прежних границах»[1].

Совершенно естественно, что в агрессивных замыслах юстиниановской Византии Кавказ и, в первую очередь, Грузия должны были занять важное место. Проф. Ф. И. Успенский справедливо отмечал, что в правящих кругах Византии «Обладание этой страной [Лазикой—З. А.] рассматривалось как средство политического и экономического влияния на Кавказе и по Черноморскому побережью. Кроме того, как лазы, так и иверы были естественными стражами проходов через Кавказский хребет и с этой точки зрения ценными союзниками для той империи, политическое влияние которой в данное время имело перевес»[2].

В целях осуществления своих планов Византийская империя активизирует свою экспансию на Кавказе, используя для этого все средства — дипломатию, религию, экономическое воздействие и прямую вооруженную интервенцию.

Однако эта экспансия вызывает энергичную реакцию со стороны сасанидского Ирана, представлявшего собой крупнейшее государство Передней Азии. «Обеспокоенная политической и экономической активностью на международном поприще, а в особенности на Востоке, Иранская империя мобилизует свои физические и моральные средства для оказания эффективного сопротивления стремлениям Византии, глубоко затрагивающим жизненные интересы Ирана. С другой стороны, Иранская империя предъявляет известные претензии в качестве соперницы Византии в деле установления всемирного господства»[3].

Одной из непосредственных причин, побудивших персов начать борьбу за овладение Западной Грузией, было стремление добиться возможности напускать, при желании, многочисленные «варварские» племена Предкавказья и степей юго-восточной Европы на крымские и мало-азийские владения

---

1 Ф. Успенский, История Византийской империи, т. 1, Спб, 1914 г., стр. 425.

2 Там же, стр. 492.

3 Г. Гозалишвили, Борьба между Византией и Ираном из-за Иверии-Лазики VI в., «Труды Тбил. гос. универс. им. Сталина», т. XXVI, серия B, 1944 г., стр. 152 (на груз. яз.).

Византии. Кроме того, по сообщению Прокопия, иранский царь Хосров I Аношарван (531—579) говорил, якобы, что «и персам, если они завладеют Лазикой, возможно будет без большого труда, всякий раз, как они это пожелают, идти прямо на Византию, нигде не переправляясь через море, как это постоянно делают и другие варварские племена, которые живут там»[1]. Один из важных путей, по которому можно было осуществлять намерение персов организовывать нападения «варваров» на Византию, проходил через территорию Абхазии, как по ее побережью, так и через Клухорский и Марухский перевалы.

На первом этапе борьбы воюющие стороны стали укреплять свое положение в Закавказье. Сасанидский Иран, который к началу VI века упрочил свои позиции в Восточной Грузии (Иберии), осуществляет ряд действенных мероприятий, чтобы обосноваться здесь еще основательнее. В частности, в 523 г. персы официально упраздняют в Иберии царскую власть и изгоняют из страны царя Гургена.

С другой стороны, не дремала и Византия, которая также предпринимает меры с целью укрепить свое положение в Лазике. Нельзя считать случайным совпадением, что в том же 523 г., по настоянию Византии, лазский царь Цате объявляет христианство государственной религией в своих владениях.

Что касается местных народов — грузин, армян, абхазов и др., то им были одинаково чужды захватнические цели обеих мировых империй, и в разгоравшейся между ними борьбе они стремились защищать лишь свои собственные национальные интересы, отстаивать свободу и независимость своей родины. Характерно в этом отношении заявление лазов византийским военачальникам перед началом одного из решающих боев с персами. Как рассказывает Прокопий, «лазы не пожелали стоять с римлянами в одних рядах, выставляя на вид, что римляне вступают в сражение и подвергаются такой опасности не во имя спасения своей родины или своих близких; для них же, лазов, этот бой — защита от опасности их детей, жен и отчих земель»[2].

---

1 Прокопий, Война с готами, стр. 395.

2 Прокопий, там же.

2. Ирано-византийская война на территории Западной Грузии и борьба лазов за свою независимость

Рост противоречий между Византией и Ираном, в которые все более втягивалась Грузия, ставил Лазику и ее вассальные владения перед необходимостью выбора политической ориентации. Поскольку Лазика непосредственно граничила с Византией и издавна поддерживала с нею разносторонние связи (помимо того, что находилась в вассальной зависимости от этого государства), то, естественно, имелось гораздо больше факторов, толкавших ее к сближению с Византией, а не с Ираном. Важное значение имело то обстоятельство, что и в Византии и в Грузии, в частности, в Лазике, в VI в. побеждали феодальные отношения. Между этими двумя «социально-родственными силами должен был установиться контакт и соглашение было заключено»[1].

В 523 г., как было отмечено, лазский царь Цате принимает христианство. Этот акт выражал заключение военно-политического союза между Византией и Лазикой в предстоящей ирано-византийской войне. Неслучайно он вызвал энергичные протесты персов.

В том же году персы, под предлогом преследования бежавшего в Западную Грузию картлийского царя Гургена, вступили в Лазику и захватили ее пограничные крепости Скандy и Шоропани. Свою интервенцию они мотивировали тем, что лазы якобы «издревле были подданными персов».

Военные действия между персами и византийцами на первых порах развивались вяло, но в 528 г. персидские войска вторглись вглубь Лазики. Тогда Юстиниан направил в Лазику вспомогательные войска под командованием известного византийского полководца Велизария. Византийцы в союзе с лазами нанесли персам поражение, и те были вынуждены отступить. В 532 г. воюющие стороны заключили между собой «вечный мир», по которому была восстановлена «независимость» Лазики под сюзеренитетом Византии, а Восточная Грузия осталась за Ираном.

Однако «вечный мир» нисколько не разрешил ирано-византийских противоречий. Наоборот, обе стороны рассматривали этот «мир» как временную передышку и энергично готовились к продолжению борьбы. Византия за это время осуществила на терриотрии Лазики ряд важных стратегических мероприятий. На черноморском берегу была воздвигнута мощная крепость Петра (ныне Цихисдзири), а на территории

1 С. Джанашиа. Феод. револ. в Грузии, ст. 82.

Абхазии началось строительство грандиозного оборонительного сооружения от устья Келасури до устья Ингури, остатки которого известны ныне под названием Келасурской, или Великой Абхазской стены („კლისურის ზღუდე“, по древнегрузинским источникам)[1]. Иранцы в свою очередь никак не хотели примириться с упрочением византийской власти в Лазике и продолжали накоплять военные силы на территории Восточной Грузии.

Отныне главным объектом предстоящей борьбы между обеими великими державами становилась непосредственно Лазика. Проф. Г. Гозалишвили справедливо указывает, что «после 532 г. война между Ираном и Византией должна считаться периодом борьбы за Лазику»[2]. И действительно, как отметил впоследствии историк Агафий, лазы «явились предметом спора в наше время, и большая часть борьбы произошла именно из-за их страны»[3].

Война между Ираном и Византией возобновилась спустя десять лет. В 542 г. лазский царь Губаз, под давлением местной общественности, возмущенной хозяйничанием византийцев в Лазике, отказался от союза с Византией, вступил с ней в борьбу и призвал на поддержку персов. Иранский шах Хосров лично возглавил новую экспедицию персов в Лазику. После длительной осады персы захватили крепость Петру.

Однако иранские захватчики оказались ничуть не лучше византийских. Вскоре же стало проявляться их стремление полностью поработить Лазику. Когда же персы столкнулись с систематически возрастающим сопротивлением лазов, то они стали подвергать их жестоким репрессиям, а в 548 г. организовали заговор с целью уничтожить царя Губаза. Когда об этом стало известно правящим кругам Лазики, то они принимают решение порвать с персами и вновь заключить союз с Византией, что и было осуществлено в 549 г. В Лазику вступило семитысячное соединение византийцев, подкрепленное тысячным отрядом чанов (родственное лазам племя, обитало в северо-вост. районах М. Азии). Вскоре Лазика[4] была в основном очищена от иранских войск. Лишь в Петре укрепился персидский отряд, который был осажден византийцами, чанами и лазами.

Переход лазов на сторону то одной, то другой из воюющих держав, систематическое лавирование между обеими противниками были продиктованы той специфической обста-

---

[1] История Грузии, ч. I, под ред. Н. А. Бердзенишвили, Тбилиси, 1958 г., стр. 100 (на груз. яз.).

[2] Г. Гозалишвили, там же, стр. 122.

[3] «Георгика», т. III, стр. 28.

[4] Прокопий, Война римлян с персами, СПБ, кн. II, 1880 г., стр. 219—220.

новкой, в которой они оказались в период ирано-византийской войны. Не будучи в силах полностью изгнать могущественных противников из своей страны, как лазы, так и другие народности, входившие в состав Лазики (в том числе и абхазы), стремились, как отмечалось выше, использовать все возможности, чтобы максимально отстоять свою родину. Примечательно в этой связи объяснение Прокопия мотива перехода лазов на сторону персов: «Большинство их склонялось на сторону мидян не потому, что они были восхищены персами, но потому, что они стремились при их содействии избавиться от власти римлян»[1].

Касаясь причин этого явления, проф. Г. Гозалишвили в цитированной выше работе пишет: «В целях пресечения участившихся восстаний и беспрекословного подчинения имперской власти, каждая империя стремится ликвидировать все признаки самостоятельности подвассальной ей страны и превратить ее в простую провинцию. Эта тенденция к замене дружбы и вассальных отношений между великими и малыми странами полным подчинением последних ярко сказывается в эту эпоху в действиях обеих империй, что не сразу разгадывается малыми странами, и, в поисках прежних союзных или вассальных отношений, они бросаются в объятия то одного, то другого врага. Этим и объясняются те колебания во внешней ориентации, которые так характерны в VI в. для Лазики»[2].

В 550 г. Хосров направил в Лазику «большое полчище персидского войска» под командованием опытного военачальника Хориана. «За ним в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов»[3]. В области Мохерисис (между р. Цхенис-цкали и Риони) между персами, с одной стороны, и византийцами и лазами, во главе которых стояли византийский полководец Дагисфей и царь Губаз, с другой стороны, произошло решительное сражение. Персы были разбиты, а сам Хориан погиб в этом бою. Иранское войско, подкрепив гарнизон, занимавший Петру, людьми и продовольствием, удалилось в Восточную Грузию[4]. Но вскоре византийцы захватили Петру и разрушили ее до основания. В этот же период персы предпринимали попытки утвердиться в Абазгии и Апсилии, но неудачно (см. ниже).

Спустя два года, в Лазику вторглось новое персидское войско под командованием Мермероеса. Вначале персы вновь попытались прорваться в Абхазию, обойдя объединенное лаз-

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 427.
[2] Г. Гозалишвили, цит. соч., стр. 158.
[3] Прокопий, там же, стр. 375.
[4] Там же, стр. 399.

ско-византийское войско, которое расположилось у устья р. Фазис (у слияния Квирилы с Риони). Однако это им не удалось осуществить, поскольку они были задержаны в районе Цебельды и оказались вынужденными возвратиться во внутренние области Лазики[1]. Здесь Мермероес осадил столицу Лазики Археополис, но, не сумев захватить его, укрепился в Кутаиси, отрезав от лазов Сванетию[2].

Относительные успехи иранских войск объяснялись бездеятельностью, а то и прямой изменой римских военачальников, в частности Бесса. Царь Губаз вёл против них посильную борьбу и докладывал обо всем Юстиниану. В отместку за это византийские агенты организовали в 553 г. убийство Губаза, которое вызвало массовое возмущение в Лазике. Значительная часть лазов высказалась за то, чтобы снова отложиться от Византии и перейти на сторону Ирана, однако большинство лазов не согласилось с этим предложением.

Весьма разумно обосновал мнение большинства один из его представителей по имени Фартаз, пользовавшийся большим авторитетом среди лазов. Как сообщает Агафий, в своем выступлении на народном собрании, на котором решался вопрос о политической ориентации, Фартаз заявил, что византийцы уже тем ближе к лазам, что они христиане, а персы могут попытаться заставить лазов склониться принять их религию, «ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных религиозных вероисповеданий». В ту эпоху данное обстоятельство действительно имело существенное значение.

Вместе с тем Фартаз указал и на то обстоятельство, что «персы находятся вдали, в Иверии», а византийцы «занимают всю нашу страну, обитают в наших городах... и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей»[3].

Смысл речи Фартаза, трезво разбирающегося в сложной политической обстановке, сводился к тому, что из двух зол надо выбирать наименьшее. И действительно, в тех исторических условиях ни Лазика, ни тем более Абазгия, Апсилия или Мисиминия не могли рассчитывать на полную независимость и должны были обязательно опереться на одно из соперничавших государств — Византию или Иран. Из них же, как отмечалось, гораздо ближе к народам Западной Грузии по культуре, религии, политическим и экономическим связям и т. д. стояла Византия, которая, вместе с тем, обладала в тот момент явным военным преимуществом, в силу чего пе-

---

1 Прокопий, Война с готами, стр. 433.
2 Там же.
3 Агафий, цит. соч., стр. 81—85.

реход лазов на сторону персов мог повлечь за собой весьма опасные для нее последствия.

Лазы потребовали у византийского правительства наказать виновников гибели Губаза и утвердить царем Лазики его брата Цате. Византийцы, опасаясь окончательно восстановить против себя население Лазики, были вынуждены не медля согласиться на эти условия[1].

После этого положение иранских войск в Лазике стало резко ухудшаться. Потерпев в 554 г. ряд поражений от объединенных византийско-лазских войск, персы были вынуждены окончательно покинуть Лазику.

Мирный договор между Византией и Ираном был заключен лишь в 562 г. Хосрову пришлось отказаться от своих притязаний на Лазику и ограничиться получением большой денежной субсидии. Иранские войска закрепились лишь в Сванетии, но в 575 г. они были изгнаны и оттуда.

Что касается Абхазии, то для нее эта война «имела те же результаты, что и для Эгриси»[2]. По-видимому, персы безоговорочно признали ее за Византией. Во всяком случае при заключении мирного договора они много спорили из-за Сванетии, но ни словом не обмолвились об Абхазии.

Однако эта «нескончаемая война из-за Лазики и преобладания на Кавказе поглотила у империи массу сил и средств»[3]. Вследствие, главным образом, сопротивления местных народов Византия так и не сумела осуществить свою конечную цель — превратить Западное Закавказье в рядовую имперскую провинцию.

Решающую роль в этом сыграли лазы, принявшие на себя основную тяжесть борьбы против ирано-византийских захватчиков. Но не малый вклад в общее дело борьбы с иноземными оккупантами внесли и предки абхазского народа — абазги, апсилы и мисимийцы.

3. Борьба населения Абхазии против византийских захватчиков

В условиях нарастания ирано-византийских противоречий политические интересы византийцев в Абхазии, в частности в Абазгии, приобретали особенное значение. По мере того, как византийские правящие круги настойчиво осуществляли отпадение Абазгии от Лазского царства, они в то же

---

[1] История Грузии, 1958 г., стр. 102.

[2] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 216

[3] Левченко. История Византии, Краткий очерк, Москва, 1940 г., стр. 83.

время стремились максимально притеснить внутреннее самоуправление абазгов вплоть до его полного упразднения[1].

Этой же цели основательного утверждения византийцев в Абазгии служило, как уже отмечалось выше, и введение там христианства в качестве официальной религии. Причем, как видно, христианство вводилось в Абазгии не только мирными средствами. Антиохийский патриарх Макарий (XVII в.) передает следующее, заслуживающее внимания, сообщение историка Евагрия: «До принятия абхазами христианства римские императоры убивали всех преступников у них, но после этого события Юстиниан дал им слово, что никого у них не будет подвергать смертному наказанию»[2]. Это сообщение наводит на мысль, что византийцы подвергали суровым репрессиям тех абазгов, которые были против них настроены.

Вместе с тем Юстиниан прибегал и к более «мирным» средствам привлечения на свою сторону абазгов. По свидетельству того же Евагрия, «при дворе этого императора жил какой-то абхазец по имени Ефрата, которого Юстиниан послал в Абхазию собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. Из этих же абхазов состояла и внутренняя стража Юстиниана»[3]. Разумеется, что в названной школе, по замыслу Юстиниана, учеников-абазгов должны были воспитывать в духе преданности византийскому престолу с целью превращения их затем в проводников византийской политики в Абхазии. Одним из таких агентов Византии был и упомянутый Ефрата, которого, как это явствует из сообщения Прокопия Кесарийского, Юстиниан направил в Абхазию с целью восстановить оппозиционные круги абазгов против их «царей» под предлогом борьбы с практикуемым последними кастрированием юношей[4].

Выше уже отмечалось также, что византийцы активно вмешивались во внутреннюю социальную борьбу в Абазгии и помогли недовольным (феодальным) элементам свергнуть деспотическое правление абазгских «царей». Это, разумеется, было сделано не для того, чтобы поставить во главе Абазгии новую социальную силу из местного общества, а преследовало все ту же цель утверждения византийского господства.

Византийское правительство наводняло Абазгию своими агентами. Прокопий сообщает, что в Абазгии появились «рим-

---

[1] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 70.

[2] Г. Жузе, Грузия XVII стол. в изображении антиох. патриарха Макария, Баку, 1927 г., стр. 110—111.

[3] Там же.

[4] Прокопий, Война с готами, стр. 383.

ские воины, посланные императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах». Эти «воины» стали вводить в Абазгии «новые порядки» и «вскоре сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи»[1].

Как и следовало ожидать, «в виду такого насильственного проявления власти абасги пришли в негодование». Недовольство, разумеется, охватило и местные феодальные круги, которые вначале использовали Византию в своих классовых интересах, но теперь уже не желали уступить ей добытые ими политические прерогативы.

Народные массы, чтобы «не стать рабами римлян», решились на вооруженное восстание против Византии, в результате которого захватчики были изгнаны из страны (550 г.). Антивизантийскую борьбу народа возглавили феодальные элементы, которые выдвинули из своей среды двух новых правителей — Скепарну в Западной Абазгии и Опсита в Восточной Абазгии[2].

Восставшие абазги, не сомневаясь, что Византия предпримет все меры, дабы восстановить свое влияние в стране, решили призвать на помощь персов. С этой целью правитель Западной Абазгии Скепарна отправился к персидскому шаху Хосрову, но прибывшее в Абхазию персидское войско никакой реальной помощи абазгам оказать не смогло и покинуло страну (см. ниже).

Когда Юстиниан узнал о переходе абазгов на сторону персов, он приказал командующему вооруженными силами Византии в Лазике Бессу направить карательные войска в Абазгию. Во исполнение этого приказа, как сообщает Прокопий, «отобрав из римского войска очень многих и поставив над ними начальниками Улигага и Иоанна..., Бесс тотчас отправил их на кораблях в область абасгов»[3].

Поскольку Скепарна в это время находился у шаха, то руководство борьбой абазгов против византийских захватчиков взял на себя Опсит, который, «узнав о походе римлян, собрал всех абасгов и со всем рвением стал готовиться к войне с ними[4].

Основным опорным пунктом своего сопротивления абазги избрали Трахею, считавшуюся у них наиболее укрепленным местом, где им «всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могли преодолеть неприступность этого места»[5].

---

[1] Прокопий, Война с готами, ст. 400.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 400—401.

[4] Там же, стр. 404.

[5] Там же.

Направившееся на кораблях в Абазгию византийское войско «пристало к берегу между пределами абасгов и апсилов; высадив войско на сушу, Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за воинами вдоль берега»[1]. По сообщению Прокопия, имелся только один узкий проход, ведущий в Трахею, по которому «людям нельзя идти даже по двое в ряд».

Когда же византийцы «подошли очень близко к Трахее и увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоявших над этой тропой... вдоль всего обрыва, они остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец, Иоанн, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти из этого бедственного положения следующим образом. Оставив тут Улигата с половиной войска, он сам с остальными вновь сел на корабли. На веслах они обогнули то место, где Трахея подходит к берегу и тем самым оказались в тылу у неприятелей. Подняв знамена, они пошли на врагов.

Абасги, увидя врагов, наседающих на них с двух сторон, уже не стали смотреть на возможность защищаться и не сохраняли своего боевого строя, но в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать от этого места все дальше и дальше. Страх, а поэтому и растерянность так сковали их, что они не могли сообразить ни о выгоде для них их родных гористых местностей, ни того, что они могли здесь легко пройти. Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми. Сторожа не решались заложить ворота, принимая еще своих убегавших сюда. И вот, преследующие смешались с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие, стремясь захватить укрепление. Найдя ворота открытыми, они все вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абасгов от неприятеля, ни закрыть ворота, так как толпа давила на них. Таким образом, абасги, с радостью очутившиеся внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением.

Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком растоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеной, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом перед римлянами, а с

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 404.

другой — жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, положив огонь со всех сторон, они, наконец, одержали победу.

Правитель абасгов Опсит сумел бежать с небольшим отрядом отделившихся к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта. Остальным выпало на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жён начальников вместе со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну жестоко опустошили. Так окончилась попытка абасгов отпасть»[1].

Приведенный выше подробный рассказ Прокопия Кесарийского о взятии византийцами Трахеи и жестокой расправе над отделившимися от них абазгами от начала до конца проникнут великодержавным духом и пренебрежительным отношением к противникам Византии — абазгам. Превознося тактические способности византийских военачальников и храбрость византийского войска, он, с другой стороны, обвиняет абазгов в нерешительности и отсутствии смелости. Однако, противореча себе, Прокопий сам повествует о том, с каким самоотверженным героизмом защищали абазги каждый дом своего города.

Из-за отсутствия других источников мы не можем проверить показания Прокопия по поводу описанных им событий, но, надо полагать, что основной причиной поражения абазгов явилось превосходство византийской армии в численности и в военной организации. Иначе трудно себе представить, как они могли овладеть таким мощным, по свидетельству Прокопия, укреплением, каким являлась Трахея. В целом же, независимо от исхода Трахейской битвы, абазги в этой борьбе были обречены на неминуемое поражение, так как, оказавшись в тот момент одинокими перед великой державой, маленькая Абазгия никак не могла рассчитывать на победу.

Спустя некоторое время имело место антивизантийское выступление в Апсилии. Вначале Апсилией сумели овладеть персы (см. ниже). В тот период, как сообщает Прокопий, «ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры, не могли посылать помощи апсилийцам»[2]. Однако апсилы сумели без помощи со стороны избавиться от персидских захватчиков, и затем, сославшись на то обстоятельство, что византийцы и

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 404.

[2] Там же, стр. 403

лазы не оказали им поддержку в борьбе с персами, отложились от них.

Выше уже говорилось, что одной из причин отпадения апсилов явилось, по-видимому, стремление апсильской феодализирующейся знати добиться политической самостоятельности. Но вместе с тем немалую роль в этом должны были играть и антивизантийские настроения широких слоев апсильского общества, которое, несомненно, ненавидело не только персидских, но и византийских захватчиков.

Однако и маленькая Апсилия, так же как и Абазгия, не могла надеяться на успех в борьбе с могущественной Византией и вынуждена была покориться. Об этих событиях Прокопий Кесарийский рассказывает следующее: «Апсилы отпали от колхов, упрекая их в том, что они не захотели оказать им помощи, когда они подверглись насилию со стороны персов. Но Губаз послал к ним тысячу римлян под начальством Иоанна. Многими дружескими речами и обещаниями ему удалось привлечь их на свою сторону без всякого сражения и вновь сделать подданными лазов»[1].

Помимо «дружеских речей», надо полагать, дело не обошлось и без угроз со стороны византийцев. Недаром во главе отряда, направленного в Апсилию, был поставлен Иоанн, который незадолго до этого «прославился жестоким опустошением» Абазгии. Именно поэтому, очевидно, апсилы так быстро дали себя уговорить.

Кроме того, следует отметить, что в тот момент основная задача состояла в изгнании из Западной Грузии персидских захватчиков и в этих условиях апсилам не было смысла вести активную борьбу против Византии.

Последним крупным выступлением против византийских захватчиков на территории Абхазии в период Большой войны в Лазике было массовое восстание мисимиян в 555 г., о котором нодробно рассказывает византийский историк Агафий. Поводом к этому восстанию послужили следующие события.

В 554 г. в Мисиминию прибыл византийский государственный чиновник Сотерих, который привез деньги «для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача производнлась ежегодно с древних времен[2].

Вскоре после приезда Сотериха мисимиянам стало известно, как отмечалось выше, что он собирается передать аланам мисимийскую крепость Бухлоон, чтобы «послы более

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 403.

[2] Агафий, цит. соч., стр. 87.

отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним»[1].

Не желая допустить этого, мисимияне направили к Соттериху «двух наиболее знатных людей», которые потребовали, чтобы он покинул их страну. Соттерих, возмущенный подобным требованием «подданных колхов, которые повинуются римлянам», приказал своим людям избить мисимийских послов палками, что и было сделано.

Такое оскорбление вызвало негодование мисимийцев. В ту же ночь они напали на лагерь Соттерnха, убили его и всех его приближенных, «расправившись с Соттерихом и его свитой как с настоящими врагами, а не друзьями и господами», а также захватили с собой все имущество убитых. «и сверх того императорскую казну»[2].

После этого, разумеется, мисимиянам ничего другого не оставалось, как обратиться за помощью к персам. С этой целью они направили в Восточную Грузию к иранскому военачальнику Нахогарану послов из числа «людей, имеющих наибольшую власть у мисимиян»[3], которые просили незамедлительно направить в Мисиминию персидские войска.

Византийцы не имели возможности сразу же взяться за подавление мисимийского восстания, поскольку вскоре в Лазику вторглась 60-тысячная иранская армия под командованием Нахогарана. Но после того, как Нахогаран потерпел поражение и вынужден был вернуться в Восточную Грузию, византийское командование поздней весной 555 г. направило в Мисиминию 4 тысячи пехоты и конницы»[4].

С наступелнием лета это войско вступило в Апсилию, но его дальнейшее продвижение было приостановлено известием, что в Мисиминии оказались персидские войска, прибывшие, как выяснилось, из Мухериси, заиятой тогда персами, и Восточной Грузии. Вместе с персами в Мисиминию явился большой отряд наемников из гуннов-савиров[5].

Поэтому, рассказывает Агафий, «римляне, находясь в укреплениях апсилийцев, старались протянуть время... Идти же боевым строем против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным»[6]. Оба войска в течение нескольких месяцев выжидали, прощупывали друг друга и не решались начать открытые военные действия.

---

[1] Агафий, цит. соч., стр. 87.
[2] Там же, стр. 88.
[3] Там же, стр. 119.
[4] Там же, стр. 116.
[5] Там же, стр. 118.
[6] Там же

С наступлением зимы, сообщает Агафий, персидские войска, избегавшие воевать при зимнем холоде, покинули Мисиминию. «Римляне же, освободившись от преграждавших путь персов, продолжали поход в страну мисимиян и дошли до укрепления Тибелия (Тзибил — З. А.), отделяющего страну мисимиян от апсилийцев»[1].

Чтобы избежать кровопролития, византийцы решили вначале склонить мисимиян к миру. Они отправили к ним в качестве послов «самых разумных людей из апсилийцев». Однако мисимияне не пожелали заключить мира с византийскими захватчиками. Хотя они и сомневались в том, что персидские войска вернутся к ним на помощь, но «полагались на трудно проходимые места» своей страны. Направленных к ним апсилов они подвергли смертной казни.

Тогда византийское командование приняло решение начать активное наступление на мисимиян, и византийское войско продвинулось вглубь территории Мисиминии, направилось к «наиболее укрепленному пункту страны — к крепости Тсахар, которую, по словам Агафия, называли «железной» за неприступность»[2]. Эту крепость мисимияне превратили в основной опорный пункт борьбы против византийских захватчиков.

Как сообщает Агафий, вокруг крепости Тсахар было расположено поселение мисимиян, в котором «большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему»[3].

Как отмечалось выше, описанные крепость и поселение были, по-видимому, расположены в районе Багатских скал.

Поскольку борьба против восставших мисимиян обещала быть весьма упорной, то византийское командование в Лазике поставило во главе действующих в Мисиминии войск опытного военачальника Иоанна Дакику, который по прибытии на место приступил к планомерной осаде Тсахара.

Осада долгое время не давала никаких результатов, пока, наконец, византийским воинам не удалось выследить тропу, по которой осажденные мисимияне спускались к реке за водой. Ночью византийцы, осторожно пробравшись к крепости по этой тропе, перебили стражу и ворвались в поселение, где, по словам Агафия, «произвели страшное избие-

---

[1] **Агафий**, цит. соч., стр. 119.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 120—121.

ние»[1]. Поселение было предано огню; захватчики не щадили ни женщин, ни детей. Агафий свидетельствует, что византийские воины убивали малолетних детей, ударяя их головами о камни, или, подбрасывая в воздух, ловили их на пики. Даже сам Агафий, описывающий события в свете византийских интересов, вынужден был упрекнуть византийских воинов за такую жестокость. «Не следовало, — пишет он, — по отношению к детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейства их отцов, свирепствовать так жестоко»[2].

Однако византийскому отряду пришлось самому жестоко поплатиться за свои бесчинства. Ночью мисимийские воины сделали вылазку из крепости и напали на византийцев, подвергнув их полному разгрому. Многих из них мисимияне уничтожили, а остатки византийского отряда поспешно бежали из поселения. После этого византийцы продолжали осаду Тсахара более осторожно.

Упорная война изнурила мисимиян. Оставшись одни перед византийскими войсками, они в конечном итоге были вынуждены капитулировать. Агафий пишет, что мисимияне «изнемогли от тягостей и желания вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов»[3]. Командующий византийскими войсками Иоанн Дакика согласился заключить мир с мисимиянами, потребовав у них заложников и возвращения казны (28 тыс. золотых монет), захваченных при убийстве Соттериха. Мисимияне выполнили эти условия, и мирное соглашение было заключено[4].

Византийская карательная экспедиция дорого обошлась мисимиянам. Как заявили мисимийские парламентеры, при переговорах с Иоанном, за время военных действий со стороны мисимиян было убито «не менее 5 тысяч мужчин, еще больше женщин и еще больше детей»[5]. Парламентеры вполне резонно добавили: «Так что не много недостает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен»[6].

Сколь бы не преувеличивали мисимияне свои потери, не остается сомнения в том, что они для такой небольшой народности, как мисимийская, были весьма велики. Из этого факта видно, какой вред наносили иноземные захватчики, в данном случае византийские, местному населению, в частности его этническому развитию. Совершенно очевидно,

1 Агафий, цит. соч., стр. 122.
2 Там же, стр. 123.
3 Там же, стр. 124.
4 Там же, стр. 124.
5 Там же.
6 Там же.

что византийцы не остановились бы и перед полным уничтожением целых народностей, если от этого зависело бы укрепление их господства на Кавказе, для достижения чего Византия не жалела ни средств, ни людей.

В целях дальнейшего укрепления своих стратегических и политических позиций на Кавказе, в частности в Западной Грузии, византийское правительство, как уже отмечалось, в VI в. начало возводить на территории современной Южной Абхазии грандиозное оборонительное сооружение, известное под названием Келасурской, или великой Абхазской стены.

Данная «стена» представляет собою сложную фортификационную систему, в которой удачно сочетаются естественные и искусственные оборонительные рубежи, непрерывно тянущиеся от устья р. Келасури до устья р. Ингури на протяжении около 160 км. «Стена» имеет форму вытянутой дуги и тянется приблизительно в следующем направлении: от р. Келасури она сворачивает на северо-восток и через села Багбарани, Мерхеули, Наа (близ р. Кодори), Джгерда, Члоу, Гуп, Бедиа и Окуми выходит к р. Ингури, приблизительно в 20 км. от ее устья, а затем отдельными крепостями тянется вдоль правого берега реки к морю. «Стена» эта до сих пор не изучена. М. М. Иващенко, собравший литературный материал об Абхазской стене, писал: «Вообще определенных данных о существовании сплошной стены нет; возможно, что существовала только цепь укреплений, идущая в направлении, указываемом для этой стены»[1].

Сообщение о строительстве этой оборонительной системы имеется в известном труде Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященном строительной деятельности Юстиниана. Прокопий пишет, что Юстиниан «укрепил теснины, которые обычно называют клисурами», с целью прикрыть доступ в Лазику ее противникам у входа в страну»[2].

Комментируя это сообщение Прокопия, М. Иващенко в цитированной статье отмечает: «Думается, что свидетельство Прокопия дает достаточно оснований утверждать, что Юстинианом в Лазике была построена стена..., которая известна под именем Келасурской, или Великой Абхазской стены»[3]. Акад. С.Джанашиа также предполагал, что сообщение Прокопия об укреплении «клисур» в Лазике имеет ввиду именно Келасурскую стену, хотя и считал это сообщение не совсем ясным[4]. В новом учебном пособии по истории Грузии начало

---

[1] М. Иващенко, Великая Абхазская стена, стр. 65.

[2] «Георгика», т. II, стр. 189.

[3] М. Иващенко, цит. соч., стр. 87.

[4] С. Джанашиа, Феод. revол. в Грузии, стр. 76.

строительства Келасурской стены тоже увязывается с политическими и стратегическими планами Византии в VI в.[1]

Характерно, что и народное предание также строительство Келасурской стены приписывает Юстиниану. Так П. Уварова пишет о «гигантской Абхазской стене, возведенной, по преданию, Юстинианом для защиты, якобы, Абхазии от набегов соседних горских племен»[2].

Однако византийское правительство, разумеется, осуществило возведение такого грандиозного сооружения отнюдь не для защиты Абхазии, а преследовало, как отмечалось, свои, далеко идущие цели. Прежде всего, византийское правительство создавало этим мощный опорный пункт, чтобы преграждать вторжение на территорию империи «варварских» племен со стороны Северного Кавказа, поскольку, как свидетельствует Прокопий, «область лазов была римлянам... оградой со стороны Кавказских гор»[3].

Вместе с тем Византия, создавая такую грандиозную оборонительную систему, на которую она истратила колоссальные средства, преследовала не только оборонительную цель — защиту от нашествий «варваров», но и ставила перед собой более важную задачу: создать на территории Западной Грузии постоянный стратегический плацдарм, опираясь на который она укрепляла бы свое положение на Кавказе и обеспечивала дальнейшее развитие своей экспансии. Действительно, эта мощная крепость значительно способствовала Византии укреплять ее политическое влияние на Кавказе (в частности, в Абхазии) на протяжении более чем двух столетий.

В заключение следует, однако, подчеркнуть, что хотя эта грандиозная фортификационная система была возведена по инициативе и под руководством Византии, но создавалась она, по существу, местным населением, из местных строительных материалов и с учетом местного опыта возведения оборонительных сооружений в горных условиях. В силу этого обстоятельства, такой выдающийся памятник материальной культуры, как Великая Абхазская стена, должен быть признан творением местных народностей, в первую очередь абхазов и грузин. Всестороннее изучение этой стены должно стать ближайшей целью соответствующих научно-исследовательских учреждений.

---

[1] История Грузии, 1958 г., стр. 100.

[2] П. Уварова, «Христианские памятники Кавказа», МАК, IV, 1894 г., Москва, стр. 33.

[3] Прокопий, Войны римлян с персами, т. II, стр. 113.

По приказанию Юстиниана на побережье Абхазии были укреплены и другие места, в частиости Севастополь и Питиунт. В сочинении «О постройках» Прокопий сообщает, что «император Юстиниан сей самый Севастополь возобновил, стенами и другими оборонительными сооружениями сделал иеприступным, украсил его дорогами и другими постройками, в результате чего этот город по красоте и величию превратился в самый замечательный»[1].

В районе Келасурской стены, в Севастополе и Питиунте Византия держала постоянные военные гарнизоны. Касаясь вопроса об укреплении Келасурской стены, М. Иващенко совершенно справедливо отметил, что здесь «должно было быть постоянное войско, которое все время охраняло бы стену, иначе терялось бы всякое разумное основание существования этой стены»[2].

Что касается Севастополя и Питиунта, то в XXXI новелле Юстиниана они упоминаются в числе важнейших «крепостей» Византии на Малоазийском и Кавказском побережье Черного моря[3]. Прокопий также свидетельствует, что в Севастополе и Питиунте «еще в мое время стояли гарнизоны»[4].

В результате подобных мероприятий, а также описанных выше карательных экспедиций Византия добилась того, что превратила население Западной Грузии и Абхазии в «дружественные племена». В той же новелле, написанной после 555 г., читаем: «Суаны, скрамы, апсилы и другие, божьей благодатью, дружественные нам племена»[5].

О том, что уже в 555 г. византийцы чувствовали себя в Абазгии более или менее спокойно, свидетельствует, в частности, тот факт, что туда был сослан отстраненный от командования в Лазике военачальник Бесс, про которого Агафий сообщает, что «имущество его было конфисковано; он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений»[6]. Совершенно очевидно, что византийское правительство такого крупного военного чиновника, каким был попавший в опалу Бесс, могло сослать лишь в край, в котором оно считало свои позиции прочными.

Однако, несмотря на большое влияние, которое Византия в течение длительного времени оказывала на дальнейшие судьбы населения Абхазии, опираясь на завоеванные ею стра-

---

[1] Прокопий, «О постройках».
[2] М. Иващенко, Великая Абхазская стена, стр. 73.
[3] «Георгика», т. II, стр. 198.
[4] Прокопий, Война с готами, стр. 383—384.
[5] «Георгика», там же.
[6] Агафий, цит. соч., стр. 70—71.

тегические позиции, она не сумела приостановить его внутреннего развития, в частности процесса этнической консолидации абхазского народа, а также развития и укреплеиия его многосторонних связей с грузинским народом.

4. Борьба населения против персидских захватчиков

Ведя борьбу против Византии, иранские правящие круги хорошо сознавали, какое важное значение для них может иметь овладение территорией Абхазии. Сразу же после того, как был прерван «вечный мир» и военные действия между Византией и Ираном возобновились, персидский шах Хосров задумал овладеть Абхазией. Прокопий сообщает об этом следующее: «Когда персидский царь Хосров был призван лазами в Петру, он очень хотел прислать сюда (в Абхазию — З. А.) персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления (Севастополь и Питиунт — З. А.) и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то они, предупреждая врагов, сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда н переправившись на противоположный материк, ушли в город Трапезунт»[1]. В другом месте Прокопий (см. его труд «О постройках») также свндетельствует, что «Севастополь и Питиунт римляне разрушили, когда узиали, что Хосров решил послать сюда свои войска с целью захватить эти крепостн»[2].

Однако предпринятый персами поход в Абхазию не привел к желательным для ннх результатам. Им не удалось здесь закрепиться. Оъясняя неудачу персидского похода в Абхазию, Прокопий видит причину этого в том, что византийцы разрушили укрепления Севастополя и Питиунта. Он пишет: «Правда, они (византийцы — З. А.) причинили ущерб римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не сумели завладеть этой страной; не достигнув результата, вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру»[3].

В действительности причину неудачи, постнгшей персов в Абхазии, следует видеть не в тактическнх мероприятиях византийцев, а главным образом в том, что персы, как это предполагал акад. С. Джанашиа, не нашли тогда поддержки ни в одном социальном слое Абхазии[4]. Если абхазы не ока-

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 384.
[2] «Георгика», т. II, стр. 191.
[3] Прокопий, цит. соч., стр. 384.
[4] С. Джанашиа, Феод. революц. в Грузии, стр. 72.

зали бы сопротивления персидским захватчикам, а, наоборот, поддержали бы их, то тогда, несомненно, персы сумели бы и восстановить разрушенные крепости, и прочно обосноваться в них. Но на самом деле, как мы видим, им пришлось удалиться из Абхазии.

Второй раз персидские захватчики оказались в Абхазии в 550 г., когда абазги отложились от Византии. В тех условиях вполне естественно было принятие со стороны абазгов необходимых мер обороны страны от неминуемого наступления византийских захватчиков. Одной из таких мер было вынужденное обращение за помощью к Ирану. «Боясь силы римлян, — пишет Прокопий, — они (абазги — З. А.) в полной тайне перешли на сторону персов»[1].

Когда иранский шах Хосров узнал об отложении абазгов от Византии и их желании пригласить на помощь персов, то он вызвал к себе для переговоров правителя Западной Абазгии Скепарну[2] (см. выше). В результате этих переговоров в Абхазию были направлены персидские войска под командованием видного военачальника Набеда.

Но и эта персидская экспедиция не привела к существенным результатам. Вскоре Набед был вынужден покинуть Абазгию, не оказав абазгам помощи против византийцев и по существу ничего не предприняв, чтобы закрепить страну за Ираном. Абазги, видимо, быстро разгадали захватнические устремления персов и сделали все от них зависящее, чтобы избавить себя от пребывания персов.

На неприязненные отношения, возникшие, как видно, между абазгами и персами, указывает, в частности, тот факт, что, возвращаясь из Абазгии, Набед увез с собой в качестве заложников шестьдесят юношей из самых знатных семей абазгского общества. Прокопий сообщает об этом следующее: «Набед, вторгнувшись в Лазику с войском, не сделал ничего достойного внимания, но, находясь со своим войском в области абазгов, взял себе от них в качестве заложников шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»[3]. Совершенно очевидно, что необходимость взять у абазгов заложников была продиктована Набеду сомнением в их преданности персам.

Возвращаясь из Абазгии, Набед вступил со своим войском на территорию Апсилии. В то время апсилы, в отличие от абазгов, сохранили союз с лазами и византийцами. Это видно, например, из того, что в горах Апсилии находили себе убежище представители лазской знати и члены их семейств,

---

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 400.
[2] Там же, стр. 401.
[3] Там же, стр. 400.

опасавшихся попасть в руки персов. В числе них находилась и бывшая царица Лазики Феодора — вдова царя Опсита, дяди Губаза, которую Набед взял в плен. Прокопий рассказывает: «В числе того, что было сделано им (Набедом — З. А.) мимоходом, надо отметить следующее: встретив в Апсилии Феодору, жену Опсита, он взял ее в плен и увел в пределы персов»[1].

Однако на этом персы не оставили своих планов укрепиться в Абхазии. В первую очередь они намеревались завладеть Апсилией, учитывая ее весьма важное стратегическое положение. «Мидяне стали думать о захвате под свою власть не только Лазики, но и Апсилии», — сообщает Прокопий[2].

Выше уже говорилось об обстоятельствах, при которых персам удалось в том же 550 г. овладеть укрепленным пунктом Апсилии Тзибилом (см. стр. 39). Подробности этого события Прокопий излагает следующим образом: лазский саповник Тердет, поссорившись с Губазом, «тайно вошел в соглашение с персами о том, что передаст им укрепление (Тзибил-Цебельду — З. А.). Приведя с собой войско персов, он отправился в Апсилию для выполнения этого замысла. Когда они были близко от крепости, Тердет с сопровождавшими его лазами, проехав вперед, оказался в укреплении, так как те, которые сторожили эту крепость, не имели никакого основания не доверять начальнику лазов и поэтому не проявили к нему никакой подозрительности. Таким образом, подошедшее персидское войско Тердет припял в укреплении... Ни римляне, ни лазы, занятые войной вокруг Петры и теснимые войсками мидян, не могли послать помощь апсилийцам»[3].

Далее Прокопий рассказывает, что персидский военачальник влюбился в красивую жену командира гарнизона тзибильской крепости и, не добившись от нее взаимности, применил по отношению к ней насилие. «Приведенный этим в яростный гнев, муж этой женщины убил его самого и всех тех, которые вошли с ним в это укрепление... и сам завладел укреплением»[4].

Приведенный факт послужил, надо полагать, лишь поводом к восстанию апсилов против персидских захватчиков. Очевидно, и здесь персы, как и повсюду в захваченных ими областях, быстро восстановили против себя местное населе-

---

1 Прокопий, Война с готами, стр. 400.
2 Там же, стр. 403.
3 Там же.
4 Там же.

ние, которое восстало против них и изгнало из своей страны. Таким образом, вследствие сопротивления апсилов, персам и на этот раз не удалось утвердиться в Абхазии.

Следующую, четвертую попытку овладеть Абхазией персы предприняли в 553 году. За год до этого в Лазику вторглось многочисленное персидское войско под командованием Мермеросса, совместно с которыми действовали отряды наемников из гуннов-савиров. Византийцы и лазы, избегая больших сражений, были вынуждены укрепиться в отдельных крепостях.

Тогда, рассказывает Прокопий, «персы со всем своим рвением устремились на абасгов. Но римляне, занимавшие гарнизоном Тзибил, захватили проход, бывший очень узким и окруженный отвесными горами... и при таких обстоятельствах совершенно непроходимым, и остановили дальнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоявших против него врагов, Мермеросс повел войско назад»[1].

Таким образом, эта попытка окончилась так же неудачно, как и предыдущие. Причину этого следует видеть не только в стойкости византийцев, как это пишет Прокопий, но и, надо полагать, в борьбе против персов местного населения, уже хорошо знакомого с персидскими захватчиками и в данном случае выступившего в союзе с Византией.

В последний раз персидским захватчикам довелось побывать в Абхазии в 555 г. во время антивизантийского восстания мисимиян.

Как уже отмечалось, восставшие против византийцев мисимияне были вынуждены обратиться за помощью к Ирану и с этой целью направили послов в Восточную Грузию к Нахогарану. По сообщению Агафия, мисимийские послы, рассказав Нахогарану о расправе над Соттерихом и отпадении своей страны от Византии, заявили ему: «Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут нас преследовать своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, поскольку это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, не пренебрегать народом, которому угрожает смертельная опасность, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что в военном деле мы опытны и, по заключении с вами союза, будем сражаться внутри самой территории колхов, представляющей

[1] Прокопий, Война с готами, стр. 433.

собой безопасный стратегический пункт, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов»[1].

Из этих слов видио, в какое критическое положение попадало обычно борющееся за свою независимость население Абхазии. Стремление освободиться от одного захватчика неминуемо толкало его к союзу с другим, не менее опасным, как это произошло в даииом случае и с мисимиянами.

Нахогаран, разумеется, пообещал мисимийскнм послам всяческую поддержку и те, возвратившись в свою страну, «внушили народу величайшие надежды».

Иранское командование действительно направило в Мисиминию персидскне войска и отряды из гуннов-савиров. Агафий рассказывает, что когда византийские карательные войска вступили в Апсилию, а оттуда собрались двигаться дальше, в Мисиминию, то «препятствием ему явился персидский отряд, там собранный. Ибо, узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян, персы, выступив из Иверии и из городков, расположенных вокруг Мухирисиса, двннулись на римлян, предупредив их занятием местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам»[2].

Византийцы «старались протянуть время... Идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасиым... Были у персов также вспомогательные войска из гуннов-савиров»[3].

Однако персы вскоре покинули Абхазию, отказавшись от дальиейшей поддержки мисимиян. Агафий по этому поводу пишет: «Когда наступила зима, персы, тотчас же снявшись с лагерей, отступили снова в Котаисий и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам»[4].

Уход персов из Мисиминии Агафий объясняет тем ,что они, мол, не любили воевать в зимних условиях. Но, по-видимому, между мисимиянамн и персами произошла какая-то размолвка, которая и вынудила персидские войска уйти. Возможно, и в данном случае персидские захватчики проявили свое агрессивное лицо. Поэтому на последнем этапе борьбы с византийцами мисимияне уже не рассчитывали на какую-либо поддержку со стороны нерсов. Как бы то ни было, но и мисимийская экспедиция, видимо, еще раз убедила персидских захватчиков, что их надежды иа порабощение Абхазии остаются тщетными. Во всяком случае, отиыне они

---

[1] Агафий, цит. соч., стр. 115.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же.
[4] Там же.

уже не предпринимали больше попыток утвердиться в Абхазии.

Конечное поражение персидских захватчиков в борьбе за Абазгию, Апсилию и Мисиминию объясняется, как уже отмечалось, не только действиями византийских войск, но и в значительной степени борьбой местных народов против них, в первую очередь лазов. Борьба лазов против иноземных захватчиков значительно способствовала успехам борьбы предков абхазского иарода. С другй стороны, и абхазы своим немалым вкладом в эту борьбу объективно способствовали достижению победы над персидскими захватчиками. Историческая дружба между предками грузинского и абхазского народов в этой совместиой борьбе еще крепла и получала свое дальнейшее развитие.

ГЛАВА III

КОНСОЛИДАЦИЯ АБХАЗСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ НАРОДНОСТИ

ГРУЗИНСКО-АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В VII—VIII вв.

1. Консолидация абхазской народности

В течение второй половины VI века и всего VII столетия в политической жизни этнических образований Абхазии не пронзошло существенных нзменений. Абазгия иа протяжении этого периода существует как самостоятельная политическая единица, непосредственно зависящая от Византии, а Апсилия н Миснмнння по-прежнему входят на вассальных началах в состав Лазикн с сохраненнем их внутреннего самоуправления.

Внзантийский историк второй половииы VI века Менаидр Протиктор дает определенные указания об Апснлин и Мисиминии, как реально существующих единицах того времени. Он рассказывает о поездке внзантийского чиновника Земарка из Аланни в Византию через территорию Абхазии. Земарк не решался ехать через Мисимннию, поскольку по соседству с нею, в Сванетии, находились персидские войска, к которым он опасался попасть в плен. Поэтому Земарк отверг «Мисимийский путь» и отправился «Дариисkörким путем» и «по нему попал в Апсилию», оставив «Мисимийский путь» слева[1].

Важные сведения по исторической географии Абхазни второй половины VII века содержатся в материалах Феодосия Гангрского, посвященных пребыванию в Лазике и Абхазии сосланных туда Византней церковиых деятелей-диофизитов Максима Исповедника, его друга Анастасия и ученика (инока) тоже по имени Анастасия. Максим и первый Анас-

[1] «Георгика» т. III, стр. 236—237.

Под «Даринским путем», очевидно, подразумевается путь через Марухский перевал и далее к югу параллельно р. Амткел, по которому можно было пробраться из Алании в Апсилию, минуя, в основном, Мисиминию.

Абхазское княжество в VIII веке

тасий вскоре по прибытии в Лазику (662 г.) умерли, а второй Анастасий прожил там еще несколько лет и описал свои переживания в письме иерусалимскому пресвитеру и монаху Феодосию из Гангры (город в малой Азии), который впоследствии опубликовал это письмо с другими материалами о Максиме Исповеднике и его друзьях[1].

Феодосий Гангрский сообщает, что один из сосланных (Анастасий) был помещен в крепости Скотори, по соседству с Абазгией («близ Абазгии»), т. е. на территории Апсилии. Здесь, несомненно, имеется в виду пункт Кодори на одноименной реке. О местоположении этого пункта Вахушти сообщает, что он расположен на берегу реки Кодори «выше Дранда, в горах»[2]. Поскольку высланные в Лазику церковники были оставлены под надзор правителей Лазики, то последние, разумеется, помещали их только в крепости, которые находились в их непосредственном подчинении. Следовательно, в 60-х годах VII века политические владения Лазики бесспорно доходили до р. Кодори.

Другой важный пункт, упомнинаемый в материалах Феодосия, — это крепость Пустус (Пуста), в которую был водворен инок Анастасий весной 663 года. Этот пункт, по свидетельству Анастасия, находится «в краях Апсилии и Мисиминии», без точного указания, в каком из них конкретно[3]. Проф. С. Г. Каухчишвили считает возможным допустить, что Пустус находился в Мисиминии, в частности в районе нынешнего села Александровка»[4]. Однако, нам кажется, вернее предположить, что Пустус являлся пунктом Апсилии, хотя и недалеко от юго-западной границы Мисиминии.

Дело в том, что термин Пустус в источниках фигурирует не только в виде наименования одного укрепленного пункта, но и в виде названия целого края, населенного «пустовцами». Такой народ упоминает в своем сочинении писатель второй половины VIII в. Епифан Константинопольский. Передавая легенду о проповеднической деятельности Андрея Первозванного в Абхазии, Епифан сообщает, что, покончив со своими делами среди п у с т о в ц е в, Андрей уехал в Абазгию[5]. Топонимический термин «Пуста» (აფუსტა) может быть выведен из абхазского названия Апсилии — Апствыла (Аҧстәыла), т. е. «страна апсилов». Пуста в 60-х годах VII в. также вхо-

[1] А. Бриллиантов, О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника, «Христ. Восток», т. VI, в. I, 1917 г., стр. 7.
[2] Вахушти, Описание царства Грузинского, стр. 169.
[3] «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 44.
[4] Там же, стр. 54.
[5] Там же, стр. 58.

дила в состав края, подчиненного лазскому правителю, поскольку он заключил в Пустскую крепость инока Анастасия.

Район города Сухуми (Севастополь-Цхуми) по-прежнему в VII веке входил в состав Апсилии, о чем свидетельствуют приведенные выше (гл. I, §I) сообщения различных сводов «Жизни Грузии»[1]. Однако этот город, который Епифан Константинопольский называет «великим Севастополем»[2], в течение большей части VII в. составлял, по-видимому, непосредственное владение Византии. В частности, в годы правления Ираклия (610—641) он представлял собой один из основных опорных пунктов господства византийцев на побережье Абхазии. Строительная деятельность византийцев в районе Сухумской крепости в раннефеодальную эпоху подтверждается характером кладки стен этой крепости в ее нижних строительных слоях. В Сухумской крепости византийцы содержали свой военный гарнизон. Византийские воины находились также и в Питиунте.

Однако с конца VII в. положение в Абхазии начинает изменяться. В связи с вторжением арабов в Западную Грузию и Абхазию (см. ниже) в отдельных частях Абхазии, зависимых от Лазики, усиливается тенденция к обособлению, поддержанная, как видно, арабскими захватчиками.

В труде анонимного армянского географа конца VII в. содержится интересное известие о населении Западного Кавказа того времени: «Между болгарами (Кубанскими) и Понтийским морем живут народы гарши, куты, сваны (чит. саниги—З. А.) до города Питиунта. На морском берегу — страна авазгов, где живут апшилы и авазги до приморского своего города Севастополиса и далее до реки Дракона,... отделяющей Абхазию от страны Егер»[3].

Данное сообщение представляет особенный интерес в том отношении, что в нем апсилы и абазги названы вместе как обитатели «страны авазгов», которая упоминается отдельно от «страны Егер», т. е. Лазики. Под р. Драконом, надо полагать, подразумевается р. Кодори, к которой, по-видимому, отодвинуты к концу VII в. границы Абазгии, включавшей, таким образом, в себя значительную часть территории приморской Апсилии вместе с городом Севастополем.

Но то обстоятельство, что армянский географ абазгов и апсилов именует в отдельности, говорит, несомненно, о том, что они еще не слились полностью в одну народность, и

[1] «Жизнь Грузии», под ред. С. Г. Каухчишвили, стр. 235; см. также Ив. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48.
[2] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 58.
[3] См. К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, стр 91.

Апсилия пользовалась еще какими-то сюзеренными правами, что подтверждается и последующими источниками. Так, у византийского писателя Феофана Хронографа Апсилия фигурирует, в связи с событиями начала VIII в., как внутренне самостоятельное владение во главе с Маринэ, которого Феофан называют «первейшим человеком среди апсилов»[1].

Однако после этого Апсилия как самостоятельная единица нигде не упоминается. Приблизительно с 30—40 гг. VIII в. Апсилия уже фигурирует в виде составной части «Абхазии», как более крупного этно-политического объединения. Выше мы уже имели случай указать на то обстоятельство, что содержащееся в своде «Жизни Грузии», принадлежащем царице Анне (XV в.), выражение «город Абхазии и Апсилии Цхуми» мыслится как признание Апсилии в виде составной части Абхазии. Прав поэтому акад. И. Джавахишвили, который пишет, что в 30-х годах VIII в. Апсилия уже входила в состав Абхазии[2].

Во главе нового политического объединения, включавшего в себя и Абазгию и Апсилию, стояли абазги, поэтому и их название распространилось на всю объединенную страну. Акад. С. Н. Джанашиа по этому поводу пишет: «Среди довольно большого количества племен, населявших территорию современной Абхазии, к VII в. явное преобладание получили абазги. Это этническое название вскоре приобретает более широкое, обобщающее значение. Грузинская форма его «апхази», или «абхази», которая получена из «абазг»-«абазх» путем внутреннего перераспределения согласных, в соответствии с фонетическими законами грузинского языка (стягивание согласных к началу слова), постепенно получает всеобщее распространение»[3].

Такое преобладание абазги получили в силу того обстоятельства, что политически их владение оказалось сильнее и развитее, чем владения других этнических образований на территории Абхазии — апсилов, мисимийцев и др. Если абазги уже с VI в. пользовались большей политической самостоятельностью и непосредственно зависели от Византии, то Апсилия и Мисиминия еще более полутора веков входили в состав Лазики. Кроме того, когда происходила упорная борьба за освобождение Абхазии от арабского владычества (первая половина VIII в.), ведущую роль в этой борьбе сыграла именно Абазгия (см. ниже). Эта страна испытала господство арабов в меньшей степени, чем Апсилия и Мисиминия, на

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 112.

[2] И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 45.

[3] С. Джанашиа, Абхазия в I—X вв., рукопись, стр. 45 (Архив Абх. инстит. ЯЛИ АН ГССР).

территории которых непосредственно размещались арабские гарнизоны, в частиости по Кодорскому ущелью.

После изгнания арабов территория Абхазского владетельства («Абхазское эриставство») охватывает уже значительную область от р. Келасури на юге до р. Нечепсухо на севере. В этих границах абхазского владетеля («эристава») Леона I утверждает византийский император Лев Исавр (717—741 гг.). В письме правителю Западной Грузии Арчилу Леон I писал: «Дал мне кесарь эту страну в наследственное владение... и отныне она является моей вотчиной от Клисури до малой реки Хазарии, куда достигают вершины кавказские»[1].

Но на вопросе о северной границе Абхазии, начниая с 30-х гг. VIII в., следует остановиться подробнее.

Под названием «Малая река Хазарии» обычно подразумевали р. Кубань[2]. Однако вряд ли граница Абхазии доходила когда-либо до Кубани. Во всех источниках последующего времени этой граиицей считается город Никопсия, расположенный на левом мысе небольшой бухты, в которую впадает р. Нечепсухо (развалины Никопсии сохранились до настоящего времени). Церковная легенда считала этот пункт местом погребения «апостола» Симона Кананита, рассматривая его как пограничный между Абхазией и адыгскими владениями. Первым высказал это положение автор X века Епифан Кипрский, который писал: «Могила Симона Кананита находится в городе Никопсия, [который расположен] на границе между Абхазией и Джикией»[3]. Затем это же указание повторяют грузинские писатели XI в.

Так, Л. Мровели пишет: «Прибыли... Андрей и Симон Кананит в Абхазию и Эгриси. И там скончался Симон в городе Никопсии, на границе греков»[4]. По поводу этого места из сочинения Л. Мровели проф. С. Каухчишвили замечает, что в данном случае Л. Мровели, надо полагать, опирался на источник того времени, когда Западная Грузия находилась под владычеством Византии[5].

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 242. В тексте ошибочно стоит «до большой реки Хазарии» (მდინარემდე დიდად ხაზარეთად). Под этим названием в древнегруз. источниках была известна р. Волга.

[2] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, 1913 г., Тбилиси, стр. 277 (на груз. языке).

П. Ингороква высказал мнение, что в данном случае имеется в виду *р. Шапсухо, впадающая в Черное море несколько* севернее Нечепсухо.

[3] См. К. Кекелидзе, Этюды из истории древнегруз. лит., т. IV, стр. 258.

[4] «Жизнь Грузии», стр. 38.

[5] «Георгика», т. II, стр. 87.

Для нас здесь важно то, что политическая (и, возможно, этническая) граница Абхазии, проходившая в секторе Никопсии, считалась в то же время крайним пределом владений «греков», т. е. Византии. В некоторых сводах «Жизни Грузии» прямо говорится, что «Никопсия... находится между Абхазией и Джигетией и является границей Греции»[1]. Поскольку Абхазское «эриставство» было вассальным владением Византии, то его северная граница, следовательно, считалась в то же время и границей Византии.

В источниках не сохранилось сведений о том, каким образом граница Абазгии (Абхазии) была доведена до р. Нечепсухо. Важную роль здесь, очевидно, сыграло то обстоятельство, что данная территория (от Бзыби до Нечепсухо) была заселена ближайше родственным абазгам населением — санигами и зехами. Общие интересы борьбы против иноземных захватчиков (в частности, против хазаров) также стимулировали, надо полагать, это объединение. Поскольку Абазгия являлась вассалом Византии, то помощь со стороны последней в этом акте вряд ли приходится отрицать, особенно если учесть активизацию византийской экспансии на Кавказе в последние годы правления Льва Исавра.

Что касается политической границы Абхазии на юге, то акад. И. Джавахишвили считал, что она в VIII в. проходила по Эгрис-цкали[2]. Очевидно, он имел в виду одно место из сочинения Джуаншера, в котором говорится: «И потребовал кесарь границы Греции, приморскую страну, которая есть Абхазия, и сказал так: «От Эгрис-цкали до реки малой Хазарии есть граница Греции со времен Александра»[3]. Однако приведенное выше сообщение Джуаншера о содержании письма Леона I Арчилу прямо указывает на Клисуру (Келасури) как на фактическую южную границу Абхазского владетельства.

Такое разноречие можно объяснить тем, что областью между реками Келасури и Эгрис-цкали, в ее приморской части, после изгнания арабских захватчиков непосредственно овладели византийцы. Эта область представляла собой основную укрепленную часть района Великой Абхазской стены, которую византийцы, несомненно, должны были занять своими гарнизонами, отторгнув фактически от западно-грузинских владений Арчила. Интересна в этом отношении этимология названия географической области Западной Грузии «Одиши», которая бытовала в Мегрелии во времена Вахуш-

[1] «Георгика», стр. 43.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 177.
[3] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48.

ти. Как он сообщает, о территории к западу от Эгрис-цкали мегрелы говорили: «Когда-то („ოდესღაც“) страна эта была нашей, ...до того времени, когда за рекой Эгриси живущие, отпав, присоединились к грекам»[1]. В данной народной этимологии, несомненно, отражена память о том времени, когда политические владения Лазики на территории Абхазии простирались за р. Эгрис-цкали.

Таким образом, в состав Абхазского владетельства, помимо собственной Абазгии, вошли: Санигия на севере, значительная часть Апсилии (до р. Келасури и нагорные ее области), а также, по-видимому, и Мисиминия, поскольку Леон I владел крепостью Собгиси, которая вероятнее всего находилась у Марухского перевала, а бывший «мисимийский путь» на Северный Кавказ, как отмечалось выше, отныне стал именоваться «абхазским путем» (Клухорский перевал).

Этническую основу описанного выше политического объединения Абхазии составляла консолидация отдельных абхазских племен и небольших народностей в единую абхазскую народность. В этой связи следует указать на то обстоятельство, что с середины VIII в. ни апсилы, ни мисимийцы в источниках более не упоминаются. В частности, Джуаншер, описывая события 30-х годов VIII в. (борьбу против Мурвана Кру), говорит не об отдельных абхазских племенах, а только об «абхазах».

Таким образом, процесс образования абхазской феодальной народности завершился, в основном, в VIII в. Главную роль в формировании абхазской народности сыграли абазги и апсилы. Слияние этих мелких народностей привело к созданию этнического ядра единой абхазской феодальной народности, с которым впоследствии слились и другие этнические компоненты, бытовавшие на территории исторической Абхазии — мисимияне, саниги и др. Обитатели горных районов Абхазии, по-видимому, в меньшей степени были втянуты в процесс этнической консолидации абхазского народа.

В основу образования единого языка абхазской народности ложится косвенно апсильский диалект; во всяком случае, он сыграл важную роль в этом. На это, возможно, указывает и то обстоятельство, что самоназвание апсилов было принято как самоназвание всей абхазской народности — «апсуа». Название а-баз-г(х) сохранилось в самоназвании одной из этнических ветвей абхазской феодальной народности, известной впоследствии под названием «абазины»[2].

---

[1] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 2, стр. 48.

[2] В настоящее время обитают на Северном Кавказе. Состоят из двух этнических подразделений — «тапанта» и «ашхаруа». В XIX—XX вв. сформировались в самостоятельную народность.

Выдвижению апсильского диалекта на первое место должно было способствовать то обстоятельство, что в культурном отношении Апсилия занимала одно из ведущих мест на территории исторической Абхазии.

2. Грузино-абхазские отношения в VII—VIII вв.

Разносторонние связи между абхазами и грузинами в рассматриваемый период получили свое дальнейшее развитие. Имели место также и случаи, когда они выступали против внешних поработителей вместе с другими народами Кавказа. В этом отношении важно отметить такой факт, как помощь, оказанная в 572 г. лазами и абазгами восставшим против персидского гнета армянам. Византийский писатель Феофан сообщает, что когда армяне восстали против персов, то «на стороне армян сражались колхи, абазги и царь алан Сароэ»[1].

В 623 г. абазги и лазы, по настоянию византийского императора Ираклия (610—641 гг.), принимали участие в походах византийских войск против Ирана[2], но при этом стремились отстаивать свои собственные политические интересы. Ниже будет подробно освещена совместная борьба грузин и абхазов против византийских и арабских захватчиков, в которой еще более крепли их политические связи.

Как уже отмечалось, в течение всего VII столетия и в начале VIII абхазские области Апсилия и Мисиминия попрежнему входили на вассальных началах в состав Лазики.

Лазика все время поддерживала теснейшие связи с соседней Абазгией. Как сообщает инок Анастасий в письме к Феодосию Гангрскому, когда мтаварам Лазики приходилось, вследствие внутренних неурядиц, покидать свою страну, то они обычно находили себе убежище в Абазгии. Так, в 663 г. лазский правитель был лишен власти и поселился в Абазгии.

Поскольку этот правитель плохо относился к Анастасию, то владетель Абазгии, который, наоборот, покровительствовал ему, просил его изменить свое отношение к сосланному иноку. Лазский правитель пообещал выполнить это в случае восстановления своей власти в Лазике. Но когда он сумел снова возвратиться в Лазику, то не сдержал своего обещания и по-прежнему стал подвергать Анастасия преследованиям. В частности, он поспешно перевел его из крепости Пуста, которая находилась близ границ Абазгии, во внутренние

[1] «Георгика», т. III, стр. 258.
[2] Там же, т. IV, ч. I, стр. 95—97.

области Лазики, в крепость Схенери. Очевидно, он опасался того, как бы абазги не вызволили бы Анастасия из Пуста.

Анастасий не сообщает, каким образом лазскому правителю удалось восстановить свою власть в Лазике. Он пишет лишь, что тот «не зиаю откуда, получил помощь и вернул себе управление страной»[1]. Такую помощь, можно полагать, лазский правитель получил из Абазгии, где находился во время своего изгнания. Когда же, спустя некоторое время, он вновь был изгнан из своей страиы, то ему пришлось, как сообщает Анастасий, опять скрыться «туда, где он раньше находился», т. е. в Абазгию[2].

Эти сведения представляют собой значительный интерес еще и потому, что они проливают свет на внутреннее положение в Лазике во второй половине VII в. Отметим, прежде всего, то обстоятельство, что, по Анастасию, во главе Лазикн стоит уже не царь, как это было прежде, а обычный правитель, который носил тот же титул, что н правитель Абазгии. Во всяком случае и того и другого Анастасий наделяет одним названием «принцепса»[3]. Правители Лазики, следовательно, были уже лишены царского титула. Акад. С. Джаиашиа по этому новоду пишет: «В какой-то момеит на протяжении VI—VII вв. в Эгриси была уиичтожена, ясно по милости Византии, царская власть». По его мнению, это произошло или в конце VI в. или в 20-х годах VII в.[4] Весьма возможно, что упразднение царской власти в Лазике Византия осуществила после 623 г., когда император Ираклий имел основание быть недовольным Лазикой за ее отказ от участия в предпринятом Византией персидском походе[5].

Однако решающую роль в упразднении царской власти в Лазике сыграли местные окрепшие феодальные элементы. Акад. АН Грузинской ССР Н. Бердзенишвили пишет об этом следующее: «Ослаблению власти эгрисского царя способствовало, несомненно, углублеиие процесса феодализации внутри страны, появление «государей» — «мтаваров». Опираясь на них, византийцы сумели урезать права царской власти в Эгриси, а затем свести ее до власти эрисмтавара»[6].

Вместе с тем сообщения Анастасия указывают и на то, что во второй половине VII в. в Лазнке происходили серьезные феодальные междоусобицы, приводившие нередко к из-

---

1 «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 45.

2 Там же.

3 Византийские источники называют правителей Лазики «патрикиями».

4 С. Джаншиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 88—89.

5 См. «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 97.

6 См. История Грузии, 1958, г., стр. 123.

гнанию правителей из страны. Так, например, Анастасий свидетельствует, что тот правитель Лазики, при котором он прибыл в эту страну, спустя 6—7 месяцев после его приезда был свергнут. Его преемника, как уже отмечалось, дважды отстраняли от власти, принуждая оба раза покидать Лазику[1]. Не вызывает сомнения, что эти междоусобицы также являлись, в конечном итоге, результатом дальнейшего развития феодальных отношений в Лазике и выражали стремление крупных феодальных элементов к политическому сенаратизму.

В таких условиях, разумеется, правителям Лазики становилось все труднее поддерживать свою власть в собственной стране и тем более в вассальных владениях, в частности, в Апсилии и Мисиминии, где местные феодалы проявляли не меньшее стремление к сепаратизму, получая, надо полагать, соответственную поддержку из Абазгии.

В самом конце VII века правитель (патрикий) Лазики Сергий отложился от византийцев и подчинил свою страну арабам[2]. Такой поступок, разумеется, Византия никогда не простила бы правящим кругам Лазики и, по восстановлении своего господства, должна была предпринять соответствующие политические санкции.

И действительно, когда арабы были изгнаны из Западной Грузии и влияние Византии восстановлено, византийское правительство полностью ликвидировало старую систему самоуправления Лазики. Акад. С. Джанашиа пишет: «Нужно думать, что теперь, когда вся страна находилась в руках византийцев, должность патрикия оказалась излишней и нежелательной, и в Эгриси было введено непосредственно имперское управление. Ни о патрикии, ни тем более о царе Лазики (Эгриси) в VIII в. ничего не слышно. Зато обстоятельства способствовали усилению Абазгийского княжества»[3].

Абазгия, разумеется, должна была воспользоваться этими обстоятельствами в целях расширения своих владений и уже к 30-м годам VIII в., как отмечалось, подчинила себе большую часть Апсилии и Мисиминии.

«Непосредственно имперское управление» во всей Лазике продержалось недолго. Из политических соображений, надо полагать, Византия восстановила самоуправление в Западной Грузии, но не под началом местной лазской династии, а во главе с картлийским «царем» Арчилом. С. Н. Джанашиа

---

[1] См. История Грузии, 1958 г., стр. 45.

[2] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.

[3] С. Джанашиа, Абх. с I по X вв., стр. 46—47.

пишет: «По Джуаншеру, в начале VIII в. в Эгриси местной династии совсем не видно, и вся страна вплоть до границ Абхазии принадлежит картлийским эрисмтаварам»[1].

Взаимоотношения между эриставом Абхазии Леоном I и правителем Западной Грузии Арчилом сложились следующим образом.

Прежде всего они заключили между собой военно-политический союз для борьбы с арабами с целью их изгнания из страны и заручились для осуществления этой задачи поддержкой Византии. Этот шаг был продиктован политической необходимостью. Арчил, брат его Мириан (Мир) и Леон I направили письменные послания императору Льву Исавру, в которых описывали бедствия, вызванные арабским господством и просили оказать помощь. Император в ответном письме Арчилу и Мириану признал их своими вассалами и санкционировал их управление Западной Грузией[2].

В специальном письме к Леону император утвердил его наследственные права на Абхазию, предлагал подчиняться во всем Арчилу, как своему сюзерену. В этом письме читаем: «Жалую звание эристава Абхазии тебе и сыновьям твоим и будущим потомкам навеки. Повелеваю тебе, хорошо относиться к царю картлийскому и его народу, ибо отныне ты не должен использовать свою власть в ущерб им и границам их эгрисским»[3].

Причина стремления императора подчинить Леона Арчилу сводилась к тому, что в своих дальнейших планах борьбы против арабов, в частности, с целью изгнания их из Восточной Грузии, Византия делала основную ставку на Арчила, и ей в данный момент было выгодно, чтобы остальные правители Западной Грузии, в частности, Леон I, выступал в союзе и дружбе с Арчилом.

Как мы видим ниже, такое стремление Византии объективно совпадало и с политическими планами правителя Абхазии. Пока же отметим, что борьба против арабских захватчиков, в частности, в момент нашествия Мурвана Кру (30-е годы VIII в.), требовала объединения усилий Леона и Арчила. После же того, как они совместными усилиями одержали верх над арабами, между ними был заключен договор о дружбе и вассальных отношениях.

При заключении договора Арчил заявил Леону: «Пусть благословит тебя господь за все, что ты сделал для нас, когда мы были твоими гостями, и обеспечил нас спокойствием в

---

[1] С. Джанашиа, Феод. револ. в Грузии, стр. 89.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 239.
[3] Там же, стр. 240.

твоих пределах; но теперь уже, как известно, восстановлена наша страна за Келасури. Пойду я обоснуюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси. Ты же теперь проси у меня, что хочешь, взамен твоей доброй службы»[1].

По сообщению Джуаншера, Леон ответил Арчилу следующее: «Дал мне кесарь страну эту в наследственное владение благодаря вашему доброму содействию. Отныне же эта страна от Келасури до Большой реки Хазарии, куда достигают вершины кавказские, является моим наследственным уделом. Включи меня в число рабов твоих, которые должны ныне быть сыновьями и братьями твоими. Не нужно мне дом от тебя и мое пусть будет твоим»[2].

Как видно из приведенных документов, по договору, заключенному между двумя правителями, юридически граница их владений устанавливалась по реке Келасури, хотя, как выше отмечалось, фактически эта граница должна была проходить южнее, в районе Эгрис-цкали. Далее, Леон I признавал себя вассалом Арчила и в удобной дипломатической форме обязывался не посягать на его владения, закрепляя за собой свои собственные.

Союз между Арчилом и Леоном был скреплен династическим браком: Арчил выдал за Леона свою племянницу. Джуаншер сообщает по этому поводу следующее: «И отдал тогда Арчил в жены Леону племянницу свою (дочь брата) Гурандухт, и корону, которую царь греков прислал ему для Мира. И дали они друг другу клятву твердую в том, что не будет вражды между ними, и Леон будет послушен Арчилу всю жизнь свою»[3].

Основная причина признания сюзеренитета Арчила Леоном объясняется тем, что та форма феодальных отношений, которая сложилась к тому времени в Картли и Эгриси, более всего соответствовала социально-экономическим интересам абхазских феодалов. Неслучайно, что именно Арчилу приписывают проведение в Картли политической реформы, которая в тех условиях более всего отвечала задаче преодоления феодалами классового сопротивления крестьян и ограждения феодальных владений от захватнических устремлений соседних владетелей.

Арчил произвел в Картли следующее преобразование: половину земель в Картли он оставил за собой, а другую половину раздал эриставам, но не во временное пользование, а в наследственное владение. «После этого эристав в своем

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 242.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 242—243.

эриставстве становился государем и его подчинение картлийскому эрисмтавару более походило на подчинение слабого мтавара сильному (или, как тогда говорили, на подчинение «сына» «отцу-господину»), чем на подчинение чиновника своему государю»[1].

Совершенно очевидно, что такая форма сюзеренно-вассальных отношений вполне устраивала Леона Абхазского (вспомним его формулу: «Включи меня в число рабов твоих, которые достойны быть сыновьями и братьями твоими»).

Подобная политическая организация в эпоху раннего феодализма, как отмечалось, более соответствовала общественным отношениям того времени, поскольку она обеспечивала максимальную концентрацию политической власти феодалов на местах, способную преодолеть локальное в тех условиях сопротивление закрепощаемых крестьянских масс, а в случае необходимости могла рассчитывать на поддержку сюзерена в борьбе против внутренних и внешних противников.

Поскольку Абхазия того времени представляла собой развивающуюся феодальную страну, но находящуюся еще на ранней стадии развития феодализма, то ее до поры вполне устраивала описанная выше форма общегрузинской политической организации, в состав которой она включилась. Как мы увидим ниже, характер социально-экономического развития Византии в VII—VIII вв., а также арабские общественные отношения, были, несомненно, абсолютно чужды господствующему феодальному сословию абхазского общества, и оно поэтому неминуемо должно было войти в сферу именно грузинского феодализма, а не византийского, арабского или, тем более, слабо развитого феодализма северо-кавказских политических образований.

Кроме того, дальнейшее сближение феодальной Абхазии с ведущими районами феодальной Грузии стимулировалось также и многовековыми традициями дружбы, исторического единства и этнического родства обеих народов, о чем уже говорилось выше. Однако, разумеется, решающую роль в этом играли социально-политические мотивы, которыми руководствовался восходящий и прогрессивный феодальный класс, представлявший собой господствующую социальную силу.

Общность интересов абхазских и грузинских феодалов на том этапе нашла свое отражение, в частности, в их активной совместной борьбе с византийскими и арабскими захватчиками, господство которых грозило утверждению чуждых им социально-политических систем. Эти антивизантийские и

---

[1] См. История Грузии, 1958 г., стр. 120.

антиарабские настроения феодалов объективно совпадали в известной степени со стремлением широких народных масс отстоять свою родину от всяких иноземных поработителей, в том числе арабских и византийских.

Развитие связей между населением Абхазии и Грузии наблюдается в тот период и в сфере культуры. Немалую роль в этом отношении сыграло, как уже отмечалось выше, введение христианства. В этой связи интересно отметить, что в VII или в VIII в. на территории Абхазии, в с. Дранда, был возведен собор, который по целому ряду архитектурных форм сближается с мцхетским «Джвари», являющимся ведущим памятником грузинской культовой архитектуры той эпохи. В своей работе «Памятники типа Джвари» Г. Н. Чубинашвили указывает, что драндский собор и мцхетский «Джвари», несмотря на существенные отличия, являются «близкими по типу»[1]. В частности, Г. Н. Чубинашвили отмечает, что в драндском храме «три трехгранных выступа восточного фасада связаны между собой в глубине арками, чем достигается приближение к фасадным формам Джвари»[2].

Отмеченный факт, разумеется, не является случайным. Он свидетельствует о творческих связях зодчих, создававших замечательные творения в Восточной Грузии и Абхазии.

3. К вопросу о национальной принадлежности владетельных князей («архонтов») Абазгии и объединенной Абхазии

Единственным источником, в котором приводится список правителей Абазгии и Абхазии вплоть до Леона II, первого царя Абхазского царства, является так называемый «диван», представляющий собой последовательный перечень абхазских владетелей и царей, приведенный в одном из актов Баграта III. Этот интересный документ был обнаружен и впервые издан Е. Такайшвили[3].

Как установил С. Н. Джанашиа, «диван» составлен в 1008—1014 гг. и «представляет собой нечто вроде исторического меморандума, в котором Баграт III подчеркнул свою связь с абхазской династией и свои наследственные права»[4].

---

[1] Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, 1948 г., Тбилиси, стр. 31.

[2] Там же, стр. 72.

[3] Е. Такайшвили, Древняя Грузия, т. II, Тбилиси, 1911 г. стр. 28—54 (на груз. яз.). Список абхазских царей, приведенный в сочинении патриарха Досифея «История иерусалимских патриархов» (XVII в.), по справедливому утверждению Е. Такайшвили, восходит к обнаруженному им оригиналу.

[4] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 324—325.

Текст этого документа (в части, касающейся абхазских «архонтов») гласит: «Первым царем абхазов был Анос; вторым сын его Гозар; третьим сын его Иствине[1]; четвертым сын его Фиииктиос[2]; пятым сын его Барук[3]; шестым сын его Дмитрий; седьмым сын его Феодосий; восьмым сын его Константин (I); девятым сын его Феодор; десятым сын его Константин (II)». Одиннадцатым в списке значится царь Леон II, который назван здесь братом Константина II[4].

Исследователи (Е. Такайшвили и другие) не раз указывали на то обстоятельство, что список этот не является полным. И действительно, из него, например, выпал такой видный деятель первой половины VIII в., как Леон I, который, по Джуаншеру, приходился дядей царю Леону II[5].

Касаясь вопроса о форме правления перечисленных «царей», Е. Такайшвили замечает: «Перечисленные в нашем списке первые цари должны были быть назначенными византийцами правителями, или эриставами Абхазии, а не царями»[6]. Действительно, как это точно установлено в грузинской исторической науке, представители абхазской династии принимают царский титул (в лице Леона II) лишь в конце VIII в., а до этого в византийских источниках они именуются «архонтами», «егуменами», в латинских — «принципсами», в грузинских — «эриставами».

О национальной принадлежности абхазской династии в источниках нет прямых указаний. Поэтому Д. Бакрадзе в своей «Истории Грузии» отметил, что «неизвестно, кто такие были абхазские эриставы греческих времен». Он указал лишь на то обстоятельство, что почти все они носили греческие имена[7]. П. Уварова более определенно называет их «греческими архонтами»[8]. Того же мнения придерживался и Д. И. Гулиа[9]. В. Латышев считал, что Леон II и его преемники были «из династии Багратидов»[10]. Однако ни один из названных авторов не приводит никаких аргументов, подтверждающих их предположение.

В последнее время на вопросе о национальной принадлежности представителей абхазской династии подробно оста-

---

[1] Юстиниан в списке Досифея.
[2] Филиктос » »
[3] Копоруки » »
[4] Е. Такайшвили, Цит. соч., стр. 37.
[5] «Жизнь Грузии», стр. 251.
[6] Е. Такайшвили, Цит. соч., стр. 54.
[7] Д. Бакрадзе, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1889 г., стр. 273—274 (на груз. яз.).
[8] П. Уварова, цит. соч., стр. 8.
[9] Д. Гулиа, История Абхазии, т. I, Сухум, 1925 г., стр. 208.
[10] В. Латышев, К истории христианства на Кавказе, 1911 г., стр10—11.

новился П. Ингороква в своем труде «Георгий Мерчуле». П. Ингороква выдвинул положение, по которому эта династия была не абхазской, а лазской. Он пишет: «Так называемая абхазская династия это есть... та же династия лазских мтаваров», причем, вначале ее представители носили, якобы, титул «патрикиев Лазики», затем (начиная с Леона I) титул «эриставов Абхазии» и, наконец, (с Леона II), — «царей Абхазии»[1].

Однако с положением П. Ингороква, что первые правители от Аноса до Константина I носили титул «лазских патрикиев», нельзя согласиться, поскольку оно, по сути дела, ничем не обосновано. В генеологическом списке Баграта III все они названы «абхазскими царями», а не правителями Лазики; других же источников, на основании которых их можно было бы считать лазами, не существует.

Совершенно безосновательно также П. Ингороква включает в этот список упомянутых в сочинении Феодосия Гангрского патрикиев Лазики Лебарнука и Григория. Феодосий определенно говорит, что о судьбе инока Анастасия ему рассказал п р а в и т е л ь Л а з и к и Лебарнук[2], а вслед за этим он упоминает Григория, который назван им «истинно христолюбивым патрикием и магистром л а з с к о й страны»[3].

Единственным доводом, на который мог бы сослаться П. Ингороква, является совпадение имени Лебарнука с именем пятого «царя» Багратовского списка — Баринуком. Однако нет никаких оснований для отождествления этих личностей, поскольку вполне допустимо, что лазский и абазгский правители носили одно и то же имя. Что же касается Григория, то также остается совершенно непонятным, из каких соображений П. Ингороква помещает его между Финиктиосом и Дмитрием I багратовского списка абхазских «царей»[4].

Единственное, с чем можно согласиться, так это с включением в названный список Леона I между Константином I и Феодором I[5]. Однако утверждение П. Ингороква, будто Леон I первоначально был правителем Лазики, выдвигается им так же бездоказательно, как и другие его положения, относящиеся к вопросу о национальном происхождении «абхаз-

---

[1] П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 192.

[2] «Георгика», т. IV, ч. I. стр. 49.

[3] Там же, стр. 50.

[4] П. Ингороква, цит. соч., стр. 193 (П. Ингороква повторяет, без ссылки на источник, ошибочное утверждение Ю. Кулаковского («Христианство у алан», стр. 4, сноска 3) о том, что Григорий, якобы, был правителем Абазгии, чему явно противоречит указание того же Феодосия Гангрского, на которого он ссылается).

[5] Там же.

ской династии». П. Ингороква пишет: «Леон I, после того, как он начал борьбу против арабов, покинул Внутреннюю Эгриси, где прочно укрепились арабы, перебрался в северную часть лазской страны — в Абхазию и там укрепился[1].

Откуда взято это сообщение, о котором ни в одном из источников нет никаких сведений?

О Леоне I повествуется только в сочинении Джуаншера, но в нем и намека нет на лазское происхождение Леона или о его переезде из Лазики в Абхазию, наоборот, Леона I Джуаншер неизменно именует «эриставом Абхазии».

Положение П. Ингороква о лазском происхождении абхазской династии неминуемо вызывает целый ряд вопросов: куда же девались правители Абазгии, которые, как это видно из письма инока Анастасия, носили тот же титул «принципсов», что и лазские правители того времени („principes Abasgiae“); почему понадобилось византийскому императору Льву Исавру лишать абазгских «принципсов» власти в их стране и ставить во главе ее лазского правителя; почему, наконец, Лев Исавр, после того, как Западная Грузия была очищена от арабов, не восстановил «законные» права Леона I в Лазике, а передал эту страну во владение картлийскому царю Арчилу? — Однако эти вопросы П. Ингороква даже не ставит в своем труде.

В свете сказанного становится очевидным, что положение о лазском происхождении абхазской династии не может быть признано состоятельным. Гораздо убедительнее приведенное выше положение акад. С. Н. Джанашиа, что византийцы после изгнания арабов вовсе упразднили должность патрикия в Лазике и на определенное время ввели там «непосредственно имперское управление», а затем передали Лазику на вассальских началах Арчилу Картлийскому. Во всяком случае, византийское правительство вряд ли стало бы благоволить лазским правителям, которые в конце VII в. первыми перешли на сторону арабов и передали им свою страну[2].

У нас нет никаких оснований для пересмотра давно признанного в грузинской историографии положения, что во главе абхазского объединенного княжества была поставлена династия прежних абазгских правителей в лице Леона I. Ее представители к своему имени прибавляли дополнительное имя «Абхазский» («Абазгский»), как это видно из вислой пе-

[1] П. Ингороква, цит. соч., стр. 197.

[2] «Георгика» т. IV, ч. I, стр. 105.

чати правителя Абхазии Константина (I или II), обнаруженной во время раскопок в Пицунде в 1954 году (KWNCTAHTI-NOC ABACGIAC). Как правильно отмечает издатель этой печати В. Леквинадзе, «так мог называться только владетель Абхазии, пользовавшийся правом скреплять свои акты и послания вислыми печатями»[1].

Нельзя считать признанным и греческое происхождение абхазской династии. Совершенно не исключается, что византийское правительство могло утвердить «архонтом» Абазгии преданного ему человека из местной феодальной знати. Греческие же имена представителей этой династии могут быть объяснены их христианским вероисповеданием. Неслучайно инок Анастасий называл Абазгию «христолюбивой страной» („christi amatorum regione Abasgorum"), а ее правителей — «друзьями христа» („amici christi principes Abasgiae")[2]

Но какой бы то ни была национальная принадлежность основателя абхазской династии, эта последняя была́ а б х а з с к о й по социально-политическому направлению своей деятельности в первые два столетия своего существования. Когда же эта династия, в силу определенных исторических обстоятельств, становится во главе Западно-грузинского («Абхазского») царства, то она уже осуществляет обусловленную конкретными причинами о б щ е г р у з и н с к у ю политику, о которой подробно будет рассказано в следующей главе.

4. Борьба грузин и абхазов против византийских захватчиков

Выше уже говорилось о том, что после изгнания персов из Западной Грузии политическое влияние Византийской империи в Лазике и Абхазии становится сравнительно прочным. П. Ингороква в книге «Георгий Мерчуле» правильно отмечает, что после окончания ирано-византийской войны «господство Византии в Западной Грузии, в Лазике и Абхазии, продлилось два столетия», причем, это господство подразделяется им на два периода: 1) с VI до конца VII вв. и 2) с 40-х годов до 80-х г. VIII столетия. *Между ними лежит почти полувековой период владычества арабов*[1]. *С такой периодизацией вполне можно согласиться.*

Однако, как мы знаем, зависимость Лазики и Абхазии от Византии на протяжении этих периодов далеко не сводилась к их полной инкорпорации, а почти всегда носила ха-

---

[1] В. Леквинадзе, Вислая печать Константина Абхазского, «Сообщения АН ГССР», т. XVI, № 5, 1955 г., стр. 404.
[2] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 45.
[3] П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 195.

рактер сюзеренно-вассальных отношений, степень которых находилась в прямой зависимости от соотношения сил на том или ином этапе. Осуществляя свой суверенитет, в частности, над Абхазией, Византия опиралась непосредственно на свои военные гарнизоны в Питиунте, Севастополе и в районе Келасурской стены.

Правители Лазики и Абазгии, согласно нормам своих взаимоотношений с Византией, были обязаны выполнять «приказания», получаемые от византийского правительства. Характерны в этом отношении данные одного исторического документа, известного под названием «Мартиролог (мученичество) Орентия и его братьев», относящегося к VI в. и дошедшего до нас в грузинском переводе с греческого[1].

В этом мартирологе рассказывается, что Орентий и его «братья» за свои религиозные убеждения были сосланы византийским императором в Абазгию. Правитель Абазгии, который назван в источнике Ригвадином, получил от императора соответствующие инструкции, по которым он должен был взять на себя заботу о заключении и содержании сосланных лиц. Издатель мартиролога акад. АН ГССР К. С. Кекелидзе справедливо заключает, что тогда Абазгия «находилась еще под политическим господством империи»[2].

Хотя по мартирологу описанные события относятся как будто к IV веку, но характер описанных в них отношений, скорее, может быть датирован временем написания мартиролога (т. е. VI в.). В связи с приведенным фактом уместно напомнить историю ссылки в Лазику Максима Исповедника и его приверженцев, из которой явствует полная зависимость лазских правителей от Византии.

В силу своего вассального положения правители Лазики и Абазгии должны оказывать византийскому правительству военную помощь. В случае необходимости они поставляли воинские контингенты и выступали в таких случаях в качестве «союзников» империи. Проф. С. Г. Каухчишвили пишет, что император Ираклий «создал в Малой Азии войско по новой системе и приобрел союзников; основными союзниками Ираклия становятся иберы, армяне, лазы, абхазы и хазары. Ираклий правильно учел значение закавказских народов для укрепления стойкости и усиления византийского войска. И действительно, Иберия, Лазика и Армения дали Ираклию значительно больше бойцов, чем могла дать уже обескровленная Малая Азия»[3].

---

[1] К. С. Кекелидзе, Этюды из истории древнегруз. лит., т. IV.

[2] *Там же стр. 297.*

[3] С. Каухчишвили, Лекции по истории Византии, ч. I, Тбилиси, 1948 г., стр. 15 (на груз. яз.).

Однако систематическое участие в бесконечных войнах Византии, даже на положении «союзников», не могло не вызывать недовольства со стороны народов Закавказья, в том числе грузин и абхазов. Закавказским народам были чужды захватнические устремления, которыми руководствовалось византийское правительство в своей военной политике. Поэтому всегда, когда этому благоприятствовали обстоятельства, они выступали против участия Византии в агрессивных войнах. Интересны в этом отношении события, связанные с персидским походом того же Ираклия в 623 г.

Византийский историк Феофан Хронограф рассказывает, что император Ираклий, не добившись существенных успехов в борьбе против персов в Восточном Закавказье, решил организовать вторжение в месопотамские владения Ирана. Но изнуренные войной боевые соединения закавказских народов отказались от дальнейшего участия в персидском походе, несмотря на настойчивые уговоры Ираклия. Феофан пишет: «Но войско не поддержало его (Ираклия) в этом, в особенности не соглашались его союзники из лазов, абазгов и иберов»[1]. Ираклию, по-видимому, пришлось применить по отношению к непокорным «союзникам» репрессии, о чем свидетельствует сообщение Феофана о том, что лазы, иберы и абхазы за свое непослушание «попали в большую беду»[2].

Военные действия для византийских войск складывались неудачно. Под напором персов Ираклий был вынужден отступить на Северный Кавказ, однако лазы и абазги не последовали за Ираклием и возвратились на родину. Феофан рассказывает об этом следующее: «Лазы и вместе с ними абазги испугались; они вышли из союза с римлянами и вернулись в свои страны»[3]. Однако совершенно очевидно, что действительной причиной ухода абазгов и лазов от Ираклия являлось нежелание проливать кровь где-то на чужбине, за абсолютно чуждые им политические цели.

Приведенный факт свидетельствует о том, что абазги и лазы тяготились зависимостью от Византии и в благоприятных условиях оказывали ей посильное сопротивление. Это обстоятельство подтверждается и другими источниками (хотя в целом рассматриваемый период в исторических материалах отражен весьма скупо).

Определенный интерес в этом отношении представляют некоторые сведения из цитированного выше письма инока Анастасия Феодосию Гангрскому.

---

[1] С. Каухчишвили, Лекции по истории Византии, ч. I, стр. 46.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 97.

Как повествует Анастасий, в Абазгию приехал, с целью оказать ему поддержку, один из видных приверженцев Максима Исповедника диофизит Степан. Характерно, что Степан прибыл не в Лазику, правители которой в то время (60-е годы VII в.), как видно, проявляли покорность Византии и держали у себя в заключении сосланного византийским правительством Анастасия, а направился в Абазгию, где, надо полагать, антивизантийские настроения были сильнее. Это видно из того, что правитель Абазгии дружелюбно принял Степана, являвшегося приверженцем религиозного направления, подвергавшегося в Византин гонению. Анастасий сообщает, что правящне круги Абазгии приняли Степана «с большой охотой и любовью»[1].

Впоследствии выяснилось, что не только в Абазгии, но и в соседней Апсилии и даже в собственно Лазике у Степана оказалось немало покровителей. Анастасий повествует далее, что Степан, «подобно духовному коню, обошел всю Лазику, Апсилию н Абазгию и смело проповедывал как истину, так и новое направление»[2]. То обстоятельство, что проповеднику диофизитства позволяли сводобно распространять свое учение в вассальных от Внзантии странах, красноречнво свидетельствует, насколько велико было в этих странах недовольство политикой Византин.

В заключение Анастасий рассказывает, что Степан до конца своих дней оставался в Абазгии. Он умер «в доме правителя Абазгии — христолюбивого человека»[3].

Как свидетельствуют различные источники VII—VIII в.в., в течение этого периода полнтический конфликт между Лазикой н Абазгией, с одной стороны, и Визаитнйской империей, с другой, — систематнческн обострялся. Это объяснялось не только возрастающим иедовольством против византийского политического господства, но и в немалой степени все более увеличивающимся расхождением между внзантийской и общегрузинской формами утверждающихся феодальных отношений.

Хотя в VII столетии Византия в основном уже потеряла характер рабовладельческого государства и по мере развития крепостнических отношений все более превращалась в феодальное, однако форма сложившегося в тот период в Византии феодализма, как это уже отмечалось выше, оиа никак не могла импонировать господствующим элементам грузинского и вместе с ним абхазского обществ.

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 46.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 47.

Дело в том, что процесс феодализации Византии был, как известно, теснейшим образом связан с колонизацией на территории империи «варварских» племен, преимущественно славян. К середине VII века славяне расселились почти на всей территории Балканского полуострова и в значительном количестве проникли даже в Малую Азию. «Рабы и колоны, боровшиеся против рабовладельческих порядков, естественно, видели в славянах своих союзников... Заселение территории Византии славянами, у которых господствовали общинные отношения, привело к широкому распространению в ней свободной крестьянской общины. Значительная часть земель была отнята у крупных землевладельцев и перешла в руки свободных крестьян»[1].

Таким образом, в Византии переход от рабовладельческих отношений к феодальным осуществлялся в значительной части через временное усиление и рост общинных отношений и мелкокрестьянского землевладения. К середине VIII в. свободные земледельцы, объединенные в соседскую общину, становятся основной социальной категорией сельского населения Византии[2].

В сравнении с Византией процесс утверждения феодальных отношений в Грузии отличался существенными особенностями. Здесь развитие феодализма осуществлялось не только путем феодализации элементов рабовладельческого уклада, пережиточно сохранившегося от прежних времен, но и преимущественно путем борьбы молодого, крепнущего феодального уклада с патриархально-общинными отношениями. Грузинские феодалы активно наступали на сельских общинников, закрепощали их, присваивали общинные владения. В течение VII—IX вв. этот процесс сделал значительные успехи. К началу X века в ведущих районах Грузии основная масса непосредственных производителей фактически была почти полностью закрепощена.

Таким образом, феодализация Грузии осуществлялась не через укрепление и развитие сельской общины под влиянием распространявшейся свободной «варварской» общины, как это происходило в Византии, а, наоборот, через постепенную ликвидацию сельской общины, за счет которой систематически возрастал феодальный уклад.

Такая форма феодальных отношений, конечно, больше соответствовала интересам нарождающейся абхазской феодальной знати, которая, разумеется, не могла не быть в курсе социально-экономических явлений, происходивших в Ви-

---

[1] Всемирная история, т. III, стр. 91.
[2] Там же, стр. 212.

зантии. Неудивительно поэтому, что господствующие слои абхазского общества в лице местных феодалов должны были тяготеть не к Византии, а к Грузии, с которой абхазов связывали также этническое родство и традиции многовекового исторического единства.

В таких условиях, разумеется, абхазы должны были активно включиться и действительно включились в общую борьбу против византийских захватчиков, господствовавших в Западной Грузии и все время стремившихся установить свое господство и в Восточной Грузии.

Так, в 686 г. византийцы в борьбе с арабами достигли значительных успехов и сумели покорить Иберию и Армению[1]. Однако им удалось удержаться здесь недолго. Спустя три года сюда вторглись хазары, которые к этому времени создали мощное «варварское» государство в степях Нижнего Поволжья и Предкавказья. Хазары сумели вытеснить византийцев из Иберии и подвергнуть опустошению как Картли, так и значительную часть Армении и Албании[2].

Вскоре положение Византии ухудшается еще больше. В конце VII — начале VIII вв. она переживает период политической анархии, вызванный острой борьбой различных группировок господствующего класса за престол[3].

Создавшейся обстановкой более всех воспользовались арабы. К концу VII в. они сравнительно прочно укрепились в Картли. «В то же время в Западной Грузии повторилась старая история. Эгрисцы против одного врага попытались использовать другого противника»[4]. В 697 г. лазский правитель поднял восстание против византийцев и пригласил в свою страну арабов. Феофан Хронограф сообщает, что «в этом году (697 г.) восстал патрикий Лазики Сергий, сын Барнука, и подчинил эту страну арабам»[5].

К началу VIII века арабские войска разместились в столице Эгриси Цихе-Годжи и в некоторых крепостях Кодорского ущелья, т. е. непосредственно на территории Абхазии — в Апсилии и Мисимини.

Вместе с Лазикой от Византии отложились и абазги, как это видно из последующих событий. Чтобы отомстить абазгам и лазам за «измену», византийское правительство решило использовать для этой цели аланов. Оно направило к ним искусного дипломата Льва Исавра (будущего императора) с поручением инспирировать аланов на опустоши-

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.
[2] История Грузии, 1958 г., стр. 116.
[3] Всемирная история, т. III, стр. 216.
[4] История Грузии, 1958 г., стр. 116.
[5] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 105.

тельные вторжения в Лазику и, главным образом, в Абазгию. Феофан по этому поводу пишет: «Юстиниан послал (Льва Исавра) в Аланию; он дал ему огромную сумму денег и повелел натравить аланов на абазгов»[1].

Лев Исавр прибыл в Лазику и через Апсилию сумел пробраться к аланам. Однако взятые с собой деньги он, на всякий случай, припрятал в Фазисе (Поти). «Аланы, — рассказывает далее Феофан, — приняли его с большой почестью, послушались его, вторглись в Абазгию и опустошили эту страну»[2].

Правящие круги Абазгии решили заполучить Льва Исавра из Алании и направили туда с этой целью послов, которые заявили аланам, что Лев Исавр обманывает их и что византийский император направил его в Аланию с единственной целью погубить его, т. к. видел в нем своего соперника. Послы предложили аланам выдать им Исавра, пообещав за это три тысячи золотых монет. Но аланы не поверили им и ответили, что из-за денег они не изменят Византии. Тогда абазги вновь отправили послов к аланам и предложили за Льва Исавра уже 6 тыс. монет. Теперь аланские вожди не устояли перед таким искушением и ответили послам, что они принимают их предложение. В то же время аланы не решались порвать с Византией и сообщили Исавру, что они лишь притворно согласились на предложение абазгов, дабы получить возможность произвести разведку на территории Абазгии, пообещав ему по пути напасть на абазгов и отбить его. Это им удалось удачно осуществить.

Вслед за этим аланы (по-видимому, опять по наущению Исавра) совершили новое вторжение в абхазские «клисуры» и увели с собой много пленных[3].

Спустя некоторое время византийский император прислал письмо правителю Абазгии, в котором просил спасти Исавра и доставить его невредимым в Византию. За исполнение этого приказа, писал он, «я прощу вам все ваши ошибки»[4]. Под «ошибками» абазгов Юстиниан, надо полагать, имел в виду их отпадение от Византии и переход на сторону арабов.

Как сообщает Феофан, абазги «с радостью услышали это (предложение императора)»[5]. Однако, несомненно, эта «радость» была вызвана не желанием восстановить прежнее господство Византии, а использовать ее в борьбе против

---

[1] «Георгика», т. IV, стр. 106—110.
[2] Там же, стр. 106.
[3] Там же, стр. 107—109.
[4] Там же, стр. 109—110.
[5] Там же, стр. 110.

арабских захватчиков, которые за весьма короткий срок показали, что они никак не могут сойти за силу, способную помочь народам Западной Грузии избавиться от иноземных захватчиков, а, наоборот, проявили себя намного хуже византийских поработителей.

Чтобы исполнить повеление императора, абазги снова отправляют послов к аланам с предложением выдать им Льва Исавра для отправки его в Византию[1]. Но Исавр не доверял абазгам и наотрез отказался возвращаться в Византию «Абхазским путем». Лишь спустя определенное время Льву Исавру с помощью апсилов, восставших против арабов, удалось выбраться из Абхазии.

В дальнейшем, в процессе борьбы против арабских захватчиков, правитель Абазгии Леон I был вынужден укрепить военно-политический союз с Византией. П. Ингороква по этому поводу пишет: «Для Леона I, как реального политика, разумеется, должно было быть ясно, что он не сумел бы удержать за собой ни абхазские края, ни продолжать борьбу за освобождение Западной Грузии от мировой арабской империи — против Омеядского халифата, если бы он не стал опираться на другую большую международную силу той эпохи, т. е. на Византийскую империю»[2]. Леон I, так же как и Арчил Картлийский, должен был пойти на компромисс с Византией, но в тех исторических условиях это было действительно наименьшим злом, в сравнении с утверждением арабского владычества[3].

В силу этого компромисса, как отмечалось, вассальная зависимость образовавшегося в этот период объединенного Абхазского княжества все же сохранялась. Недаром грузинские источники называют Леона I «эриставом кесаря», т. е. византийского императора, а по византийским известиям «князь абазгов принадлежал к числу тех династов, которые получили от императора «приказ» («келевсис»)».

Однако зависимость Леона I от Византии была относительно слабее, чем зависимость прежних правителей Абазгии. Поэтому нам кажется правильным предположение К. Кудрявцева, что «Леон являлся не чиновником, а полунезависимым владетелем, вассальным князем, а Абазгия — «полунезависимым владением», хотя и находившимся под политическим и экономическим влиянием Византии[4].

Наряду с этим следует подчеркнуть, что теперь объе-

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. 1, стр. 110.
[2] П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 197.
[3] Там же, стр. 198.
[4] К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, Сухуми, 1922, (1925 г.), стр. 87.

диненное Абхазское княжество представляло собой намного более крупную политическую единицу, нежели прежняя небольшая Абазгия. Поэтому оно могло рассчитывать иа значительно большие успехи в дальнейшей борьбе против византийских захватчиков, которая действительно привела к концу VIII в. к полному освобождеиию Абхазии и всей Западной Грузии от владычества Византии.

5. Борьба грузин и абхазов за изгнание арабских захватчиков из Западной Грузии

В 30-х гг. VII в. на политическую арену Блнжнего Востока выступает новая агрессивная сила в лице арабских захватчиков. Воспользовавшись тем обстоятельством, что прежние «мировые империи»—Византия и сасанидский Иран—значительно ослабли в результате бесконечных войн, которые они вели друг с другом, арабы в короткий срок сумели достичь больших успехов в своем завоевательном движении. Разгромив Иранское государство, арабы уже в 640 г. вторглись в Закавказье (в Армению), а спустя два-три года попытались утвердиться в Картли, но были оттуда изгнаны. Однако в 654 г. картлийский эрисмтавар был вынужден заключить с арабами соглашение, по которому Картли стаиовилась данницей халифата.

Приблизительно к этому времени (к середине VII в.) относится и первое столкновение абхазов с арабами. В этот период, как мы знаем, абхазское княжество находилось в вассальной зависимости от Византии и должно было поддерживать ее в борьбе против арабов. Как сообщает арабский историк IX в. Баладзори, арабский военачальник Хабиб ибн Маслам (тот самый, который в 654 г. наложил дань на Картлн) получил от халифа указание завоевать византийскую фему (админнстративную область) Армениакос, и здесь, при осуществлении этого военного мероприятия, ему пришлось столкнуться с «союзнnками» Византии — аланами, абазгами и хазарами.

Баладзори сообщает халифу по этому поводу следующее: «Осман, сделавшись халифом, послал... Хабибу приказ о вторжении в Армению; и тот поспешил туда с шестью тысячами, а по другой версии с восьмью тысячами сирийцев и жителей Джазиры. И прибыл он в Каликале (администр. центр фемы Армениакос — З. А.) и осадил ее; и выступили жители против него, и он сражался с ними и заставил возвратиться в город; тогда они попросили пощады и согласились покинуть страну и платить подушную подать. И он выселил многих из ннх, и оии ушли в византийские области.

...И провел Хабиб со своими в Каликале несколько месяцев, но, узнав о том, что патрикий (фемы) Армениакос собирает против мусульман большие войска и что к нему присоединились вспомогательные отряды жителей Аллана, Апхаза, Самандра и Хазар, он обратился к Осману с просьбой о помощи и тот написал Моавии, чтобы он направил к нему (Хабибу) тех из сирийцев и жителей Джазиры, которые пожелают участвовать в священной войне и добыче.

... Получив донесение Хабиба, Осман (приказал) своему наместнику в Куфе выслать Хабибу подкрепление под командованием Сальмана аль-Хайля, (который) отправился к Хабибу во главе шести тысяч куфийцев. Тем временем успели появиться византийцы со своими (союзниками) и расположиться на Евфрате еще до прибытия подкрепления к Хабибу. Тем не менее, мусульманы напали на них ночью, разгромили их и убили предводителя»[1].

Так закончилась первая встреча абхазов с арабскими захватчиками. Тогда они выступили в защиту Армении, но в следующий раз, в самом конце VII в., им пришлось уже столкнуться с арабами на своей собственной территории.

На исходе VII столетия арабам, по-видимому, удалось утвердиться в Восточной Грузии прочнее. Об этом свидетельствует тот факт, что с данного времени они развивают активную политику по отношению к Западной Грузии. Успеха в этом направлении они могли достигнуть, лишь закрепившись в Восточном Закавказье, в том числе и в Картли[2].

Как выше уже сообщалось, в 697 г. в Лазике началось восстание против византийского господства, и лазский патрикий Сергий Барнукович призвал на помощь арабов. Последние не замедлили явиться и вскоре овладели почти всей Западной Грузией. Византийцы сумели закрепиться в некоторых приморских крепостях. Феофан Хронограф свидетельствует, что в начале VIII в. «сарицины (арабы) владели Абазгией, Лазикой и Иберией»[3]. Как видно из сообщения того же Феофана, арабские захватчики в целом ряде пунктов Абхазии разместили свои гарнизоны. В частности, он указывает, что сильный византийский гарнизон находился в «Железной крепости», которая была расположена в горах по Кодорскому ущелью. Здесь, очевидно, имеется в виду главное укрепление мисимиян Тсахар, которое, как это видно из приведенного выше свидетельства Агафия, еще в VI в. «называ-

---

[1] Баладзори, Книга завоевания стран, изд. П Жузе, Баку, 1927 г., стр. 8.

[2] С. Джанашиа, Арабы в Грузии, Труды, т. II, стр. 368.

[3] «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 106.

ли железным за неприступность»[1]. Учитывая большое стратегическое положение Тсахара, арабы обязательно должны были овладеть им.

Однако арабские захватчики сразу же проявили свое агрессивное лицо, о чем свидетельствует то обстоятельство, что вскоре после их утверждения в Лазике и Абхазии почти везде, как это видно по целому ряду прямых и косвенных показаний того времени, стали возникать очаги антиарабского движения. П. Ингороква справедливо отмечает, что Западная Грузия не только не добилась с помощью арабов свободы, но, наоборот, «византийское владычество сменилось еще более тяжелым ярмом арабов»[2].

И действительно, арабское господство вызывало широкое недовольство как среди господствующего класса, так и среди народных масс. Дело в том, что по мусульманскому праву, которое арабы стремились утвердить повсюду в завоеванных странах, собственником земли могло быть только арабское государство. Среди арабов в VII—VIII в.в. преобладала государственная феодальная собственность на землю и воду. Такую же форму они стремились ввести в завоеванных странах, и в частности в Закавказье[3]. На территории нынешнего Азербайджана арабам довольно быстро удалось лишить местных феодалов земли и перевести ее в государственный фонд, но в Армении и, в особенности, в Грузии они натолкнулись на сильное сопротивление местных феодалов, не желавшим уступать свою собственность захватчикам. По арабским законам, частные владельцы могли получить землю лишь на началах условного феодального держания («икта»), которое давалось лишь во временное или пожизненное пользование служилым людям, мусульманам по вероисповеданию.

Совершенно очевидно, что грузинские и абхазские феодалы не могли примириться с коренным перераспределением земель, при котором львиную долю ее прибирали к своим рукам захватчики.

Недовольство широких народных масс, и в первую очередь крестьянства, вызывалось не только установлением национального гнета, но и тем обстоятельством, что господство арабов влекло за собой значительное ухудшение их социального положения. Арабское завоевание способствовало сохранению наиболее грубых и тяжелых форм эксплуатации трудящихся; в частности, превращая многих пленников

---

[1] Агафий, О царствовании Юстиниана, стр. 119.
[2] П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 196.
[3] Всемирная история, т. III, стр. 115.

в рабов, арабы создавали условия для продления существования рабовладельческого уклада в феодальном обществе[1]. Ясно, что такое положение должно было вызвать со стороны народных масс завоеванных стран самое упорное сопротивление арабским захватчикам, которое и в данном случае возглавляли прогрессирующие в ту эпоху феодальные элементы.

Но поскольку население Западной Грузии не могло собственными силами справиться с арабами, то оно снова было вынуждено, как отмечалось выше, обратиться за поддержкой к Византии, которая, разумеется, с радостью воспользовалась этим в своих собственных политических интересах, сводившихся, в первую очередь, к восстановлению ее политического сюзеренитета над Лазикой и Абхазией. Правящим кругам этих стран ничего другого не оставалось, как примириться с этими притязаниями Византии.

Однако борьба народных масс Лазики и Абхазии началась еще задолго до того, как правящие круги этих стран восстановили политический контакт с Византией. Интересные сведения об этом содержатся в рассказе Феофана Хронографа о деятельности Льва Исавра в Алании и Абхазии.

Выше мы уже говорили о том, что Исавр отказался уехать через Абхазию и предпочел до поры отсиживаться в Алании. Там ему стало известно, что в горах Апсилии и Мисиминии появился византийский отряд, который попал туда следующим образом. Феофан Хронограф рассказывает, что в Лазику вторглись византийские войска, которые вместе с вспомогательным отрядом из Армении действовали против арабов. «Спустя немного времени, когда римляне и армяне вступили в Лазику и осадили Археополь, они узнали о приходе сарацинов и вернулись обратно»[2]. В Лазике, сообщает далее Феофан, застрял лишь небольшой отряд в двести человек из византийцев и армян, которые скрываясь от преследований арабов, пробрались в абхазские горы и укрепились там, «добывая себе пропитание грабежом»[3].

Исавр принял этот отряд за византийское войско и пробрался к нему. Арабы в это время занимали «Железную крепость» (Тсахар?), и Лев Исавр решил овладеть ею, когда узнал, что комендантом ее был некто Фарсман, армянин по национальности. Он направил к нему для переговоров армян из своего отряда, но Фарсман не согласился уступить крепость византийцам. Однако Льву Исавру удалось пере-

[1] Всемирная история, т. III, стр. 112.
[2] «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 110.
[3] Там же.

хитрить арабов, организовать истребление крепостной стражи и насильственно овладеть крепостью. В этом деле византийцам активно помогли апсилы.

Местное население, недовольное хозяйничанием арабов в их стране, восстало против них и выступило на поддержку Льва Исавра. Феофан рассказывает, что на подмогу к нему прибыл отряд апсилов из трехсот человек во главе с «первейшим среди апсилов» Маринэ. Когда комендант крепости Фарсман узнал о переходе апсилов на сторону византийцев, то он запросил мира, пообещав Льву Исавру в заложники своего сына. Но Исавр отказался, и византийцы вместе с апсилами захватили крепость, жестоко расправились с арабами, а «стены крепости сравняли с землей»[1].

Вскоре после этого Лев Исавр со своим отрядом в сопровождении Маринэ направился в Апсилию, где «апсилы приняли его с большим почетом». Затем Маринэ вывел его к берегу моря, оттуда Исавр на корабле уехал в Византию»[2].

Однако этот частичный успех не мог, разумеется, решить вопрос об освобождении Абхазии от арабского владычества. Арабам удалось продержаться здесь еще около тридцати лет. Территорию Абхазии арабы превратили в один из плацдармов борьбы против хазарского Хаканата. Армянский историк Моисей Каганкатваци сообщает, что в конце 20-х годов VIII в. арабский полководец Джахар (Джахар ибн-Абдуллах) через Абхазию два раза вторгался в Хазарию (очевидно, через Клухорский перевал)[3].

Абхазы, несомненно, должны были использовать это обстоятельство в своих интересах и, борясь с арабами, установить военно-политические связи с хазарами, которые с VII в. стали играть значительную роль на Северном Кавказе и в середине того же столетия, как отмечалось, образовали сильное независимое государство. О политических связях абхазов с хазарами свидетельствует то обстоятельство, что брат Леона I Феодор был женат на дочери хазарского царя (хакана).

Критический момент в борьбе с арабами Абхазия пережила во второй половине 30-х г.г. VIII в. во время нашествия жестокого арабского полководца Мурвана ибн-Мухаммеда, прозванного за свою жестокость «Кру» (что означает «глухой»)[4].

---

[1] «Георгика» т. IV, ч. 1, стр. 117.
[2] Там же.
[3] М. Каганкатваци, История агван, СПБ, 1861, стр. 261.
[4] «Жизнь Грузии», стр. 233.

Мурван вначале вторгся в Картли и овладел Восточной Грузией, подвергая страшному опустошению все на своем пути. Джуаншер рассказывает, что «цари картлийские и все их близкие бежали в Эгриси, а через нее скрылись в Абхазии»[1]. Преследуя их, Мурван Кру вторгся в Западную Грузию и захватил «все города и укрепления эгрисской страны и (среди них) опоясанную тремя стенами крепость Цихе-Годжи. Оттуда Мурван вступил в Абхазию; прорвал укрепления Келасурской стены, занял «город Апсилии Цхуми» и осадил Анакопийскую крепость, в которой засели царь Картли Арчил и брат его Мир. Леон I находился в этот момент в крепости Собгиси у «осетинского перевала»[2].

В Анакопии у Арчила и Мира были собраны сравнительно незначительные силы. По сообщению Джуаншера, «было с ними небольшое число тадзреулов (царские военные служители — З. А.) и людей эриставов и питиахшей до одной тысячи человек, да из абхазского войска две тысячи бойцов»[3]. Таким образом, войскам Мурвана Кру, «по численности равным темной туче саранчи и комаров», у стен анакопийской цитадели противостояли всего три тысячи грузин и абхазов, которые оказали захватчикам упорное сопротивление.

Мурвану так и не удалось овладеть Анакопией. Летописец сообщает, что среди арабских войск началась эпидемическая болезнь желудка, которая истребила их в количестве до 35 тысяч человек, а в боях «мечем» было истреблено до трех тысяч арабов[4]. Сколь не преувеличена по этим сведениям численность арабских потерь, они, видимо, действительно были велики, и Мурвану Кру пришлось очистить Абхазию, а затем и Эгриси.

Но если совместная борьба грузин и абхазов привела к изгнанию арабских захватчиков из Западной Грузии, зато после похода Мурвана арабам удалось прочно укрепиться в Картли[5].

Последний раз арабы сделали попытку овладеть Абхазией в 738 г. Как сообщает Феофан Хронограф, арабские войска под руководством Сулеймана ибн-Исама вступили в Апсилию и Мисиминию. Здесь они на короткое время вновь овладели «Железной крепостью», где пленили Евстафия, сына «блистательного патрикия» Маринэ, того самого, по-видимому, о котором рассказывалось выше. Арабы вскоре были

[1] «Жизнь Грузии», стр. 234.
[2] Там же, стр. 235.
[3] Там же, стр. 237.
[4] Там же, стр. 237.
[5] С. Джанашиа, Арабы в Грузии, Труды, т. II, стр. 376.

изгнаны из Абхазии, но они увезли с собой Евстафия, которого насильно пытались обратить в ислам. Не добившись своего, они предали его смертной казни[1].

Таким образом, неоднократные попытки арабских захватчиков утвердиться в Абхазии так и не увенчались успехом. Главную причину этой неудачи следует видеть в активной борьбе народных масс Лазики и Абхазии и их союзников из Восточной Грузии. Византийцы, к которым обращались за помощью Арчил, Мир и эристав Абхазии Леон накануне вторжения Мурвана Кру, в тот момент, как видно, не оказали им существенной помощи. Изгнание арабских захватчиков из Абхазии избавило страну от утверждения в ией чуждых форм общественной жизни и культуры, которые, несомненно, нанесли бы значительный вред этническому развитию абхазского народа.

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. I, стр. 115—116.

ГЛАВА IV

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО И АБХАЗЫ

1. Образование Абхазского царства

Вопрос об образовании Абхазского царства, т. е. вопрос о том, когда и каким образом произошло объединение Западной Грузии под гегемонией Абхазского княжества и оформление ее в независимое государство (царство), относился, ввиду скудности источников, к числу наиболее сложных проблем нашей историографии.

Важнейшее указание по этому вопросу содержится в анонимном историческом сочинении XI в. «Матианэ картлиса» («Летопись грузии»). Автор этого произведения по поводу интересующего нас события пишет следующее: «Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник (сын брата) эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был внуком (сыном дочери) хазарского царя, и, (воспользовавшись) силой их, отложился от греков, завладел („დაიპყრა") Абхазией и Эгриси до Лихи (до Лихского, или Сурамского хребта — З. А.), принял имя царя абхазов. Ибо мертв был эристав Иоанн и стар Джуаншер»[1].

Цитированный источник, как это явствует из приведенной выдержки, рассматривает процесс образования Западно-Грузинского («Абхазского») царства как единовременный акт, поскольку Леон с помощью хазар «отложился от греков и завладел Абхазией и Эгриси до Лихи». Значительная часть историков именно так и комментировала приведенное место из «Матианэ картлиса». Однако другие историки объясняли его иначе. Так, в изложении Вахушти, Леон II вначале использует помощь хазар в борьбе за превращение своего эриставства в наследственное владение, а затем повторно использует их для того, чтобы добиться независимости и царской власти[2]. Историк И. Калфоглы предложил другое пони-

[1] «Жизнь Грузии», стр. 251 (Иоанн и Джуаншер — сыновья Картлийского царя и правителя Эгриси Арчила).

[2] Вахушти, История, 1913 г., стр. 270—271.

мание этого места. В своей работе «Эллины на Кавказе» он пишет: «В 786 г. по р. Хр. Леон II очистил Анакопию от византийских войск и затем, получив подкрепление от князя хазарского, перешел в Мингрелию и Лазику и присоединил их к своему царству»[1], т. е. Леон абхазский сначала, якобы, освобождается от византийской зависимости, принимает титул царя и лишь после этого присоединяет к своему «царству» Эгриси.

На самом деле, присоединение Эгриси к Абхазии и образование независимого Абхазского царства были два разновременных акта, как это показал акад. С. Н. Джанашиа в своей работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства» (1940 г.), и произошли они в последовательности как раз противоположной той, на которую указывает И. Калфоглы. С. Джанашиа обратил внимание на то обстоятельство, что, по данным грузинского писателя VIII в. Иоане Сабанисдзе, содержащимся в его сочинении «Мученичество Або Тбилели» (написано в 80-х гг. VIII в.), Абхазское владетельство (пока еще «мтаварство», а не «царство») территориально охватывало уже всю Западную Грузию (подробнее речь о границах Абхазского царства будет вестись ниже), но политически оставалось еще в зависимости от византийского императора. В 80-х гг. VIII в. еще не сложились объективные условия для освобождения Абхазии от Византийской зависимости. Следовательно, вначале имело место объединение Западной Грузии под главенством абхазской династии, и лишь впоследствии произошло превращение этой новой политической единицы в самостоятельное царство.

Эти обстоятельства наводят на мысль, что автор «Матианэ картлиса» в цитированном выше месте имел в виду только один заключительный акт процесса образования Абхазского царства, а именно полное отложение Абхазии (объединенной Западной Грузии) от Византии и принятие Леоном II титула «царя абхазов». П. Ингороква правильно заметил, что, по указанию «Матианэ картлиса», «абхазский эристав не из Абхазии завладел Эгриси, а оба края, Абхазию и Эгриси до Лихи, захватил у византийцев и освободил от византийского господства»[2].

Что же касается вопроса о присоединении Эгриси к Абхазии, то по имеющимся материалам (правда, весьма скудным) можно привести следующие факты.

После изгнания из Западной Грузии арабов Арчил Картлийский правил в Эгриси еще в течение нескольких лет, пос-

---

[1] И. Калфоглы, Эллины на Кавказе, 1908 г., стр. 51.

[2] П. Ингороква, Георгий Мерчуле, стр. 116.

ле чего перебрался в Кахети[1]. Затем, после его гибели, правителем Эгриси утвердился сын его Иоанн[2]. В этот период «бывшее владение лазских царей было вконец расшатано и ослаблено большими войнами и враждебными действиями иностранных захватчиков, происходившими, главным образом, на территории ведущих плоскостных районов страны, а также бесконечными насилиями и поборами имперских чиновников»[3]. Абхазия, напротив, «сумела к этому времени накопить достаточное количество внутренних сил»[4]. И действительно, как отмечалось выше, Лазика взяла на себя основную тяжесть борьбы против персидских, византийских и арабских захватчиков, а кроме того, именно на территории Лазики происходили разорительные ирано-византийские и византийско-арабские войны. Все это, в конечном итоге, не могло не обессилить надолго Эгриси. Что же касается Абхазии, то она пострадала от этих войн значительно меньше и поэтому ее внутренние силы не только не слабели, а, наоборот, росли. Как мы знаем, после изгнания арабских захватчиков отдельные абхазские области объединились в одно крупное княжество, чему немало способствовало слияние нескольких небольших родственных этнических групп в единную абхазскую народность.

В этой связи важное значение имело, в частности, и то обстоятельство, что во второй половине VIII в. Абхазия была лучше ограждена от арабских захватчиков, которые к этому времени основательно укрепились в Восточной Грузии, т. е. в непосредственном соседстве с Эгриси. Постоянная угроза со стороны арабов ставила Эгриси перед необходимостью держаться прочного союза с Абхазией.

Все эти моменты должны были привести к тому, что Абхазия постепенно установила свое политическое влияние в Эгриси. Интересное указание на этот счет имеется у Вахушти. В своей «Истории» он пишет, что еще до смерти Иоанна «подчинялась ему (Леону) вся Эгриси и почитала его, ибо он был в родственных связях с их (эгрисским) царем»[5]. Напомним, что Леон I, дядя Леона II, был женат на двоюродной сестре эгрисского царя Иоанна. В данном случае Вахушти, как видно, ссылается на какой-то древний, не дошедший до нас источник, сообщение которого вполне заслуживает доверия.

---

1 «Жизнь Грузии», стр. 243.
2 Там же, стр. 249.
3 С. Джаншиа, Абхазия с I по X в.в., стр. 46.
4 Там же, стр. 57.
5 Вахушти, История Грузии, 1913 г., стр. 270.

Присоединение Эгриси к Абхазии, надо полагать, произошло не сразу, а исподволь подготовлялось в течение определенного времени. Сомнительно, чтобы этот серьезный акт произошел бы в результате «одного удара, сокрушившего Эгрисское царство», как в одно время предполагал С. Н. Джанашиа[1]. Что касается указания Вахушти на родство Леона абхазского с эгрисским царем Иоанном как на причину подчинения Эгриси Абхазии еще при жизни Иоанна, то этот момент может быть учтен лишь в качестве династического аргумента, которым, как видно, воспользовался Леон II, чтобы канонизировать присвоение им царских прав потомков Арчила на Эгриси. Характерно, что и автор «Матианэ картлиса» присвоение Леоном титула царя Абхазии и Эгриси ставит в связь с кончиной Иоанна и старостью Джуаншера.

Переходя к вопросу о конкретных обстоятельствах, при которых произошло присоединение Эгриси к Абхазии, следует, прежде всего, подчеркнуть, что у авторов, писавших по этому вопросу, не существует единого мнения о характере этого присоединения. Большинство исследователей считало, что здесь имел место насильственный акт, выразившийся в з а в о е в а н и и Эгриси Абхазией. Такого взгляда, например, придерживался цитированный выше И. Калфоглы.

Против подобного понимания факта объединения Абхазии и Эгриси решительно выступил П. Ингороква, который в своей книге «Георгий Мерчуле» пишет по этому вопросу следующее: «В грузинской историографии относительно образования Западно-Грузинского («Абхазского») царства принят тот взгляд, по которому во второй половине VIII в. якобы имело место завоевание („დაპყრობა“) Западной Грузии абхазами... и будто после этого в течение двух последующих столетий (9—10 века) была своего рода «абхазская эра» в истории Западной Грузии»[2].

Что касается так называемой «абхазской эры» в истории Западной Грузии, то мы на этом вопросе специально остановимся ниже, а пока отметим лишь, что, по нашему мнению, П. Ингороква прав, когда он возражает против тезиса о «завоевании» абхазами Эгрисского царства, хотя мы не можем согласиться с тем, что П. Ингороква ставит в упрек всей грузинской историографии и, в частности С. Джанашиа, категорическое утверждение о «завоевании».

---

[1] *С. Джанашиа, Труды, т. I, стр. 89.*

[2] См. П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 115.

Для подтверждения своего критического замечания П. Ингороква ссылается лишь на текст школьного учебника по истории Грузии (изд. 1944 г.), где действительно С. Джанашиа, очевидно под влиянием первоисточника, употребил выражение „დაიპყრო“, которое в современном грузинском языке употребляется только в смысле «завоевал». Однако в русском издании того же учебника (1946 г.) С. Джанашиа переводит его словом «присоединил», так что цитированное П. Ингороква место в русском переводе школьного учебника выглядит так: «К тому времени древнее Лазское царство уже было обессилено и абхазский князь легко присоединил к своим владениям Эгрнси и Аргвети»[1]. Более конкретно по этому вопросу С. Н. Джанашиа высказался в упомянутой выше работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства», где он пишет о «захвате» (или мирном присоединении с санкции императора) Лазики абхазским владетелем»[2]. Таким образом, акад. Джанашиа не настаивал именно на завоевании Эгриси абхазами, а допускал, как мы видим, возможность и «захвата» и «мирного присоединения». Более того, акад. С. Джанашиа не только не рассматривал факт объединения Абхазии и Эгриси как результат простого завоевания, а считал это явление исторически обусловленным. В одной из своих неопубликованных работ он писал по этому поводу: «Основное условие успешности политики Леона Абхазского нужно искать все же во внутреннем состоянии страны. Уже в течение довольно длительного времени перед тем в Западной Грузии постепенно развивались феодальные отношения. Интересы этого процесса и выдвигали вопрос о необходимости более обширной и более устойчивой политической формы, внутри которой феодальное общество и его хозяйство развивались бы свободнее, чем раньше. Задача заключалась, таким образом, в необходимости объединения Западной Грузии на феодальной основе»[3]. В другом месте той же работы акад. Джанашиа подчеркивал, что «переход от алчной, продажной и бесчеловечной византийской администрации к феодальной зависимости от абхазского эристава населению Эгриси должен был казаться более желательным для себя состоянием»[4].

С другой стороны, неправильно настаивать на мирном присоединении Эгриси к Абхазии только на том основании, что, якобы, слово „დაიპყრა“, употребленное автором «Матиа-

[1] История Грузии, 1946 г., стр. 152.

[2] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 339.

[3] С. Джанашиа, Абх. с I по X вв., стр. 57 (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН ГССР).

[4] Там же, стр. 47.

нэ картлиса», в древнегрузинском языке употреблялось лишь в смысле «овладел», а не «завоевал», как это делают П. Ингороква и некоторые другие исследователи. На самом деле слово „დაიპყრა", в зависимости от контекста, может быть переведено с древнегрузинского и как «завладел», и как «завоевал».Например, в той же летописи «Матиаиэ картлиса» рассказывается о борьбе тао-кларджетского правителя Ашота Куропалата против кахетинского мтавара Григола. В результате победы над Григолом Ашот «завоевал» („დაიპყრა") территорию от Кларджети до Ксани»[1]. Далее, сообщая о вторжении арабского военачальника Халила ибн-Изида в Грузию, автор летописи указывает, что Халил «завоевал Сомхети, Картли и Эрети»[2]. Или еще один пример из того же источника: в конце 80 гг. IX в. Баграт Абхазский с помощью византийского войска «завоевал Абхазию»[3]. Во всех приведенных случаях речь идет об о в л а д е н и и с помощью военной силы, а поэтому здесь слово „დაიპყრა" может быть переведено как «завоевал».

Тем не менее, как уже отмечалось выше, П. Ингороква, (несмотря на неверную аргументацию), стоит на правильных позициях, когда он настаивает на мирном присоединеиии Эгриси к Абхазии. На такой вывод наводит, прежде всего, характер взаимоотношений между Абхазией и Лазикой (Эгриси) в 40—70 гг. VIII столетия, а также различия во внутреннем положеиии обеих стран. Этот акт мог произойти тем более безболезненно, что Леон Абхазский, как мы знаем, находился в родстве с царским домом Арчила, правившим в Эгриси. Вахушти, надо полагать, не случайно подчеркивает это обстоятельство и, кроме того, отмечает следующую, заслуживающую внимания, деталь. «Отложился сей второй Леон (от греков) и силами хазар, а также, (пользуясь) п о д д е р ж к о й эгрисцев, завладел всей «залихской» Эгриси до моря и до Хазарии; и назвался царем абхазов, а название своего эриставства перенес и на Эгриси»[4]. В данной цитате для нас предствляет интерес следующий момент, отсутствующий у автора «Матианэ картлиса», а именно, что в борьбе против Византии и в деле объединения Западной Грузии Леон Абхазский пользовался «поддержкой» эгрисцев. Весьма сомнительно, чтобы Вахушти, который хорошо известен как весьма добросовестиый историк, добавил бы здесь что-нибудь от се-

[1] «Жизнь Грузии», стр. 253.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 261.
[4] Вахушти, История Грузии, 1913 г., стр. 271.

бя. И здесь, по-видимому, он опирается на какой-то неизвестный нам источник или историческую традицию, в которой присоединение Эгриси к Абхазии осмысливалось как мирный процесс.

Тем не менее недостаток источников не позволяет нам категорически утверждать, что объединение Абхазии и Эгриси в одну политическую единицу было осуществлено только мирным путем при отсутствии какого бы то ни было насилия со стороны абхазского владетеля. Вполне допустимо, что какие-то элементы эгрисского общества, вероятнее всего из среды крупной феодальной знати, могли оказать сопротивление объединительной политике Леона II, однако общественные силы, поддерживавшие такую политику, были, по-видимому, значительно сильнее, поскольку это объединение диктовалось объективной необходимостью.

Вместе с тем не следует забывать, что присоединение Эгриси к Абхазии, в какой бы форме это не произошло, не было чисто внутренним явлением, а имело еще и внешнеполитическую сторону, поскольку Эгриси, как и Абхазия, являлись вассальными владениями Византийской империи. В том или ином виде византийское правительство должно было санкционировать этот важный политический акт.

Нам кажется, что присоединение Эгриси к Абхазии вероятнее всего могло произойти в годы правления византийского императора Льва Хазара (775—780 гг.), которому Леон Абхазский приходился двоюродным братом, поскольку оба они были со стороны матерей внуками хазарского хакана и приблизительно ровесниками. С. Н. Джанашиа справедливо заметил, что столь близкие родственные отношения с византийским императором абхазский владетель мог использовать в своих интересах, хотя и «дело тут не могло выйти за пределы расширения объема эриставской власти и подчиненной ей территории»[1]. Кроме родственных отношений Леона со своим тезкой — византийским императором, которые, конечно, могли сыграть определенную роль в развязке событий, следует прежде всего учитывать, что в годы правления Льва Хазара Византия чувствовала себя еще достаточно могущественной, чтобы не опасаться усиления Абхазского княжества. Наоборот, объединение Абхазии и Эгриси под властью Леона Абхазского, связанного с византийской царской династией родственными отношениями, могло в тот период даже соответствовать интересам правящей византийской верхушки, поскольку создава-

[1] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 331.

лось относительно мощное, зависимое от Византии, буферное государство между византийской империей, с одной стороны, и хазарским хаканатом и арабскими владениями в Восточной Грузии, — с другой. Разумеется, что в 70-х гг. VIII в. в Византии никто не мог предвидеть, как сложатся события в конце того же столетия.

Присоединение Эгриси к Абхазии скорее всего могло произойти около 778 г., когда византийские войска одержали большую победу над арабами при Германикии и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрешить Леону Абхазскому расширить подвластную ему территорию за счет Эгриси. Во всяком случае это произошло не позднее начала 80-х гг. VIII в., когда, по свидетельству И. Сабанисдзе, «Абхазия» — это уже вся Западная Грузия. Вместе с тем византийское правительство рассчитывало, по-видимому, освободиться от всех забот по непосредственному управлению Лазикой и возложить их на Леона Абхазского. Однако при всем этом главную причину объединения Абхазии и Эгриси в одно княжество следует видеть во внутренних обстоятельствах, с которыми Византия в той или иной степени должна была посчитаться, особенно если учесть ее непосредственное соседство с арабскими и хазарскими владениями, т. е. действительным и возможным противниками Византии.

Переходя к вопросу о заключительном этапе образования Абхазского царства, т. е. об отделении его от Византии и принятии Леоном Абхазским титула «царя абхазов», следует прежде всего отметить, что положение Абхазского княжества после включения в его состав всей Западной Грузии значительно улучшается. Уже в цитированном выше сочинении И. Сабанисдзе дается яркая характеристика внутреннего состояния Абхазии (Западной Грузии) в 80-х гг. VIII в. В нем, в частности, рассказывается о переезде из Хазарии в Абхазию картлийского правителя Нерсе и его свиты, в которую входил и молодой араб Або, отвергший ислам и принявший христианскую веру. И. Сабанисдзе пишет: «По прошествии некоторого времени Нерсе стал просить северного (хазарского) царя отпустить его в страну Абхазскую, куда он с самого начала отправил мать, жену с детьми и всех своих домочадцев, а также и имущество свое, ибо страна та была защищена от страха перед сарацинами. Бог укротил сердце северного царя и он отпустил Нерсе со многими дарами... Когда они прибыли в Абхазскую страну, князь той страны принял Нерсе со всеми его приближенными. Нерсе увидел государыню — мать свою, жену и детей своих; все они с радостью возблагодарили бога, что собрались они вместе живыми и благополучно.

Когда князь Абхазский узнал, что блаженный Або новокрещенный, он очень обрадовался со всем народом своим. Князь, епископ и священники призвали Або и благословили его, возвещали ему слова спасения и благовествовали о Христе и вечной жизни. Он же от себя отвечал им словами истинной веры до того, что те удивились и благословляли бога. Больше всех благодарил бога блаженный Або потому, что нашел он ту страну полной верующих в Христа и никого неверующих не было среди коренных [жителей] в ее пределах. Ибо границей ее [Абхазии] является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней находится Трапезунт, поселение Апсареа и Напсайская гавань. И подвластны города те и места слуге христову, ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе»[1].

Комментируя это место из сочинения И. Сабанисдзе, акад. С. Джанашиа справедливо пишет, что данное «описание внутреннего состояния Абхазии так и дышит благополучием и рисует силы, накопленные в результате предыдущего развития страны и позволившие абхазскому эриставу в скором времени освободиться от всякой иноземной зависимости»[2]. С. Н. Джанашиа обращает внимание, в частности, на то обстоятельство, что, в противовес автору «Матианэ картлиса», И. Сабанисдзе, который является современником изучаемой эпохи, наделяет абхазского владетеля титулом «мтавари» (владетельный князь), а не «эристави». Эти термины выражали в древнегрузинском различные понятия: «мтавари» — это наследственный князь, пользующийся определенными суверенными правами, а «эристави» означает преимущественно царского чиновника, правителя провинции, воеводу. «Таким образом, абхазский владетель уже стоит прочно на пути своего освобождения от какой бы то ни было иностранной зависимости, но конечной цели еще не достиг»[3].

Следует, однако, отметить, что еще Леон I, несмотря на то, что он именуется в источниках «эриставом» (Джуаншер и автор «Матианэ картлиса»), получил, как мы знаем, Абхазию в «наследственное владение»[4]. Неслучайно, что одним из его ближайших преемников является родной племянник («сын брата»), который и фигурирует в сочинении И. Сабанисдзе в качестве «мтавара» Абхазии, хотя и без упоми-

---

[1] См. К. Кекелидзе, Раннефеодальная Грузинская литература, Тбилиси, 1935 г., стр. 65—66 (на груз. яз.).
[2] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 336.
[3] Там же, стр. 337.
[4] «Жизнь Грузии», стр. 251.

нания его имени. Поэтому вряд ли можно видеть существенное несоответствие между «Матианэ картлиса» и Сабанисдзе в вопросе о титуловании абхазского владетеля. В истории Грузии того периода (т. е. в условиях феодально-политической раздробленности) известны случаи, когда объем и характер власти того или иного эристава не уступали в этом отношении власти иного мтавара.

Несомненно, однако, что степень зависимости абхазского владетеля от Византии была в 80-х гг. VIII в. слабее, чем во времена Леона I.

Объективные условия для полного освобождения Абхазского княжества от византийской зависимости и превращения этого княжества в более развитую политическую единицу — в царство возникли лишь в самом конце VIII в. Этот сложный вопрос удачно разрешил акад. С. Джанашиа в упомянутой выше работе «О времени и условиях возникновения Абхазского царства»[1].

Еще царевич Вахушти, первый из грузинских историков, считал, что воцарение абхазского эристава Леона произошло в 786 г.[2] Но Вахушти, к сожалению, не указал, на чем он основывает эту дату. Акад. М. Броссе, находясь, по-видимому, под влиянием настроения Вахушти в этом вопросе, также считал 786 год датой воцарения Леона[3]. Впоследствии Е. Такайшвили, опираясь на обнаруженный им грузинский подлинник генеологического списка абхазских царей, попытался, путем обратного от Баграта III вычисления, установить годы правления перечисленных в списке абхазских династов и для Леона получил годы 746—791[4]. Эту датировку принял и акад. И. Джавахишвили[5].

В упомянутой работе акад. Джанашиа критически анализирует соображения Такайшвили, а также и других исследователей, и, исходя из указания «Матианэ картлиса» об обстоятельствах воцарения Леона II (ослабление греков и помощь Леону со стороны хазар), приходит к выводу, что наиболее благоприятные условия для отпадения Леона от Византии создаются лишь в конце VIII в. К этому времени, в частности в период правления императрицы Ирины (797—802 гг.), внутреннее и внешне-политическое положение Ви-

---

[1] См. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 322—341.

[2] Вахушти, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1885 г., стр. 118 (на груз. яз.).

[3] М. Броссе, Additions et eclarissements â l'Historie de la Jeorgie p. 137—175.

[4] Е. Такайшвили, «Дзвели Сакартвело» т. II, Тбилиси, 1911 г., стр. 28—54.

[5] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, 1948 г., стр. 90 (на груз. яз.).

зантии резко ухудшилось. «Нужно думать, — пишет акад. Джанашиа, — что именно в это смутное время, может быть, после 797 года, в единоличное правление Ирины, и совершил Леон Абхазский свой акт»[1]. В это же время абхазскому эриставу мог помочь и хазарский хакан, который должен был мстить Ирине, захватившей власть в результате свержения и ослепления своего сына Константина VI, приходившегося хакану близким родственником (по-видимому, племянником). Важно отметить, что как раз в этот период (90-е годы VIII в.) Хазария вела активную борьбу с Византией за господство на Крымском полуострове[2].

Таким образом, к концу VIII в. процесс образования самостоятельного Абхазского царства завершился.

По своему этническому составу Абхазское царство не было однородным. В его состав вошли не только собственно Абхазия и Эгриси, но и Сванетия, а также все земли Западной Грузии вплоть до Лихского (Сурамского) хребта, как на это указывает автор «Матианэ картлиса». С. Н. Джанашиа правильно отмечал, что в деле объединения Западной Грузии Леон абхазский пошел дальше лазских царей, поскольку он присоединил к своим владениям и Аргвети»[3], т. е. область, уже с античного времени населенную картами. При Леоне же, как свидетельствует Вахушти, началось и массовое проникновение картов в юго-западную часть Эгриси, которая в течение долгого времени была мало заселена. Еще Прокопий в VI в. свидетельствовал, что по левобережью Фазиса (Риони) не было почти лазских поселений[4]. Вахушти о заселении этой области картами (гурийцами) пишет следующее: «После того, как воцарился Леон Абхазский, они (гурийцы) не пожелали подчиняться эриставам Одзрхе [город-крепость в районе нынешнего курорта Абастумани — З. А.]... Отложились от них и присоединились к Леону»[5]. После этого гурийские владения расположились между Чорохи и Риони[6].

В значительном количестве переселились карты в Западную Грузию в тот период и из Картли, которую арабы подвергали систематическому опустошению. Современник эпохи И. Сабанисдзе пишет, что обитатели Картли были «порабощены насилием, скованы, как бы железом, бедностью и нищетой, мучились и изнывали под тяжестью их (ара-

---

[1] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 333.
[2] Там же.
[3] С. Джанашиа, Абх. с I по X вв., стр. 58.
[4] Прокопий, Войны римлян с персами, т. I, стр. 85.
[5] Вахушти, Описание..., стр. 174.
[6] Там же, стр. 176.

бов) дани, безжалостно истязались и были подавлены страхом»[1]. Очевидно, что такие условия принуждали картлийцев покидать родные края и переселяться, в первую очередь, в Западную Грузию («Абхазию»), «ибо та страна защищена была от страшных сарацин»[2].

По поводу этих переселений И. А. Джавахишвили пишет следующее: «Достойно особенного внимания то обстоятельство, куда переселялись и где находили пристанище грузины (имеются в виду восточные грузины — З. А.), когда невзгоды и насилия господствующего врага принуждали их оставлять свои собственные края. В своем месте уже отмечалось, что еще во времена господства сасанидов изгнанные или бежавшие из Картли и Кахети переходили в Западную Грузию, в Лазику, и здесь, в Эгриси или в горах Абхазии, находили себе убежище. Бегство и переселения жителей значительно участились в период господства арабов, особенно после того, как религиозные притеснения стали обычным явлением, а дань, в сравнении с прежними временами, увеличилась вдвое и втрое. И в это время обычным убежищем и очагом для грузин была Западная Грузия... Не все, разумеется, возвращались обратно; поскольку их родина долгое время не получала спокойствия, они были вынуждены оставаться и обосновываться там. Вот когда и откуда должны были появиться имеро-гурийские племена в Западной Грузии — в Имерети и Гурии»[3].

Мы специально остановились на этом вопросе, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что Абхазское царство уже на первом этапе своего возникновения, т. е. с момента присоединения Эгриси и Аргвети к Абхазскому княжеству, представляло собой многоэтническое государственное образование, в которое наряду с абхазами, сыгравшими вначале ведущую роль в образовании этого царства, оказались включенными представители других, этнически родственных им народностей и племен — на северо-западе адыги, а на востоке и в центральных областях картвелы в лице, прежде всего, эгрисцев и сванов, коренных обитателей Западной Грузии, и, затем, в лице переселившихся сюда из Восточной Грузии картов, говоривших на грузинском языке.

В Абхазском царстве картвельский элемент составлял значительное большинство населения, а также занимал большую

---

[1] И. Сабанисдзе, Мученичество Або Тбилели (См. К. Кекелидзе, Памятники древнегрузинской агиографической литературы, Тбилиси, 1956 г., стр. 44).

[2] Там же, стр. 49.

[3] *И. А. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 85.*

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО в начале IX века

и ведущую часть этого царства в территориальном отношении. Кроме того, картвельский элемент оказался более развитым в социально-экономическом и культурном отношениях. Поэтому грузинский язык получает постепенно всеобщее распространение в качестве основного языка письменности и культуры во всем Абхазском царстве. Все это обусловило то обстоятельство, что вскоре после своего возникновения Абхазское царство, а вместе с ним и собственно абхазы активно включаются в общую систему политических образований феодальной Грузии.

Одним из проявлений общегрузинской политики абхазских царей, уже в лице Леона II, явилось перенесение столицы Абхазского царства из Анакопии в Кутаиси. Вахушти в своем «Описании грузинского царства» указывает, что Леон II построил Кутаиси и перенес сюда свой престол[1]. Однако известно, что Кутаиси существовал, вначале как крепость, а затем город, значительно раньше. Следовательно, приведенное указание Вахушти следует понимать в том смысле, что после превращения Кутаиси в столицу Абхазского царства в этом городе были проведены определенные благоустроительные работы.

Об историческом значении этого факта акад. С. Джанашиа писал следующее: «Резиденцией абхазских царей стал г. Кутатиси (ныне Кутаиси), находившийся восточнее Фазиса, древней столицы Лазики, и ближе к центральным грузинским областям. Это указывало на главное направление политики Абхазского царства, с самого начала своего возникновения вступившего в общую систему новых феодальных образований Грузии... Абхазские цари... стали на путь объединения не одной лишь Западной Грузии, но и Грузии в целом... Кутаиси к этому времени уже был пунктом, по которому проходил важнейший путь страны, где скрещивались хозяйственные и культурные связи западногрузинских племен и где раньше, чем в остальных городах Западной Грузии, развилась грузинская национальная... культура, шедшая из Картли»[2].

Что касается территории собственно Абхазии, то она входила в состав Абхазского царства в виде трех административных единиц (эриставств) — Абхазского, Цхумского и Бедийского[3]. Об административном делении Абхазского царства Вахушти сохранил нам следующие сведения: «Абхазо-

---

[1] Вахушти, Описание..., стр. 157.
[2] БСЭ, изд. 2, т. I, стр. 47. Разрядка моя — З. А.
[3] Вахушти, Описание..., стр. 168.

имеретинский князь Леон разделил свое царство на восемь эриставств, посадил в них эриставов и отдал им: а) Абхазию и Джигетию до моря и до Хазарской реки; б) Цхоми, по ту сторону Ингура (должно быть, «Эгрис-цкали» — Галидзга— З. А.), Анакопню с Аланией (чит. «до границ Алании»—З.А.); в) Бедиа, от Ингура (должно быть «Эгрис-цкали» —З. А.) до Цхенис-цкали; г) Гурию; д) Рача-Лечхуми; е) Сванетию; ж) Шоропани, восточная часть Риони и Ханис-цкали до Лихской горы; всю Аргвети; з) Кутаиси, Ваке, Окриба, западную часть Ханис-цкали до Гурии и западную часть Риони до Цхеиис-цкали»[1].

Таким образом, территория современной Абхазии вошла в состав названных выше трех первых эриставств следующим образом: северная часть Абхазии — в состав Абхазского эриставства, которое тянулось до Ннкопсии; центральная часть целиком вошла в состав Цхумского эриставства, а южная часть составила северо-западный район (от Галидзги до Ингури) Бедийского эриставства, границы которого простирались до р. Цхенис-цкали.

Характер разделения Абхазского царства на отдельные области (эриставства) показывает, что в основе этого деления лежал этно-племенной принцип (ср. «Сванетня», «Рача-Лечхуми», «Абхазия» и др.). В частности, не подлежит сомнению, что этого же принципа придерживались и при учреждении тех эриставств, в которые была включена территорня Абхазии. Поэтому, нам кажется, Бедийское эриставство было населено в основном эгрисцамн (мегрелами). Собственно абхазское население проживало в Цхумском эриставстве (нсторические Апсилия и Мисиминия), а также в Абхазском эриставстве, которое обнимало часть территории исторический Абазгии и Санигии (Джигети), и частично в Бедийском Эрнставстве.

2. К вопросу о границах Абхазского царства

Выше уже говорилось, что Абхазское царство (вначале княжество) образовалось в результате объединения Абхазии и Эгриси, а также присоединения к ним и области Аргвети, непосредствеино примыкающей к Сурамскому (Лихскому) хребту. Прямое указание автора «Матианэ картлиса», что Леон Абхазскнй «завладел Абхазней и Эгриси до Лихи», свидетельствует, что Абхазское царство охватывало территорию всей исторической Западной Грузии, не исключая и Сванетии, поскольку эта последняя нигде в нсточниках не фигурирует в качестве независимой от Абхазского царства

[1] Вахушти, Описание..., стр. 274.

единицы. По более позднему свидетельству Вахушти, Сванетия входила в состав Абхазского царства в качестве отдельной административной единицы — эриставства»[1].

Эти границы Абхазского царства оставались относительно устойчивыми в течение всего периода его существования. Однако, в зависимости от обстановки, политические границы Абхазского царства не раз отодвигались как в северо-западном направлении, так и, в особенности, в юго-восточном — в сторону Восточной Грузии, поскольку основная задача политической экспансии абхазских царей в период борьбы за объединение феодальной Грузии сводилась к стремлению овладеть Картли и другими областями Восточной Грузии.

На кавказском побережье Черного моря крайней северо-западной границей Абхазского царства, как и в свое время Абхазского княжества, была река Никопсия. Византийский писатель X в. Константин Багрянородный свидетельствует, что в его время границей между Зихией (территория адыгов) и Абхазией была «река Никопсис, на которой находится и город того же имени»[2].

В научной литературе давно уже установлено, что река Никопсия соответствовала нынешней Ничепсухо (или Негопсухо), приблизительно в 20 км (по прямой) к северу от г. Туапсе. Еще в прошлом столетии крупный знаток истории Причерноморья Ф. Брун писал о р. Никопсии: «Всякий согласится, что река эта текла в долине Шапсухо, и что город Никопсис лежал в долине Нечепсухо, где и теперь видны его развалины»[3]. Того же мнения придерживался и В. Латышев[4].

Действительно, развалины Никопсии и по сей день сохранились на левом мысу небольшой бухты, в которую впадает р. Ничепсухо (близ села Ново-Михайловского). В октябре 1951 года участники историко-археологической экспедиции Института истории АН ГССР ознакомились с этим памятником и, на основе наземных его остатков и подземного материала, пришли к заключению, что памятник представляет собой остатки поселения городского типа позднеантичной и средневековой эпохи. Археологическое изучение этого замечательного памятника, несомненно, обогатило бы кавказоведение ценным материалом.

О том, что Никопсия входила в состав Абхазии, имеются прямые указания и в грузинских средневековых источниках.

---

[1] Вахушти, Описания..., стр. 274.

[2] Конст. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва, 1899 г., стр. 34.

[3] Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 259.

[4] В. Латышев, К истории христ. на Кавказе, стр. 11.

Так, грузинский писатель XI в. Ефимий Мтацминдели, указывая на Никопсию, как на место, в котором был похоронен «апостол» Симон Кананит, пишет: «Один из двенадцати святых апостолов — Симон Кананит похоронен в нашей стране, в Абхазии, (в городе), именуемом Никопсия»[1].

Политические границы Абхазского царства, по-видимому, отодвигались порой и дальше к северо-западу, что, в частности, нашло свое отражение и в абхазских народных преданиях. Так, К. Кудрявцев сообщает, что в Абхазском селе Лдзаа (близ Пицунды) он записал предание о том, будто при царе Георгии II (929—957) границы Абхазии доходили до устья р. Кубани, неподалеку от которой Георгий, якобы, построил крепость и назвал ее «Анапа» — «словно в конце вытянутой руки» («анапы» по-абх. «рука»)[2].

О том, что историческая Джигетия (Зихия) входила в период правления Георгия II в состав Абхазии есть косвенное указание и в летописи «Матианэ картлиса». В ней сообщается, что царь Георгий захваченного в плен в одной из кахетинских крепостей феодала Хахуа Аршис-дзе «отправил арестованного в Джикети»[3].

По вопросу о южной приморской границе Абхазского царства существуют различные мнения. Акад. АН ГССР Кекелидзе считал, что крайним южным пунктом владений Абхазского мтавара был город Трапезунт. Так, в своем исследовании о сочинении И. Сабанисдзе он пишет: «В пределы Абхазии, т. е. Западной Грузии, ранее называвшейся Лазикой и Фазидой (от реки Фазиса—Риона), тогда действительно входил Трапезунт»[4]. К. Кекелидзе исходит, главным образом, из собственного толкования следующего места из «Жития Або Тбилели» (в русском переводе): «Границей этой страны [Абхазии] являются: море Понтийское, обиталище христиан до пределов Халдии; в ней [т. е., по Кекелидзе, в Абхазии—З. А.] находятся «Трапезунт, поселение Апсар и гавань Нафсай»[5]. Пункт Апсар К. С. Кекелидзе помещает в устье Чороха, а Напсай отождествляет с Никопсией[6]. Кроме того, К. Кекелидзе полагает, что вхождение Трапезунта в состав «Абхазии» подтверждается и актами вселенского со-

---

[1] Георгий Мцире. Жизнь Георгия Святогорца, см. «Афонский сборник», Тбилиси, 1901 г., стр. 315 (на древнегруз. яз.).

[2] К. Кудрявцев, Сборн. материалов по истории Абхазии, стр. 112.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 268.

[4] К. Кекелидзе, Памятники древнегруз. агиографической литературы, 1956 г., стр. 34.

[5] Там же, стр. 34 и 50.

[6] Там же, стр. 34 (сноска).

бора 787 г., *под которыми стоит такая подпись:* «Христофор, епископ Фазиса или Трапезунта»[1].

Такой же точки зрения о Трапезунте придерживается и П. Ингороква. Отождествляя Напсайскую гавань с Никопсией, П. Ингороква следующим образом интерпретирует приведенную выше цитату из «Мученичества Або»: «Граница их (т. е. абхазских владений Западной Грузии) есть Черное море («море Понтийское»), обиталище христиан, до тех мест, до которых доходят границы Халдии («до рубежей Халдии»). Там (на Черноморском побережье Западной Грузии) расположены: Трапезунт (у южного рубежа), Апсар (посередине) и Напсайская гавань (у северного рубежа)»[2].

Как мы видим, проф. К. Кекелидзе и вслед за ним П. Ингороква предлагают такую интерпретацию интересующего нас текста, по которой Трапезунт, как и другие упомянутые здесь пункты (Апсар и Напсайская гавань), входили, якобы, в состав Абхазского княжества. На самом деле И. Сабанисдзе определенно указывает, что перечисленные пункты являлись *владениями Византии, а поэтому отождествление* Напсайской гавани с Никопсией неправильно. В этом можно убедиться, если полностью процитировать соответствующее место из сочинения Сабанисдзе:

...„და ნეტარი ჰაბო უფროის და ჰმადლობდა ღმერთს, რამეთუ იხილა მან ქუეყანა იგი სავსც ქრისტეცს სარწმუნოებითა და არავინ ურწმუნოთაგანი მკვდრად იპოვების მათთა, რამეთუ საზღუარ მათდა არს ზღუა იგი პონტოისა, სამკვდრებელი ყოვლადვე ქრისტიანეთა, მისაზღვრამდე ქქალდია სა, ტრაპეზუნტია მუნ არს, საყოფელი იგი აფსარეა სა და ნაფსა ს ნავთსადგური. და არს ქალაქები იგი და ადგილები საბრძანებელად ქრისტე მსახურისა იონთა მეფისა, რომელი მოსაყდრე არს დიდსა მას ქალაქსა კონსტანტინეპოლისასა“[3].

...«Больше всех благодарил бога блаженный Або, потому что нашел он ту страну полной верующих во Христа и никого неверующих не было среди коренных (жителей) в ее пределах. Ибо границей ее (Абхазии) является море Понтийское, обиталище полностью христиан, до границ Халдии, в ней (т. е. в Халдии, а не в Абхазии — З. А.) находятся Трапезунт, поселение Апсареа и Напсайская гавань. *И подвластны города те и* места слуге христову, ионскому царю, который восседает на престоле в великом городе Константинополе»[3].

---

1 Там же, стр. 34—35.

2 См. «Георгий Мерчуле», стр. 211 (пояснения в скобках принадлежат П. Ингороква).

3 К. Кекелидзе, Раннефеод. груз. литер., Тбилиси, 1935 г., стр. 60.

Таким образом, в приведенной цитате прямо указывается, что Трапезуит, Апсар и Напсайская гавань являются городами Халдии, которая представляет собой владение «ионского царя», т. е. византийского императора. Совершенно очевидно, что в данном случае мысль Сабанисдзе сводится к следующему: Абхазия потому-де является сплошь христианской страной, что по соседству с ней находятся христианские *владения, в частности города* Трапезунт, Апсар и Напсайская гавань, которые подчинены «слуге Христа — ионскому царю».

Акад. С. Джанашиа в свое время правильно отмечал, что такое толкование разбираемого текста из сочинения Сабаннсдзе, какое предлагает К. Кекелидзе (н, следовательно, П. Ингороква), «совершенно непрнемлемо как текстуально, так и исторически: мы знаем хорошо, что Абхазия, в политическом смысле, не простиралась южнее реки Чорох и едва ли она ее когда-нибудь достигала»[1].

Что касается других источников, на которые ссылаются К. Кекелидзе и П. Ингороква для обоснования своей точки зрения, то н они не делают их вывод более убедительным. Так, П. Ингороква опирается на сообщение Епифана Константинопольского о Трапезунте как о «городе Лазикн», а также на свидетельство Еф. Мтацминдели о том, что Трапезунт находится «в стране мегрелов»[2]. Однако указання этих источников имеют *лишь* гео-этнографическое значение и отнюдь не свндетельствуют о вхождении Трапезунта в состав политической единицы — Абхазского царства. Названные авторы хотят сказать, что Трапезунт географически расположен в стране лазов, илн мегрелов. Характерно, что вплоть до XV в. правителей Трапезунтской «империи» Комненов авторы XIII—XV вв. называли то «правителями лазов», то «царями колхов»[3].

Не может служить подтверждением этого положения и приводимый проф. К. Кекелидзе документ, в котором говорится о «епископе Фазиса или Трапезунта». В 787 г., когда Абхазия (Западная Грузия) считалась еще офнциальным владением Византни, трапезунтский епнскоп вполне мог считать себя и епископом фазисским. Известно также, что и после образования независимого Абхазского царства Абхазская церковь в течение нескольких десятилетий продолжала оставаться в подчнненин у константинопольского патриархата.

---

[1] С. Джанашиа, Труды, т. II, стр. 338.

[2] *П. Ингороква, «Георгий Мерчуле»*, стр. 214—215.

[3] См. «Сборн. мат. для описан. местн. и плем. Кавк.», в. 9, стр. 202—205.

Прямое указание на то, что Трапезунт являлся городом Халдии, а вся эта область входила в состав Византии, имеется также и у Константина Багрянородного, который в своем труде «О фемах» под № 8 упоминает «Фему Халдия» и ее «митрополию» — Трапезунт[1].

У К. Багрянородного имеется следующее указание о границах Абхазии: «От Таматархи[2] на расстоянии 18 или 20 миль есть река, именуемая Укрух[3], которая отделяет Зихию от Таматархи. Зихия простирается на расстоянии 300 миль до реки Никопсиса, на которой находится город того же имени... От Зихии, т. е. от реки Никопсиса, до города Сотириуполя по морскому берегу лежит Абазгия на пространстве 300 миль»[4].

Если местоположение Никопсии не вызывает разногласий среди историков, то по вопросу локализации Сотириуполя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Проф. Ю. Кулаковский считал, что Сотириуполь — это другое название Питиунта[5]. Свой вывод Ю. Кулаковский подкреплял тем обстоятельством, что в приложении к так называемому Иероклову Синекдому, где дается «список городов и крепостей, переменивших свои имена», указывается: «Сотириуполь — прежде Питиа»[6]. Того же мнения (предположительно) держался и Ф. Брун, который писал: «Если не ошибаемся, то Питиус иногда назывался Сотирополис»[7].

Однако против такого взгляда возражал проф. В. Болотов, который настаивал на отождествлении Сотириуполя с Севастополем (Сухуми). В частном письме к Ю. Кулаковскому он «привел целый ряд аргументов в подтверждение того, что переименовалось только имя Севастополь на Сотириуполь», но этих аргументов[8] Ю. Кулаковский не приводит.

Из новейших авторов за отождествление Сотириуполя с Пицундой высказался проф. С. Каухчишвили[9], хотя он считает, что решение этого вопроса требует дополнительных изысканий[10]. П. Ингороква, напротив, в первой публикации своей работы «Георгий Мерчуле» утверждал, что Сотириуполь

1 К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва, 1899 г., стр. 34.

2 Тмутаракань — город на Таманском полуострове.

3 Река Кубань.

4 К. Багрянородный, цит. соч., стр. 154.

5 Ю. Кулаковский, Где был построен..., стр. 36.

6 Там же.

7 Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 245.

8 Ю. Кулаковский, Христианство у алан, см. «Византийский временник», т. V, 1899 г.

9 «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 218.

10 Там же, стр. 235.

это нынешний Сухуми[1]. Однако в отдельном издании той же работы отказался от этого взгляда и выдвинул новое положение, по которому Сотириуполь отождествляется с пунктом Оф, близ Трапезунта (к востоку от него)[2].

Свой отказ от прежнего взгляда, что Сотириуполь соответствует средневековому Севастополю, П. Ингороква убедительно подтвердил указанием на некоторые нотиции константинопольского патриархата (№№ 6, 14 и 19), в которых *Сотириуполь упоминается наряду с Севастополем*[3]. Это значит, что Сотириуполь, вопреки мнению В. Болотова, не соответствовал нынешнему Сухуми.

Однако нельзя согласиться и с утверждением П. Ингороква, будто Сотириуполь, который упоминается в сочинении Константина Багрянородного в качестве южного приморского пограничиого пункта Абхазии, был расположен вблизи Трапезуита. Выше мы имели уже случай привести компетентное заявление акад. С. Джанашиа, что «Абхазия в политическом смысле не простиралась южнее реки Чорох, и едва ли она ее когда-нибудь достигала»[4].

Вместе с тем локализация Сотириуполя в районе Трапезунта противоречит ясному указанию Багрянородного о том, что Абхазия (Абазгия) тянется «от реки Никопсиса до города Сотирнуполя по морскому берегу на пространстве 300 миль»[5], т. е. приблизительио столько же, сколько и между Укрухом (Кубанью) и Никопсией[6]. Расстояиие между Никопсией и тем пунктом, в районе которого П. Ингороква локализует средневековый Сотириуполь, по морскому берегу составляет не менее 800 миль. Весьма сомнительно, чтобы Константин Багрянородный совершил бы такую грубую ошибку, если он имел в виду населенный пункт, соседний с Трапезунтом.

Указанное К. Багрянородным расстояние, с другой стороны, вполне соответствует расстоянию между Никопсией и Питиунтом, в котором мы и должны видеть отмеченный Багряиородным Сотириуполь, как это считали некоторые из упомянутых выше исследователей. Вполне возможно, что Питиунт мог получить такое дополиительное название (Сотириуполь) от наименования одного из главиых своих храмов, посвященных Христу — Сотеру, либо же именовался так, как

---

1 См. журнал *«Мнатоби», № 3 за 1950 г., стр. 121.*
2 П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 252—253.
3 Там же, стр. 251.
4 С. Джанашиа, Труды, т. II, ст. 388.
5 К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах», стр. 454.
6 Там же.

один из самых ранних христианских центров на побережье Кавказа.

Если допустить, что под Сотирнуполем К. Багрянородный имел в виду Пнтиунт, то становится очевидным, что в данном случае он писал не о границах Абхазского царства, которые в то время (середина X в.) простирались до Сурамского хребта на востоке и до р. Чорох (нли вблизи нее) на юге, а о границах исторической Абхазни (Абазгии) и, в частности эриставства Абхазии, которое тогда составляло одну из административиых областей Абхазского царства. В состав эриставства Абхазии входнл Питиунт, но не входил Севастополь (Цхуми), который являлся административным центром другого эрнставства — Цхумского.

Как уже сообщалось, царевич Вахушти в своем историко-географическом труде рассказывает, что уже первый абхазский царь Леон разделил свое царство иа эриставства, которых на территории собственно Абхазии было три: Бедийское, Цхумское и Абхазское[1]. По словам Вахушти, эриставство «Абхазия» включало в себя «Абхазию и Джикетию до моря и до Хазарской реки»[2]. В данном случае под Джнкетией Вахушти имеет в виду не Зихию в собственном смысле, а так называемую Абхазскую Джигетию, иаселеиную в его время садзами, хотя и доводит ее границы до «Хазарской реки», т. е. до Кубани. Из сообщения Вахушти вытекает также, что в состав эриставства «Абхазия» не входил не только Цхуми (Сухуми), ио и Анакопия, которая была включеиа в состав Цхумского эриставства. Определяя территорию этого эриставства, Вахушти пишет: «Цхоми, по ту сторону Ингура [должно быть, Эгрис-цкали—Галидзга—З. А.], Анакопия с Аланией (чит. «до границ Алании» — З. А.)»[3].

Поэтому иаиболее важным городским пунктом на юге Абхазского эриставства был Питиунт (Бичвинта), который, надо полагать, имел в виду Константин Багрянородный, когда ои писал, что Абхазия тянется от Никопсии на севере до Сотириуполя (Питиунта) на юге. Подобная интерпретация К. Багрянородиого, нам кажется, является исторически наиболее достоверной.

Таким образом, Абхазское царство включало в себя территорию всей Западной Грузии и значительную часть Приморья Северо-Западного Кавказа. Ее устойчивыми политическимн границами являлись: река Ничепсухо на севере, Главный Кавказский хребет на востоке, Лихский (Сурамский)

---

[1] Вахушти, Описанне..., стр. 168.
[2] Там же.
[3] Там же.

хребет на юго-востоке, р. Чорох (или вблизи нее) на юге и Черное море — на западе. Как отмечалось выше, в зависимости от успехов политической экспансии абхазских царей, владения последних заходили порой (главным образом в X в.) далеко в область Восточной Грузии (Картли, части Кахети, Эрети и Тао-Кларджети) — на юге и доходили до Кубани («Хазарской реки») — на севере.

3. О значении терминов «Абхазия» и «абхазы» в IX—X вв.

Географический и этнический термины «Абазгия» и «абазги» в различные исторические периоды меняли свое значение, приобретая новые оттенки. Так, в VI—VII вв. Абазгией, как было показано, называлась лишь часть современной Абхазии, а абазгами именовались ее обитатели. После же образования объединенного Абхазского княжества (эриставства) в 30—40 гг. VIII в. термин «Абазгия» (груз. «Абхазети») обозначал уже территорию всего княжества от р. Эгрис-цкали (Галидзга) до Никопсин, а население этой страны, слившееся в единую абхазскую народность, получило в грузинских и иностранных источниках единое название «абхазы» (греч. «абазги», грузинское «абхазни» и т. д.), поглотившее прежние этнические термины края — «абазги» в узком смысле, «апсилы», «мисимиане», «саниги» и др.

С 70-х годов VIII в., в связи с образованием Абхазского государства (сначала княжества, а затем царства), термины «Абхазия» и «абхазы» получают дополнительное значение. Вахушти повествует, что Леон II, после того, как он «завладел всей залихской Эгриси от моря до Хазарии.., «назвался царем абхазов, а название своего эриставства перенес и на Эгриси, лета от рожд. Христа 786 хроникона 6»[1]. Таким образом, распространение термина «Абхазия» на всю Западную Грузию Вахушти приписывает инициативе Леона II, что весьма вероятно, т. к. принятие официально титула царя абхазов должно было повлечь за собой и распространение термина «Абхазия» на всю территорию возникшего государства.

С этого времени территория всей Западной Грузии обычно именуется «Абхазия», хотя и прежде употреблявшийся в этом смысле термин «Эгриси» не вытесняется полностью, так же, как и впоследствии новый термин «Имерети», возникший приблизительно в XII в. для обозначения Западной Грузии.

---

[1] Вахушти, Жизнь Грузии, 1913 г., стр. 271 (на груз. яз.).

заменил затем др? древних термина, хотя впоследствии употреблялись порой и старые термины. Так, например, Вахушти свое описание Западной Грузии озаглавил так: «Описание страны Эгриси, или Абхазии или Имерети»[1]. Здесь наименования приводятся в порядке исторической последовательности возникновения соответствующих терминов, обозначающих всю Западную Грузию — «Эгриси» (не позднее IV в. н. э.), «Абхазия» (с 70-х гг. VIII в.) и «Имерети» (примерно с XII в.). Вахушти прямо указывает на это: «Названиями этой страны [Западной Грузии — З. А.] являются: вначале Эгриси, затем Абхазия и позднее Имерети»[2]. Однако дату, на которую указывает Вахушти — 786 г., принять нельзя, поскольку уже И. Сабанисдзе, описавший, как уже указывалось, события начала 80-х гг. VIII в., Западную Грузию называет «Абхазией».

С этого времени новое значение приобретает и термин «абхазы». Если раньше он обозначал определенную этническую общность — вначале племя и небольшую народность абазгов, а затем единую абхазскую народность, то теперь он начинает выступать в качестве собирательного термина, обозначающего все многоэтническое население Западной Грузии. Трудно, а порой и вовсе невозможно определить, в каком случае имеются в виду собственно абхазы и в каком абхазы в широком смысле — все население Абхазского царства.

В грузинских источниках, когда речь идет о «царях абхазов» периода Абхазского царства, имеется в виду все население Западной Грузии. Уже в первом случае, когда автор « Матианэ картлиса», рассказывая о воцарении Леона II, пишет, что он «принял имя царя абхазов»[3], то здесь надо понимать — не абхазов в узком смысле, а все население возникшего царства — картвелов (эгрисцев, сванов, картов), собственно абхазов и др. Когда тот же источник называет, к примеру, Георгия II «царем абхазов», то здесь под «абхазами» подразумевается все население Западной Грузии.

Такое же положение встречается и в иностранных источниках. Начнем с армянских. В армянском агиографическом памятнике «Мученичество святых Григория, Рипсимэ и Гаянэ», составленном, как это видно из текста, не раньше IX в., сообщается о том, как «святой» Григорий, кроме армян, якобы, крестил абхазов, грузин и аланов[4]. В названном источнике

[1] Вахушти, Описание..., стр. 144.

[2] Там же.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 251.

[4] См. Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием, СПБ, 1905 г., стр. 135.

читаем: «И начал он (Григорий) освещать церкви, ставить в них священников... Иного отправил в Грузию, иного в страну Абхазию и иного к аланам... И когда исполнилось 30 дней и клир был в сборе у него, то он взял весь народ и повел к реке Евфрат около церквей города, называемого Багаваном: число их было триста семьдесят тысяч, царь Тирдат, царь абхазов, царь аланов и все князья и главы народов и племен и все их подвластные...»[1] В приведенной цитате под названием «страна Абхазия» подразумевается вся Западная Грузия, а под «Грузией» — Восточная Грузия.

Автор этого «Мученичества» допускает явный анахронизм. Пытаясь приписать «святому» Григорию крещение «абхазов» (население Западной Грузии), «грузин» (грузинское население Восточной Грузии) и аланов (осетин), он рассказывает о географической и политической обстановке не IV в., а описывает картину IX в. В этой связи упомянутый здесь «царь абхазов» (автор не случайно не называет его имени) — это не кто иной, как царь всей Западной Грузии («Абхазии»), современной автору эпохи. Другие сведения об «абхазах», приводимые в том же источнике[2], носят аналогичный характер.

В сочинении армянского историка X в. Фомы Арцруни «История Арцрунидов» сообщается о бегстве в «Абхазию» одного из васпураканских владетелей Григора Арцруни[3]. В данном случае под «Абхазией» также подразумевается не собственно Абхазия, а вся Западная Грузия. То же самое надо сказать и об упоминании Иоанном Драсханакертским (X в.) «правителя Абхазии» (Георгия II)[4], или о рассказе Ухтанеса (X в.) о стране «Абхазии» и ее народе[5], о сведениях Асохика (XI в.) о «царе апхазов Тевтасе» (Феодосий III)[6] и т. д.

Представляет интерес сообщение историка Ухтанеса об «Абхазии» (Западной Грузии). Говоря о ее «многочисленном народе», Ухтанес пишет, что «поскольку первоначальную их страну называли Верией [Иберией—З. А.], потому и здесь они назывались верийцы (веранцы — грузины)[7], т. е. Ухтанес население этой страны в этническом смысле считает грузинами. Это и понятно, поскольку в обширном Абхазском царстве

---

[1] Н. Марр, Крещение армян, грузин, абхазов и алан святым Григорием, стр. 135.

[2] Там же, стр. 117, 133, 137 и др.

[3] Ф. Арцруни, История Арцрунидов, СПБ, 1887 г., стр. 198—199.

[4] И. Драсханакертский, История Армении, Тифлис, 1912 г., стр. 267—268.

[5] Ухтанес, История Армении, 1871 г., ч. II, стр. 35.

[6] Асохик, Всеобщая история, 1864 г., стр. 180.

[7] Ухтанес, цит. соч., стр. 267—268.

картвельский этнический элемент (эгрисцы, сваны, карты), как уже отмечалось, был преобладающим. Грузинское население царства механически выросло в X в., во времена Ухтанеса, в связи с завоеваниями абхазских царей в Восточной Грузии, значительная часть которой была присоединена к Абхазскому царству.

Западная Грузия фигурирует под именем «Абхазии» и в арабских источниках X века. Так, арабский ученый Аль-Мукаддаси упоминает страну «Абхаз», под которой разумеется все Абхазское царство[1]. Все население этого царства имеет в виду арабский географ Массуди, когда он пишет: «Рядом со страной аланов живут абхазы, исповедующие христианскую религию. В наше время у них есть царь»[2].

Абхазия, как вся Западная Грузия, упоминается наряду с Иверией, т. е. Восточной Грузией, и в раннеславянских источниках. Так, в биографии «апостола» славян Кирилла (IX в.), составленной вскоре после его смерти, читаем (в древнерусском переводе): «Яко же суть Армяне, Перси, Авазьги, Иверии, Гугди, Готи, Обри, Турсии, Казари и проч.»[3].

В отдельных источниках эпохи Абхазского царства термин «абхазы» имеет узкое, чисто этническое значение, а термин «Абхазия» разумеет не Абхазское царство в целом, а собственно Абхазию. Так, автор середины X в. Иосиф Генесий, перечисляя представителей народностей, принимавших участие в восстании под руководством Фомы Славянина в Византии (821—823 гг.), называет абазгов, лазов и иберов[4]. В данном случае под абазгами разумеется не все население Западной Грузии, а собственно абхазы, поскольку наряду с ними названы и эгрисцы (лазы).

Автор «Матианэ картлиса», неоднократно упоминая абхазов в смысле всего населения Абхазского царства, вместе с тем называет и Абхазию как узко этнографическую область. Так, например, в фразе «Леон... завладел Абхазией и Эгриси до Лихи»[5] он имеет в виду собственно Абхазию в узком смысле, так как, наряду с Абхазией, здесь упоминается и Эгриси—эта основная в то время область Западной Грузии.

В некоторых же случаях не представляется возможность точно установить, имеется ли в данном источнике в виду собственно Абхазия или Абхазия в широком смысле. Например,

---

1 Караулов, Свед. арабск писателей о Кавказе, СМОМПК, т. XVIII, стр. 17.

2 Там же, стр. 56.

3 Ф. Брун, Черноморье, т. II, стр. 129.

4 «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307

5 «Жизнь Грузии», стр. 251.

указание летописи «Матианэ картлиса» о том, что во время нашествия Абуль-Касима царь Армении Сумбат, союзник абхазского царя Константина, скрылся «в горах абхазских»[1], не дает ясного ответа на вопрос, имеются ли здесь в виду собственно абхазские горы или вообще горы Абхазского царства. Таких примеров можно привести немало.

Таким образом, при указании источников эпохи Абхазского царства (да и позднее) об «Абхазии» и «абхазах» в каждом конкретном случае следует по возможности решать, когда имеется в виду «Абхазия» в широком смысле и когда собственно Абхазия.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, как правило, когда в источнике упоминаются «абхазы» вообще, то, поскольку речь идет тогда о всем населении Абхазского царства, наряду с другими его этническими компонентами всегда имеются в виду и собственно абхазы. Их активное участие во всех важных событиях политической и общественной жизни Абхазского царства не подлежит сомнению. Поэтому история собственно Абхазии того времени является неразрывной частью истории Абхазского царства.

4. Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии

В начале IX в., т. е. вскоре после своего возникновения, Абхазское царство активно включается в длительную борьбу между образовавшимися на территории Грузии царствами и княжествами (Тао-Кларджети, Кахети, Картли и др.). Эта борьба объективно вела к объединению феодальной Грузии, и Абхазское царство сыграло в данном процессе значительную позитивную роль.

Необходимость объединения царств и княжеств Грузии в централизованное феодальное государство диктовалось различными причинами как социально-экономического, так и политического порядка. Прежде всего, политически раздробленная Грузия не могла обеспечить дальнейшего экономического развития страны. Для этого требовалось: установление единых и твердых государственных порядков, ликвидация междоусобиц, создание единой монетной системы, ликвидация внутренних таможенных границ и т. п. Кроме того, в условиях дальнейшей феодализации страны, грузинские феодалы, особенно мелкие и средние, нуждались в сильной центральной власти, способной преодолеть нараставшее классовое сопротивле-

[1] «Жизнь Грузии», стр. 262.

ние крепостиого и закрепощаемого крестьяиства. Наконец, создание едииого государства требовалось в целях обороны страны от внешних захватчиков—византийцев, хазаров, арабов и др.

Каждая из грузинских политнческих единиц упорно стремилась взять в свои руки ведущую роль в этой борьбе и подчиинть себе своих противников. О характере этого процесса акад. И. А. Джавахишвили писал следующее: «Между этими мтаварами велась обостреиная борьба за преимущество и господство; каждый из них изо всех своих снл стремился к тому, чтобы расширить свое владеиие, а чужое прибрать к своим рукам, объединить различные мтаварства и стать единственным господином; каждый думал о себе и всячески препятствовал действиям другого; кахетинские кореписконы, «цари картвелов» и Тао-Кларджети, абхазские, а также и армянские цари, то в отдельности, то объединенные в группировки, постепенно, но упорно добивались осуществления своей цели. Эта непрерывная, то скрытая, то явная борьба за достижение господства и объединение страны заслуживает большого внимания»[1].

Первый шаг к развязыванию этой борьбы был сделан правителем Кахети Григолом, которому удалось захватить Картли. Стремление овладеть этим краем не является случайным. Борьба за Картли („ბრძოლა ქართლისა ზედა") занимала центральное место во всей междоусобной борьбе грузинских царств н княжеств. Уделение «главного внимания» Картли со стороны грузинских правителей С. Н. Джанашиа объяснял следующим образом: «Стремленне к гегемонии в общегрузинском масштабе справедливо придавало в глазах названных князей обладанию Картли, этой *центральной, ведущей провинции Грузии*, особо важное значение»[2].

Захват Григолом Картли взбудоражил, разумеется, других грузинских правителей. Первым против иего начал борьбу правитель Тао-Кларджети Ашот Куропалат (787—826гг.), считавший, что он имеет больше прав иа обладаиие этим краем. В союзе с ним действовал абхазский царь Феодосий II (умер в 825 г.), который был женат на дочери Ашота. Автор «Матианэ картлиса» сообщает, что, «когда Ашот Куропалат выступил в поход (против Григола), то ему помог сын Леона второго Феодосий, царь Абхазский, который был зятем Ашота». Далее он рассказывает, что «Григол прибыл из Ка-

---

[1] И. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, 1948 г., стр. 91.

[2] С. Джанашиа, Абх. I—X вв., стр. 59 (разрядка наша — З. А.).

хети и помогали ему горцы и цанары (жители горной Кахети— З. А.), а также и тбилисский эмир. Ашот и Григол сразились на реке Ксани. Обратили кахетинского мтавара Григола в бегство и захватили страну, которую он занимал в Картли. И овладел (страной) Ашот от Кларджети до Ксани»[1].

Активное участие абхазского царя Феодосия в этой борьбе объясняется, разумеется, не столько стремлением оказать поддержку захватническим планам своего тестя, сколько желанием изгнать из Картли более опасного, на его взгляд, соперника — кахетинского мтавара. Самому же претендовать на овладание Картли у Феодосия, по-видимому, не было еще возможности. Однако его участие в первой же борьбе за Картли было весьма знаменательным; оно положило начало длительной борьбе его преемников за овладение этой ведущей областью феодальной Грузии.

Феодосий II умер бездетным и абхазский престол после него занял его младший брат Дмитрий II (825—861 гг.). По примеру Феодосия, Дмитрий также принимал активное участие в политической жизни Грузии. В частности, он боролся против арабского полководца Буга-турка, вторгшегося в Грузию в 853 г. с целью укрепить в Картли пошатнувшееся господство арабов (см. ниже). Хотя в борьбе с Буга-турком абхазский царь потерпел поражение, однако его притязания на Картли на этом не прекратились.

Дмитрию наследовал брат его Георгий I (861—868 гг.), который до восшествия на престол владел местностью Агцепи и поэтому вошел в историю под именем Георгия Агцепского (აღწეფელი)[2].

По примеру своих предшественников, Георгий I также стремился овладеть Картли. Ему удалось даже осуществить это на некоторое время и посадить в Картли эриставом своего племянника. В «Матианэ картлиса» по этому поводу читаем: «Прибыл Георгий, царь абхазский, брат Феодосия и Димитрия, сыи Леона; овладел он Картли и поставил здесь эриставом Чихской (области) сына Дмитрия» (имени его летописец не называет)[3].

После смерти Георгия Агцепского в Абхазском царстве началась династическая борьба за престол. Наследниками бездетного Георгия были его племянники (сыновья Дмитрия), чихский эристав и малолетний Баграт. Однако жена Георгия I организовала заговор, в результате которого чихский эристав был убит, но Баграта спасли его приверженцы и отправили в Константинополь.

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 252—253.

[2] Там же, стр. 258.

[3] Там же.

После этого, сообщает автор «Матиаиэ картлиса», абхазским престолом сумел завладеть мтавар Шавлиани Иоанн[1]. Чтобы закрепить свое положение, Иоанн женил своего сына Адарнасе на дочери правителя Тао-Кларджети Гуарама. После смерти Иоанна Адарнасе воцарился в Западной Грузии. Иоанн и Адарнасе явились представителями так называемой шавлианской династии, которая правила в Абхазском царстве около двадцати лет.

В период правления шавлианской династии борьба Абхазского царства за гегемонию в Грузии продолжалась. Абхазия, в частности, вмешалась во внутреннюю борьбу, происходившую в Тао-Кларджети, между мампали Гуарамом и его племянником Давидом, сыном Баграта Куропалата.

Автор «Матиане картлиса» рассказывает, что крупный аргветский феодал Липарит Багваши перешел в Восточную Грузию, занял Триалети и воздвиг здесь мощную крепость Клде-Кари[2]. Своим сюзереном Липарит избрал Давида Багратовича, поскольку последний был противником Гуарама, который считался владельцем Триалети.

Сын Гуарама Наср повел борьбу против Давида Куропалата (876—881 гг.). В союзе с ним выступал другой крупный тао-кларджетский владетель Гурген, приходившийся Насру и Давиду двоюродным братом.

В эту междоусобную борьбу активно вмешался правитель Армении Ашот Багратуни, который, с целью расширения своих владений, организовал поход на север и решил захватить Картли, где в то время господствовал абхазский царь, а поэтому эристав эриставов армян должен был сначала нанести поражение абхазам.

Действия Ашота Багратуни, разумеется, не понравились ни мампали Гуараму, ни его сыну Насру, поскольку, если бы ему удалось отобрать у абхазов Картли, он легко захватил бы тогда Абеци и Ташири; в силу этого, разумеется, отец и сын были настроены против эристава эриставов армян; именно поэтому «Наср, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов»[3]. *Но поскольку армянский эристав эриставов Ашот* выступил против царя абхазов, Давид Куропалат, сын Баграта, разумеется, должен был принять сторону противника царя абхазов и способствовать тому, чтобы обессилить своего постоянного соперника, захватившего Картли, тем более, что Наср, сын Гуарама, помогал абхазскому царю. Именно поэтому «Давид и Липарит помогли армянам»[4].

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 258.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 259.
[4] Там же.

Таким образом, дело еще более осложнилось; в число борющихся включился еще один участник. Если до сих пор борьбу вели между собой лишь грузинские мтавары, то отныне вмешательство армянского мтавара расширило рамки и арену борьбы; если раньше борьба должна была решить, кому из грузинских мтаваров пришлось бы главенствовать в Грузии, то теперь в результате борьбы должно было выясниться, в чьи руки перейдет главенство в Грузии, Армении и на всем Кавказе. Картли была сердцевиной страны и поэтому для будущего каждого из мтаваров овладение этой областью имело большое значение, и на этот раз «боролись армяне и абхазы из-за Картли»[1]. Чем закончилась эта борьба, об этом ни в грузинских, ни в армянских источниках сведений нет. Но, по-видимому, победа осталась за армянским эриставом эриставов Ашотом; это видно из того, что Ашот принял имя «эристава эриставов армян и картвелов»[2].

Вскоре после этого Наср потерпел поражение от своих противников и был вынужден бежать в Константинополь, где провел около семи лет. Его наследственные владения (Джавахети, Артаани и Таширн) после смерти отца его Гуарама (882 г.) перешли к наследникам Давида Куропалата[3].

В конце 80-х гг. IX в. в Абхазию возвратился Баграт Дмитриевич и с помощью византийских войск отвоевал себе Абхазский престол. В «Матиане картлиса» сообщается об этом следующее: «Баграт, сын абхазского царя Дмитрия, находился в Греции, в Константинополе; дал ему царь греков войско и отправил морем на кораблях в Абхазию. (По прибытии туда) Баграт убил Адарнасе и овладел Абхазией. Он взял себе в жены супругу его (Адарнасе), дочь Гуарама»[4]. Абхазским царством Баграт правил до 893 г.

Тем временем борьба за объединение Грузии вступила в новую фазу. Временным ослаблением Абхазского царства воспользовалась Тао-Кларджети. Ее правитель Адарнасе в 888 г. объявил себя «царем картвелов» (888—923 гг.). Принятие этого титула выражало претензию на овладение Картли, всей Восточной Грузией и первенствующее положение в системе грузинских царств и княжеств.

Этому событию предшествовала острая борьба, в которой абхазский царь Баграт I принял самое деятельное учас-

---

1 И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 98—99 (разрядка наша — З. А.).

2 «Жизнь Грузии», стр. 259.

3 Там же, стр. 261.

тие. Еще в Константинополе Баграт заключил союз с сыном Гуарама Насром, своим будущим шурином. Когда же Баграт овладел абхазским престолом, то он сейчас же вызвал к себе Насра из Константинополя. Автор «Матианэ картлиса» пишет: «Вывез Баграт, царь абхазский, шурина своего («брата жены») из греции и дал ему свое войско. И Наср захватил три крепости: Одзрхе, Джварисцихе и Ломсианта, построенные Гуарамом»[1].

Главным противником Насра был Адарнасе, сын убитого им Давида Куропалата. Адарнасе и его сторонники призвали на помощь армянского царя Ашота. По справедливому заключению И. А. Джавахишвили, «искусно организованная борьба между Насром и наследником Давида была в действительности борьбой между абхазами и армянами»[2].

На данном этапе эта борьба закончилась поражением абхазского царя и его союзника Насра, которые использовали также и аланских наемников. Цитированный выше летописец сообщает: «Прибыли Гурген и Адарнасе, сын Давида; помогали им армяне; сразились они на реке Куре и победили абхазов, убили Насра и правителя осетин Бакатара, а также эристава абхазского»[3]. Это произошло в 888 г.

Борьба за Картли продолжалась также и при сыне и преемнике Баграта Константине III (893—929 гг). В «Матианэ картлиса» рассказывается, что Константин овладел Картли, но вызвал этим недовольство армянского царя Сумбата Исповедника. Последний «выступил с большим войском и осадил Уплис-цихе»[4].

Как сообщает армянский историк католикос Иоанн Драсханакертский, армянского царя Сумбата в этой борьбе поддерживал царь Тао-Кларджети Адарнасе. «Так обычно поступали правители Тао-Кларджети, теперь уже именуемые «царями картвелов», лишь бы как-нибудь воспрепятствовать усилению абхазских царей»[5].

Католикос Иоанн рассказывает далее, что абхазский царь Константин, узнав о приближении своих противников, оставил Картли и скрылся в неприступных местах. Но поскольку враги разорили его владения, он предпочел заключить мир и с этой целью направил к Сумбату послов. Сумбат, в свою очередь, отправил к Константину для мирных переговоров представителей высшей армянской знати. Во время перегово-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 261.
[2] И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 99.
[3] «Жизнь Грузии», стр. 261.
[4] Там же, стр. 262.
[5] И. Дважахишвили, там же, стр. 101.

ров армянские феодалы по сговору с Адарнасе и, по-видимому, не без согласия Сумбата, пленили Константина и отправили его в Армению. Сумбат подержал его у себя некоторое время, но когда узнал, что правящие круги Абхазского царства собираются избрать нового, более энергичного царя, то он отпустил Константина[1]. Они заключили мирный договор, по которому Сумбат уступил Константину Уплис-цихе и всю Картли[2]. Союз между обоими царями был скреплен браком Константина с дочерью Сумбата.

Такая уступчивость Сумбата объясняется осложнившимися к тому времени его отношениями с арабами. Как сообщает армянский историк Асохик, в 907 г., по приказу халифа, против Сумбата выступил «с большим войском» арабский наместник Абу-Садж, которого поддерживали некоторые армянские правители. Узнав об этом, Сумбат «перешел в Абхазию». Характерно, что тао-кларджетский царь Адарнасе также поддержал противников Сумбата, потому, надо полагать, что Сумбат находился в союзе с абхазским царем Константином.

Грузинский летописец сообщает, что в период нашествия арабского полководца Абуль-Касима (914 г.) Сумбат снова нашел себе убежище «в горах абхазских»[3]. Впоследствии Сумбат погиб в борьбе с арабами.

Однако поражением Армянского царства сумел воспользоваться Константин, которому, спустя несколько лет, удалось прочно овладеть Картли. Это видно, в частности, из того, что Кахетинский корепископ Квирике I признал себя его вассалом, и они совместно начали борьбу против Эрети. Летописец сообщает, что Константин и Квирике «вступили в Эрети и осадили крепость Вежини. Абхазский царь осадил ее с верхней стороны, а Квирике — с нижней»[4]. После победы над эретцами Квирике досталась крепость Орчоби, а Константину — Ариши и Гавазни.

Комментируя это событие, И. А. Джавахишвили пишет: «Правитель Кахети действовал разумно, не осмеливаясь один расширять свои владения, дабы не восстановить против себя абхазского царя; после победы он взял себе лишь одну часть уступленной им территории, а две части уступил царю абхазов»[5]. Таким образом, царь абхазов утвердился теперь не только в Картли, но и в Эрети. Отныне преимущество и главенство в Грузии оказалось в руках «абхазских царей»[6].

---

1 Цит. по И. Джавахишвили, там же.

2 «Жизнь Грузии», стр. 262.

3 Там же.

4 Там же, стр. 264.

5 И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 102.

6 Там же.

Спустя немного времени после этой победы Константин умер, и в Абхазском царстве начались внутренние смуты. У Константина было два сына: от первого брака (с дочерью Адарнасе) Георгий и от второго брака (с армянской царевной) малолетний сын Баграт[1]. Каждого из братьев поддерживали соперничавшие друг с другом феодальные группировки, между которыми разыгралась ожесточенная борьба. В эту борьбу вмешался один из крупнейших феодалов Тао-Кларджети «эристав эриставов» Гурген, прозванный в источниках «великим». Летописец сообщает, что Гурген помогал Баграту, поскольку тот приходился ему зятем[2]». По словам летописца, «пока не умер Баграт, страна не знала успокоения. И только после смерти его принял полностью царство абхазов царь Георгий»[3].

Георгий II (929—957 гг.) был наиболее выдающейся фигурой среди абхазских царей. Период его правления является временем наибольшего политического могущества Абхазского царства. Автор «Матианэ картлиса» дает Георгию II весьма лестную оценку и, в частности, называет его «царем великим и богом возлюбленным»[4].

Царь Георгий II пользовался большим влиянием и за пределами Грузии, в частности на Северном Кавказе. Непосредственным соседом Абхазского царства на Северном Кавказе было Аланское государство, являвшееся во второй половине X в. наиболее крупным политическим образованием на Северном Кавказе. Еще в начале своего царствования царь Георгий сыграл решающую роль в утверждении в Алании христианства в качестве государственной религии. Константинопольский патриарх Николай Мистик в одном из писем Георгию писал: «От разных лиц, которым известно о твоих подвигах, мы узнали, что ты приложил с божьей помощью большое старание в деле просвещения князя Алании и тех, которые вместе с ним удостоились святого крещения»[5]. Превращение христианства в государственную религию в Абхазии способствовало еще большему сближению аланского (осетинского) народа с Грузией и, в частности с Абхазским царством.

Вскоре после своего воцарения Георгий назначил эриставом Картли своего старшего сына Константина[6]. Однако спу-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 264.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 265, 269, 275.
[5] См. Ю. Кулаковский, Христианство у алан, см. «Византийский временник», т. V, 1899 г. стр. 4.
[6] «Жизнь Грузии», стр. 266.

стя три года Константин «стал враждовать со своим отцом и домогаться царского престола». Он укрепился в крепости Уплис-цихе, где его поддерживали «тбетцы и многие другие азнауры»[1]. И. А. Джавахишвили особо подчеркивает это обстоятельство. Он пишет, что «крупные феодалы, во всяком случае их большая часть, были противниками объединения Грузии; азнауры каждой отдельной области поддерживали независимое существование своего царя или мтавара потому, что после объединения они потеряли бы прежнюю силу и влияние и не могли играть с царем по своей воле, как прежде. Если до этого времени главнейшим явлением государственной жизни Грузии была борьба между грузинскими царями за достижение господства и главенства, то отныне, когда победу одержали абхазские цари, в этой борьбе принимали активное участие и крупные азнауры, в особенности привыкшие к бесцарствию картлийские азнауры; в большинстве случаев они выступали против объеднительной политики абхазских царей и ратовали за независимое существование местных царей.

В мятеже царевича Константина против своего отца многие азнауры картлийские приняли участие с той же целью и намерением»[2].

Георгий направил против своего мятежного сына многочисленное войско, которое осадило Уплис-цихе. Георгия поддерживали «таоские цари» и кахетинский корепископ Фадла. Несколько месяцев длилась упорная борьба, но царевич Константин и его сторонники не сдавались. Тогда Георгий подкупил некоторых азнауров из приближенных Константина, которые предложили царевичу следующее: « Незаметно выйдем из города, проберемся в Абхазию и там провозгласим тебя царем. Отец же твой останется вне Абхазии». Константин согласился. Ночью они незаметно выбрались из крепости и когда уже собирались сесть на плот, чтобы перебраться на противоположный берег Куры, то заговорщики подали условный сигнал людям Георгия. Константин бежал и скрылся поблизости в расщелине скалы. К утру он был обнаружен и доставлен к отцу. По приказанию Георгия Константина ослепили и подвергли другим пыткам, после которых он умер. Поддерживавшим его азнаурам Георгий был вынужден предоставить свободный выход из крепости[3].

Вскоре после того в Кахети подняли восстание гардабанские азнауры, которые отложились от кахетинского корепис-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 267.
[2] И. А. Джавахишвили, цит. соч., стр. 103.
[3] «Жизнь Грузии», стр. 267—268.

копа Квирике II, наследовавшего Фадле, и вступили в переговоры с Георгием. Тогда Георгий вторгся в Кахети и подверг ее разорению. Правителем (эриставом) Картли был в то время второй сын Георгия Леон, которому царь предложил готовиться к новому походу на Кахети с целью полностью овладеть этой страной и пленить также семью Квирике. Узнав об этом, Квирике явился к Георгию и Леону, чтобы добиться мира, но картлийские азнауры, и на этот раз изменившие абхазскому царю, сообщили Квирике об их замысле. Квирике бежал в Кахети и стал готовиться к обороне. Однако на сторону Георгия перешел брат Квирике Шурта, который передал царю крепость Уджарму — один из важнейших укрепленных пунктов в Кахети .Войска абхазского царя вторглись в Кахети и захватили другие кахетинские крепости, за исключением Нахчевани, Бочорма и Лоцобани[1].

Ведя активную борьбу против кахетинских корепископов, Георгий в то же время не забывал и другого своего соперника в борьбе за главенство в Грузии — Тао-Кларджетское царство. Последнее занимало очень важные экономические и стратегические позиции. По свидетельству византийского императора Константина Багрянородного, «область и земля города Артануджа велика и обильна «и является» ключом к Иберии, Абазгии и Месхетии». Сюда, в частности, стекались «товары из Трапезунта, Иберии, Абазгии, всей Армении и Сирии»[2].

Большую роль в Тао-Кларджети того времени играл упомянутый выше эристав эриставов Гурген Великий (918—941 гг.), который был основным противником царя Георгия. Гургену Георгий противопоставил сына первого Тао-Кларджетского царя Адарнасе Ашота Куропалата (923—954 гг.), за которого он выдал замуж свою сестру. Как свидетельствует тот же Константин Багрянородный, Ашот Куропалат «имел женой сестру магистра Георгия, владетеля Авазгии»[3].

В борьбе с Ашотом Гургену Великому удалось овладеть Артануджем, но взамен он вынужден был уступить Ашоту другие владения. Однако, Георгию, конечно, отнюдь не улыбалось усиление Гургена, и он систематически подстрекал Ашота к борьбе с ним. В этой борьбе Гурген сумел одержать победу и изгнал Ашота, который был вынужден искать себе убежище в Абхазии. Константин Багрянородный сообщает об этом следующее: «Когда магистр Гурген и магистр и владе-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 268.

[2] Константин Багрянородный, «О фемах» и «О народах», Москва, 1899 г., стр. 169.

[3] Там же, стр. 168.

тель Абазгии поссорились, то вследствие союза патрикия Ашота с владетелем Абазгии, Гурген, одолевши его, отнял и то, что дал в обмен на Артанудж, и прогнал его, н он (Ашот) ушел в Абазгию»[1].

Однако после смерти Гургена (941 г.) положение в Тао-Кларджети изменилось, н Георгий вновь сумел восстановить здесь свое влияние, а также захватить часть ее территории. Тот же источник свидетельствует, что владения Гургена «поделнли между собой оружьем Куропалат Ашот, владетель Авазгин и магистр Баграт, брат названного Куропалата; они вошли между себой в соглашение и взяли себе каждый ближайшую часть» .Одну часть гургеновских владений захватил также Сумбат, сын мампали Давнда, утвердившийся впоследствии в Артанудже[2].

К концу царствования Георгия II борьба за Кахети вступила в новую фазу. Квирике II, потерпев поражение от войска абхазского царя, попал в плен и вынужден был запроснть мира. Добившись гарантии непрнкосновенности, он передал Кахети царю Георгню[3]. По приказу Георгия был освобожден Квирике, несмотря на возражения Леона, не доверявшего Квирике. Квирике передал абхазам в качестве заложника своего младшего сына Давида в залог того, что Квирике уступит абхазскому царю крепость Бочорму[4].

Однако картлийские азнауры убедили кахетинцев не соглашаться с выполнением этих условий и принудилн Квирике вновь начать борьбу против Георгия. Повстанцам удалось захватить целый ряд кахетинских укрепленных пунктов. По поводу этого события И. А. Джавахншвили пншет: «И в этом случае в качестве главарей и защнтников возмущення в Кахети были картлийские азнауры, кахетинцы же присоединилнсь к ним после. Разумеется, что лично картлийские азнауры ие были заинтересованы в ликвидации независнмой царской властн в Кахети, и если это было бы явлением лишь кахетинской жнзии, то они сидели бы спокойно; но лнквидацию независимости Кахети онн не желали допустить: это ведь вызвало бы усиление абхазского царя! Но поскольку абхазский царь в то же время был повелителем Картли, то расширение и укрепление его прав вызвало бы обуздание прежнего произвола и самовольных действий картлийских дидебулов; именно поэтому картлийские азнауры, вместо того, чтобы содействовать своему царю в деле присоединення Кахети, наоборот, снова сорвалн организованиое и законченное дело, под-

---

[1] К. Багрянородный, цит. соч., стр. 168—169.
[2] Там же, стр. 169.
[3] «Жизнь Грузии», стр. 268—269.
[4] Там же, стр. 269.

стрекли кахетинского правителя против абхазского царя и сами приняли активное участие в возникшем мятеже»[1].

Когда Георгий узнал о происшедших в Кахети событиях, он снова направил туда войско под командованием Леона, который стал подвергать Кахети опустошению. В разгар военных действий Леона известили, что отец его умер, и поэтому он был вынужден заключить с кахетинцами мир. Переговоры между Леоном и Квирике произошли близ озера Базалети. Квирике признал себя вассалом Леона и отдал ему своего сына в зятья. После установления мира Леон поспешил возвратиться в Абхазию, чтобы вступить на престол[2].

Таким образом, кахетинцам удалось, несмотря на признание верховенства абхазского царя, сохранить с помощью картлийских азнауров самостоятельное существование своего государства, и дело окончательного объединения Грузии на продолжительное время задержалось[3].

Первое время после своего воцарения Леон III (957—967 гг.) был занят укреплением внутреннего положения своего царства и широкой строительной деятельностью. Автор «Матианэ картлиса» дает весьма высокую оценку и его государственной деятельности[4].

Но когда умерла дочь его, бывшая замужем за сыном корепископа Квирике II, Леон использовал этот случай, чтобы возобновить борьбу за присоединение Кахети. Он «выступил с большим войском, вышел к берегу Арагви и подверг разорению Мухраии, Херки и Базалети»[5]. Борьба с Кахети, как видно, затянулась и носила упорный характер, но Леону до конца своего царствования так и не удалось осуществить свою цель. Во время этой борьбы, сообщает летописец, Леон заболел и умер[6]. После его смерти кахетннцы сумели закрепить за собой территорию до Арагви и, по-видимому, захватили некоторые районы и к западу от нее[7].

Леон III умер бездетным и ему наследовал брат его Дмитрий II (967—975 гг.)[8]. Второй брат Леона Феодосий еще в детстве был послан своим отцом Георгием II на учебу в Византию. Летописец сообщает, что Георгий отправил Феодо-

---

1 И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 104.

2 «Жизнь Грузии», стр. 269.

3 И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 104.

4 «Жизнь Грузии», стр. 270.

5 Там же.

6 Там же.

7 М. Лорткипанидзе, Из истор. борьбы за полит. объединение Грузии, Матер. по ист. Груз. и Кавк., в 31, 1954 г., стр. 47.

8 «Жизнь Грузии», стр. 270.

сия и его брата за границу с целью не допустить после своей смерти неурядицы между братьями из-за престола. Однако после смерти Леона «какие-то люди» вызвали (Феодосия), чтобы он начал борьбу против брата — Дмитрия[1]. Из Византии Феодосий приехал прямо в Самцхе, где к нему присоединились месхийские азнауры, собравшие значительное войско. Однако Дмитрий поспешно выступил в поход и неожиданно напал на лагерь Феодосия и его сторонников. Они были разбиты, и Феодосий бежал в Картли к одному из виднейших картлийских дидебулов Адарнасе, который приютил его в своей крепости Дзамис-цихе[2]. И. А. Джавахишвили по этому поводу пишет: «И здесь картлийские азнауры поддержали соперника и врага абхазского царя и предоставили ему убежище, стремясь тем самым ослабить своего господина или же добиться возведения на престол своего сторонника»[3].

Царь Дмитрий послал в Картли свое войско, которое окружило дзамскую крепость, а также стало подвергать разорению ее окрестности. Осада крепости продолжалась три месяца. Стесненный гарнизон запросил мира и права свободного прохода для Феодосия. Дмитрий согласился, и Феодосий отправился в Тао к Давиду Куропалату, у которого находился в течение одного года[4]. Затем Феодосий покинул Тао и направился к кахетинскому корепископу Квирике. Узнав об этом, Дмитрий направил к Квирике послов и предложил отпустить к нему Феодосия, пообещав не только не причинить ему зла, но и сделать своим соправителем. Квирике уговорил Феодосия принять предложение брата и заверил, что в случае, если Дмитрий не сдержит своего слова и подвергнет его, Феодосия, репрессиям, то он станет мстить за него. Феодосий согласился лишь после того, как католикос, высшие иерархи и все дидебулы поклялись торжественно в Светицховели в том, что Феодосию не грозит никакая опасность[5].

Однако, заполучив брата в свои руки, Дмитрий не постеснялся нарушить все свои клятвы и заверения и приказал ослепить Феодосия. В ответ на это противники Дмитрия в Абхазском царстве подняли мятеж и выдвинули в качестве претендента на престол «брата их», как пишет летописец, Чала, но им не удалось это осуществить, поскольку, объясняет ле-

1 «Жизнь Грузии», стр. 270.
2 Там же.
3 И. Джавахишвили, Истор. груз народа, т. II, стр. 105.
4 «Жизнь Грузии», стр. 271.
5 Там же.

тописец, царь Дмитрий «был решителен и могуч»[1]. По-видимому, Дмитрий энергичными мерами присек выступление феодалов, оппозиционно настроенных по отношению к центральной власти.

Описанные выше событня весьма ннтересны в том отношении, что они показывают наглядно весь фронт борьбы против объединительной политики абхазских царей. Месхийские феодалы, картлийские азнауры, Куропалат Давид, кахетинский корепископ Квирике — все они оказались открытыми сторонниками Феодосия и противниками абхазского царя. Таковые нашлись, как это показала историня с Чала, и внутри Абхазского царства и, несмотря на то, что Дмитрию абхазкому удалось одержать победу над всеми своими противниками и полностью восстановить политическую гегемонию Абхазского царства в феодальной Грузии, эта борьба показала, какие трудности стоялн перед абхазскими царями в деле осуществления задачи политического объединения Грузии.

Перечисленные выше противники абхазского царя, борясь против него, преследовали различные политические цели. Если картлийские или месхийские дидебулы, вкупе с некоторыми абхазскими дидебулами, были противниками всякой сильной центральной власти, тем более в масштабах всей Грузии, то кахетииский корепископ и Тао-Кларджетский куропалат боролись против абхазского царя лишь постольку, поскольку каждый из них сам желал возглавить дело объединення феодальной Грузии. Поэтому их политические задачи существенно отличаются от узко партикуляристских целей крупных дидебулов любой феодальной области Грузии.

Когда объективные условия объеднпения всей феодальной Грузии полностью созрели, то победителем в борьбе за гегемонную роль в этом объединении должно было стать феодальное образованне Грузии, которое к тому времени оказалось бы в наиболее благоприятном положении. До Дмитрия II включительно, как мы видели,Абхазское царство, несмотря на частичные неудачи, прочно держало в своих руках гегемонию в борьбе за объединение Грузии. Наиболее активными и опасными противниками его были Тао-Кларджетские правители, которые после принятия титула «царя картвелов», как выше отмечалось, уже открыто противопоставили себя абхазским царям в качестве претендентов на роль объединителей Восточной Грузии, а затем и Грузии в целом.

Опасность Тао-Кларджетских куропалатов для абхазских царей возрастала тем более, что они считалнсь вассалами

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 272.

византийских императоров и зачастую пользовались этим в своих политических интересах, используя стремления византийцев препятствовать объединительной политике абхазских царей. В этой связи нам кажется не случайным тот факт, что царевич Феодосий, вызванный своими сторонниками, чтобы отнять царский престол у Дмитрия, из Византии, направился прямо в Тао-Кларджетские владения.

Однако, как мы видим, несмотря на то, что правители Тао-Кларджети были основными конкурентами Абхазского царства в соперничестве за главенствующую роль в объединении Грузии, абхазские цари особенно упорно домогались ликвидации кахетинского княжества. Это, несомненно, объяснялось тем, что присоединение к Абхазскому царству Кахети сулило абхазским царям значительное упрочение их позиций в Картли, в этой ведущей области феодальной Грузии, а это привело бы к такому усилению Абхазского царства, которое позволило бы ему окончательно закрепить за собой господство в Грузии и значительно легче осуществить свою конечную задачу—ликвидацию независимости Тао-Кларджети и завершение под своей гегемонией объединения Грузии. Однако, несмотря на упорные усилия, у Абхазского царства не оказалось реальных сил для осуществления этой задачи. Завершение объединения Грузии, как мы увидим в следующей главе, приняло иную форму.

Тем не менее Абхазское царство приобрело большое значение не только в системе политических образований Грузии, но и было для своего времени одной из важнейших политических единиц всего Кавказа. Весьма характерна поэтому та высокая оценка, которую дает Абхазскому царству армянский деятель X века Ухтанес. В своей «Истории Армении» он пишет о населении Абхазского царства: «Развился народ этот и, увеличив свою численность, распространился по разным берегам Понтийского моря, дошел до границ Армении и Агвании, стал народом очень многочисленным. Название этой страны Абхазия»[1].

Активная роль Абхазского царства в борьбе за объединение Грузии, продолжавшейся в течение почти двух столетий, имела большое прогрессивное значение. Она, несомненно, способствовала ускорению развития исторически необходимого в тех условиях процесса объединения Грузии в единое государство, образование которого диктовалось интересами дальнейшего экономического, политического и культурного развития Грузии.

---

[1] Ухтанес, История Армении, 1871 г., ч. 2, стр. 35.

5. Население Абхазского царства в борьбе с византийско-арабскими захватчиками

Как мы видели, независимость Абхазского царства складывалась в борьбе с Византийской империей, завершившейся к концу VIII века полным освобождением страны от иноземного господства. Однако, разумеется, правящие круги Византии не могли так легко примириться с отпадением страны, занимавшей столь важные стратегические позиции на Кавказе. Для них это было тем более невыгодно, что в течение первой половины IX в. византийцы вели упорную и в основном безуспешную борьбу против арабов. Понятно поэтому, что в течение IX века Византия не раз предпринимала попытки восстановить свое владычество в Западной Грузии, но неизменно сталкивалась с сопротивлением местных народных масс, активно противодействовавшим захватчикам.

Одним из звеньев борьбы Абхазского царства против византийских поработителей было активное участие абхазов и лазов совместно с восточными грузинами (иберами) в крупном социальном и политическом движении в Византии, известном под названием восстания Фомы Славянина (821—823 гг.). Это восстание явилось результатом как внутренних, социально-классовых, противоречий византийского общества, так и противоречий между господствующими классами Византии, с одной стороны, и порабощенными ими народами,— с другой. Подчеркивая широкую и пеструю по своему составу социально-политическую базу восстания Фомы Славянина, исследователь этого восстания Е. Липшиц пишет: «Фома нашел широкие круги приверженцев в самых разнообразных слоях византийского общества. Угнетенные классы боролись в рядах армии Фомы, надеясь добиться при смене власти коренного изменения своего подневольного положения. Сервы восстали против своих господ, стратиоты против своих начальников, полупокоренные варварские племена — против византийского ига»[1].

Об активном участии в движении Фомы Славянина, наряду со славянами, армянами и другими не византийскими элементами, абхазов, лазов (эгрисцев) и картов (иберов) прямые указания имеются у византийского автора X в. Иосифа Генесия[2]. Это подтверждается и более ранним источником, представляющим собой официальное письмо византийского правительства Михаилу Людовику, в котором среди представи-

---

[1] Е. Липшиц, Восстание Фомы Славянина, ВДИ, № 1 за 1939 г., стр. 355.

[2] «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307.

телей ряда племен и народностей, включившихся в повстанческую армию Фомы Славянина, названы арабы, персы, иберы, армяне и абазги[1].

Хотя восстание Фомы Славянина, в силу стихийного характера движения и разнородности классового и этнического состава его участников, потерпело поражение, но оно надолго подорвало политическое могущество господствующих классв Византии.

В 40-х гг. IX в. византийцы предприняли две попытки силой оружия навязать свою политическую гегемонию Абхазскому царству, но безуспешно. Особенно энергично выступила Византия в 843—844 гг. По сообщению анонимного византийского историка, который в своем сочинении продолжает «Историю» Феофана Хронографа, правительство Византии направило в Абхазию морем многочисленное войско под командованием Феохристома. Еще до высадки на побережье Абхазии византийский флот был сильно потрепан бурей, а достигшие берега войска потерпели поражение и были отброшены. Как свидетельствует тот же источник, потери в этой экспедиции составили до 40 тыс. человек[2].

После этих событий Византия была вынуждена надолго отказаться от попыток вооруженной рукой поработить Абхазское царство или какую-либо другую единицу феодальной Грузии. Отныне византийское правительство должно было довольствоваться лишь формальным сувереиитетом над отдельными царствами и княжествами Грузии. И. А. Джавахишвили по этому поводу писал: «Византийский император был покровителем Грузии, а не господином. Он не мог завоевать грузинскую землю, и если он... пожелал бы осуществить это, тогда совместное сопротивление грузинских мтаваров стало бы на его пути непреодолимой преградой. Если вспомнить вместе с тем, что они без стеснения угрожали ему изменой, переходом иа сторону его неусыпного врага и разорением его страны, то становится ясиым, что в то время вассальная зависимость Грузии носила чисто внешний характер и походила более на союз между «старшими» и «младшими» царствами, нежели на действительную политическую зависимость»[3].

В своих дипломатических отношениях с Грузинскими царствами и княжествами византийские правители упорно стремились подчеркнуть свой верховный сюзеренитет иад ними, в том числе и над Абхазским царством. Никого из грузинских феодальных правителей они не удостаивали звания

---

[1] Е. Липшиц, там же, стр. 356.
[2] «Георгика», там же, стр. 328—329.
[3] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. 11, стр., 110.

«царя» («басилевса»), хотя, как мы знаем, абхазские правители уже с конца VIII в. приняли титул «царей», а Тао-Кларджетские — с 888 года. Они всех их именовали «архонтами» («начальниками») и лишь главу Абхазского царства удостаивали звания «эксусиаста» (владетеля), которое по византийской «табели о рангах» считалось выше звания архонта. Такое предпочтение объяснялось той гегемонной ролью, которую более полутора столетий играло Абхазское царство в системе грузинских феодальных образований.

Даже самую крупную фигуру на абхазском престоле — Георгия II византийские официальные лица титуловали «эксусиастом». Так, Николай Мистик в своих письмах к Георгию называет его «эксусиастом» и даже «блистательным эксусиастом», но ни разу «царем»[1], хотя в тексте одного из писем и говорит о его «царском достоинстве»[2].

По сообщению Константина Багрянородного, официальное обращение к царю Абхазии имело следующую форму: «Христолюбивому, божьей милостью блистательному эксусиасту Абазгии». Правитель Абхазии получал от византийского императора «золотую буллу (кольцо с изображением императора) весом в два солида»[3].

Упорно отказываясь признать царское достоинство абхазских и тао-кларджетских правителей, византийское правительство стремилось тем самым подчеркнуть, что, в сравнении с Византией, грузинские и армянские царства занимали в международной жизни более низшие места[4]. Следует, однако, отметить, что византийское правительство называло архонтами не только феодальных правителей Грузии, но и крупных государей того времени — великого князя киевского, хазарского хакана, короля Франции и др.

Византийские дипломатические ноты, адресованные правителям Абазгии, Восточной Грузии, Алании, Армении и др. носили название «келевсиса» («приказа»). Этим также подчеркивалось мнимо подчиненное положение названных правителей от византийского правительства.

Для иллюстрации антивизантийских настроений закавказских правительств достаточно привести следующий факт, сообщенный Константином Багрянородным. Византийские войска осаждали Феодосиополь (Эрзерум) и для взятия этого города им нужно было опереться на Тао-Кларджетскую крепость, которую он называет Кецей. Сам Константин и его сын, и соправитель Роман обратились к тао-кларджетцам с прось-

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. II, стр. 212, 214, 215.
[2] Там же, стр. 217.
[3] Там же, стр. 292.
[4] И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 107.

бой передать им временно эту крепость, обещая возвратить ее после взятия Феодосиополя. Однако «иберы... ответили господину Роману и нашему величеству: если мы это сделаем, то будем в бесчестии у наших соседей, именно у магистра и владетеля Авазгии, владетеля Васпуракана и владетелей армян, так как те скажут ,что император не доказывает доверия иберам»[1].

Отказ тао-кларджетцев Константин Багрянородный объясняет их симпатиями феодосиополитам. На самом деле, как это недвусмысленно было подчеркиуто в ответе, для правителей Тао-Кларджети было важнее сохранить за собой поддержку соседних правнтелей, в том числе абхазского царя, на случай возможной борьбы против Византии, нежели снискать симпатии византийских императоров предоставлением им возможности закрепить свои стратегические позиции на подступах к Грузии.

Одной из причин, заставлявших византийское правительство считаться с стремлением Абхазского царства и других закавказских политических образований к независимости, были неудачи Византни в борьбе против арабов. Византия всегда стремилась использовать в своих интересах систематическое сопротивление арабским захватчикам со стороны грузинских царств и княжеств. Характерно в этом отношении письмо Константинопольского патриарха Нnколая Мистика армяискому католикосу Иоанну Драсханакертскому, изгнанному арабами из Армении и приютившемуся у тао-кларджетского куропалата Адарнасе.

В этом письме Нnколай призывал Иоаниа содействовать установлению прочного союза закавказских владетелей для организации совместного отпора арабским захватчикам. Николай Мистик писал: «Об этом мы послали письмо также к куропалату, к правителю Абхазии, советовали слушаться поучений ваших, забыть нападения друг на друга, блюсти любовь, единство и мир между собой и со всеми князьями армянскими и агваискими и объединиться дружно и бороться против безбожных врагов — войск Абу-Саджа. Ибо пострадаете не только вы и те, которые с вами, но н постигнет разрушение также народов близких. Ваше святейшество должно действовать устно и посредством писем и советов, вместе с епископами, священниками и духовеиством должны иапрягать усилия и устранять злое упрямство их, чтобы они без ленн следовали этим мероприятиям и желали вернуться к лучшему, к спасительным таинствам и деяниям. Ибо если вы будете так дружны и сплочены, тогда ничего гу-

---

[1] *К. Багрянородный, «О фемах» и «О народах»,* стр 165

бительного и злого не в силах будет действовать на вашу страну. И пока вы будете так организовываться, наш венценосный император пошлет вам в помощь много войск, соответственно с требованием времени, чтобы и куропалат и старший Абхазии, как и князья и знать Армении, вместе с нашими войсками и с великой помощью божьею, с великими служениями вашими воевали против врагов. И тогда найдут свою гибель эти сообщники сатаны...»[1]

Нетрудно видеть, что заботы Николая Мистика о безопасности стран Закавказья продиктованы главным образом опасением за «разрушение народов близких», т. е. Византийской империи. Он призывает закавказских правителей к активной борьбе против арабов, обещая военную помощь лишь «в соответствии с требованием времени». Вместе с тем из письма со всей очевидностью явствует, насколько в тот период (первая половина X в.) Византия нуждалась в поддержке народов Закавказья в борьбе против арабского Халифата.

Ясно, что в таких условиях Византия не могла осуществлять по отношению к Закавказью активную завоевательную политику и вынуждена была удовлетвориться лишь номинальным признанием ее сюзеренитета и наделять фактически независимых от нее закавказских правителей своими придворными титулами, вроде «эксусиаста», соответствующего рангу наместника византийского императора.

В своих взаимоотношениях с арабским халифатом и затем с тбилисским эмиром Абхазское царство также руководствовалось интересами борьбы за объединение Грузии под своей гегемонией. Уже вскоре после образования объединенной Западной Грузии под главенством абхазской династии политика ее правителей по отношению к арабам принимает резко выраженный антагонистический характер. В этой связи следует напомнить, что картлийский эрисмтавар Нерсе, поссорившись с арабами, отправляет свою семью в Абхазию, «защищенную от страха перед сарацинами». Такой шаг, несомненно, был продиктован убеждением во враждебном отношении Абхазского княжества к арабам. Если политические связи Нерсе с хазарами были обусловлены их взаимной ненавистью к арабам, на что прямо указывает И. Сабанисдзе, то и благосклонное отношение хакана к поездке Нерсе в Абхазию также объясняется, в известной степени ,общностью их антиарабских настроений.

Однако с течением времени успехи арабов в борьбе с Византией должны были привести к усилению арабского давления на Абхазию. У византийского историка, продолжившего «Историю» Феофана, сохранилось указание о каком-то восста-

---

[1] И. Драсханакертский, История Армении, 1912 г., стр. 267—268.

нии в Абхазии против арабских захватчиков, происшедшем в начале 30-х гг. IX в. Историк рассказывает, что абхазы обратились за помощью к Византии, которая, якобы, направила в Абхазию «огромное войско». Но это войско потерпело поражение[1].

Тем не менее халифату не удалось установить свое господство в Абхазском царстве. В течение всего IX столетия арабская держава переживала постепенный процесс политического распадения. В таких условиях, разумеется, все трудиее становилось поддерживать свое владычество на завоеванных территориях, а тем более думать о новых завоеваниях. Кроме того, значительно поколебало господство арабов систематически нараставшая освободительная борьба народов Закавказья. Под влиянием этой борьбы тбилисский эмир Ибн-Сахак отложился от халифата и объявил себя независимым правителем[2].

С целью восстановления поколебавшегося арабского владычества халиф Мутаваккиль (846—861 гг.) послал в Закавказье большое войско под командованием Буги-турка. В течение трех лет (852—854 гг.) Буга подвергал разорению Армению, Азербайджан и Восточную Грузию.

Против Буги выступил абхазский царь (по «Матиане картлиса»—Феодосий), но потерпел поражение, поскольку арабов поддерживал его соперник — тао-кларджетский правитель Баграт. В «Матианэ картлиса» об этом событии сообщается следующее: «Царь абхазов Феодосий выступил против (Буги) и закрепился в Куерцхоба. Когда Буга узнал об этом, то послал против него Зирака, своего военачальника, и Баграта, сына куропалата Баграта. Сразились они, абхазы были обращены в бегство, и погибло их бесчисленное множество. Царь Феодосий бежал по двалетскому путн»[3]. Это событие произошло после 5 августа 853 года, т .е. после взятия арабами Тбилиси и убийства ими эмира Сахака, как об этом повествуется в надписи на Атенском храме[4]. Автор «Матнанэ картлиса» также свидетельствует, что поражение абхазского царя произошло после падения Тбилиси и убийства Сахака[5].

Здесь следует отметить, что утверждение автора «Матианэ», будто абхазский царь, выступивший против Буги, носил имя Феодосия, противоречит указанию «Дивана абхазских царей», по которому Феодосий царствовал в 791 — 818 гг, т. е. умер за 35 лет до принисываемых ему деяний. По данным

---

[1] «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 327.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 256.
[3] Там же.
[4] См. И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 95—96.
[5] «Жизнь Грузии», стр. 256.

«Дивана», в годы нашествия Буги на Грузию в Абхазии должен был царствовать Дмитрий II (818—854 гг). Тём не менее И. А. Джавахишвили оставляет без изменения сообщение «Матианэ картлиса», поскольку «продолжнтельное и всестороннее критическое изучение этого источника убедило его, что он достоин высокого доверия», в то время как «Диван абхазских царей» отличается существенными недостатками[1].

Вполне соглашаясь с выводом И. А. Джавахишвнли в целом, приходится признать, что в данном конкретном случае вряд ли можно считать соответствующим действительности утверждение автора «Матианэ» о том, что в горы нашествия Буги в Абхазии царствовал Феодосий. Тот же автор, как бы противореча себе, в другом месте (в полном соответствии с «Диваном») говорит об абхазском царе Георгие, которого называет братом Феодосия и Д м и т р и я[2]. Если учесть, что «Диван» был составлен раньше летописи «Матианэ картлиса» и составлен людьми, надо полагать, более осведомленными в генеалогии абхазских царей, чем автор «Матиане», поскольку «Диван» публиковался непосредственно от имени царя Баграта III, то можно прийти к заключению, что в борьбе против Буги принял участие именно Дмитрий II, а не Феодосий .

Абхазское царство, после понесенного поражения, как об этом свидетельствуют некоторые источники, стало выплачивать дань халифату в лице тбилисского эмира. Арабский историк Масуди сообщает, что «абхазы и хазары платят дань (х848ардж) владетелю пограничной области Тифлис со времен завоевания этого города мусульманами и утверждения их в этом городе в царствоваиие халифа Мутаваккиля»[3]. Весьма сомнительно, чтобы абхазские цари платили дань тбилисским эмирам во времена Масуди (X в.), но вполне допустимо, что в IX в., в особенности после вторжения Буги, посланного в Закавказье, как отмечалось, Мутаваккилем, Абхазское царство было обложено данью на некоторый срок. Одиако эта дань не соответствовала тому грабительскому «хараджу» (поземельный налог), которым облагалось население завоеванных арабамн стран. Под «хараджем» Масуди следует разуметь систематически выплачиваемую арабам денежную (частично, возможно, и натуральную) компенсацию за поддержание мирных отношений. Неслучайно дань, выплачиваемую абхазами, Масуди упоминает наряду с хазарской данью.

---

[1] И. Джавахишвили, цит соч., стр. 95.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 258.
[3] См. СМОМПК, вып. XXVIII, стр. 56.

Тем не менее Абхазское царство должно было тяготиться и подобной данью, а, главное, в своем стремлении утвердиться в Восточной Грузии оно систематически сталкивалось с противодействием арабов, препятствовавших объединению Грузии. В начале X в. Абхазское царство вновь ведет борьбу с арабами. Армянский историк Асохик (XI в.) сообщает, что в 907 г. абхазский царь (Константин) в союзе с армянским правителем Сумбатом боролся против войск арабского наместиика Юсуфа Иби-Абу-Саджа.

Этой борьбе предшествовало следующее событие. Абу-Садж вначале отложился от халифа, и тогда Сумбат получил приказ халифа оргаиизовать преследоваиие отложившегося наместника. Но Абу-Садж вскоре помирился с халифом и иачал мстить Сумбату. Асохик рассказывает: «Юсуф (снова), изъявив свою покорность халифу, собрал большое войско и с величайшими угрозами пошел в Армеиию на Сембата в 356 г. (907 г.) К нему присоединились: царь Иверийский Атер-Нерсех, князь Васпураканский... Царь, узнав коварный их замысел, с армянскими владетелями в сопровождении всего войска отправился в Таширский округ в деревню Одцун, и отсюда перешел в Абхазию, Юсуф шел по его следам до крепости и, завязав бой с крепостью Куел, взял ее и пошел в Тпхис, а царь (между тем) возвратился в Ширак»[1].

Борьба против арабов продолжалась и дальше. В 914 г. арабский полководец Абуль-Касим (сын Абу-Саджа) совершил новое вторжение в Грузию и прииудил абхазского царя Констаитииа отступить из Картли.

Однако это вторжение было по сути дела последним крупным нашествием арабов на Грузию. Вскоре Константину удалось восстановить свое господство в Картли и продолжить борьбу за утверждение своего господства в Кахети и Эрети. Мало того, воспользовавшись поражением армянского царя Сумбата в борьбе с Абуль-Касимом, Констаитии упрочил политическую гегемонию Абхазского царства в Грузии.

Спустя некоторое время, халифат окончательно распался и не представлял больше опасиости для феодальиой Грузии, в том числе и для Абхазского царства. Что касается тбилисского эмира, то отиыне ои превратился в самостоятельного правителя, но подвластная ему территория под давлением Абхазии и Тао-Кларджети систематически уменьшалась и соответственно падало его политическое влияние.

Таким образом, в борьбе против византнйских и арабских захватчиков Абхазское царство, как и феодальная Грузия в

---

[1] Асохик, Всеобщая история, 1864 г., стр. 112.

целом, вышли победителями. Иноземным поработителям не удалось воспрепятствовать осуществлению цели передовой части грузинского общества, направленной на объединение всей страны.

6. Политика Абхазского царства в области культуры и церкви

Абхазские цари, учитывая общественное и политическое значение церкви в ту эпоху, с самого же начала должны были обратить серьезное внимание ее положению и организации.

Поскольку, как мы знаем, Лазика и Абхазия приняли в свое время христианство из Византии и сами долгое время находились в политической зависимости от нее, то, естественно, и западногрузинская церковь находилась в непосредственном подчинении у константинопольского патриархата.

Освобождение Абхазского царства от политического господства Византии должно было повлечь за собой и постепенное освобождение западногрузинской церкви от подчинения константинопольскому патриархату. Вахушти Багратиони предполагал даже, что отделение западногрузинской («абхазской») церкви от константинопольской произошло вскоре после образования Абхазского царства. В частности, он указывал, что когда отпал Леон от Византии и провозгласил себя царем абхазов, то тогда же Леон (во всяком случае его ближайшие преемники) признали абхазского католикоса самостоятельным[1].

Однако, как свидетельствуют византийские церковные документы, в частности списки иерархов константинопольского патриархата (эктесисы, нотиции), отделение западногрузинской церкви от византийской церковной организации произошло не сразу и несколько позднее того времени, на которое указывал Вахушти. И. А. Джавахишвили предполагал даже, что еще в XI в. севастопольский (сухумский) архиепископ мог находиться в подчинении у константинопольского патриархата. «Если списки епископов константинопольского патриархата правильно отражают положение того времени, — писал он, — то один абхазский архиепископский престол в Севастополе входил тогда в паству иерарха константинопольской церкви в качестве автокефального архиепископа»[2].

Однако в IX столетии один из крупнейших иерархов — цхумский епископ никак не мог находиться в подчинении

[1] Вахушти, Описание..., стр. 174.

[2] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 120.

у константинопольского патриархата, поскольку в этот период уже существовало единое Грузинское царство, независимое от Византии, и оно бы вряд ли допустило, чтобы на подвластной территории была создана епископская кафедра, подчиненная патриарху другого государства.

Факт, на который ссылается И. А. Джавахишвили, отражает, по-видимому, временное положение вещей.

В 1032—73 гг. значительную часть Абхазии, в частности Анакопию, занимали византийцы. Вполне допустимо, что в таких условиях сухумский (или севастопольский) епископ, выдвинутый Византией, мог перенести свою кафедру в Анакопию. О том, что Анакопия была одно время резиденцией сухумского епископа, в научной литературе уже отмечалось. Так, Д. Бакрадзе писал: «Анакопия служила в старину кафедрой епископа, именовавщегося цхомским»[1].

В этой связи представляет интерес то обстоятельство, что в Новом Афоне, на Иверской горе, была обиаружена в 1866 г. греческая надпись на камне, которая гласит: «Храм Святого Феодора освящен при архиепископе Михаиле апреля 16». По предположению издателя надписи Т. С. Каухчишвили, здесь речь идет о констаитииопольском патриархе Михаиле Керуларие (1043—1069 гг.)[2], возглавлявшем византийскую церковь как раз в тот период, когда византийцы владели Анакопией. То обстоятельство, что при освящении анакопийской церкви упоминается имя византийского патриарха, косвенно указывает, несомненно, на подчиненность ему этой церкви. Важно отметить, что после изгнания византийцев из Анакопии (1073 г.) цхумский епископ (или архиепископ) никогда больше не упоминается в качестве зависимого от коистантинопольского патриархата. Таким образом, фактическое отделение западногрузинской церкви, в том числе и цхумского епнскопа, от Внзантии произошло раньше XI столетия.

По вопросу о времени происшествия этого события вскользь высказывались многие исследователи. Однако специально этого вопроса коснулся впервые акад. АН ГССР Н. А. Бердзенишвили в своей работе «Вазират в феодальной Грузии»[3].

Критически анализируя нотиции епископов константинопольского патриархата, Н. А. Бердзенишвили пришел к выводу, что не только во время образования Абхазского царства, но и в течение всей первой половины IX в. Западная Грузия в церковном отношении входила в состав епископий, подчи-

---

[1] Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 25.

[2] Т. Каухчишвили, «Греческие надписи Грузии», 1951 г., стр. 22.

[3] См. Изв. Инст. яз., истор. и матер. культ. им. Н. Я. Марра, т. X, 1941 г.

ненных константинопольскому патриархату. Время отпадения западногрузинской церкви от византийской церковной организации совпадает с годами правления абхазского царя Баграта I (861—873 гг.)[1].

Опираясь на те же источники и аргументацию, П. Ингороква тем не менее допускает возможность отделения западногрузинской церкви от византийской несколько ранее — не позднее 30—х гг. IX в.[2] Проф. С. Г. Каухчишвили полагает, по данным тех же документов, что византийская церковная администрация в Абхазском царстве существовала в течение почти всего IX века[3]. Упоминание же севастопольской архиепископской кафедры в нотиции № X б, относящейся к началу X в. (901—907 гг.), он считает чисто формальным явлением[4].

Действительно, положение о подчиненности «архиепископа Абазгии» константинопольскому патриарху вплоть до начала X в. не может не вызвать сомнения. Характерно, что нотиции X б хронологически предшествует лишь нотиция, датированная 20-ми годами IX в., в которой упоминается абхазский архиепископ[5]. Это и дает основание предположить, что фактическое отделение западно-грузинской церкви от константинопольского патриархата произошло вскоре после этого, по-видимому, после 40-х годов IX в., когда Абхазское царство сорвало попытку византийского правительства силой оружия восстановить свое политическое господство в Западной Грузии.

Параллельно с освобождением западногрузинской церкви от византийской зависимости шел процесс объединения церковных центров Абхазского царства в единую церковную организацию.

После присоединения Эгриси и Абхазии и образования единого Абхазского княжества рано или поздно такое объединение должно было произойти. Поскольку объединение Западной Грузии произошло под гегемонией Абхазского княжества, то, понятно, руководящую роль в церковном объединении страны должен был сыграть епископ Абхазии (Абазгии), который вскоре возвышается в ранг архиепископа. О возвышении абхазского епископа акад. Н. А. Бердзенишвили пишет: «Объединение западногрузинских церквей должно было осуществиться под главенством автокефального архиепископа Абхазии. На такую мысль наводят следующие обсто-

---

[1] См. Изв. Инст. яз., истор. и матер. культ. им. Н. Я. Марра, т. X, стр. 292—293.

[2] П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 237.

[3] См. «Георгика», ч. 2, стр. 7.

[4] Там же, т. IV, ч. 2, стр. 201.

[5] Там же, стр. 184—185.

ятельства: 1. Политическое могущество Абхазии и ее руководящая роль в деле объединения Западной Грузии; 2. Абхазское происхождение царской династии; 3. Политическая слабость Лазики. Нужно думать, что с этого времени абхазский архиепископ стал именоваться католикосом»[1]. Характерно, что и по мнению Вахушти, во главе западногрузинской церкви становится абхазский иерарх: «Ибо и титул его выражает о том же, так как его называли католикосом Абхазским, а не эгрисским или имеретинским»[2].

Несмотря на то, что никопсийский и фазисский епископы продолжали существовать еще долгое время после образования Абхазского царства, как это явствует из византийских церковных документов, абхазский епископ, как видно, сразу же после объединения Западной Грузии занял преимущественное место. Интересно в этой связи отметить, что И. Сабанисдзе, который, говоря о духовенстве Абхазии, упоминает только одного епископа при абхазском князе, а не нескольких[3].

В своей работе «Канонический строй древней Грузии» акад. АН ГССР К. Кекелидзе приходит к выводу, что «Западногрузинский католикосат фактически складывается во второй половине X в., когда были ликвидированы существовавшие здесь греческая метрополия Лазики и автокефальный архиепископ Абазгии[4].

Однако вряд ли объединение церквей в Западной Грузии в одну организацию произошло так поздно. Вернее предположить, что уже вскоре после отделения этой церкви от константинопольского патриарха оформилось и ее объединение в единую церковную организацию. Следует отметить, что с начала X в. никопсийский епископ не упоминается в качестве самостоятельного иерарха в константинопольских нотициях. Это, по-видимому, объясняется тем, что Никопсийская кафедра уже вошла в состав единой абхазской церковной организации, подчиненной севастопольскому (абхазскому) архиепископу[5]. Затем, во всяком случае уже в первые годы правления Георгия II, к которым относится его переписка с константинопольским патриархом Николаем Мистиком, Абхазская (западногрузинская) церковная организация была

---

[1] Н. Бердзенишвили, Вазират в феод. Грузии, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г., стр. 296.

[2] Вахушти, Описание..., стр. 174.

[3] К. Кекелидзе, Памятники древнегруз. агиограф. литер., 1956 г., стр. 49.

[4] К. Кекелидзе, Этюды.., т. IV, стр. 357.

[5] См. «Георгика», стр. 185, 187, 197 и 232.

уже единой и находилась в полном подчинении у центральной царской власти.

Не случайно, надо полагать, по всем важным церковиым вопросам, которые относились к Абхазскому царству и к которым Византия проявляла определенный интерес, Николай Мистик обращается непосредственно к царю Георгию.

Третьей стороной рассматриваемого вопроса было постепенное сближение западногрузинской и восточногрузинской церквей, которое завершилось в конечном итоге объединением обеих церквей под главенством картлийского (мцхетского) католикосата. Конечной причиной этого сближения явились те же моменты социально-экономического н политического характера, которые обусловили сближение обеих частей феодальной Грузии вообще (см. выше).

Касаясь этого вопроса, И. А. Джавахишвили писал: «Сближение западной и восточной грузинских церквей могло произойти, возможно, в VIII—IX вв., когда главные церковные соборы в Греции заняли патриархи-нконоборцы и когда в Мцхета приезжали, чтобы получить рукоположение, из таких далеких стран, как Готия. Тем более следовало ожидать, что и митрополит Лазикн получал рукоположение от мцхетского католикоса, а автокефальный архнепископ Абхазии установил с картлийским патриархом тесный союз»[1]. Можио вполне согласиться с предложенной И. Джавахишвилн датировкой времени, когда происходило сближение западной и восточной грузинской церквей (VIII—IX вв.); что же касается основной мотивировкн такого сближеиия (временная победа нконоборческих идей в Византии), то это скорее был повод, ускоривший сближение, которое, как уже отмечалось, было обусловлено более основательиыми причинами.

Зачатки сближения обеих церквей относятся, по-видимому, к 40-м годам VIII в., когда во главе Лазики стоял бывший картлийскнй эрисмтавар Арчил, который, как мы знаем, никогда не отказывался от своих династических прав на Картли и даже в последние годы своей жизни сделал трагически для него окончнвшуюся попытку восстановить свою власть в Восточной Грузии. Стремясь к осуществлению своих политических целей, Арчил вряд ли не попытался бы привлечь на свою сторону такую мощную политнческую силу, как мцхетский католикосат, еще будучи правителем Лазики. Арчил и поддерживавшие его феодальные круги должны были использовать для этого и западногрузинскую, в первую очередь эгрисскую, церковь. Если учесть, что Леон I Абхазскнй был вассалом Арчила, то кажется вполне основательным допустить, что Ар-

---

[1] И. Джавахишвили, Истор. груз. народъ, т. II, стр. 120.

чил должен был привлечь на свою сторону Леона, а также архиепископа Абхазии, как высшее духовное лицо в вассальном от него княжестве. Все это не могло не дать определенный толчок к сближению между церквями Западной и Восточной Грузии.

Эти связи, несомненно, усилились после образования объединенного Абхазского кияжества. И. Сабанисдзе, как мы видим, свидетельствует, что многие люди, не исключая и семьи картлийского эрисмтавара, именно в Абхазии находили себе убежище от политических и религиозных преследований, которым они подвергались в Картли. Выше говорилось о том, что иммиграция восточногрузинского населения в Абхазию (Западную Грузию) с VIII в. приняла уже массовый характер.

Все это не могло осуществиться без определенного участия восточногрузинской церкви и, в частности патриарха этой церкви — мцхетского католикоса. Это неминуемо должно было приводить к укреплению связей между церквями обеих частей Грузии. Не случайно, надо полагать, И. Сабанисдзе, который написал свое сочинение по особому заказу мцхетского католикоса Самуила, весьма лестно отзывается об абхазском духовенстве.

Дальнейший шаг к сближению обеих церквей был сделан уже после освобождения Западной Грузии от византийской зависимости и образования Абхазского царства. Акад. Н. А. Бердзенишвили обратил внимание на то обстоятельство, что включение в состав Абхазского царства Аргветн, которая была связана с Иберией еще с античного времени и где особенно сильно было влияние восточногрузинской церкви, ставило Леона II абхазского и его преемников перед необходимостью считаться с этой церковью[1]. Н. А. Бердзенишвили выражает свое согласие с акад. Н. Я. Марром, который полагал, что глава абхазской церкви был местным церковным администратором, находившимся в подчинении у картлийского католикоса[2].

Однако в первое время после освобождения от византийской церковной зависимости католикосы Западной Грузии в административном отношении, видимо, не подчинялись мцхетскому католикосу. Нам кажется основательным предположение акад. К. С. Кекелидзе, что абхазский и мцхетский католикосы были «равноправными распорядителями в своих паствах, но во взаимоотношении друг с другом мцхетский ка-

---

1 Н. Бердзенишвили, Вазират в феод. Грузии, стр. 296.
2 Там же, стр. 295.

толикос пользовался некоторым преимуществом в почтении»[1].

Определенную роль в этом должно было сыграть то обстоятельство, что мцхетский католикос был главой церкви, возникшей на два столетия раньше, чем западногрузинская церковь.

О времени подчинения западногрузинской церкви мцхетскому католикосату И. А. Джавахишвили писал следующее: «Мегрелия и Абхазия в церковно-административном отношении были объединены с общей грузинской церковью под главенством картлийского католикоса — патриарха. Когда произошло такое объединение, об этом пока что нет прямых сведений, но во всяком случае в первой половине XI в., как видно, абхазская церковь уже была присоединена. Это видно из того, что Георгий Мтацминдели, отстаивая перед антиохидским патриархом право грузинской церкви на автокефалию, приводил, между прочим, и такой аргумент: «Один из двенадцати святых апостолов — Симон Кананит похоронен в нашей стране, в Абхазии, (в городе), который называется Никопсией». Если бы в это время абхазская церковь не принадлежала бы общегрузинской церкви, Георгий Мтацминдели не привел бы такого аргумента, потому что ему бы тогда ответили, что подобным доводом нельзя подкрепить ваше право, поскольку Абхазия подчиняется греческой церкви, константинопольскому патриархату, а не мцхетскому католикосскому престолу»[2].

То, что в XI в. абхазская церковь уже находилась в подчинении у мцхетского католикоса — это не подлежит сомнению, так как в условиях единого Грузинского царства иначе и быть не могло. Но это объединение должно было произойти раньше. По нашему мнению, оно было осуществлено уже в X в., возможно не позднее середины этого столетия, когда абхазское царство особенно активно выступает за объединение феодальной Грузии.

В этих условиях, надо полагать, абхазские цари должны были всячески использовать такую крупную политическую силу, как мцхетский католикосат. Поскольку последнему в религиозном отношении подчинялась вся Восточная Грузия, в том числе и церкви соперников абхазских царей — Кахети и Тао-Кларджети, а резиденция мцхетского католикоса территориально находилась в Картли, т. е. в области, подчиненной Абхазскому царству, то естественно, абхазские цари мог-

[1] К. Кекелидзе, Этюды.., т. IV, стр. 357.
[2] И. Джавахишвили, Истор. груз. народа, т. II, стр. 119—120.

ли подчинить тому же мцхетскому католикосу и абхазскую церковь.

Одним из ярких показателей влияния восточногрузинской церкви на Абхазию уже в IX веке является факт монастырского строительства на ее территории, осуществлявшегося таким видным церковным деятелем Восточной Грузии, каким являлся Григорий Хандзтийский (умер в 860 году). По сообщению автора его жизнеописания Георгия Мерчуле, Григорий и его сподвижники поехали в Абхазию с целью создания там монастырских обителей и были хорошо приняты абхазским царем Дмитрием II (825—861 гг.)[1]. По свидетельству Георгия Мерчуле, Григорий Хандзтийский основал в Абхазии монастырь в местности Убе.

В прямой связи с распространением церковного влияния картлийского католикосата на Западную Грузию является утверждение грузинского языка в Абхазском царстве в качестве основного языка церковного богослужения.

Грузинский язык стал распространяться в Западной Грузии значительно раньше. Как мы знаем, уже с VIII в., в связи с появлением в восточных районах Западной Грузии постоянного грузинского (картского) населения, переселившегося из Восточной Грузии, грузинская речь должна была получить здесь значительное распространение. «Уже с начала IX в. (если не раньше) в Абхазском царстве языком книжной культуры, царской канцелярии и церкви является грузинский язык, который распространяется и на Северный Кавказ (черкесы, алано-осы)»[2].

В X в. грузинский язык на территории Абхазского царства является уже господствующим, и он вытеснил отсюда греческий язык, употреблявшийся в западногрузинской церкви в предшествующий период. Георгий Мерчуле, составивший жизнеописание Григория Хандзтийского в середине X в., выдвинул формулу, которая свидетельствовала о возникновении нового понимания термина «Картли», по которому он означал не только Восточную Грузию, но и всю Грузию в целом. «Картли называется обширная страна, — писал Георгий Мерчуле, — в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке»[3]. В таком понимании могла быть представлена страна, которая находилась под церковной гегемонией картлийского (мцхетского) католикосата, т. е. не только Картли (Восточная

---

[1] «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марра, Тексты и разыск. по армяно-груз. филологии, 1911 г., стр. 100 и след.

[2] С. Джанашиа, Из истории Абхазского царства, Труды, т. II, стр. 306.

[3] «Житие св. Григория Хандзтийского», стр. 123.

Грузия), но и Грузия в целом, в том числе и территория современной Абхазии.

В связи с этим иовое, расширительное значение получил термин «грузин» (ქართველი). В X в. «грузином» становится всякий, кто является халкедонитом (на Кавказе или по соседству с ним) и кто слушает богослужение иа грузинском языке[1]. Такое понимание термина «грузин» вовсе не исключало этническую индивидуальность того или иного «грузина халкедонита», негрузина по своей национальной принадлежности, скажем, — абхаза, адыга, осетина или двала. Здесь же следует отметить, что распространение грузинского языка в западной части Северного Кавказа было связано с проникновением христианства на Северный Кавказ из Абхазии (например, в начале X в. среди алан)[2]. Не случайно именно в X в. грузинский писатель Иоанн Зосиме составил замечательный панегирик под названием «Хвала и слава грузинскому языку».

Общегрузинское направление культурной и церковной политики Абхазского царства нашло свое выражение и в характере культовой строительной деятельиости абхазских царей.

В начальный период существования Абхазского царства в церковном зодчестве на территории собственно Абхазии чувствовалось еще сильиое влияние византийских архитектурных канонов. Характерным в этом отношении является храм Симона Кананита в Новом Афоне, построенный в IX или начале X вв. Д. Бакрадзе, видевший развалины этой церкви до ее позднейшей перестройки, пишет: «Она почти совершенно уцелела. Обвалился лишь один купол... Устройство ее греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горного места. Поразительио тонкие стены ее сложены из римского кирпича, и стройные своды покоятся на чрезвычайно легких столбах. Живопись стерлась, но на западной стене еще заметны успение богоматери и два мученика»[3].

Однако в целом памятники, возводящиеся в Абхазском царстве принимают облик, характерный для грузинского архитектурного стиля той эпохи. В этом стиле, например, был выдержан знаменитый в средние века кафедральный храм в Мартвили (ныне Гегечкори), построеный Георгием II[4]. Вахушти пишет об этом храме: «Выше Бандзы и к западу от Цхенис-цкали, на высоком, с видом на реку, месте находится Чкондиди, церковь с куполом, грандиозная, Мартвильская.

---

[1] Н. Бердзенишвили, Об истор. знач. присоед. Грузии к России, журнал «Мнатоби», № 6 за 1954 г., стр. 121.

[2] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 306.

[3] Д. Бакрадзе, Кавказ в древ. памяти. христианства, стр. 25.

[4] Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 84; «Жизнь Грузии», стр. 265.

Ее воздвиг восьмой царь абхазский Георгий и украсил всякими церковными украшениями»[1].

Не уступал своему предшественнику в строительной деятельности и Леон III. По свидетельству «Матианэ картлиса», Леон «построил церковь в Мокви, превратил ее в кафедру епископа, освятил ее и украсил с особой тщательностью»[2]. Моквский храм представляет собой пятинефное однокупольное сооружение, сложенное из тесанных камней. По своему облику он сближается с памятниками Киевской Руси, в частности, имеет сходство с планом знаменитого Софийского собора в Киеве, построенного значительно позднее (1037 г.). Это сходство, по-видимому, объясняется наличием у обоих храмов общих прототипов в византийской архитектуре. Однако важно отметить, что примененное при строительстве Моквского храма «возведение стен типичным для грузинской архитектуры способом (толща стен из забутовки, каменная облицовка) свидетельствует о местной переработке древнерусского прототипа»[3].

В период правления Леона III был построен также замечательный храм в Кумурдо, в 12 км от Ахалкалаки, который представляет собой шестиабсидное центрально-купольное сооружение. Обнаруженная в храме древнегрузинская ктиторская (строительная) надпись гласит: «Иоанн епископ положил основание этой церкви рукою грешного Сакоцари при царе Леоне в 964 г. в мае в день субботний первой луны в эриставстве Звиада». Над алтарной аркой храма помещены портреты его строителей, царя Леона и его сестры Гурандухт[4].

Таким образом культурная и церковная политика Абхазского царства, так же, как и его социальная и государственная политика, диктовалась общегрузинскими интересами. Успехи этой политики объяснялись тем, что правящие круги Абхазского царства при ее осуществлении пользовались поддержкой широких масс населения царства, заинтересованного в ликвидации политической раздробленности, прекращении феодальных междоусобиц, в укреплении военной мощи государства, способного противостоять внешним захватчикам. Народные массы были также более заинтересованы распространением грузинского языка и письменности во всех сферах, в том числе и в церковной, поскольку грузинский язык уже к IX в. стал общенародным языком для большей части населения царства и был более доступным родственным народ-

---

[1] Вахушти, Описание..., стр. 166.

[2] «Жизнь Грузии», стр. 270.

[3] Н. П. Северов, Памятники груз. зодчества, Москва, 1947 г., стр. 186.

[4] Там же, стр. 186—187.

ностям, проживавшим на территории Абхазского царства, нежели греческий язык, абсолютно чуждый по своему строю и лексике кавказским языкам.

Это положение вместе с тем отнюдь не исключает того факта, что на заключительных этапах утверждения феодализма в Грузии, которые совпадают с периодом Абхазского царства, классовые противоречия между господствующим феодальным сословием, с одной стороны, и эксплуатируемыми массами крепостных крестьян, с другой, становились все острее. Как выше уже отмечалось, задача преодоления возраставшего массового сопротивления широких народных масс составляла один из важнейших мотивов, побуждавших феодальные элементы Грузии и Абхазии объединиться в рамках единого централизованного государства. Этой же цели в известном отношении служило и утверждение грузинского языка в западногрузинской церкви в качестве основного языка богослужения, ибо в таком случае в значительной степени облегчалось осуществление классовой роли христианской церкви.

К сожалению, дошедшие до нас источники не сохранили сведений о развитии классовой борьбы на территории Абхазского царства, однако социальная борьба, происходившая в других областях феодальной Грузии, в частности в тао-кларджетском царстве, позволяют допустить, что аналогичные явления имели место и в Абхазии.

7. Абхазия и абхазы в составе Абхазского царства

Территория современной Абхазии, как отмечалось выше, была включена в Абхазское царство, состоявшее из трех эриставств — Абхазского, Цхумского и Бедийского. По утверждению Вахушти, такое административное разделение, осуществленное Леоном II вскоре же после образования Абхазского царства, просуществовало вплоть до XIII века. Так, Вахушти пишет, что территория прежнего Абхазского княжества «абхазским царем Леоном была разделена. В Цхоми сел один эристав, в Бедиа — другой, в Абхазии — иной. Так было до царицы Тамары»[1].

В течение всего периода существования самостоятельного Абхазского царства абхазская народность являлась составной частью этнически неоднородного населения этого государства. Но, к сожалению, исторические источники того времени чрезвычайно редко выделяют собственно абхазов из общей массы населения Абхазского царства (так же, впрочем, как и другие его этнические компоненты).

Когда, например, в грузинском источнике идет речь о населении Абхазского царства, то оно, как правило, называ-

[1] Вахушти, Описание.., стр. 168.

ется единым именем «абхазы», из которого не выделяются ни карты, ни сваны, ни эгрисцы (мегрелы), ни собственно абхазы. Таким же термином называют обычно обитателей Абхазского царства в целом н армянские источники. Поэтому мы вправе считать, что во всех важных политических событиях, связанных с Абхазским царством, в числе «абхазов» в широком смысле принимали участие и собственно абхазские элементы.

Вместе с тем важно отметить, что грузинские источники, употребляя термин «абхазы» для обозначения всего населения Западной Грузии, различают н отдельные области, входившие в состав Абхазского царства — Аргвети, Гурия, Рача-Лечхуми, Эгриси, Сванетия, Абхазия, Джигетия и др. Как указывают названия этих областей, они были населены представителями определенных этнических групп картвельского народа и отдельных народностей, входивших в состав Абхазского царства. Этим обстоятельством лишний раз подтверждается, что собирательный термин «абхазы», употребляемый в тех же источниках, включал в себя в одинаковой мере ряд реальных этнических общностей (народиости, племена), составлявших все население Абхазского царства.

Но поскольку ведущее место в этническом составе Абхазского царства составляли картвелы (карты, эгрисцы и сваны), а политика этого царства, в силу исторически сложившихся обстоятельств, была общегрузинской, то и абхазы, которые обитали на своей исконной террнтории, составлявшей часть Абхазского царства, также являлись активными проводниками этой политики. Поэтому-то во всех важных политических событиях, в которых участвуют «абхазы» в широком смысле, наряду с другими, вполне основательио можно усматривать и собственно абхазов.

В отдельных случаях, когда в источниках собственно абхазы упоминаются в качестве самостоятельной этнической единицы, мы имеем указания на их выступления совместно с картвельскими племенами. Так, в сообщении Иосифа Генесия об участии картвельских иародностей в восстании Фомы Славяиина абхазы выступают совместно с лазами (эгрисцами) и иберами (картами)[1].

Одним из иитересиых явлений в истории грузино-абхазских отношеиий рассматриваемой эпохи является феодальная колонизация абхазов из собственно Абхазии на территорию Западиой Грузии, а затем, в связи с расширением пределов Абхазского царства, и в Восточную Грузию. Акад. С. Н. Джанашиа специально занимался этим вопросом и обратил виимаиие на ряд иитересных в этом отношении фактов. В част-

[1] «Георгика», т. IV, ч. 2, стр. 307.

ности, он установил, что известный в феодальной Грузии род Бараташвили происходит от фамилии Качибадзе, которая «несомненно абхазского происхождения»[1]. Представители этой фамилии очень давно, возможно со времен Абхазского царства, переселились из Абхазии в Восточную Грузию. Более древняя вариантная форма этой фамилии — Качипадзе, которая, в свою очередь, восходит к Каджипадзе (ქაჯიფაძე), где суффикс «па» — «ба» (ფა—ბა) соответствует абхазскому «а — па» (ა—ფა) — «сын»[2]. С. Джанашиа считает допустимым увязать фамилию Качибадзе с именем абхазского феодального рода Гечба (Гьяч-ба — Кач-ба)[3].

Аналогичными фамилии Качибадзе (Качибая) являются встречающиеся ныне в Грузии Чачибая, Алшибая, Какубава, Эзугбая и т. п., которые также по своему происхождению принадлежат к абхазским фамилиям[4]. Это свидетельствует о том, что определенные абхазские элементы этнически сливались с картвелами.

В этой же работе С. Н. Джанашиа пишет: «Думается, что в те же времена (хотя категорически это сказать трудно, ввиду отсутствия соответствующих документов) на самом северном пункте дороги, соединяющей Западную Грузию с Восточной, обосновались Анчабадзе, фамилия которых по своему происхождению и последующей истории («ба» + «дзе») представляет собой полную аналогию фамилии Качибадзе»[5]. От фамилии Анчабадзе (Ачба) произошло название местности Ачабети, от которой, в свою очередь, образовалась новая фамилия — Мачабели (აჩ(ა)ბ-ეთ-ი→მ-აჩაბ-ელ-ი), представители которой впоследствии также составляли известный в феодальной Грузии тавадский род[6].

Число подобных примеров можно было бы значительно умножить (Гонглибаисдзе, Апхази и др.); они свидетельствуют о том, что многие абхазы по происхождению, как в эпоху Абхазского царства, так и впоследствии, влились в грузинскую народность.

* * *

В заключение считаем необходимым, хотя бы кратко, остановиться на некоторых вопросах историографии Абхазского царства, поскольку вплоть до последнего времени в опублико-

---

1 См. С. Джанашиа, К генеалогии Бараташвили, Труды, т. II, стр. 476.
2 Там же.
3 Там же, стр. 480—481.
4 Там же, стр. 476.
5 Там же, стр. 478.
6 Там же.

ванной литературе история этого политического образования нередко представляется в искаженном виде.

В ряде работ по истории Абхазии, опубликованных еще в первые годы Советской власти, история Абхазского царства представлена как целиком история абхазского народа, «завоевавшего» и подчинившего себе значительную часть Грузии. Так, например, К. Кудрявцев в своей книге «Сборник материалов по истории Абхазии» (1926 г.) бездоказательно утверждает, что Леон II завоевал Западную Грузию и дальнейшую историю Абхазского царства целиком квалифицирует как собственно абхазскую историю![1]

IX—X вв. К. Кудрявцев характеризует как «эру вполне независимой, самостоятельной Абхазии»[2].

Причины возвышения Абхазского царства К. Кудрявцев объясняет следующим образом: «Эти явления объясняются тем, что благодаря торговым путям, пролегавшим с Запада на Восток, абхазское население было наиболее сильным в материальном и культурном отношениях в Закавказье. Исключительно благодаря громадной духовной мощи (!) абхазцев той эпохи, как народа-нации (!) и громадных духовных и материальных сил, таившихся в них в те времена, с одной стороны, и с другой — культурным, в особенности по той эпохе, владычеством (!) абхазцев и, наконец, западнической складкой жизни (!), которую они, восприняв в своих сношениях с Римом, Византией, Херсонисом, Боспором Киммерийским и т. д., несли на Восток»[3] (!).

Абсолютная научная несостоятельность подобного идеалистического «объяснения» настолько очевидна, что не нуждается в особых комментариях. Полное несоответствие подобной трактовки одного из важнейших вопросов истории феодальной Грузии и Абхазии с исторической действительностью совершенно ясно в свете изложенных выше позитивных материалов по истории Абхазского царства.

Исторически неправильную трактовку роли абхазов в Абхазском царстве, в частности, чрезмерное преувеличение этой роли, а также игнорирование общегрузинского характера политики Абхазского царства, можно встретить и в некоторых других трудах по истории Абхазии.

Подобные взгляды, не соответствующие исторической истине, не менее антинаучны, чем попытки полностью игнорировать роль абхазов в Абхазском царстве, не говоря уже об отрицании этнической индивидуальности абхазов средневековья и их генетической связи с современными абхазами, как

---

1 К. Кудрявцев, Сборник материалов по истор. Абхазии, стр. 96 и след.
2 Там же, стр. 93.
3 Там же, стр. 124.

это имеет место, например, в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле».

В связи с историографией Абхазского царства считаем нужным остановиться также и на одном примере искажения истории Абхазского царства, допущенном в названном выше труде П. Ингороква. На стр. 115 этого труда П. Ингороква утверждает, что акад. С. Н. Джанашиа в школьном учебнике по истории Грузии (груз. изд. 1944 г., стр. 146—147; рус. изд. 1946 г., стр. 152) проводит такую мысль, будто после образования Абхазского царства « в течение двух последующих столетий (9 — 10 века) была своего рода «абхазская эра» в истории Западной Грузии». Причем, такого рода неправильный взгляд П. Ингороква ставит в упрек всей грузинской советской историографии[1].

Следует решительно подчеркнуть, что никто из современных грузинских советских историков, ни тем более акад. Джанашиа, ничего подобного никогда не утверждали. Наоборот, С. Н. Джанашиа неоднократно подчеркивал, что политика абхазской династии была именно грузинской политикой, что Абхазское царство было по существу грузинским политическим образованием, в котором существенную роль играли и собственно абхазские элементы.

Акад. С. Н. Джанашиа не написал, к сожалению, детальную систематическую историю Абхазского царства, но в ряде своих работ по истории Грузии, как и в некоторых специальных работах по истории Абхазии, не раз имел случай высказать свою точку зрения по различным основным вопросам истории Абхазского царства и о его историческом значении. Свои исследования по вопросам истории Абхазии, а также по истории Абхазского царства акад. Джанашиа резюмировал в кратком очерке истории Абхазии (до XX в.), написанном им для второго издания Большой Советской Энциклопедии. В этом очерке С. Джанашиа свои взгляды на Абхазское царство подытожил в следующих словах: «В дальнейшем резиденцией абхазских царей стал город Кутатиси (ныне Кутаиси), находящийся ближе к центральным грузинским областям. Это указывало на *главное направление политики Абхазского царства, с самого начала своего возникновения вступившего в общую систему феодальных образований Грузии*... Абхазские цари... встали на путь объединения не одной лишь Западной Грузии, но и Грузии в целом... Кутаиси к этому времени уже был пунктом, по которому проходил важнейший путь страны, где скрещивались хозяйственные и куль-

---

1 П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 115.

турные связи западногрузинских племен и где раньше, чем в остальных городах Западной Грузии, развилась грузинская национальная культура, шедшая из Картли. С конца VIII в. грузинский язык окончательно вытеснил греческий, о чем свидетельствуют сохранившиеся поныне лапидарные и иные надписи того времени. Развивается грузинская письменность. Новое западногрузинское образование приняло название Абхазского царства»[1].

---

[1] БСЭ, изд. 2, стр. 47. (Разрядка наша — З. А.).

ГЛАВА V

ФЕОДАЛЬНАЯ АБХАЗИЯ В СОСТАВЕ ЕДИНОГО ГРУЗИНСКОГО ЦАРСТВА (XI — 20-е гг. — XIII вв.)

1. Социально-экономические отношения в Абхазии в XI—XIII вв.

По своему географическому облику Абхазия, как известно, подразделяется на две основные зоны — приморскую (низменную) и горную. Это подразделение оказывало свое влияние на хозяйственный быт и социальные отношения в крае. Если в приморской части ведущей отраслью хозяйства было земледелие, то в горных районах превалировало скотоводство.

Обитатели побережья занимались главным образом разведением проса, винограда, льна, огородных и садовых культур. О значительном развитии земледелия в тот период свидетельствуют найденные на территории Абхазии (Очамчирский, Сухумский и Гагрский районы) лемеха, мотыги, цалды, серпы и другие сельскохозяйственные орудия. О ведущей роли земледелия в историческом прошлом абхазов свидетельствует древнеабхазский календарь, подразделявший хозяйственный год на циклы земледельческих работ. Например, апрель — цәаӡуара-мза («месяц пахоты»), май — лацара-мза («месяц сева»), сентябрь — раӄубара-мза («месяц сбора ореха»), ноябрь—тьӡаара-мза («месяц сбора винограда») и т. д.[1] В горах население занималось производством мясо-молочных продуктов, охотой, бортничеством.

Внутренняя торговля в крае сводилась в основном к обмену между жителями горной и приморской частей. Торговые отношения распространялись и за пределы собственно Абхазии. Здесь, в первую очередь, необходимо указать на сравнительно интенсивные связи с другими частями Грузии. Об этом говорят обнаруженные на территории Абхазии грузинские средневековые монеты XI — XII вв., помеченные именами Георгия II, Давида Строителя, Тамары и др. Визан-

[1] Д. Гулиа, История Абхазии, 1925 г., стр. 310—311.

тийские и западноевропейские монеты того времени свидетельствуют о сравнительно широких торговых связях со странами Запада. Торговые отношения, разумеется, должны были связывать Абхазию и с соседними странами Северного Кавказа, что подтверждается и существовавшими между ними интенсивными связями политического и культурного порядка.

Как известно, к концу XI в. общественный строй Грузии принял формы вполне сложившегося развитого феодализма. Население тогдашней Грузии состояло из двух основных классов — господствующего класса феодалов («азнаури») и эксплуатируемого феодально-зависимого крестьянства («глехи»). Антагонистические противоречия и борьба между этими классами составляла важнейшую черту внутренней истории Грузии той эпохи.

Господствующий класс феодалов («азнауров», как их называли в Грузии) состоял из крупных феодалов («дидебули азнаури») и мелких («цврили азнаури»). Феодалы Грузии объединялись в стройную иерархическую структуру. Основой сюзеренно-вассальных отношений («патронкмоба») была феодальная земельная собственость.

Основную массу грузинского крестьянства того времени составляли крепостные крестьяне («кма-глехи»), прикрепленные к земле феодала и являвшиеся объектом купли-продажи. Крепостные крестьяне подвергались жестокой феодально-крепостнической эксплуатации со стороны своих господ и несли в их пользу ряд феодальных повинностей (оброк, барщина, зачатки денежной ренты).

Отдельную сословную группу феодальной Грузии составляло купечество. Грузинские купцы делились на две категории — дидвачари («крупные купцы») и цврилвачари («мелкие купцы»). В многочисленных грузинских городах имелось большое число ремесленников. Труд ремесленных людей с трудом феодально-зависимого крестьянства составлял экономическую основу грузинского общества.

Аналогичными, в основном, чертами отличались и социальные отношения в Абхазии. В одном из важнейших грузинских источников начала XIII в.—«История и восхваление венценосцев»—прямо указывается, что в Абхазии того времени были «дидебулы», которые имели свои вооруженные отряды[1], причем эти абхазские «дидебулы» поставлены в один ряд с дидебулами Самокалако, Аргвети и других областей Западной Грузии, которые, как мы знаем, отличались уже развитыми феодальными отношениями. Упомянутый в той же

1 «История и восхваление венценосцев», изд. К. Кекелидзе, Тбилиси, 1941 г., стр. 91 (на груз. яз.).

летописи цхумский Эристав Дотагод Шервашидзе представляется нам крупным дидебулом, феодалом земле-и душевладельцем.

Совершенно очевидно, что наличие в Абхазии высшей феодальной прослойки—дидебулов—предполагает наличие и других сословий феодального общества, как мелких феодалов, так и широких масс феодально-зависимого крестьянства.

Наряду со светскими феодалами, в Абхазии имелись и духовные феодальные владения — крупные церкви, монастыри. Грузинский летописец сообщает, что когда Баграт III построил Бедийский храм и создал там епископскую кафедру, то он пожаловал ему «многие села с ущельями и местами»[1].

Что касается высокогорных районов Абхазии, то здесь, как и в высокогорных районах Грузии, господствовали раннефеодальные и патриархальные отношения, но зависимость населения этих районов от развитого феодального приморья была значительно сильнее, чем позже, в период политической раздробленности Грузии.

2. Образование единого Грузинского царства

К концу X в. в феодальной Грузии уже полностью сложились все необходимые социально-экономические и политические предпосылки для объединения царств и княжеств в единое централизованное государство. Вопрос сводился лишь к тому, под чьей гегемонией должно было завершиться это политическое объединение, подготовленное предшествующим периодом. Как мы знаем, руководящую роль в борьбе за объединение Грузии на протяжении более чем полутора веков играло Абхазское царство, которое в этом отношении довольно успешно соперничало со своим главным конкурентом — Тао-Кларджетским царством. Однако к началу последней четверти X века Абхазское царство было значительно обессилено династической борьбой за престол между Дмитрием III и его младшим братом Феодосием.

Как мы видели, остальные грузинские политические единицы, и в первую очередь Тао-Кларджети, активно вмешивались в эту борьбу с целью добиться максимального ослабления Абхазского царства. От этих междоусобиц особенно тяжело страдали широкие народные массы, которые все более домогались установления в стране мира и по возможности твердых порядков. На одном древнем кресте, хранившемся в цагерской церкви, сохранилась надпись (датируется 973 г.),

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 281.

в которой сообщается о страдании народа («эри») в результате междоусобной борьбы «наших царей». Авторы надписи молятся за спасение «эри»[1]. Этот факт свидетельствует о том, что в стране росли социальные силы, добивавшиеся прекращения внутренних усобиц и установления прочной центральной власти. Сторонники объединения Грузии и установления в ней твердого порядка находились не только в среде мелких азнауров и в народных массах, но и среди отдельных дидебулов, пользовавшихся большим политическим влиянием в стране.

В 975 г. скончался Дмитрий и поскольку, сообщает летописец, у него не осталось другого наследника ни в Абхазии, ни в Картли, то на абхазском престоле был утвержден царем слепой Феодосий[2]. Воцарение Феодосия III, не пользовавшегося никаким авторитетом и лишенного возможности твердо взять в свои руки бразды правления, привело к резкому ухудшению дел в Абхазском царстве. Создавшимся положением воспользовались в первую очередь кахетинцы, которые объявили войну Абхазскому царству и осадили главный административный центр Картли — крепость Уплис-цихе.

В это время должность картлийского эристава занимал один из крупнейших феодалов Западной Грузии Иоанн Марушисдзе, которого автор «Матианэ картлиса» характеризует как «человека сильного и имеющего много людей»[3]. И. Марушисдзе принадлежал к числу активных сторонников объединения Грузии и развернул в этом направлении энергичную деятельность. Акад. И. А. Джавахишвили писал по этому поводу: «В эту эпоху неурядиц в Грузинском царстве, которые возникли в период правления слепого Феодосия, среди передовой части правящих кругов оказалась сознательная группа, которая добивалась укрепления положения в стране. Лучшим представителем этой группы, ее вдохновителем и упорным осуществителем ее чаяний был Иоанн Марушисдзе. Он хорошо представлял себе, насколько опасным было для Грузии царствование слепого, слабого человека»[4].

Иоанн Марушисдзе и возглавляемая им группа феодалов замыслили свергнуть с престола Феодосия III и воцарить в Абхазии Баграта Багратиони, сына одного из видных тао-кларджетских владельцев Гургена Багратиони. Мать Баграта — Гурандухт—была дочерью абхазского царя Георгия II и родной сестрой царствовавшего Феодосия[5].

---

1 Ф. Жордания, Хроники, т. 1, стр. 91—92.
2 «Жизнь Грузии», стр. 272.
3 Там же.
4 И. Джавахишвили, История груз. народа. т. II, стр. 121.
5 «Жизнь Грузии», стр. 275.

К осуществлению своего плана И. Марушисдзе и его сторонники привлекли тао-кларджетского царя Давида Куропалата(966—1001 гг.), который являлся наиболее выдающейся политической фигурой феодальной Грузии того периода. И. Марушисдзе направил к Давиду посла, через которого предложил ему выступить с войском и либо самому овладеть Картли, либо поставить во главе ее Баграта Гургеновича, являвшегося «со стороны матери наследником Абхазии и Картли»[1]. Получив приглашения И. Марушисдзе, Давид Куропалат «выступил со всеми своими силами и прибыл в Картли. Когда узнали о его приходе кахетинцы, то они ушли, как беглецы, и оставили Картли[2].

«...Давид Куропалат остановился в Куахарели; к нему явился туда И. Марушисдзе и сдал ему крепость Уплис-цихе, которую (Давид) пожаловал Баграту и его отцу Гургену, так как не было сына у Давида Куропалата и (поэтому) усыновил он Баграта, сына Гургена»[3].

По поводу политической ориентации И. Марушисдзе и его группы на Тао-Кларджетское царство, в частности на Давида Куропалата, И. А. Джавахишвили писал следующее: «Иоанн Марушисдзе придерживался твердого и определенного стремления к объединению Грузии и для осуществления этого выбрал наилучший путь. Лучше Давида Великого Куропалата никто не мог осуществить это: он был известен везде, как в самой Грузии, так и вне ее — Армении, Греции, среди арабов,—своим могуществом и высокими моральными качествами; вместе с тем он обладал твердым и сильным характером и никому не позволил бы подчинить себя. Поскольку у него не было сына, он усыновил и воспитал Баграта, сына Гургена, своего близкого родственника. Следовательно, он (Баграт) был наследником не только владений царя картвелов, но и Тао; если же Баграта действительно посадили бы на престол абхазских царей, то тогда он стал бы государем почти всей объединенной Грузии, кроме Кахети и одной части Эрети. Именно поэтому Иоанн Марушисдзе домогался воцарения Баграта»[4].

Однако в действительности завершению объединения Грузии способствовали не столько выдающиеся личные качества Давида Куропалата, сколько то обстоятельство, что объективные условия, которые диктовали необходимость такого объединения, уже полностью сложились. Что касается Давида Куропалата, то он так же, как и Иоанн Марушисдзе, пре-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 272.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 121.

красно учитывал это обстоятельство и сознавал, что Баграт Гургенович являлся наиболее подходящей кандидатурой на престол объединенной Грузии. Политический расчет Давида Куропалата и Иоанна Марушисдзе сводился, таким образом, к тому, что Баграт по отцу и приемному отцу был наследником «грузинских царей», а по матери — единственным наследником своего слепого дяди, и, поскольку у Феодосия III детей не было, то объединение феодальной Грузии под властью Баграта получало законное оформление.

Автор «Матианэ картлиса» рассказывает далее, что, изгнав из Картли кахетинцев, Давид Куропалат, ввиду малолетия Баграта, назначил ему в соправители отца его Гургена. Затем он собрал картлийских азнауров и приказал им: «Это есть наследник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, а я управитель (моурав) его и помощник; подчиняйтесь ему все». После этого Давид Куропалат возвратился в Тао[1].

Однако, спустя некоторое время, картлийские азнауры, «по присущему им обычаю», организовали заговор против правителей Картли, призвали на помощь кахетинцев и сдали им Уплис-цихе. Кахетинцы пленили Баграта и его родителей и увезли с собой в Кахети[2].

Получив об этом известие, Давид Куропалат собрал большое войско и двинулся против кахетинцев. Когда он достиг Триалети и уже собрался вступить в пределы Кахети, к нему явились кахетинские послы, которые запросили мира. По условиям заключенного соглашения кахетинцы освободили Баграта, Гургена и Гурандухт, возвратили им Картли, а за собой оставили лишь крепости Цирквали и Груа[3].

Таким образом, Баграт вместе со своим отцом и соправителем Гургеном, по милости Давида Куропалата и Иоанна Марушисдзе, прочно утвердились в Картли.

Тем временем в Абхазии положение резко ухудшилось. Автор «Матианэ» по этому поводу пишет: «Прошло три года со времени воцарения в Абхазии Феодосия Слепого. Разорилась страна та и изменились порядок и система управления, учрежденные первыми царями»[4].

В течение этого времени, как видно, И. Марушисдзе и его сторонники подготовляли почву для свержения Слепого Феодосия и воцарения Баграта. Летописец сообщает: «Этот Иоанн Марушисдзе пожелал привести Баграта царем в Аб-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 274.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 274—275.
[4] Там же, стр. 275.

хазию, и вместе с ним все дидебулы, эриставы и азнауры Абхазии и Картли просили Давида Куропалата воцарить Баграта. А тот лишь после долгих увещеваний с трудом выполнил просьбу их; как уже сказано было, Давид Куропалат был бездетным и (поэтому) взрастил он Баграта в качестве сына своего, чтобы сделать его властителем обеих частей Тао. Но поскольку оставалась без наследника страна Картлийская и Абхазская, он отдал им его после получения соответствующих гарантий и взяв заложников»[1].

«... *Повезли его* (Баграта) *в Абхазию*, воцарили и все подчинилнсь власти его: был он уже в зрелом возрасте. По истечении двух лет стал он управлять и заботиться о всех делах своих, подобио деду своему, великому царю Георгию...; и своими поступками во всем походил он на воспитателя своего, великого царя Давида Куропалата, и решались при нем всякие дела по добру»[2].

Из приведенных сообщений автора «Матиаиэ» со всей очевидиостью явствует, что главиым вдохновителем происшедших в Абхазском царстве событий явился Давид Куропалат. Совершенно очевидио, что его мнимые колебания в вопросе *о разрешении Баграту воцариться в Абхазии были* продиктованы лишь определениыми политическими соображеииями. Была создана лишь видимость уговоров с целью представить факт воцарения Баграта в Абхазии как результат исполнения настоятельных просьб самих абхазских феодалов. Это должно было, по замыслу Давида, способствовать укреплеиию в Абхазском царстве представителя иовой династии.

После воцарения Баграта в Абхазском царстве фактическим правителем его стаиовится Давид Куропалат. Хотя формально Абхазское царство продолжало существовать как самостоятельная политическая едииица, но на деле оно полностью было подчинено идее единого Грузинского государства, которую Давид Куропалат стремился осуществить под гегемонией Тао-Кларджети. Не случайно свергнутый с абхазского престола Феодосий Слепой был отправлен в Тао к Давиду н водворен там на постоянное жительство[3].

После этого Баграт направился в Картли, чтобы «упорядочить расстроенные дела картлийские» (980 г.). Тем временем картлийские азнауры, которые, как сообщает летописец, хотя и были в подчинении у матери абхазского царя Гурандухт, но «каждый в отдельности заправлял делами картлийскими»[4]. Картлийцы не хотели впустить Баграта в Восточную

---

1 «Жизнь Грузии», стр. 275.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же, стр. 276.

Грузию и, руководимые крупным картлийским феодалом Кавтаром Тбели, преградили ему путь у крепости Могриси. Баграт двинул против картлийских азнауров крупные силы, разбил своих противников, овладел Уплис-цихе и, укрепив свою власть в Картли, вернулся вместе с матерью в Абхазию[1].

За время его отсутствия в Западной Грузии, по-видимому, имело место выступление определенной части феодалов, недовольных воцарением в Абхазии Баграта. Летописец сообщает, что Баграт, «подобно искусному кормчему и пастырю уладил все дела абхазские... Всех непокорных сместил с их мест и заменил верными ему людьми»[2].

Спустя несколько лет Баграту вновь пришлось взяться за упорядочение дел в Картли. Один из крупнейших местных феодальных владельцев Клдекарский эристав Рати Багваши «не покорился добром царю Баграту»[3]. В подчинении у эристава Рати находилась значительная территории Картли, к югу от Куры, Триалети, Атенская крепость, Манглисское ущелье и Сквнрети[4].

Баграт собрал все свое войско и направился в Картли с целью захватить эристава Рати. Тогда картлийские азнауры отправили послов к Давиду Куропалату, которые убедили его в том, что Баграт, якобы, выступает не против них, а замышляет организовать убийство Давида Куропалата. Последний поверил им и стал готовиться к борьбе. К Давиду присоединился и дед Баграта (отец Гургена) Баграт Регуени, который носил титул «царя картвелов». По словам летописца, Баграт Регуени опасался, что сын его Гурген замышляет лишить его царского титула и владений. На помощь Давиду Куропалату явились еще армянский царь Сумбат и другие армянские владельцы.

Объединенные войска под командованием Давида выступили против Гургена, разбили его ополчение и принудили его к бегству. Гурген скрылся в крепости Цепти.

Когда Баграт узнал об этом, то он «увидел, что силой не сможет противостоять Давиду Куропалату» и распустил свое войско, а сам один явился к Давиду. Он заявил ему, что единственной целью его выступления было приведение к покорности Рати Багваши. Давид поверил Баграту и разрешил ему подчинить Рати своей власти[5].

Армянский историк Асохик подтверждает в основном сообщения автора «Матианэ картлиса» и по поводу изложенных

---

1 «Жизнь Грузии», стр. 276.
2 Там же.
3 Там же.
4 Там же.
5 Там же, стр. 277.

выше событий в своей «Всеобщей истории» пишет: «За несколько лет до этого, царя апхазов Тевтаса (Феодосия) ослепили вельможи страны, уиичтожив и царскую власть его. Тайский (Таоский) куропалат Давид и царь армянский Сембат поставили царем апхазов Сембата [чит. «Баграта» — З. А.], сына Гургена, внука иверийского царя Багарата. По смерти бабки его (Сембата) дед его Багарат женился на другой жене, которая стала гнать Гургена, сына Багарата, из его вотчины. По этой причине царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на Куропалата Давида и деда своего Багарата и, перешед по ту сторону Кавказских гор, стал лагерем на берегу реки Кур. Тогда Куропалат Давид и царь иверийский Багарат послали к царю армянскому Сембату просить пр идти им на помощь. Этот последний, взяв все армянские войска и брата своего Гагика, отправился к ним в Джавахский округ и стал лагерем в деревне, называемой Дливек. (Тут находился также) царь карсский, юный Абас, со своим отрядом. Все иверийские и васпураканские войска, Сюнийские и ахванские князья соединились против воинства апхазов, которые, приведенные этим в ужас, стали просить мира и заключили между собою дружественный союз. Куропалат Давид потребовал от царя апхазов крепость Сакурат, получив которую он уступил армянскому царю Сембату в знак признательности за оказанную ему помощь, но по смерти Сембата крепость эта снова была отнята у армян. Тогда, утвердив между собой мир, (союзные государи) возвратились каждый в свое владение. Это случилось в 437 (988) году»[1].

В приведенном рассказе Асохика обращает на себя внимание, прежде всего, указание на то, что Давиду Куропалату помогал, якобы, в деле воцарения Баграта в Абхазии армянский царь Сумбат. Надо полагать, что данное сообщение соответствует действительности, поскольку Давид вряд ли решился бы на такой шаг, не заручившись поддержкой одного из крупнейших закавказских монархов, каким был Сумбат армянский. Конечно, усиление Давида Куропалата вряд ли входило в планы армянских правителей, но они вынуждены были согласиться с воцарением в Абхазии ставленника Давида, поскольку этот акт был искусно подготовлен Давидом, И. Марушисдзе и их сторонниками.

Из сообщения Асохика явствует также, что Давид Куропалат не без основания выступил против Баграта и Гургена. По-видимому, отец и сын действительно замыслили лишить власти и владений Баграта Регуени, но Давид не хотел до-

---

1 Асохик, Всеобщая история, стр. 180—181.

пустить чрезмерного усиления Баграта, так как опасался, что тот выйдет из-под его опеки.

Спустя немного времени после заключения мира с Давидом, Баграт иачал борьбу против Рати Багваши и подчинил его владения своей власти. Сам Рати был выслан из Триалети и поселился в своей вотчине в Аргвети, а клдекарским эриставом Баграт утвердил сына его Липарита Багваши, который признал себя его вассалом[1].

После этих событий, вплоть до смерти Давида Куропалата, мир между ними не нарушался, и Баграт, как видно, правил Абхазским царством, признавая политическое верховенство своего воспнтателя.

В 1001 г., после смерти Давида Куропалата, царь Баграт попытался вступить во владение Тао-Кларджети, но этому воспротивилась Визаитийская нмперия. Правитель последней Василий II с многочислеиным войском вступил в Тао. Баграт и отец его Гурген были вынуждены поехать к императору и добиваться от него уступок. Асохик по поводу этой встречи сообщает: «Направляя далее свой путь [император Василий — З. А.], достиг горы Хав-тчнтч и города того же имени, где он был встречен Багаратом, царем Апхазским и отцом его Гургеном, царем ивернйскнм. Василий, сделав великолепный прием апхазскому царю, пожаловал его в достоинство куропалата, а отца его — в магистра. И отпустил в их землю»[2]. Однако большую часть владений Давида Куропалата император удержал за собой. Впоследствии из-за этого «давидовского наследства» велась длительная борьба между Византией и Грузией.

Как видно, внешнеполнтическими затруднениями Баграта воспользовались западногрузинские феодалы и снова стали выступать против центральной власти. Баграту, сообщает летописец, н на этот раз пришлось принимать энергичные меры, чтобы «уладить все дела абхазские», смещать непокорных и утверждать на местах своих сторонников[3].

В 1008 г. скончался отец Баграта Гурген[4], под непосредственным управленнем которого находилась значительная территория, состоящая из Шавшети, Кларджети, Самцхе и Джавахети. После смерги отца Баграт присоединил эти области к своим владениям. Таким образом, Абхазское царство окончательно соединилось с бывшим Тао-Кларджетским государством (за исключением территории, отхваченной ви-

---

1 Асохик, Всеобщая история, стр. 277—278.
2 Асохик, цит. соч. стр. 200.
3 «Картлис цховреба», стр. 276.
4 Там же, стр. 278.

зантийцами), и длительный процесс образования единого грузинского царства в основном завершился. Баграт III явился первым царем этого объединенного государства.

Теперь на очереди стоял вопрос о воссоединении с Грузинским царством Кахети, Эрети и Тбилисского эмирата. В 1010 г. Баграт начал борьбу за овладение Кахети и Эрети. По сообщению летописца, его войско состояло нз «абхазов и картвелов»[1]. В данном случае под «абхазами» имеются в виду представители населения Западной Грузии, включая и собствеино абхазов.

Территория нынешней Абхазии занимала при Баграте III важное место в системе объединениой феодальной Грузни. Это видно хотя бы из того, что здесь, в селе Бедиа, Баграт создал одну из своих политическнх резиденций. Построив здесь великолепный храм, Баграт превратил Бедиа в один из духовных центров Грузни. Свой выбор на Бедиа Баграт остановил не случайно. Бедийское плато самой природой было защищено с трех сторон почти отвеснымн скалистыми обрывами и легко могло быть превращено в неприступную крепость. Кроме того, этот пункт находился на близком расстояннн от моря.

Баграт III не жалел средств на укрепление и украшение своей бедийской резиденции. Историк с гордостью говорит о Баграте: «Если кто пожелает представить себе величие его, пусть тот, в первую очередь, ознакомится с украшениями бедийской церкви и тогда он убедится, что не было другого подобного ему царя в Картли и Абхазни»[2]. Баграт III и похоронен был в Бедиа[3].

Лестная характеристика, которую дает Баграту летописец, объясняется его поклонением перед энергичным и активным поборником объединеиия Грузии в единую централизованную державу.

Территория собственно Абхазии после создания единого Грузиинского царства оказалась в составе этого объединенного политического образования, поскольку она являлась органической частью Абхазского царства. Вхождение Абхазии в состав единого Грузинского царства не привело к каким-либо существенным изменениям в ее культурно-политической жизни, поскольку, как мы видели, уже Абхазское царство (Западная Грузия) являлось грузинскнм, по своему характеру, политическим образованием. Поэтому в корне неправильно следующее утверждение К. Кудрявцева: «Воцарение Баграта III на абхазском престоле не озиачало смену одного лица дру-

1 «Картлис цховреба», стр. 279
2 Там же, стр. 281.
3 Там же, стр. 283.

гим. Оно несло смену диaстии и даже больше того: с момента воцарения Баграта начинается царствование в Абхазии чуждой стране и ея интересам династии грузинских Багратидов, из рода которых по своему отцу Гургену происходил Баграт»[1].

3. Расширение значения терминов «Абхазия» и «абхазы» после образования единого Грузинского царства

Если в период существования Абхазского царства термины «Абхазия и «абхазы», как мы видели (гл. IV, параграф 3), имели два значения: во-первых, выражали понятие собственно Абхазии и абхазов и, во-вторых, обозначали все Абхазское царство и его население,—то после объединения Грузии в единое государство значение этих терминов расширяется, охватывая вначале большую часть Грузии, а затем Грузию и ее население в целом, т. е. они становятся синонимами обычно употреблявшихся в этом смысле терминов «Сакартвело» и «картвели».

Вначале «Абхазией» начинает именоваться объединенное Грузинское царство без Кахети и Эрети. Это объясняется тем, что Кахети и Эрети были присоединены к Грузинскому царству в последние годы правления Баграта III, первого царя объединенной Грузии (в 1010 г.). В одной из Хроник, в которой сообщается о смерти Баграта III, «все царство его» названо так: «Абхазия, Эрети и Кахети»[2]. Грузинский историк XII в. Сумбат Давитисдзе, рассказывая о путешествии Баграта III по своей стране, пишет: «После этого объехал Баграт все царство свое—Абхазию, Эрети и Кахети»[3]. В обоих случаях под «Абхазией» подразумевается вся Грузия без Кахети и Эрети, т. е. территория бывшего Абхазского царства, Тао-Кларджети и Картли.

Однако в дальнейшем термины «Абхазия» и «абхазы», сохраняя свое прежнее значение, распространяются и на всю Грузию и ее население. Историк царя Давида Строителя (I половина XII в.), сравнивая владения Давида («Абхазское царство») с владениями Александра Македонского, под «Абхазским царством» разумеет все Грузинское государство[4]. Такое же понятие вкладывает в этот термин и грузинский летописец XIII в., современник царствования Георгия Лаша. Так, о Грузии времен царицы Тамары он замечает: «Древнее царство их, Абхазия, пребывало в спокойствии»[5].

---

[1] К. Кудрявцев, Сборник материалов по истории Абхазии, стр. 120—121.

[2] Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 150.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 382.

[4] Там же, стр. 358.

[5] Там же, стр. 369.

Вместе с этим расширяется и значение термина «абхазы», который постепенно начинает охватывать все многоэтническое население единого Грузинского царства. Историк Сумбат Давитисдзе говорит о Баграте III, как о «царе абхазов», который установил свою «самодержавную власть над всем Кавказом от Джигетии до Гурганского (Каспийского) моря»[1]. В «Матианэ картлиса» Георгий I и Баграт IV, цари объединенной Грузии, неоднократно названы «царями абхазов»[2]. В одной из грамот от 1058 г. Баграт IV назван «царем абхазов и новелисимусом всего Востока»[3]. Такой же титул приводится и в одной надписи на серебряной монете того времени: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимуса»[4]. Во всех этих случаях под «абхазами» подразумевается все население Грузинского царства[5].

Такое же положение наблюдается и в иностранных источниках. Например, армянские авторы XI—XII вв. также неоднократно именуют царей объединенной Грузии «царями абхазов». Так, историк XI в. Аристакес Ластивертский называет «царем абхазов» Баграта III. По поводу его смерти он пишет: «В 464 г. нашего летоисчисления умер царь абхазов Баграт и воцарился сын его Георг»[6]. Рассказывая об усобице между сыновьями армянского царя Гагика Сумбатом и Ашотом, тот же автор сообщает, что «царь абхазов Георг [Георгий I — З. А.] пришел, убедил и примирил их»[7]. Баграт IV так же назван у него «абхазским царем»[8].

Армянский историк XII в. Матвей Эдесский в своей «Хронике» сообщает следующий факт: «Некий мужчина из князей Армении, который был человеком лукавым и которого звали Азат Саркис — армянин... похитил сокровищницу предыдущих царей Армении и увез в Абхазию»[9]. Далее, Матвей Эдесский рассказывает об одном «грузинском князе», которого в другом месте называет «князем из Абхазии», т. е. слова «абхазский» и «грузинский» употребляют как синонимы[10]. Историк XIII в. Сумбат Конетабль в своей «Летописи» упоминает Баграта IV и называет его «царем Абхазии»[11]. Интерес-

---

1 «Жизнь Грузии», стр. 382.

2 Там же, стр. 289, 292 и др.

3 Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 204—205.

4 Д. Капанадзе, Грузинская нумизматика, 1954 г., стр. 55.

5 Следует отметить, что грузинские источники для обозначения всей Грузии и ее населения употребляли обычно термины «Сакартвело» и «картвели», которые в этом значении появляются уже с X в.

6 Арист. Ластивертский, История, Тифлис, 1912 г., стр. 7.

7 Там же, стр. 9.

8 Там же, стр. 61.

9 Матв. Эдесский, Хроника, Вагаршапат, 1898 г., стр. 84.

10 Там же, стр. 9.

11 С. Конетабль, Летопись, Париж, 1859 г., стр. 55.

в этом отношении представляет также надпись, высеченная на стене Мармашенского монастыря (в сел. Мармашени, в Армении), принадлежащая матери Баграта IV Марнам, которая была дочерью армянского васпураканского царя Сенекерима[1]. В этой надписи Марнам называет себя «царицей абхазов и армян»[2].

Во всех приведенных примерах у армянских историков слова «Абхазия» и «абхазы» употребляются в смысле всей Грузии и ее населения. Как отмечалось (на примере Матвея Эдесского), слова «Грузия» и «Абхазия» (отсюда прилагательные — «грузинский и «абхазский») армянские авторы употребляют порой в качестве синонимов. Один из армянских авторов XIII в. — Мхитар Айриванский попытался даже объяснить это явление. В своей «Истории» он рассказывает о том, что армянский царь Сумбат Завоеватель приказал, якобы, «выжечь руки многим иверцам, после чего те и стали называться апхазами»[3]. «Апхаз» означает по-армянски «меченая ладонь» от «ап»—ладонь, «хаз»—штрих, знак[4]. Такая курьезная этимология представляет для нас интерес в том отношении, что армянский историк пытался дать какое-либо осмысленное, на его взгляд, объяснение того факта, что «грузины» («враци») носят еще и второе наименование — «абхазы».

Отождествление терминов «Абхазия и «Грузия» встречается и в персоязычных источниках. Так, азербайджанский поэт XII века Хакани пишет: «Врата Абхазии открыты предо мною, и я отправлюсь туда и у Багратионов найду приют»[5]. В данном случае под «Абхазией» подразумевается Грузинское царство и под Багратионами — цари объединенной Грузии. То же самое мы находим и у Низами Гянджеви. В поэме «Хосров и Ширин» (1180 г.) один из героев рассказывает о выдающейся «царице абхазской» по имени Шамир. По мнению исследователей, под именем Шамир подразумевается тетка царицы Тамары Русудана[6]. В поэме Низами «Искандер-наме» упоминается один «абхазский мелик».

По поводу этих фактов проф. К. С. Кекелидзе пишет: «Именем «Абхазия» и «страна абхазов» Низами, в соответствии с традициями того времени, обозначает Грузинское царство. Дружба абхазского мелика с армянами и борьба его за

---

[1] Г. В. Абгарян, Армянские источники об Абхазии и абхазах, 1957 г., Ереван. Рукопись, стр. 45 (Хранится в архиве Абх. инст. АН ГССР).

[2] Там же, стр. 36.

[3] «История, составленная отцом Мхитаром, Вардапетом Айриванским», СП-бург, 1869 г., стр. 404.

[4] Г. В. Абгарян, Там же, стр. 43.

[5] К. Кекелидзе, Этюды, т. III, 1955 г., стр. 105.

[6] К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 84.

Дербеит и Бардав подразумевает политическое взаимоотиошение грузин с их кавказскими соседями»[1].

Термин «Абхазия» (в форме «обез») обозначал всю Грузию и в древнерусских источниках. «Объединеиную Грузию русские источники XI в. называют «Обез». Как видно, слово «обез» было известно русским до этого, во всяком случае начиная с XI в., т. е. с того времени, когда царь объединенной Грузии назывался «царем абхазов». Можио также предположить, что в русские источники XI—XIII вв. через Византию проник и укоренился второй термин, обозначающий Грузию— Ивер («Авер»)[2]. Одии из древнерусских авторов разъясиял своим читателям: «Авер, иже суть Обези»[3]. В так изываемой Троицкой летописи сообщается, что киевский князь Изяслав в 1154 г. «повел жену себе из Обез, царевну дщерь»[4]. По мнению исследователей, «дочерью царя», о которой говорится в летописи, была царевна Русудан, тетка Тамары[5]. Еще раньше, по сообщеиию Ипатьевской летописи, киевский князь Владимир Моиомах «изгнавшю Отрока во Обезы за железные врата»[6]. Речь идет о половецком хаие Отроке (Атрак, по грузинским источникам), которого царь Давид Строитель пригласил в 1118 г. в Грузию вместе с 40 тыс. половецких (кипчакских) воинов.

Несколько позднее в русских источниках возникает другая форма «обеза» — «обежанин», того же происхождения и значения. В так называемом «Сказании о Вавилонском царстве» (XV в.) в числе главных действующих лиц упоминаются русский, грек и «обежаиин». Здесь «обежанин» выступает как синоним «грузина»[7].

Термин «абхаз» в смысле «грузин» употребляется и в византийских источниках. Интерес представляет в этом отношении дошедшее до нас письмо известного византийского философа XI в. Иоаина Италла, иаправленное им одному своему другу и единомышленнику, которого он называет «абхазом». По основательному предположению акад. Н. Я. Марра, под этим «абхазом» следует разуметь известного грузинского философа Иоаниа Петрици[8]

---

[1] К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 86.

[2] Ш. Месхиа и Я. Цинцадзе, Из истории русско-грузинских взаимоотношений, Тбилиси, 1958 г., стр. 12.

[3] Повесть временных лет, ч. II, 1950 г., стр. 213.

[4] М. Приселков, Троицкая летопись, 1950 г., стр. 237.

[5] Ш. Месхиа и Я. Цинцадзе, цит. соч., стр. 17.

[6] Ипатьевская летопись, 1871 г., стр. 479.

[7] Всемирная история, т. III, стр. 794.

[8] С. Каухчишвили, По поводу «Георгия Мерчуле», журн. «Мнатоби», № 2, 1957 г., стр. 122.

В источниках XI в. есть указание, что грузинский язык именовался «абхазским языком». Как известно, Ефнмий Мтацминдели в XI в. с грузинского варианта «Мудрости Балавара» сделал греческий перевод «Варлаама и Иосифа». В 1048 г. перевод Ефимия лег в основу латинского перевода этого произведения, который имеет следующую приписку: «А эту книгу с индийского языка на греческий перевел впервые один монах Ефимий посредством абхазского языка (abasge genere stilo), т. е. грузинский язык, с которого переводил Ефимий, назван здесь абхазским языком»[1].

Приведенные выше даниые свидетельствуют о том, что объединенная Грузия с XI в. нередко называлась, как в грузинских, так и в иностранных источниках, «Абхазией», а обитатели Грузинского царства объединялись общим именем «абхазы», откуда и «абхазский» язык в смысле грузинского языка. Такое положение объясняется, прежде всего, следующим обстоятельством: после того, как «абхазский» царь Баграт III распространил свою власть почти на всю Грузию, то все возглавляемое им государство стало именоваться «Абхазией».

Наследники Баграта III по традиции именовались «царями абхазов» и с течением времени это выражеиие воспринималось как «цари грузин», а отсюда название «Абхазия» распространилось на всю Грузию. Постепенно выработалась официальная титулатура царей объединенной Грузии, которая вначале включала в себя лишь «абхазов» и «картвелов». Так, в «Матиаиэ картлиса» Баграт III и его ближайшие преемники неоднократно именуются «царями абхазов и картвелов»[2]. Такой же титул носит и Георгий II в надписи иа серебряной монете: «Христе, возвеличь Георгия, царя абхазов, картвелов и новелисимуса»[3]. В данном случае под «абхазами» подразумеваются жители Западной Грузии (бывшего Абхазского царства), а термин «картвелы» разумеет обитателей Тао-Кларджети и Картли.

Со временем, в связи с ростом территории Грузинского царства и включением в его состав как остальных грузинских земель, так и территорий, населеиных иегрузинами, титулатура грузинских царей возрастала и в конечном итоге приияла такой вид: «Царь абхазов, картвелов, кахов, эров, ранов, моваканцев, шаинша и шарваша и всего Востока и Запада от Никопсии до Дербента». Здесь под «абхазами» и «картвелами», как и в предыдущих примерах, имеются в виду обитатели Западной Грузии, в том числе собственно абхазы и населе-

[1] С. Каухчишвили, там же, стр. 121.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 278 и др.
[3] *Д. Капанадзе, цит. соч., стр. 56.*

ние Картли и Тао-Кларджети («картвелы»), под «эрами» подразумевается огрузинившееся албанское племя, затем идут обитатели северо-западного Азербайджана (ранцы и моваканцы) и, наконец, титулы ширван-шахов и шах-ин-шахов (правители Азербайджана и Армении). В случаях, когда титулатура грузинских царей употреблялась сокращенно, то она обычно принимала форму «царя абхазов».

Как уже отмечалось, наряду с новым, расширительным значением, термины «Абхазия» и «абхазы» продолжают оставаться в употреблении — и в грузинских и в иностранных источниках — и в прежних значениях. Историк Давида Строителя рассказывает, что царь Георгий I «перешел через лихскую гору и уехал в Абхазию»[1], разумея под «Абхазией» Западную Грузию. В том же смысле он употребляет этот термин и в других местах своего сочинения.

Византийский историк XI в. Георгий Кедрен называет Баграта IV царем («архегон») Ибери (Восточной Грузии) и «Абхазии» (Западной Грузии)[2].

Вместе с этим термин «Абхазия» и «абхазы» употреблялись по-прежнему и в узком смысле, разумеющем собственно абхазов и Абхазию. Например, в словах летописца времен Георгия Лаши—при царе Георгие III «Абхазия, Сванетия и все Самокалако пребывали в спокойствии»[3]—имеется в виду не вся Западная Грузия, а собственно Абхазия, поскольку наряду с нею здесь названы другие области Западной Грузии—Сванетия и Самокалако (позднейшая Нижняя Имерети). В словах автора летописи «История и восхваление венценосцев» (первая половина XII в.): «Собрал он всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквели и Аргвети»[4]—перечислены все области Западной Грузии того времени, в том числе названа и собственно Абхазия. Тот же автор, говоря о народностях и племенах, входивших в состав единого Грузинского царства, перечисляет обитателей Западной Грузии в следующем порядке: абхазы, сваны, мегрелы, гурийцы, рачинцы, такверцы и маргуетцы»[5]. Совершенно очевидно, что в даном случае летописец под термином «абхазы» подразумевает не население всей Западной Грузии или, тем более, всего Грузинского царства, а обитателей собственно Абхазии, т е. употребляет его в узко этническом смысле.

Таким образом, приведенные выше материалы свидетельствуют, что термины «Абхазия» и «абхазы» в XI—XIII вв.

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 382.

[2] См. Ив. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 147.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 367.

[4] «История и восхваление венценосцев», перевод К. Кекелидзе, 1954 г., стр. 48.

[5] Там же, стр. 58.

употреблялись в трех смыслах, которые обозначали: 1) собственно Абхазию и абхазскую народность; 2) Западную Грузию н ее обитателей и 3) всю Грузию и ее население в целом.

Распространение терминов «Абхазия» и «абхазы» на всю Грузию и ее население являлось, в конечном итоге, отражением той выдающейся роли, которую сыграло Абхазское царство в борьбе за объединение феодальной Грузии.

4. Абхазия в составе Грузинского многонационального государства (XI — начало XIII вв.)

Территория современной Абхазии входила в состав единого Грузинского царства в виде трех отдельных административных единиц — эриставств (как и прежде — в период существования Абхазского царства). Южная часть Абхазии (примерно, часть Очамчирского и Гальский район) входила в состав Б е д и й с к о г о эриставства, простиравшегося и дальше на восток. Северная часть нынешнего Очамчирского района, а также территория Гульрипшского и Сухумского районов (частично и Гудаутского) составляли Цхумское эриставство. Дальше, к северо-западу, вплоть до Никопсии простиралось собственно Абхазское эриставство.

Однако при царице Тамаре (1184—1213 гг) порядок разделения Западной Грузии («Имерети») на эриставства был, как видно, несколько изменен. Автор «Истории и восхваления венценосцев» свидетельствует, что «в Имерети, за Лихскими горами», в начале XII в. были следующие эриставства: Сванетия, Рача и Такверн, Ц х у м с к о е, Аргвети и Одиши[1]. По-видимому, имело место объединение некоторых эриставств в более крупные административные единицы. В частности, можно считать, что было упразднено так называмое эриставство Абхазия, а его территория присоединена к Цхумскому эриставству. Южная часть территории современной Абхазии была включена, по всем данным, в эриставство Одиши, так как во главе его стояли эриставы Бедиани[2], имевшие, как видно, резиденцию в Бедиа, на что указывает их фамильное наименование.

При объеднении Цхумского и Абхазского эриставств в одну административную единицу исходили, надо полагать, из этнического принципа, поскольку оба этих эрнставства были в основном населены абхазами. Одним из косвенных подтверждений этого может служить то обстоятельство, что во главе Цхумского эриставства при царице Тамаре стоял феодаль-

---

[1] «История и восхваление венценосцев», 1954 г., стр. 38.
[2] Там же.

ный род Шервашидзе (Чачба)[1], который впоследствии, как известно, возглавлял Абхазское феодальное княжество.

Эриставы в подчиненной им административной области являлись верховными правителями, осуществляя в ней гражданскую и юридическую власть[2]. Хотя по своему положению они являлись царскими чиновниками, но всячески стремились превратить ее в наследственную в своем роду. Этого добивались, в частности, и цхумские эриставы Шервашидзе.

Главной обязанностью эриставов было поддерживать общественный «порядок» в своем эриставстве в интересах господствующего класса. Они обязаны были также следить за нормальным поступлением государственных доходов и по первому требованию царской власти поставлять военные ополчения. Эриставы принимали участие в решении всех важнейших государственных дел в царстве.

Эриставства западной части Грузинского царства, в том числе и Цхумское, как видно, не прямо подчинялись центральной царской власти, а находились в непосредственном ведении министра царского двора (мсахуртухуцеси), являвшегося в Западной Грузии царским наместником. Автор «Истории и восхваления» указывает, что при царице Тамаре министру двора Вардану Дадиани «принадлежали по ту сторону Лихских гор Орбети и Каэни, по эту же сторону — земли до самой Никопсии»[3].

Единое Грузинское царство не было, как мы видели, строго централизованным государством, поскольку, в конечном итоге, экономическая база, на которой покоилось единство объединенной Грузии, не была настолько прочной, чтобы основательно скрепить это политическое единство. Сидевшие на местах эриставы и крупные дидебулы всегда стремились использовать любые обстоятельства, чтобы поколебать это единство и освободиться от центральной власти царя.

Ближайшие преемники Баграта III (Георгий I, Баграт IV, Георгий II) в течение почти всего XI столетия вели упорную борьбу за сохранение внутреннего единства государства как против внутренних врагов (дидебулов), так и против внешних захватчиков. Сепаратистские тенденции беспрерывно проявляли все части феодальной Грузии. Характерна в этом отношении та династическая борьба, которую вел против царя Баграта IV (1027—1072 гг.) его младший брат Дмитрий.

---

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

[2] О правах и обязанностях грузинских эриставов в период существования единого царства см. И. А. Джавахишвили, История грузинского права, ч. 2, стр. 201—212.

[3] «История и восхваление венценосцев», стр. 48.

Царевич Дмитрий был сыном Георгия I от его второго брака с осетинской царевной, которую, по свидетельству византийского историка Георгия Кедрена, звали Алдой[1]. После смерти Георгия (1027 г.) Алда со своим малолетним сыном проживала в Абхазии, в городе Анакопии.

Вокруг Дмитрия стали группироваться оппозиционно настроенные по отношению к центральной власти феодальные элементы. Около 1032 г. ими был организован заговор, ставивший своей целью свергнуть Баграта IV с престола и воцарить юного Дмитрия. Поскольку центром заговора была Анакопия, то, можно полагать, что в антиправительственном заговоре приняли активное участие и отдельные абхазские феодалы.

Как сообщается в «Матианэ картлиса», «азнауры вели переговоры» с Алдой и Дмитрием, однако они «не сумели ни воцарить (Дмитрия), хотя очень этого желали, ни изгнать царя Баграта и его мать, ни главных дидебулов его царства»[2]. Летописец рассказывает далее, что Дмитрий не рискнул после этого оставаться в Грузии и отправился «к царю греков», т. е. в Византию, и сдал Анакопию византийцам. «Отныне царь абхазов лишился Анакопии»[3].

Заговор сторонников царевича Дмитрия против Баграта IV представлял собой типичное выступление партикуляристски настроенных феодалов против центральной власти. Заговорщики ставили своей целью лишить власти такого энергичного царя, каким был Баграт IV, и воцарить несовершеннолетнего Дмитрия, которого они, несомненно, надеялись превратить в свое послушное орудие. Для достижения своей цели они не остановились и перед обращением за поддержкой к внешним захватчикам, в данном случае к византийцам. В силу этого заговор, направленный против централизаторской политики Баграта IV, носил реакционный характер.

Неудача замысла феодальной оппозиции объясняется, надо полагать, тем, что она не нашла в стране достаточной социальной опоры, поскольку широкие общественные слои, в том числе и народные массы, не были заинтересованы в восстановлении внутренней политической раздробленности, а, наоборот, явились сторонниками укрепления центральной власти и установления в Грузии твердых государственных порядков. На это указывает, в частности, и бегство царевича Дмитрия в Византию.

«Эмиграция Дмитрия в Грецию оказалась выгодной для Баграта в том отношении, что этим он избавился от опасно-

---

1 См. И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 138.
2 «Жизнь Грузии», стр. 295.
3 Там же.

го соперника на террнторни Грузии»[1]. Летописец замечает, что после бегства Дмитрия в Византию Баграт IV основательнее подчиннл себе «верхнюю и ннжнюю части своих владений»[2].

Однако Баграт не имел возможности сразу же приступить к освобождению Анакопнн от византийских захватчиков, поскольку в тот пернод он был занят борьбой против тбилисского эмнра, а впоследствни ему снова пришлось вестн упорную борьбу с клдекарским эриставом Липаритом Багваши, который пользовался поддержкой внутренних реакционеров и византийских захватчиков. Все это оттягивало освобождение Анакопии.

Приблизительно в 1044—45 гг.[3] Липарит «вывел из Греции Дмитрия, брата Баграта, с войсками греческого царя. К нему присоединились некие дидебулы и азнауры. Прошли они через верхиюю страну и вступили в Картли, где осадили Атени, разоряя картлийские земли»[4]. Однако повстанцам и интервентам не удалось захватить крепость Атени, ввиду стойкости ее защитников. Византийские войска были вынуждены в конечном итоге вернуться в свою страну и увезти с собой Дмитрия[5]. Мать Дмитрия, тарица Алда, бежала со своим внуком Давидом (сыном Дмитрия) из Анакопин в Осетию[6]. Что же касается Липарита Багваши, то ему пришлось помириться с Багратом, и он был утвержден им эриставом Картли[7].

Только после этого Баграт IV получил возможность предпринять энергичную попытку изгнать византийцев из Анакопии. По мнеиию И. А. Джавахишвили, Баграт приступил к осаде Анакопии весной 1046 г.[8]

Во время осады Анакопии, как сообщает автор «Матианэ картлиса», Баграту сообщили, что умер тбилисский эмир Джафар и старейшины города предложили ему овладеть Тбилиси. Тогда Баграт оставил для продолжения осады Анакопии «абхазские войска», как говорит летописец, во главе с эриставом Куабулели Отаго Чачасдзе (ქუაბულელ ჭაჭას ძე ოთაგო), а сам уехал в Кутаиси, где собрал местные ополчения и двинулся с ними в Картли[9].

1 И. Джавахишвили, История груз. народа, т. II, стр. 138.

2 «Жизнь Грузии», стр. 296.

3 И. Джавахишвили, История груз. народа, стр. 141.

4 «Жизнь Грузии», стр. 298.

5 Там же.

6 Давид Дмитриевич впоследствии женился на одной осетинской царевне и положил начало роду осетинских Багратионов, от которого происходил Давид Сослани, второй муж царицы Тамары. (См К. Кекелидзе, Этюды, т. IV, стр. 2).

7 «Жизнь Грузии», стр. 298.

8 И. Джавахишвили, цит. соч., стр. 142.

9 «Жизнь Грузии», стр. 299.

Употребление автором «Матианэ» выражения «абхазские войска» („აფხაზეთის ლაშქარი") свидетельствует о том, что главную роль в борьбе против византийских захватчиков, укрепившихся в Анакопии, играло местное абхазское ополчение.

Летописец, к сожалению, не сообщает, чем закончилась предпринятая Багратом осада Анакопии. По-видимому, грузино-абхазское ополчение не сумело овладеть крепостью, поскольку положение центральной власти в последующем значительно осложняется бесконечной внутренней и внешней борьбой.

Окончательно Анакопия была отвоевана у византийцев лишь позднее, в годы правления сына и преемника Баграта IV Георгия II (1072—1089 гг.). Автор «Матианэ картлиса», завершая свое повествование рассказом о царствовании Георгия II, пишет: «И после этого (были освобождены) захваченные греческими насильниками крепости. Была отобрана у греков Анакопия, главная среди крепостей Абхазии („თავადი ციხეთა აფხაზეთისათა"), и многие крепости Кларджети, Шавшети, Джавахети и Артани»[1].

Кроме византийских поработителей, феодальиой Грузии приходилось вести упорную борьбу за свою независимость и против других иноземных захватчиков, стремившихся овладеть страной. Наибольшую опасность для Грузии и других народов Закавказья во второй половине XI в. представляли турки-сельджуки, которые осуществляли в Передией Азии, а также по отношению к Закавказью ярко выраженную агрессивную политику. Уже в 60-х годах XI в. по указанию турко-сельджукского хаиа Тогрул-бека, а затем его преемника Алпарслана совершались разорительные вторжения в Закавказье, в частиости в Грузию. «Опустошительные набеги простирались до Абхазии при подошве Главного Кавказского хребта и до Байбурта в истоках Чороха»[2]. Хотя территория собственно Абхазин избежала непосредственных вторжений турок-сельджуков, но соседние с ней области Западной Грузии подверглись основательному разоренню.

Особенно губительным по своим последствиям было вторжение турок в Грузию в 1080 г., которое вошло в историю под названием «большого нашествия турок» („დიდი თურქობა")[3]. Историк Давида Строителя рассказывает, что царь Георгий II накануне турецкого нашествия «бежал через Аджарию

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 317.

[2] Ф. Успенский, История Визант. империи, т. II, стр. 87.

[3] «Жизнь Грузии», стр. 320.

в Абхазию», а турки, преследуя его, вторглись в Западную Грузию и подвергли опустошительному разорению Аджарию, Аргвети, Самокалако и Чкондиди, опустошив до этого ряд областей Восточной Грузии[1].

Тем не менее турко-сельджукским захватчикам в Западной Грузии не удалось удержаться. С наступлением зимы они покинули ее и попытались закрепиться в Восточной Грузии. Они прочно овладели значительной частью Картли и городами Тбилиси, Рустави и Самшвилде. Поэтому царь Георгий «перебрался в Абхазию, где меньше приходилось испытывать страх перед турками и их крепостными гарнизонами»[2].

Несмотря на то, что Абхазия, как уже отмечалось, не испытала непосредственного вторжения турок-сельджуков, но тяжкие последствия их хозяйничания в Грузии отразились и на ее положении. Однако абхазы вместе со всем населением Западной Грузии вели, несомненно, активную борьбу против турко-сельджукских захватчиков, в результате которой им так и не удалось установить свое господство над западной частью Грузинского государства.

К началу XII в. в Грузии были достигнуты значительные успехи в деле укрепления централизованной государственности и борьбы против внешних захватчиков. Царь Давид Строитель (1089—1125 гг.), опираясь на социальные слои, заинтересованные в объединении страны,—мелких феодалов, торгово-ремесленные элементы городов и свободное крестьянство, — провел ряд важных мероприятий по укреплению феодального общества. Эти мероприятия сводились к двум основным задачам—упрочение внутреннего единства государства и централизация управления. Давид жестоко расправлялся с крупными феодалами, не останавливаясь перед конфискацией их владений и изгнания из страны наиболее строптивых.

Однако крупные феодалы и при Давиде Строителе рисковали иной раз выступать в защиту своих сепаратистских интересов. Такое выступление имело место и в Абхазии в начале 1121 г., когда Давид готовился к решающим схваткам с турками-сельджуками. Историк Давида Строителя сообщает, что для подавления мятежа Давид направился в Абхазию, дошел до Пицунды и «управился с делами тамошними: достойных осыпал милостями, а провинившихся захватил и наказал»[3].

Далее он пишет: «Как только турки узнали, что Давид находится далеко», то они стали совершать на-

[1] «Жизнь Грузии», стр. 319—320.
[2] Там же, стр. 331.
[3] Там же, стр. 339.

ГРУЗИЯ
В НАЧАЛЕ XII ВЕКА
кипчаки
(половцы)
аланы (осетины)
Дурдзуки
леки
(дагестанцы)
Каспийское море
Понтийское
(Спевское)
море
Поти
Трапезунт
чаны
сперы
тао
басиани
кола
артаани
ташири
абоцы
джавахети
гурия
самцхе
гоинадети
кахети
эрети
ширван
ранцы
тушины
армения

беги на населенные пункты, расположенные в бассейне Куры. Тогда Давид поспешно покинул Абхазию и, несмотря на тяжелые условия суровой зимы, возвратился в Восточную Грузию, где развернул активную борьбу против турок[1].

15 августа 1121 г. в Дидгорских горах, влиз Манглиси, грузинское войско во главе с Давидом наголову разбило многотысячные полчища сельджукско-мусульманских владетелей, сделавших отчаянную попытку сокрушить грузинское государство. В дидгорской битве принимали участие ополчения со всех частей феодальной Грузии, в том числе и из Абхазии. Дидгорская победа сорвала эту попытку и обеспечила нормальное развитие грузинского общества на длительный период. В 1122 г. захватчики были изгнаны также из Тбилиси, который вскоре же был превращен в столицу царства.

Энергичные меры, принятые Давидом Строителем с целью обуздания непокорных дидебулов, дали, как видно, положительные результаты. Долгое время после этого крупные феодалы грузинского царства не решались на сколько-нибудь серьезное выступление против центральной власти. В частности, в период правления Георгия III (1156—1184 гг), как сообщает летописец, «Абхазия, Сванетия и все Самокалако пребывали в спокойствии»[2].

Однако феодалы Западной Грузии в первые же годы правления царицы Тамары (1184—1213 гг.) в союзе с некоторыми восточногрузинскими дидебулами организовали самое крупное в тот период выступление против центральной власти.

Около 1186 г. по решению дарбази (государственного совета) Тамара вышла замуж за русского княжича Георгия (Юрия) Боголюбского. Но спустя два года она расходится с мужем и вторично вступает в брак с осетинским царевичем Давидом Сослани, а Юрий Боголюбский был отпущен в Византию[3].

Этим обстоятельством решила воспользоваться группа крупных феодалов, сторонников децентрализации страны, не без основания усмотревших в изгнании русского княжича возможность дальнейшего усиления царской власти. Руководящую роль в этой группе играл правитель Тао-Кларджети Гузан, эристав и спасалар (военачальник) Самцхе Боцо Джакели и сахуртухуцеси (министр двора) Вардан Дадиани, у которого в административном подчинении находи-

[1] «Жизнь Грузии», стр. 339 и сл.
[2] Там же, стр. 367.
[3] См. Ш. Месхия и Я. Цинцадзе, Из истории русско-груз. взаимоотношений, стр. 18—21.

лась, как отмечалось, вся Западная Грузия «до самой Никопсии».

Перечисленные дидебулы и их многочисленные сторонники поставили своей целью снова воцарить Юрия Боголюбского в надежде подчинить его затем своему влиянию. Эти цели были направлены против сильной центральной власти в стране и ничего общего не имели с интересами Грузии.

Вардану Дадиани, использовавшему свое должностное положение, а также партикуляристские настроения дидебулов, удалось привлечь на свою сторону значительное большинство феодалов Западной Грузии, в том числе и абхазских феодалов. Автор «Истории и восхваления венценосцев» свидетельствует, что Вардан Дадиани «собрал всю Сванетию, Абхазию, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети и, присоединив санигов и кашагов, заставил дидебулов и военных этих земель присягнуть русскому князю в старании возвести его на трон»[1].

В 1191 г. заговорщики пригласили из Византии Юрия Боголюбского и тот явился в Самцхе, где его «встретил Боцо со своими единомышленниками. Перевалив через горы, они спустились в Гегути (близ Кутаиси)»[2]. Что касается Вардана Дадиани, то собранное им западногрузинское ополчение, в которое входили и отряды абхазских феодалов, он направил в Тао-Кларджети к Гузану.

Царица Тамара сделала попытку мирным путем ликвидировать реакционное выступление феодалов. Она направила в Кутаиси патриарха Феодора и других священников, а также привлекла к этому делу кутаисского епископа Антония Кутатели, который «не без пролития крови остался верным ей по ту сторону Лихских гор»[3]. Но из этой миссии ничего не получилось.

О дальнейших событиях в «Истории и восхвалении венценосцев» рассказывается следующее: «Тем временем собралось сборище богопротивное, которое, взявшись за мечи и копья, направилось против богоносной царицы. Половина этого сборища со своим царем перешла через Лихские горы и, опустошая и разоряя Картли, дошла до Гори и Начармагеви. Другая половина, под предводительством Дадиани, перешла через «Железный Крест» и, спустившись в Цихнс-Джварн, сожгла город Одзрхе. Там собрались Боцо и его приспешники из месхов. Затеявшие это дело, не спросясь бога, во имя благоденствия своих потомков, решили взять спер-

---

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 48.
[2] Там же.
[3] Там же.

ва Джавахети и Ахалкалаки, а потом Триалети и Сомхити. Ибо, начиная с Курд-Вачари, отложилась вся Сомхити»[1].

После этого центральиая власть предприиимает эиергичные меры против восставших феодалов. Царица Тамара «приказала военному министру Гамрекели и четырем Мхаргрдзелам, равио и торельцам, верхним и нижним, отправиться и встретиться с ними в стране Джавахетской, чтобы узнать силу их, в особенности же силу божествеиного правосудия. Они приблизились к реке Куре, где находились и неприятели; там с иими соединились оставшиеся верными месхи. Противные стороны, подойдя к реке с той и с этой стороны, встретились на мосту, где завязался бой и началось метанне стрел. В тот день они были разъединены наступлеиием сумерек и рекой посередине них. С наступлеиием ночи неприятели собрались и сказали: «Видим храбрость их войска; так как у нас нет силы и мощи сражаться с иими, отойдем к крепости и оттуда будем предприиимать вылазки, чтобы одолеть их». Бог, дарующий храбрость, вразумил войска Тамары без замедления сразиться с ними и преследовать их. Неприятели перешли мост и направились к горе, называемой Торнадзия, предполагая там найти укрепление. Так как они там ие нашли убежища, удалились оттуда и пришли в долину Ниальскую у реки Хенгри. Между Тмогви и Ерушети завязалось сражение, достойное избранных витязей имерских и амерских, напоминавшее бои древних голиафов и богатырей. Пехотинцы пустили в ход острые и отточенные стрелы, неустающие мечи и поражающие копья. Успех стал клониться на сторону богатырей и витязей Тамары. Обратив неприятелей в бегство, их убивали, ловили и забирали в плен. Среди них не было урона ни убитыми, ни ранеными, разве только ранили Ивана, сына Саргиса. После этого они возвратились веселые и радостные; пленным не причинили никакого вреда, напротив, дали им волю, вследствие их просьбы и обещания не наносить ущерба патронессе»[2].

После того, как главные силы повстанцев были разбиты, правнтельственным войскам легко удалось расправиться со сторонниками Юрня Боголюбского в других районах Грузии. В частности, царские войска под командованием Давида Сосланн «напали на бывших в Картли неприятелей, к которым присоединнлись некоторые из картлийцев и множество кавказских горцев». Противники были рассеяны, а многие из них перешли на сторону Тамары, убедившись в безвыходности их положения[3].

---

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 49.
[2] Там же, стр. 49—50.
[3] Там же, стр. 50.

После поражения явились с повинной к Тамаре и западногрузинские феодалы. Историк сообщает об этом: «Вельможи Залихской Грузии раскаялись в преступлении и умоляли о прощении. Они просили посредничества святых икон, самой царицы Русуданы, католикоса, протомандатора и прочих епископов с придворными чинами»[1]. Несмотря на одержанную победу, центральная власть, как видно, не располагала достаточными силами, чтобы до конца расправиться с восставшими феодалами по заслугам. Поэтому царица Тамара «заверила их, что русского она отпустит без вреда и не будет вспоминать о бывшем преступлении»[2]. Определенную роль в этом сыграло, несомненно, и то обстоятельство, что Тамара все-таки принадлежала, как и восставшие дидебулы, к тому же классу грузинских феодалов.

Таким образом, реакционное восстание крупных феодалов, в котором активное участие приняли, как мы видели, и абхазские «дидебулы», потерпело жестокое поражение. Одну из главных причин успешного подавления этого восстания центральной властью нужно видеть в том, что оно не получило поддержки широких народных масс, выступавших всегда против феодального партикуляризма.

В период расцвета Грузинской феодальной монархии на рубеже XII—XIII вв. абхазы играли значительную роль в многонациональном Грузинском государстве. Ни одно более или менее важное государственное мероприятие в стране не проводилось без участия представителей Абхазии. В частности, абхазы играли активную роль во всех внешних войнах, которые вела в то время феодальная Грузия. В этой связи особо следует отметить участие абхазов в знаменитом басианском сражении против объединенных войск мусульманских правителей Передней Азии под командованием румского султана Рукн-эд-дина (1205 г.). В этом сражении решился вопрос о независимости Грузинского государства; историческое значение басианской битвы может итти в сравнение лишь с ролью дидгорского боя 1121 г. (см. выше).

Рассказывая об этой борьбе, автор «Истории и восхваления» сообщает, что, когда мусульманские коалиционеры двинулись из Малой Азии на Грузию, то тогда по приказу Тамары «войска имерские и амерские от Никопсии до Дербента собрались в Джавахети»[3]. В составе «имерских войск» находились и абхазские воинские ополчения.

Грузинские войска под общим командованием Давида Сослани отправились навстречу наступающему противнику.

---

1 «История и восхваление венценосцев», стр. 50.
2 Там же, стр. 51.
3 Там же, стр. 77.

По свидетельству современника, «Царь Давид хотел направиться выше, где стоял лагерем султан, в место Басианское, известное под именем Болокерти. Приблизившись к стану султана, он увидел бесчисленное множество коней, мулов и верблюдов, палаток и украшенных коврами царских стоянок. Поле не вмещало палаток и живших в них воинов, превосходящих числом грузин. Султан пребывал спокойно и безбоязненно. Давид и грузины приблизились к нему, выстроили отряды, предводимые военным министром Захариею Мхаргрдзели, Шалвой и Иваном Ахалцихскими и торельцами — с одной стороны абхазы и имеры, с другой—амеры,—они шли тихо... Авангарды обоих войск приблизились друг к другу. Завязался жестокий и сильный бой, подобный которому имел место разве в древности. Он продолжается долго, падали с обеих сторон, но больше погибало среди султанского войска»[1].

Сражение закончилось полным разгромом войск мусульманской коалиции. Победа на басианском поле спасла грузинское многонациональное государство от угрозы установления тяжелого иноземного господства.

Военные ополчения из Абхазии участвовали и в борьбе грузинских войск с иноземными захватчиками, пытавшимися поработить соседние народы Закавказья. В частности, в составе «имерских» войск абхазы приняли участие в борьбе против персидских поработителей, стремившихся овладеть ширванским (азербайджанским) государством. Как рассказывает современник, царица Тамара, получив просьбу о подмоге от правителей Азербайджана, «подала им надежду на помощь и поддержку. Она издала приказ и отправила курьеров и скороходов собирать войска из Имерии и Америи.. Собралось большое войско, которое расположилось отрядами; сильные и многочисленные, они заняли берега четырех рек: Куры, Алгети, Кции и Курд-Вачари, от Тбилиси до Карагаджи»[2].

Представители Абхазии находились при грузинском царском дворе и участвовали во всех важных придворных церемониях государственной важности. Например, они присутствовали при встрече иностранных государей и послов. Автор «Истории и восхваления венценосцев» следующим образом описывает прием при дворе Тамары правителей Северного Азербайджана Амир-Мирмана Пахлаванда и ширваншаха Агсартана: «Сели на златокованном троне Тамара, Давид и Георгий, прославившие и высоко поднявшие величие и венценосность своего рода, виновники многих великих деяний...

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 77—78.
[2] Там же, стр. 57.

Сперва, когда они выступили из города Тбилиси, направили навстречу им осов и новых кипчаков, после них — эров и кахов, затем — картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кларджов, таойцев, за ними — сомхитаров, а затем — а б х а з о в, сванов, гурийцев вместе с рачинцами, такверцами и маргуетцами. У дверей царской палатки, встретили их чиновники и придворные»[1].

В рассматриваемый период главный город Цхумского эриставства Цхуми (Сухуми) был одним из важнейших приморских центров Грузинского государства, а также, по-видимому, одной из летних резиденций царей. Автор «Истории и восхваления» сообщает, что царица Тамара летнее время проводила иногда в Цхуми. Он пишет: «Царица же Тамара зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-Тба, иногда же переходила в Абхазию — в Гегути и Цхуми»[2].

Основная часть территории средневекового Цхуми была расположена по левую сторону р. Беслети и на примыкающих с этой стороны к морю горах. Вахушти Багратиони о местоположении средневекового Цхуми сообщает следующее: «К западу от Кодори течет Цхумская река (Беслети. — З. А.)... На этой реке, в горах, находится Цхуми, от которого и получила свое название река»[3].

Одной из важнейших оборонительных цитаделей Цхуми того времени был так называемый «Замок Баграта». Археолог В. Сизов, проводивший в этом районе археологические раскопки в 80-х гг. прошлого века, писал по поводу забеслетской части нынешнего Сухуми: «Историческое значение местности, где расположен замок Баграта, выясняется для меня в том смысле, что эта местность была до самого появления турок в Абхазии — центром грузинского владычества и резиденцией грузинских эриставов или наместников»[4].

В другом месте своего «Отчета» о произведенных им раскопках В. Сизов пишет: «Что же касается до местности, лежащей на юг от Сухума, по другую, левую сторону Беслеты и близко от ее устья, где произведены были мною раскопки у казарм, то местность эта, включая сюда и замок Баграта и ближайшие искусственно выравненные террасы гор, принадлежат средневековому христианскому Сухуму, бывшего культурным и административным центром Грузинского...

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 58.
[2] Там же, стр. 87.
[3] Вахушти, Описание..., стр. 169.
[4] В. Сизов, Вост. побережье Черного моря, МАК, вып. II, Москва, 1889 г., стр. 45.

владычества в том крае; оно соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа — абхазцев»[1].

И действительно, материалы археологических раскопок, произведенных В. Сизовым, как будет показано ниже, наглядно подтверждают общий грузинский культурный облик обнаруженных памятников, что свидетельствует лишь о широком распространении грузинской феодальной культуры среди определенной части местного населения, а не о «грузинском владычестве», как это ошибочно утверждает В. Сизов.

Одним из показателей заметной роли абхазов в Грузинском многонациональном государстве является то обстоятельство, что наследник грузинского престола царевич Георгий при своем рождении (около 1193 г.) был наделен вторым именем «Лаша», которое, по словам летописца, «переводится с языка апсаров как «Просветитель» (вселенной)»[2]. Под «языком апсаров» летописец несомненно имеет в виду абхазский («апсуйский») язык. В данном случае к корню «а-пс» (основа самоназвания абхазов) прибавляется так называемый суффикс-детерминант «ар». Отсюда племенное название «апсар» в смысле «абхаз», употребленное древнегрузинским историком[3].

Приведенные выше данные с достаточной очевидностью свидетельствуют, что абхазы играли видную роль в политической жизни единого Грузинского царства XI—XIII вв.

5. К вопросу о происхождении феодального рода Шервашидзе (Чачба)

В рассматриваемую эпоху в Абхазии выдвигается феодальный род Шервашидзе (груз. შარვაშიძე, абх. Ачачба—Чачба), который уже в XII в. выступает как один из знатнейших дидебульских родов Грузии, представители которых занимают важную административную должность в феодальной Абхазии того времени—должность эриставов цхумских.

Первое упоминание о фамилии Шервашидзе содержится в цитированном выше анонимном историческом повествовании «История и восхваление венценосцев», написанном в 20-х гг. XIII в. Автор этого повествования, в котором излагается история царствования царицы Тамары, рассказывая о государственных мероприятиях после восшествия ее на престол (1184 г.), пишет: «Прежде всего она была озабочена избра-

---

[1] В. Сизов, цит. соч., стр. 49.

[2] См. «Жизнь Грузии», Свод царя Вахтанга, изд. З. Чичинадзе, стр. 434.

[3] Х. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, Труды Абх. инст. яз., лит. и истории, т. XXVIII, 1957 г., стр. 365.

нием (достойных лиц) на должности везиров и военачальников». В числе высших государственных сановников, и в частности эриставов (правителей) отдельных грузинских областей, утвержденных Тамарой в их должностях, упоминается и Дотагод Шервашидзе (დოთადოდ შარვაშისძე) в качестве Цхумского эристава[1].

То обстоятельство, что Шервашидзе выдвигаются уже в 80-х гг. XII в. на такую высокую государственную должность, свидетельствует об их появлении на политическом поприще Грузинского феодального царства значительно раньше.

Древние фамильные документы рода Шервашидзе не сохранились и поэтому трудно установить истоки его происхождения, однако дошедшее до нас историческое предание выдвижение этого рода связывает с именем Давида Строителя. Это предание нашло довольно широкое отражение в опубликованной исторической литературе. Так, Д. И. Гулиа считал род Шервашидзе пришлым, «явившимся в Абхазию в эпоху Давида Возобновителя»[2], а еще раньше К. Кудрявцев в своей работе по истории Абхазии приводил «версию» о том, что «Давид Возобновитель в 1124 г. поставил в Абхазии эриставом Шервашидзе»[3].

Второй момент в предании о происхождении рода Шервашидзе сводится к тому, что данный род якобы происходит от правящей династии Ширванского княжества (на территории Сев. Азербайджана) — ширван-шахов. Исходя из этого предания, Д. И. Гулиа называет Шервашидзе «князьями из рода Ширван-Шаха»[4].

Однако отдельные авторы стали высказывать полное недоверие приведенному выше историческому преданию. В частности К. Кудрявцев считал, что попытка феодалов Шервашидзе увязать происхождение своего рода с ширван-шахами представляет собой обычное в средневековом обществе стремление отдельных феодалов связать свой род с каким-либо знатным иностранным родом, чтобы повысить свое общественное значение[5]. И действительно, подобного рода примеры широко известны из генеалогии феодальных родов многих стран. Так, в феодальной Грузии тавады Орбелиани считали, что они происходят от китайских дворян, а тавады Цицишвили выводили свой род из Италии.

---

1 «История и восхваление венценосцев», стр. 38.
2 Д. И. Гулиа, История Абхазии, 1925 г., стр. 208.
3 К. Кудрявцев, Сб. материалов по истории Абхазии, стр. 127.
4 Д. И. Гулиа, цит. соч., стр. 138.
5 К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 128.

Однако, на наш взгляд, распространить это положение на вопрос о происхождеиии Шервашидзе вряд ли имеется достаточно оснований. Прежде всего, как выше уже отмечалось, Давид Строитель действительио проводил в Абхазии определениые мероприятия с целью более основательного подчиионения ее цеитральной власти — «жаловал достойных и смещал провинившихся»[1]. Вполне допустимо, что Давид мог сместить прежиего эристава Абхазии, возможно, выступившего против иего, и назначить иовым эриставом кого-либо из рода ширваи-шахов, с которыми Давид находился в родстве. Как известно, одна из его дочерей — Тамара—была замужем за правителем Ширваиа. Новый эристав из рода ширван-шахов, не имея в Абхазии «местных корней», целиком должен был зависеть от царя. С другой стороны, привлекая к себе на службу ширванскую знать, Давид мог преследовать цель еще более укрепить этим вассальную зависимость Ширвана от Грузии. Подобного рода политические мероприятия Давида Строителя хорошо известны; достаточно вспомнить учрежденную им должность мцигнобартухуцеси (первого министра), которую он объединил с одним нз высших духовных санов в стране — с саном Чкондидели.

На связь феодального рода Шервашидзе с ширван-шахами указывает и древнегрузинская форма их фамилии — Шарвашисдзе, которое в дословном переводе озиачает «сын ширван-шаха» (от грузннских „შარვაშა“ и „ძე“—შარვაშიძე).

Надо полагать, что именно так осмысливали эту фамнлию в XII в., когда она впервые появляется в исторических источннках. В то время хорошо должны были знать генеалогию это рода, и в таких условиях его представители не моглн сфабриковать легенду о своих родственных связях с ширваншахами, реально существовавшими в тот период и тесно связанными с Грузней, если бы этого не было в действительности.

Вместе с тем в специальной литературе высказывались также предположения о местном (абхазском илн грузинском) пронсхожденни рода Шервашидзе.

Еще акад. Н. Я. Марр допускал возможным выводить фамилню Шервашидзе от местности «Шаро», или «Шароэти», упоминаемой в «Житии Григорня Хандзтийского», в котором рассказывается, в частности, о дочери «шаро-йского («шароели») государя Баграта» родом из «Абхазии» (Западной Грузии)[2]. По мнению Н. Я. Марра, фамилня Шерва-

---

[1] «Жизнь Грузии», стр. 339.

[2] «Житие св. Григория Хандзтийского», изд. Н. Я. Марра, 1911 г., стр. 131.

шидзе этимологически может быть увязаиа с Шароели. Так, в имени «Шаро-ел-и» грузинский суффнкс «ел» заменяется мегрельским суффиксом род. падежа «ши», образуя «шарощи», где «о», закономерно раздваиваясь (как в абхазском), переходит в «ва» и дает в нтоге «шарваши». К последнему прибавляется грузинское «дзе» (сын) и в результате образуется «Шарвашидзе»[1].

Можно дать и другое объяснение происхождению фамильного имени Шервашидзе в связи с названием местности Шаро. Дело в том, что мы не зиаем его точного местонахождения. В частности, мы не можем сказать, была ли эта местность расположена в собственно Абхазии или в «Абхазии» в более широком смысле, т. е. иа территории Абхазского царства вообще. Если Шаро (Шароэти) локализовать на территории Мегрелни, то, возможно, по-мегрельски эту местность называлн «Шар-аши», откуда и могла образоваться фамилия Шарвашидзе, от мегрельской ее формы—Шарашиа. В таком виде фамилия Шарвашидзе может быть увязаиа с аиалогичными ей по форме мегрело-лазскими фамнлиями типа Багваши, Халвашн и др.

В последнее время акад. АН ГССР Н. А. Бердзенишвилн высказал предположение, что фамилию Шервашидзе (в частности, абхазскую ее форму — Чачба) можно увязать с именем военачальника Отаго Чачас-дзе (ოთაღო ჩაჩას-ძე), который упоминается в летописи «Матианэ картлиса» в связи с осадой Анакопии в 40-х гг. XI в.[2]

Небезынтересно в этом отношении, что Чачасдзе носит имя Отагод, аналогичное, надо полагать, имени Дотагод ოთაღო→დოთაღოდ),которое иосил Цхумский эристав Шарвашисдзе, упоминаемый в «Истории и восхвалении венцеосцев». В грузинской феодальной ономастике известны примеры, когда отдельные владетельные роды из поколения в поколение передавали «излюбленные» имена, характерные обычно для данного рода. Так, в роду Багратионов очень популярным было имя Георгий, у кахетинских правителей — Квирике, в роду мегрельских мтаваров Дадиани — Леван, в роду Гуриели — Мамиа и т. д. Исходя из этого, можно допустить предположенне, что имя Дотагод (Отаго) также считалось «родовым» у представителей фамилии Шервашидзе. Это обстоятельство, наряду с близостью фамилий (Чачасдзе — Чачба), может служить подспорьем в пользу предположения о связи Отаго Чачасдзе с абхазским феодальным

---

[1] «Житие св. Григория Хандзтийского», стр. LVII.
[2] Н. Бердзенишвили, см. «Литературули газети», 1957 г., № 6, 8/II.
[3] «Жизнь Грузии», стр. 299.

родом Шервашидзе (Чачба). Тем не менее категорически утверждать о наличии такой связи нет достаточных оснований.

На чисто абхазском происхождении рода Шервашидзе настаивал, в частности К. Кудрявцев. Он писал, что «абхазская фамилия этого рода — Чачба — есть не что иное, как обабхазированная форма той джикской фамилии, откуда произошел род Гечь: Че(а)—чь и «ба» — обычное окончание абхазских фамилий»[1]. Такое положение с лингвистической точки зрения вполне допустимо, поскольку фонема «г» в результате палатализации может преобразоваться в «ч» (г—дж; к—ч). Однако какими-либо достоверными историческими данными для увязки рода Чачба с джигетским княжеским родом Гечба (Гечьба) мы не располагаем, и подобное утверждение в лучшем случае может быть принято в виде одной из гипотез.

Тот же автор высказал и другое предположение о происхождении рода Шервашидзе. Так, он считал допустимым, что Шервашидзе могли происходить от правящей династии Абхазского царства Аносидов (или Леонидов, как их называет К. Кудрявцев). По этому поводу он писал: «Сейчас для нас совершенно тёмен вопрос о судьбе... представителей дома Леонидов. Вполне возможно, что от них произошли фамилии Ачба и Чачба (Шервашидзе), а, возможно, что и те и другие происходят от разных линий Леонидов. Но это положение мы можем высказать исключительно в виде предположения, ни на минуту не настаивая на нем»[2].

Однако положение о чисто абхазском происхождении рода Шервашидзе, *на наш взгляд*, может быть подвергнуто сомнению по следующим соображениям. Грузинские формы абхазских дворянско-княжеских фамилий, как правило, непосредственно исходят из соответствующих абхазских фамилий. Примеры: *Маршания — Амаршан, Иналишвили — Иналипа*, Анчабадзе — Ачба, Дзяпшишвили — Дзяпшипа, Маргания — Маан и т. д. Что часается фамилии Шервашидзе, то она составляет исключение из этого правила. Абхазская форма этой фамилии (Ачачба — Чачба) ничего общего не имеет с грузинской ее формой — Шарвашидзе. Зато она кажется тесно связанной с фамильным наименованием Ачба: Ачба — Ачачба.

В этой связи интерес представляет и абхазское народное предание, подтверждающее связь этих двух фамильных на-

---

[1] К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 128. Что касается высказанного Кудрявцевым предположения, что грузинская форма «Шарашия» могла произойти от мегрельских слов «шара» и «ваша» (там же), то оно абсолютно несостоятельно.

[2] Там же, стр. 121.

именований. В компетентной статье, анонимного автора, «Абхазы» (азега) по поводу сочинения Дубровина «Очерк Кавказа и народов, его населяющих» по этому вопросу читаем:«Абхазы утверждают, что Ачба на старом их языке значит князь, а Чачба (как называют по-абхазски Шервашидзе)—над князем князь».[1] Это предание увязывается с другим «абхазскнм преданнем, которое гласит, что раньше Чачба (Шервашидзе) в Абхазни владычествовали Ачаа (Ачба)»[2].

Исходя из этого, народное представленне о «Чачба» как «князь над князем» может быть объяснено следующим образом. Родовое имя Ачба, поскольку представнтели этого рода (по народному преданню) главенствовали в Абхазни, могло со временем приобрести смысл титула, соответствующего званию «владетеля». Такого рода прнмеры известны из истории феодальной Грузии: фамилия мегрельских мтаваров Дадиани осмысливалась как титул — «дадиан» (ср. выражение исторического источннка:«Умер *дадиан* Манучар и вместо него *дадианом* стал сын его Леван»); то же самое произошло и с фамильиым именем *Гуриели*. Вполне допустимо, что и в Абхазии фамильиое наименоваиие Ачба могло подобным же образом осмысливаться как титул владетеля («князя»). В конкретной форме это могло выразиться в дополнительном наращении именной основы фамильиого названия «Ач», в результате чего образовалась форма Ач-ач-ба (Чачба), где «ба» является озвонченной формой слова «а-па» — «сын». (Подобная форма соответствует, к примеру, грузинскому слову «эриствт-эристави», т.е. «эристав над эриставами»). Не исключено, что такое образование могло возникнуть при наличии нового эристава Абхазии другой (и, возможно, не абхазской) фамилии.

Однако по своему социальному облику, феодальный род Шервашидзе, как и некоторые другие абхазские дворянские роды того времени, принадлежал к феодальному классу Грузинского царства, и в этом отношении цхумский эристав Дотагод Шарвашисдзе по существу мало чем отличается от названных рядом с ним Барама Варданисдзе, Кахабери, Амаиелисдзе или Бедиани[3]. Вместе с тем это положение отнюдь не исключает того обстоятельства, что вскоре же после своего утверждения в Абхазии Шервашидзе становятся такимн же *абхазскими* феодалами, какими Варданисдзе были сванскими или Бедиани мегрельскими феодалами.

---

[1] Сб. сведений о кавказских горцах, т. VI, стр. 30.

[2] Д. Гулиа, История Абхазии, стр. 208.

[3] «История и восхваление венценосцев», стр. 38.

6. Культура феодальной Абхазии в XI—XIII вв.

В рассматриваемый период культурное состояние Абхазии приобретает все более типичный феодальный облик, характерный для всей Грузии того времени. Это находит свое объяснение в том, что тогда Абхазия экономически и политически была связана с Грузией сильнее, чем когда-либо в предшествующую эпоху.

Культурная близость Абхазии с Грузией находила свое выражение прежде всего в том, что в этот период на территории Абхазии грузинский язык является языком письменности, государственного делопроизводства и церковного богослужения. Почти все лапидарные и иные надписи из Абхазии, дошедшие до нас от того времени, высечены на грузинском языке. Приведем некоторые из них. Так, золотая чаша царя Баграта III (умер в 1014 г.) и его матери Гурандухт, которая хранилась в Бедийском храме, имеет следующую древнегрузинскую надпись: «Святая матерь божия, будь ходатайницей перед сыном твоим за абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухту, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию церковь». На ножке чаши написано: «Пресвятая Влахерийская богоматерь, будь помощницей мне, бедийскому митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившему украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатайницей перед сыном твоим в день судный, аминь»[1]. (Даты нет).

На одной из стен Лыхненского храма еще в прошлом веке была видна древнегрузинская надпись, сообщавшая о появлении кометы в 1066 г. Надпись гласила: «Христос, являешься ты благославенным богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286 (1066 г.) в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недра которой (исходили лучи), возвышаясь перед ней, подобно святому сиянию... Это произошло от вербной недели до воскресенья (Христова)»[2].

Большой интерес представляет строительная надпись, выполненная шрифтом «асомтаврули», на беслетском мосте, которая гласит: «Христос, владыка, возвеличь всячески в обеих жизнях...» (конец надписи стерт). Данная надпись представляет собой замечательный образчик грузинской эпиграфики XI—XII вв.

Большое количество древнегрузинских надписей XI—XIII вв. обнаружено в районе Цебельды. Надписи высечены как

[1] Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, 1875 г., стр. 3.

[2] Ф. Жордания, Хроники, т. I, стр. 210. По вычислению астрономов, эта комета была видима 11—13 апреля 1066 г.

на каменистых частях храмов, так и на различных предметах церковной утвари. П. Уварова в своей работе об исторических памятниках Абхазии приводит немало данных о грузинских надписях, обнаруженных ею в этом районе. Так, на одном серебряном с позолотой окладе из церкви в сел. Полтавском сохранилась «дефектная надпись без имени создателя оной», выполненная шрифтом «асомтаврули». На остатках иконы св. Екатерины также сохранились различные надписи, в одной из которых «просят покровительства у великомученицы душе Марнамны». На обломке от металлического настила надгробья имелась такая надпись: «Оковал сию гробницу для души моей и братьев Елия...»; на другом обломке: — «О, святой Апостол господина Иисуса Христа, прими сие пожертвование от меня, эристава и сахлтухуцеса Абосалана, сына Иова»[1].

Таким образом, большинство обнаруженных на территории Абхазии надписей XI—XIII вв. выполнены на грузинском языке. Встречающиеся в тот период в отдельных храмах надписи на греческом языке представляют собой лишь пережиточное явление чисто культового характера.

Следует, однако, отметить, что грузинский язык получил распространение преимущественно среди абхазской феодальной знати и известной части торгово-ремесленного населения городов. Разговорным же языком коренного населения края оставался абхазский.

Большое количество христианских храмов, выстроенных в Абхазии в то время, свидетельствует о том, что феодальная культура в Абхазии носила тогда ярко выраженный христианский характер. Христианские памятники Абхазии не уступают по своему художественному значению памятникам христианской культуры других областей Грузии рассматриваемого периода.

Дошедшие до нас в различной степени сохранности памятники являются в основном культовыми сооружениями.

На рубеже X—XI вв. царь Баграт III воздвиг замечательный храм в с. Бедиа. Храм этот отличается прекрасными пропорциями; его планировка, архитектурный облик и оформление фасадов типичны для средневекового грузинского зодчества. Бедийский храм «должен быть причислен к ранним представителям того типа древнегрузинского культового сооружения, который в XI—XII вв. стал господствующим»[2].

Другим интересным памятником, датируемым тем же

---

[1] П. Уварова, «Христианские памятники Кавказа», МАК, IV, 1894 г. Москва, стр. 29, табл. X и XI.

[2] Н. Северов, Памятники грузинского зодчества, 1947 г., стр. 193.

временем (рубеж X—XI вв.), является купольный продольно-четырехугольный в плане трехнефный храм в Лыхнах. По своему типу этот храм напоминает некоторые храмы соседних районов Сев. Кавказа (Шоана, Зеленчук и др.), что является показателем культурных связей Абхазии того периода с этими районами. В Лыхнинском и подобных ему храмах чувствуется еще заметное влияние византийской архитектуры.

Оригинальным памятником XII в. является Пицундский храм, представляющий собой трехнефную купольную церковь в форме вытянутого прямоугольника с тремя выступающими круглыми абсидами. Купол, воздвигнутый на высоком барабане, опирается на два столба и стены алтаря. Подпружные арки имеют стрельчатую форму. Стены сложены из перемежающихся рядов камня и кирпича, как в поздневизантийской архитектуре[1].

К числу типичных памятников грузинской культовой архитектуры той эпохи на территории Абхазии относится сравнительно небольшая Илорская церковь, сложенная из булыжника; «архитектурой она напоминает Хонскую церковь св. Георгия в Имерети»[2].

Некоторые черты грузинского архитектурного стиля наблюдаются в крепостном храме на реке Бзыбь (у шоссейного моста). П. Уварова, обследовавшая этот храм, указывает: «По двум сохранившимся маленьким (начальным) сводикам в жертвеннике и в углу северной стены выносим заключение, что они, вероятно для легкости, были сложены из более легкого материала, чем остальные стены, то есть из ноздреватого известняка. То же самое замечаем в Кутаисском соборе, где сохранились подобные сводики в углу северной стороны и в дьяконнике»[3].

П. Уварова обследовала развалины значительного количества маленьких церквей «вокруг Сухума и в Цебельде». Она датирует эти памятники XII—XIII вв.[4] Опубликованные ею материалы свидетельствуют, что подавляющее большинство этих памятников носит характерные черты, присущие грузинскому зодчеству того времени.

Ряд интересных памятников грузинской культовой архитектуры обнаружил в районе Сухуми и вблизи него В. Сизов. В своей работе он писал: «На юг от казарм находится старинная кладбищенская церковь, по всему вероятию, грузинской постройки; немного далее, в ущелье, открыты недавно развалины древнего грузинского монастыря; вблизи монастыря

---

[1] Н. Северов, цит. соч., стр. 195.
[2] Д. Бакрадзе, цит. соч., стр. 74.
[3] П. Уварова, цит. соч., стр. 12.
[4] Там же, стр. 17.

«Данды», в маленькой заброшенной церкви, на стенах её, находятся грузинские надписи на изображениях святых»[1].

Из гражданских сооружений рассматриваемого периода необходимо, прежде всего, указать на развалины анакопийской цитадели, сохранившиеся на вершине Иверской горы в Новом Афоие. Значительиая часть дошедшего до нас памятника датируется XI—XIII вв. Анакопия в тот пернод была одним из важнейших приморских городов Грузинского царства на территории Абхазии. Характерно, что абхазское народное предание приписывает постройку Анакопийской крепости царице Тамаре[2].

Характерным памятником данной эпохи является «Замок Баграта», расположенный в юго-восточной части Сухуми. Постройку замка народное предание связывает с именем царя Баграта III (или Баграта IV). Данная крепость представляла собой, как отмечалось, цитадель средневекового Цхумн и, в частности, охраняла порт, расположенный тогда у устья реки Беслетки. Замок был основательно укреплен как искусственными оборонительными сооружениями, так и умело использованными естественными условиями местности. По словам В. Сизова, «замок этот выдвинут вперед, как сторож, охранявший всю эту местность и зорко следивший за долиной реки Баслаты». Этот же автор пишет, что «В башне замка сохранилась дверь, вероятно, выходившая на балкон, как это случается встречать в замках Гурии»[3].

Из гражданских сооружений того времени следует отметить также одноарочный каменный мост через р. Беслетку, близ Сухуми. По палеографическому облику высеченной на мосте строительной иадписи его следует датировать XI—XII вв. Мост отличается исключительной прочностью и дошел до нас почти в нетронутом временем виде. Свод моста выложен крупными известняковыми плитами.Беслетский мост является замечательным образцом грузинского средиевекового строительного искусства. Аналогичные мосты сохранились и в других районах Грузии — на р. Аджарис-цкали, на р. Тедзамке и др.

Из других гражданских сооружений отметим возведеиное не менее, чем в два приема сооружеиие дворцового типа в Бедиа, представлявшее собой большое камеиное здание, служившее в то же время и укрепленнем. Это сооружение являлось, по-видимому, дворцом бедийского епископа, а возможно, н резиденцией царя или эристава. Дошедшие до иас

---

[1] В. Сизов, цит. соч., стр. 38—39.
[2] ЦГИА, ф. 416, д. 1014. л. 16.
[3] В. Сизов, цит. соч , стр. 21.

нижние этажи дворца со сводами и колоннами являются характерными памятниками грузинской светской архитектуры того времени.

О высоких эстетических вкусах передовой общественности того времени свидетельствуют классические образцы древнегрузинской декоративной скульптуры, сохранившиеся на некоторых архитектурных сооружениях. Таковыми являются, например, фасадные порталы и уцелевшие оконные наличники бедийского храма[1], барельефное изображение на камне фигур святого на лошади, епископа, диакона и ангела из средневекового храма близ с. Ольгинского, богатый резной орнамент на каменном иконостасе другой церкви из того же села[2] и др.

Из памятников ювелирного, в частности золотых дел, мастерства укажем на золотую чашу Баграта III, золотую икону св. Екатерины, церковный серебряный оклад из села Покровского, выполненных в чисто грузинском ювелирном стиле. Как отмечалось, на этих памятниках сохранились надписи, высеченные шрифтом «асомтаврули».

Ряд интересных памятников грузинского прикладного искусства обнаружил в районе Сухуми и В. Сизов. Так, например, он пишет: «К чисто грузинскому изделию, мне кажется, можно отнести найденный мною здесь же круглый оловянный медальон, с изображениями на одной стороне рельефными линиями равноконечного креста, украшенного в углах перекрестия выпуклыми точками, на другой стороне же изображен всадник, по всему вероятию, св. Георгий. У края медальона вертикальная надпись из нескольких букв хуцури»[3].

Из памятников живописи отметим дошедшие до нас остатки росписи внутренних стен Бедийского храма, фресковую роспись Лыхненской церкви, относящуюся к XIV в. Значительный интерес представляют цветные рисунки на керамических сосудах, обнаруженных В. Сизовым. Так, на табл. II его «Отчета» воспроизведены остатки тарелки, сделанной из плотной красной глины. На тарелке изображена сцена борьбы человека с барсом. По этому поводу В. Сизов пишет: «Мотив изображения — борьба зверя с человеком — может относиться к области персидского искусства, но исполнение фигуры человека решительно удаляет Персию от этого произведения. Скорее, мне кажется, под влиянием Персии подобного рода произведения могли выходить из мастерских Тифлиса». На такую мысль его навели, в частности, сравнения этих изобра-

[1] Н. Северов, цит. соч., стр. 193.
[2] П. Уварова, цит. соч., стр. 20—22.
[3] В. Сизов, цит. соч., стр. 32—33.

жений с миниатюрами древнегрузинских рукописей[1]. Далее В. Сизов заключает, что «наивно грубый, но вместе с тем оригинальный стиль этого изображения является признаком чисто народного художественного творчества Грузии»[2].

Керамическое производство в феодальной Грузии XI—XIII вв. достигло высокого уровня. В своей монографии «Керамическое производство в Грузии XI—XIII вв.» В. Джапаридзе пишет, что грузинская керамика того времени «имеет свои собственные характерные черты, отличающие ее от керамики любой другой страны данного периода... Своеобразие грузинской керамики выявляется в формах некоторых сосудов, в орнаментальных мотивах, в распределении орнамента и красок на поверхности сосуда, в тонах и сочетании красок, и, главным образом, в том, как понимаются и трактуются мастерами художественные мотивы»[3].

В. Джапаридзе предполагает, что один из местных центров керамического производства находился в Сухуми. На такой вывод его навели обнаруженные в Абхазии «обломки глазурованной посуды с подглазурными грузинскими надписями»[4]. В связи с этим следует отметить, что, по мнению В. Сизова, обнаруженные им в Сухуми фрагменты керамических изделий XII—XIII вв. по своему стилю в общем производят впечатление «грузинского вкуса»[5].

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что феодальная культура достигла в XI—XIII вв. на территории Абхазии весьма высокого для того времени уровня. В этом отношении феодальная Абхазия не уступала другим областям Грузинского царства.

Здесь же необходимо указать, что в некоторых трудах по истории Абхазии содержатся неправильные установки о характере и уровне культурного развития Абхазии рассматриваемого периода. Так, например, К. Кудрявцев утверждал, что после включения в состав единого Грузинского государства Абхазия, якобы, «обращается в обыкновенную отдаленную и заброшенную провинцию вечно снедаемого раздорами Грузинского царства»[6]. В частности, по его словам, «великолепное зодчество, характеризующее Абхазию времен Леонидов, сходит почти на нет»[7]. По мнению того же автора, «падение Леонидов и воцарение Багратидов сразу же сказалось

---

[1] В. Сизов, цит. соч., стр. 25.
[2] Там же, стр. 26.
[3] В. Джапаридзе, цит. соч., стр. 73 (на груз. яз. с русск. резюме).
[4] Там же, стр. 39.
[5] В. Сизов, цит. соч., стр. 31.
[6] К. Кудрявцев, Сб. материалов по истории Абхазии, стр. 122.
[7] Там же, стр. 123.

на проникновеиии византнйского влияиня иа Кавказ... Уже этим показывается, как диаметральио противоположна была политика этих династий»[1].

В свете рассмотреиных иамн материалов о культурном состоянии Абхазии XI—XIII вв. приведеиные выше утверждения К. Кудрявцева не выдерживают никакой критнки. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся от того времени на территорни Абхазии замечательные памятники зодчества и других видов искусства.

Что касается византийского влияния, то в действительности, после образования единого Грузинского царства, оно не только не растет, а заметно и быстро ослабевает. Так, в Абхазии того временн число памятников, носящих на себе черты византийского искусства, значительно уменьшается в сравнении с предшествующим периодом. Зато резко возрастает количество памятников грузинского стиля, относящихся к самым разнообразным отраслям искусства. Политнка Багратионов, в частности в области культуры, иичем принципиально не отличается от политики династии Аносидов, которая правила в Абхазском царстве (как это было показано в IV главе данной работы).

Вместе с этим следует подчеркнуть, что непосредственными созидателями памятников культуры на территории Абхазии, как и во всей феодальной Грузии, являлись в основном широкие народные массы, которые выдвигали из своей среды замечательных зодчих, мастеров художественной чеканки, живописи и т. д. Едииство стиля произведений культуры на территории многонационального Грузинского государства является в конечном итоге выражением содружества на культурном поприще населения всех частей этого государства, в том числе абхазов.

В заключение считаем нужным отметить, что изучеиию памятнııков феодальной культуры на территории Абхазии до сих пор, к сожаленню, не уделялось достаточного внимания. Весьма желательно, чтобы соответствующие научно-исследовательские учреждения нашей республики приступили к планомерному и систематическому выявлению, фиксации и всестороннему исследованию исторнческих памятников Абхазии, в частиости относящихся к феодальному периоду. Это, несомненно приведет к значительному обогащению материалами по истории средневековой Абхазии, что, при крайней скудности письменных источников, будет иметь особенно важное научное значение.

---

[1] К. Кудрявцев, цит. соч., стр. 121.

ГЛАВА VI

ЭТНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА в IX—XIII вв.

1. К вопросу об этническом составе и расселении абхазов в средние века

Переходя к рассмотрению вопроса об этническом составе и расселении абхазов в рассматриваемый период, нам необходимо, прежде всего, привести некоторые сведения об историческом прошлом абазин, проживающих ныне на Северном Кавказе.

Проф. А. Генко, специально занимавшийся изучением абазинского языка, его истории и происхождения абазин, в своей работе «Абазинский язык» по поводу истории этнического термина «абазин» пишет: «Так называли представители черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая исчезнувшую ныне на Кавказе народность убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья (нынешние Туапсинский и Сочинский районы, а также Абхазская АССР»).[1] В цитированной работе А. Генко приходит к выводу, что абхазско-абазинские наречия «в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание в пределах которого было значительно легче достижимо, чем в настоящее время».[2]

На языковое единство абазинских и абхазских диалектов указывает и проф. К. В. Ломтатидзе, которая пишет: «Тапантский диалект сохранил вместе с другими абхазо-абазинскими диалектами единый грамматический строй и основной словарный фонд. Ашхарский диалект проявляет еще большую близость к южно-абхазским диалектам»[3].

Доц. Х. С. Бгажба в своей работе «Бзыбский диалект абхазского языка» на почве сравнительного анализа абхазских

---

[1] А. Генко, Абазинский язык, стр. 4 (Разрядка везде наша — З. А.).
[2] Там же, стр. 9.
[3] *К. Ломтатидзе, Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов*, стр. 339.

и абазинских диалектов также пришел к заключению, что «в более древние времена абхазы и абазины составляли одну этническую группу, представляющую единый в языковом отношении коллектив, говоривший на одном языке и имевший диалектные различия. Эти различия в диалектах, первоначально незначительные, впоследствии приобрели свои особенности. Однако и в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями этих диалектов, не исключая в целом и далеко ушедшего в своем обособлении тапантского диалекта»[1].

В свете приведенных выше заключений языковедов становится очевидной ошибочность утверждения исследователя истории абазин Л. И. Лаврова, будто «причину близкого сходства абазинского и абхазского языков следует видеть в том, что предки абазин в течение ряда столетий находились по соседству с обществом, объединявшимся в абхазскую народность, и в силу этого не могли не испытать влияния в ту пору более высокой культуры своих соседей»[2]. Нельзя объяснять единство (а не «сходство») языка культурным влиянием, поскольку язык и культура представляют собой различные явления. Ведь речь идет не о «сходстве языков», пусть даже «близком», а именно об единстве грамматического строя и основного словарного фонда абхазских и абазинских диалектов, как это подчеркивается в приведенных выше высказываниях языковедов.

Откуда и когда появились абазины на Северном Кавказе?

В цитированной выше статье Л. И. Лавров приводит ряд интересных материалов, подтверждающих расселение предков абазин в средневековую эпоху на побережье Северо-запад ного Кавказа, и приходит к следующему выводу: «Географическая номенклатура Адлерского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы, причем при параллельном существовании одинаковых терминов среди северокавказских абазин и в упомянутых районах побережья более древними являются вторые. Данные топонимики, как и исторические предания, подтверждают, что северокавказские абазины некогда жили на черноморском побережье, северо-западнее Абхазии. Но анализ топонимических терминов позволяет сделать еще одно предположение: пред-

[1] Х. Бгажба, Бзыбский диалект абхазского языка, Труды Абх. инст. яз., лит. и истории, т. XXVIII, стр. 288 (Разрядка везде наша — З. А.).

[2] Л. И. Лавров, Обезы русских летописей, Журн. «Сов. этнография», № 4 за 1946 г., стр. 164.

ки шкаварцев (-ашхарцев) обитали примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а далее иа северо-запад обитали предки тапантовцев»[1]. В частности, Л. Лавров отмечает, что наименования абазинских феодальных родов Лоо, Кечь, Дадырквай являются производными от соответствующих топонимических терминов Черноморского побережья[2].

Народные предания абазин также свидетельствуют, что их первоначальным местообиталищем было побережье Черного моря, в частиости и местность Вордане, северо-западнее Сочи[3].

О времени и характере переселения абазин с черноморского побережья на Северный Кавказ имеются следующие данные. Как свидетельствует Л. Лавров, «абазинские предаиия единодушно утверждают, что среди них тапантовцы первыми совершили переселенне. Вслед за ними двинулись другие абазинскне племена. Переселение, очевндно, не было стремительным и эпизодическим. Оно совершалось постепенно»[4]. А. Н. Генко также предполагал, что тапантовцев следует считать первыми переселенцамн с северо-западного Кавказа. По его миению, предки тапантовцев прнмерио в XII—XIII вв. спустились в северо-западные предгорья и отделнлнсь, таким образом, от основной массы абхазов, а первое положительное указание на иаличие абхазо-абазинских поселенні на Северном Кавказе относится к самому концу XIV в.[5]

Следовательно, поскольку предки абазин в среднне века *жили на Черноморском побережье Кавказа, в частности на* территории иыиешних Сочинского, Лазаревского и Туапсинского районов, то они занимали одну общую территорию с предкамн современных абхазов, которые непосредственио соседили с областью расселення абазин.

Все это приводит к выводу, что в рассматриваемый период предки абазин и абхазов составляли одну иародность, которая отличалась общностью (разумеется, относительной) языка и территорни, а также общностью культуры н хозяйствеиного уклада[6]. Поэтому мы не можем согласиться с Л. Лавровым в том, что абазины, якобы, «в древностн являлись особым народом», а абхазами

[1] *Л. И. Лавров*, цит. соч., стр. 163—164.
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 170.
[5] А. Генко, цит. соч., стр. 8.
[6] Об общности культуры *предков абхазов и абазин* красноречиво свидетельствуют сравнительные этнографические данные, пережиточно сохранившиеся у их современных потомков. Общность хозяйственного уклада у населения приморских районов северо-западного Кавказа и побережья Абхазии в средневековую эпоху подтверждается различными источниками.

в средние века следует считать лишь обитателей позднейшей Абхазии[1]. Для такого заключения нет никаких оснований.

Вместе с тем Л. И. Лавров правильно заметил, что в древнегрузинских источниках термином «джики» называются предки абазин[2]. В этой связи представляет интерес указание Вахушти на изменение значения термина «джики» в различные исторические периоды. В своем «Описании» он пишет: (Область) по ту сторону Абхазии, к западу от реки Капоэти, со времен Багратионов до нашего времени называли Джикети, но в жизнеописании Горгасала Джикетией именуется часть, расположенная к северу от нынешней Джикети, от Кавказской горы до моря»[3]. Значит, в средние века, в понимании грузинских авторов, Джикия мыслилась далее к северу, за пределы Джикетии, современной царевичу Вахушти, т. е. охватывала в основном территорию, населенную предками абазин (а также садзами).

Как выше уже отмечалось (гл. III), основную роль в образовании средневековой абхазской народности сыграли абазги и апсилы. Поэтому следует признать правильным заключение Х. С. Бгажба, «что абхазцы и абазины сохранили этнические термины — «апсилы» и «абазги» — издревле до наших дней, и они идентичны их нынешним самоназваниям— апсуа и абаза»[4].

Что касается санигов, то об их родстве с абхазами свидетельствует то обстоятельство, что в средневековых источниках они фигурируют на той территории, на которой впоследствии выступает ближайше родственное абхазам племя садзов. К названию санигов, надо полагать, восходит наименование одного из важнейших географических пунктов на территории, населенной садзами, — «Сандрипш». Х. Бгажба по этому поводу пишет: «Мысль о принадлежности санигов к абхазским племенам, по-видимому, находит подкрепление из анализа этого аборигенного этнического термина, встречающегося у античных авторов. Несомненно, корнем этого слова является «сан», который сохранился в географическом названии Сан-дрипш или Цан-дрипш»[5].

В средневековую эпоху саниги (садзы), хотя и употребляли в быту свое особое наречие, однако в целом составляли уже этническую ветвь абхазской феодальной народности. Именно на садзов грузинские авторы позднего средневековья распространяют название «джики», а занимаемую ими территорию называют «Джикети» (например, Вахушти).

---

[1] Л. Лавров, цит. соч, стр. 162.
[2] Там же, стр. 166.
[3] Вахушти, Описание..., стр. 172.
[4] Х. Бгажба, цит. соч., стр. 283.
[5] Там же, стр. 267—268.

Русский генерал Филипсон, хорошо знакомый с садзами (или джигетами, как он их называет), писал о них в середине прошлого столетия: «Этот народ, говорящий чнстым абхазским языком, имеет еще особенное наречие — асадзипсуа, не похожее ни на абхазскнй, ни на убыхский язык. Мало-по-малу оно приходит к забвению; им говорит иногда чернь и то как бы украдкой от чужих людей. Вся нынешняя земля убыхов принадлежала... абхзам, что и весьма вероятно, потому что и в настоящее время разиоплемеиность и следы недавиего завоевания очень заметны в этом участке. Общество хамыш, ближайшее к джигетам, состоит из смеси адэхе с абхазским племенем, сверх того, по всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа, о котором я выше говорил»[1].

Комментируя это свидетельство Г. Филипсона, Х. Бгажба отмечает, что в наречии асадзипсуа «мы имеем абхазо-абазиискый диалект. Не вызывает сомнения, что само слово «асадзипсуа (асаӡиҧшәа—З. А.) по-абхазски значит—«абхазское наречие садзов» (буквальио — «садзско-абхазский»)[2]. То обстоятельство, что территория расселения садзов (историческая Санигия) была населена племеиами абхазского кория, подтверждается и данными топонимики.

В частности, на этой территории мы встречаем названия рек на «ҭа» и «ҧсҭа»[3] — Мзым-ҭа, Хос-ҭа, Куде-ҧсҭа, Мацес-та—Мацє—ҧ[illegible] (по абх. букв. «Огненная река»).

В топонимике бассейна р. Мзымта, как и по всей Абхазии, в названии гор большое место занимает суффикс «шха» (от абх. «ашха» — «гора»), а также «ра»: Псе-ашха, Ай-шха (букв. «гора Айовых»), Ачи-шха (букв. «Олеиья гора»), Аштырдзых- ра, Ага-ра (букв. «обрыв»), Лау-ра — приток Мзымты и другие. Последнее название — Лау-ра — можно увязать с именем абазинского феодального рода Ла(о)у (— Лоо, отсюда «лоовцы»)[4]. По абазииским народным преданиям род Лоу представляет собой ответвление абхазского феодального рода Ачба. В этой связи уместно отметить название одной из сельских общин Абжуйской Абхазии — Ч-лоу, представлявшей собой в феодальную эпоху вотчину рода Ачба.

Расселения абхазо-абазинских племен на значительной части западно-кавказского Причерноморья вплоть до позднего средневековья подтверждается и рядом исторических

---

[1] Г. Филипсон, Черкесы, абезы и адэхе, Рукопись сост. в 1854 г. Хранится в библ. им. В. И. Ленина в Москве, цит. по Х. Бгажба, Бзыбский диалект (разрядка наша — З. А.).

[2] Х. Бгажба, цит. соч., стр. 290.

[3] Аапста — по-абх. буквально «Ущелье».

[4] Х. Бгажба, цит. соч., стр. 294.

источников. Так, немецкий путешественник первой половины XVI в. Герберштейн свидетельствует, что в его время «афгазы» обитали даже в низовьях реки Кубани, а соседние с ними адыги (черкесы) занимали ближайшие горные районы»[1]. Такое отдаленное расселение абхазов (абазин) по побережью Кавказа на севере должно было иметь место еще в эпоху Абхазского царства. Л. И. Лавров правильно отмечает, что «влияние Абхазии в те времена было велико», и Абхазское царство имело «тенденцию расширения не только на юг, но и на север».[2]

Ареал распространения абхазских племен на побережье Кавказа оставался значительно широким и в последующие века. Итальянский путешественник первой четверти XVII в. Джовани Лукка, лично побывавший на северо-западном Кавказе, сообщает, что в то время абхазские поселения тянулись на север до мыса Кодош, близ Туапсе, за которым уже начинались адыгские земли.[3] По свидетельству турецкого путешественника Евлия Челеби, побывавшего на Кавказе в начале 40-х гг. XVII в., этнографическая граница между абхазами и приморскими адыгами проходила в районе того же Кодошского сектора.[4] В 20-х гг. XVIII в. Главани Ксаверио свидетельствует, что от Новороссийска до мегрельских владений «живут двадцать четыре абазинских бея».[5]

Даже автор середины XVIII в. француз Пейсонель, который был отлично знаком с состоянием дел на Западном Кавказе, говоря об абхазах в широком смысле, как о «народе, населяющем пространство между Черкесией и Грузией», утверждает, что абхазы жили между местечком Суджук (в районе нынешнего Новороссийска) и Мегрелией.[6]

Таким образом, вплоть до XVIII столетия, по свидетельству целого ряда разновременных авторов, население абхазского этнического корня занимало приморскую территорию северо-западного Кавказа до Туапсинского сектора, а отдельные их поселения, как видно, тянулись и дальше на север.

Что касается ближайших соседей абхазов на севере—адыгов (черкесов), то, по справедливому утверждению Л. Лаврова, «исторические источники до XVIII в. знают среди чер-

---

[1] С. Герберштейн, Записка о Московских делах, СПБ, 1908 г., стр. 159—160.

[2] Л. Лавров, цит. соч., стр. 164.

[3] Дж. Лукка, см. Записки Императорск. Одесского Общества, т. XI, 1879 г., стр. 489—492.

[4] Ев. Челеби, Книга путешествий (см. Записки Импер. Одесск. общества истор. и древностей, т. IX—А, Одесса, 1875, стр. 178—179.

[5] Главани Ксаверио, Описание Черкесии, 1729 г., стр. 44.

[6] Пейсонель, Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—62 гг., Краснодар, 1927 г., стр. 29.

кесов лишь такие племена, которые в ту пору обитали или на северной стороне Главного Кавказского хребта, или возле устья р. Кубани».[1]

В свете этих материалов достоверный характер принимает свидетельство Г. Филипсона, что в районе поселения приморских убыхов, т. е. на территории, населенной ранее санигами-садзами-джиками, «следы недавнего завоевания очень заметны»[2]. Несомненно, что население этого района и территории вплоть до Туапсе-никопсийского сектора изменило свой этнический облик сравнительно недавно, не ранее XVIII столетия.

В южном секторе территории прежнего расселения абазин обосновались спустившиеся с ближайших горных районов убыхи, которые затем в XVIII в. и первой половине XIX в. успели частично ассимилировать коренное абхазское население этих краев. О том, что убыхи так и не успели полностью ассимилировать значительную часть местных абхазов подтверждается и вышеприведенным свидетельством Г. Филипсона, что «во всей земле убыхов чернь знает асадзипсуа».[3]

Если территория нынешних Туапсинского, Лазаревского, Сочинского и Адлерского районов Краснодарского края еще в эпоху позднего средневековья была населена в основном абхазской народностью, часть которой в тот же период переселилась на Северный Кавказ, а оставшаяся часть с течением времени была ассимилирована пришлыми адыгами (на севере) и убыхами (на юге), то тем более абхазским по своему этническому составу должно быть население этого края и в предшествующие века, в частности в X—XII вв. Указание автора X в. Константина Багрянородного, помещая «Абасгию» на территории между Никопсией и Сотириуполем (в котором, вероятнее всего, следует видеть Пицунду), приобретает вполне реальное значение в свете приведенных выше данных, относящихся к более позднему времени. Не случайно также, что именно этот район составлял в Абхазском царстве (а затем до определенного времени в объединенной Грузии) так называемое Абхазское эриставство.

Что касается южных пределов расселения абхазов в рассматриваемый период, то они оставались в основном теми же, что и во времена Абхазского княжества, т. е. доходили, пример-

---

[1] Л. Лавров, цит. соч., стр. 165.
[2] Г. Филипсон, цит. рукопись.
[3] Там же.

ио, до р. Галидзга. Население Цхумского эриставства в IX—XII вв. состояло из абхазов по преимуществу апсильского происхождения.

Как уже отмечалось, объединение Цхумского и Абхазского эриставств, происшедшее, по-видимому, в конце XII в., диктовалось этническим единством населения названных административных единиц.

2. *Об этнической индивидуальности абхазов* IX—XIII вв.

В нашем распоряжении имеется целый ряд исторических документов, с бесспорной очевидностью подтверждающих этническую индивидуальность абхазской народности в период существования вначале Абхазского царства, а затем и объединенного Грузинского государства, в состав которых входила собственно Абхазия с населением абхазского этнического корня.

Выше уже были приведены некоторые из этих документов. Напомним, что византийский писатель X в. Иосиф Генесий в своем перечислении народностей, представители которых принимали участие в восстании Фомы Славянина (821—823 гг.), упоминает абхазов (абазгов) вместе с лазами и иберами в ряду таких народностей, как армяне, арабы, персы и др.[1] Это значит, что для Генесия была вне всякого сомнения этническая индивидуальность абхазов, которые в этом отношении отличались от лазов, иберов и др. Такое представление совершенно исключает возможность отождествления абхазов с какой-либо другой народностью.

Важные свидетельства об этнической индивидуальности абхазов содержатся и в древнегрузинских источниках эпохи единого Грузинского царства.

В частности, большой интерес в этом отношении представляют данные, содержащиеся в «Истории и восхвалении венценосцев», которая является одним из важнейших исторических источников того времени (составлен в 20-х гг. XIII в.). Поэтому мы считем необходимым подвергнуть подробному анализу содержащиеся в нем сведения об «Абхазии» и «абхазах».

Географический термин «Абхазия» автор «Истории и восхваления» употребляет в двух смыслах: для обозначения Западной Грузии и собственно Абхазии. Причем, говоря о Западной Грузии, он обычно употребляет термин Лихт-Имерети, т. е. область по ту сторону лихтских гор, сокращенно — Имерети. Историк пишет: «(Тамара и Давид) отправились в За-

1 «Георгика», т. IV, стр. 307.

лихскую Имерию; прибыв туда, они, в заботах о припонтийских землях, вооружились хорошо, так как страна Артанского и Дзагинского ущелья равно и Палакацио были в руках турок»[1]. В приведенной выдержке автор под «Залихской Имерией» подразумевает Западную Грузию.

В другом месте тот же автор пишет: «По временам они (Тамара и Давид — З. А.) отдыхали от военных походов и, веселые, направлялись, по принятому обычаю, в Имерские страны»[2]. Здесь «Имерские страны» опять-таки охватывают всю Западную Грузию, не исключая и собственно Абхазии.

Однако в том же источнике Западная Грузия порой именуется и «Абхазией». Например: «(Тамара) то переходила в Абхазию, распоряжаясь тамошними делами и предаваясь охоте в приятных местах — Гегути и Аджамети»[3]. Здесь, поскольку в «Абхазию» помещены Гегути и Аджамети, т. е. местности близ Кутаиси, автор несомненно имеет в виду всю Западную Грузию. Другой интересный пример такого рода мы находим на стр. 87: «(Тамара) иногда же переходила в Абхазию — в Гегути и Цхуми»[4]. Упоминание Гегути, наряду с Цхуми(Сухуми),как пунктов, находящихся в «Абхазии», свидетельствует, что в данном случае под Абхазией подразумевается вся Западная часть Грузинского царства, включая и собственно Абхазию.

Наряду с употреблением термина «Абхазия» в широком значении, как уже отмечалось, автор «Истории и восхваления» пользуется этим термином для обозначения собственно Абхазии. В том месте, где автор рассказывает о восстании Вардана Дадиани против Тамары, он пишет, что Вардан «собрал всю Сванетию, А б х а з и ю, Эгерию с Гурией, Самокалако, Рачу-Таквери и Аргвети»[5]. Здесь перечислены все «Имерские страны», и Абхазия в том числе. Как мы видим, автор не о т о ж д е с т в л я е т Абхазию с Эгерией (Мегрелией) или какой-нибудь другой частью «Имерети», а называет ее н а р я д у с остальными областями Западной Грузии. Значит, собственно Абхазия существует как отдельная географическая единица в составе Грузинского царства.

Эта географическая единица, как уже было отмечено, в административном отношении отождествлялась, как видно из того же источника, с Цхумским эриставством. Если в только что приведенной выдержке среди отдельных провинций Западной Грузии, наряду с другими названа и Абхазия, то при

---

[1] «История и восхваление венценосцев» (перевод и редакция К. С. Кекелидзе), Тбилиси, 1954 г., стр. 66.

[2] Там же, стр. 66.

[3] Там же, стр. 80.

[4] Там же, стр. 87.

[5] Там же, стр. 48.

перечислении эриставств автор ее же не упоминает, но зато называет Цхумское эриставство: «Эриставами в то время были: в Имерети, за Лихскими горами: Барам Варданисдзе в Сванетии, Кахабери в Раче и Такверн, Дотагод Шарвашидзе в Цхуми, Аманелисдзе в Аргвети и Бедиани в Одиши»[1]. Здесь, как мы видим, названы Сванетия и Одиши (Мегрелия), но не упомянута Абхазия, зато, как было указано, в данном перечислении фигурирует Цхумское эриставство. Это дает нам основание отождествить его с Абхазией в географическом смысле.

Что касается этнического термина «абхазы», употребляемого в «Истории и восхвалении», то здесь он встречается только в узко этническом смысле, и разумеет собственно абхазов в отличие от географического термина «Абхазия», который, как мы видели, употребляется и в узком и в широком смыслах. Исключение составляет лишь одно место, где Юрий (Георгий) Боголюбский иазван «царем русов и абхазов»[2].В данном случае под абхазами имеется в виду, конечно, все население Грузинского царства в политическом смысле. Однако для обозначения всего населения Западной Грузии термин «абхазы» нн разу не употребляется. В таком значении автор пользуется лишь термииом «имеры», включая в него иногда и абхазов.

Так, напрнмер, рассказывая о подготовке Грузии к борьбе с Рукн-ед-дином, историк пишет: «Тогда прнзвали войска имерские и амерские, от Никопсии до Дербента, и собрались в Джавахетин»[3]. Здесь совершенно очевидно, что в числе «имерских войск были ополчения и из Абхазии, так как войска были созваны от самой Никопсии. В другом месте, где сообщается о персидском походе 1210 г., высшие государственные сановники обращаются к Тамаре: «Повели вооружиться и приготовиться всем от Никопсии до Дербента!» Когда царица выслушала (эти слова), созвала всех известнейших мужей нашего царства, имеров и амеров, и поставила их в известность»[4]. И здесь, несомненно, под «имерами» подразумевается все населеиие западной части Грузинского царства (до Никопсии), в том числе н абхазы.

Вместе с тем термин «абхазы» автор употребляет, как мы отмечали, н в узком смысле, в частности, там, где описывается встреча азербайджанских правителей. Приведем еще раз цитированое выше, по другому случаю, место: «Сперва, когда они выступили нз города, направили навстречу им

---

1 «История и восхваление венценосцев», стр. 38.
2 Там же, стр. 41.
3 Там же, стр. 77.
4 Там же, стр. 83.

осов и новых кипчаков, после них — эров и кахов, затем — картлийцев, месхов и торельцев, шавшов, кладжов, таойцев, за ними — сомхитаров, затем *абхазов*, сванов, мегрелов, гурийцев вместе с рачинцами, такверами и маргуетцами»[1]. В данной выдержке обращает на себя внимание то обстоятельство, что абхазы упомянуты не только в ряду этнических частей грузинской (картвельской) народности (карты, мегрелы и сваны), но вместе с ними названы осетины и кипчаки (половцы). Так что здесь мы имеем дело не только с грузинскими этническими группами, но и с представителями негрузинских народностей (осетины, кипчаки), к числу которых, как мы увидим, автор «Истории и восхваления венценосцев» *относит и абхазов*.

На такой вывод наводит следующее место из данного сочинения, где, рассказывая о продвижении грузинских войск перед басианским сражением, автор пишет: «С одной стороны (шли) *абхазы и имеры*, с другой — амеры»[2]. Это место имеет весьма важное значение, так как оно свидетельствует, что, по мнению автора, *абхазы в этническом смысле* не входили в состав грузинской народности (имеры и амеры), *а представляли самостоятельную этническую единицу*. Если бы автор считал бы абхазов в этническом отношении картвелами, то он назвал бы их не отдельно, а включил бы в состав имеров (мегрелы, сваны и западногрузинские карты).

Автор «Истории и восхваления венценосцев» сохранил нам еще одно интересное свидетельство этнической индивидуальности абхазской народности и реального существования абхазского языка в его время. Рассказывая об организации военного похода по случаю рождения наследника престола Георгия, он пишет: «Собравшись на счастье Лаши, что значит «*Просветитель* вселенной», сперва направились на великий и древний город Барда»[3]... Таким образом, царевич Георгий при рождении получил прозвище «Лаша», которое автор счел нужным перевести («ითარგმნა») на грузинский язык — «просветитель» («განმანათლებელი»), а в широком смысле второе имя Георгия осмысливалось, по объяснению историка, как «Просветитель вселенной» («განმანათებლად სოფლისა»)[4]. Следовательно, автор дает понять, что «Лаша» — это негрузинское слово, непонятное читателю-грузину его времени, а поэтому он считает необходимым дать его перевод.

---

[1] «История и восхваление венценосцев», стр. 58.

[2] Там же, стр. 77.

[3] Там же, стр. 53.

[4] Там же, стр. 97.

В изданном проф. К. С. Кекелидзе варианте «Истории и восхваления венценосцев» (груз. оригинал в 1941 г., русский перевод в 1954 г.) не указано, на каком именно языке слово «Лаша» означает «просветитель» (в смысле «блистательный»)[1]. Однако в другом варианте того же сочинения, опубликованном в «Жизни Грузии» («ქართლის ცხოვრება»), изданной З. Чичинадзе в 1913 г., имеется следующая, более полная редакция этого места, которая выглядит так: «Собравшись на счастье Лаши, которое переводится с языка апсаров как «Просветитель вселенной»... («რომელი აფსართა ენითა განმანათლებელად სოფლისა ითარგმნა»).»[2]

В данном случае выражение «язык апсаров» должно быть переведено как «абхазский язык», поскольку термин «апсары» является словом того же корня, что и «апсилы» или самоназвание абхазов «апсуа». Доц. Х. С. Бгажба по этому случаю пишет: «Нет сомнения в том, что племенное название апс-ил имеет ту же основу, что и современное самоназвание абхазов — апсуа. Данное же племенное название, но в ином оформлении — апс-ар—мы встречаем у древнегрузинского историка... Стяженный корень пс (ср. а -пс- иа) является видоизменением пас. На этот корень нарастают суффиксы-детерминанты — ар, — ил: апс-ар, апс-ил»[3].

Слово «лаша» действительно абхазское. Оно означает по-абхазски «светоч», «светлый»[4].

В связи с этим возникает несколько вопросов. Во-первых, почему автор «Истории и восхваления» (или тот, кто его дополняет) употребляет выражение — «язык апсаров», а не прямо — «язык абхазов» (აფხაზთა ენითა)?— Да потому, что автор XIII в. не мог написать «язык абхазов», поскольку, как мы знаем, в его время термин «абхазы» употреблялся не только в узко этническом смысле, но и в более широком, обозначающем как население всей Западной Грузии, так и обитателей Грузии в целом. Поэтому выражение «язык абхазов» могло запутать читателя

Во-вторых, действительно ли «апсаров» можно отождествлять с абхазами в этническом смысле? Разумеется. Вряд ли подлежит сомнению, что грузинскому царевичу (если уж ему дали прозвище негрузинского происхождения, с которым он вошел в историю) стали бы подыскивать второе имя на языке какого-нибудь неведомого «апсарского (или апсуйского) племени», обитавшего «где-то за горами», как думают неко-

---

[1] «История и восхваление венценосцев», русск. перевод, 1954 г., стр. 106 (примечание К. С. Кекелидзе).

[2] «Жизнь Грузии», изд. З. Чичинадзе, стр. 434.

[3] Х. Бгажба, цит. соч., стр. 365.

[4] Б. П. Джанашиа, Абхазско-грузинский словарь, Тбилиси, 1954 г., стр. 169.

торые. Совершенно очевидно, что прозвище царевича Георгия могло быть взято из языка того народа, который сыграл видную роль в многоиациональном Грузинском царстве. А абхазы, как было показано выше, вполие могли претендовать иа такую оценку своей роли в истории Грузии VIII—XII вв., а поскольку слово « лаша» означает «светоч» (или «просветитель», как его переводит автор «Истории и восхваления») только на абхазском языке, а не иа языке какой-либо другой народности многонационального Грузинского царства, то с *полным правом мы можем сказать*, что *термин «ап сары»* «Истории и восхваления» идентичен термнну «абхазы» (в узком смысле) того же источника.

И, наконец, третий вопрос, который может возникнуть в связи с выражением «язык апсаров», — это вопрос о том, не является ли даиное выражение позднейшей вставкой в оригинал «Истории и восхвалеиия венценосцев»? Отвечая иа этот вопрос, мы не можем, разумеется, категорически отрнцать возможность интерполяцин. Но если это и так, то тот, кто сделал эту вставку, хорошо знал, на каком языке слово «лаша» означает «*блистательный*». *Он сделал ее потому, чтобы объяснить* читателю «Истории и восхваления», с какого языка это слово переводится. И, наконец, такая вставка (если она действительно имела место) могла быть внесена в текст сочинения в эпоху; близкую его автору, т. е. в ту эпоху средневековья, иначе бы интерполятор написал бы « на языке абхазов», а не «на языке апсаров», потому что в поздние века слова «апсары» в Грузии уже никто не знал, а термин «абхазы» в широком кругу употреблялся тогда лишь в узко этническом смысле.

Следовательно, выражение «на языке апсаров» разумеет язык определенной народности, а именно абхазский язык. В данном случае мы нмеем важное свидетельство тому, что в Грузии XII—XIII вв. термин «апсары» употреблялся в виде синонима термина «абхазы». И это является дополнительным подтверждением того, что апсары (апсилы) сыграли, как мы предполагаем, ведущую роль в образованин абхазской феодальной народиости (см. гл. III), дав свое имя и всему народу (аҧс-уаа) н всей стране (Аҧс-ны).

Следует в заключеиие подчеркнуть, что видные грузинские *историки всегда считали, что в терминах «Апсария» и* «апсары» следует видеть соответствие терминам «Абхазия» и «абхазы». Такого взгляда, например, придерживался М. Джанашвили[1]. Того же миения был и акад. С. Н. Джанашиа. Для него ие составляло сомнения, что «апсары» «Истории и восхва-

[1] См. Вахушти, География Грузии, 1904 г., (русск. перев.), примечание на стр 192.

ления венценосцев» соответствуют именно абхазам того времени, которых он считал ближайшими предками современных абхазов[1].

Таким образом, историческое произведение «История и восхваление венценосцев», автор которого является современником описываемых им событий, содержит, как мы видели, важные сведения по истории Абхазии и, в частности весьма ценные свидетельства по вопросу об этническом состоянии абхазов, того периода. Этот источник должен быть использован каждым исследователем исторического прошлого абхазов, а не игнорироваться полностью, как это, к сожалению, делают некоторые авторы, которые хотят внести коренные изменения в утвердившиеся в исторической литературе взгляды об этнической принадлежности абхазов средневековья.

Средневековые грузинские источники сохранили нам еще немало ценных сведений, свидетельствующих об этнической индивидуальности абхазов в рассматриваемую эпоху.

В этом отношении большой интерес представляют составленные в XI—XIII вв. списки народностей Кавказа и, в частности, Грузинского государства, которые были опубликованы акад. АН ГССР К. С. Кекелидзе в его работе «Вопросы классификации народов и их географического расселения в древнегрузинской письменности»[2]. Эти «списки» представляют собой добавление грузинских писателей в перечни народов мира, составленных античными авторами.

Материал такого рода мы впервые встречаем у грузинского писателя XI в. Ефимия Афонского, который при составлении списка народов мира исходил из соответствующего сочинения Эпифана Кипрского (IV в.). В грузинский вариант этого сочинения Ефимий Афонский включает и такие народы, которых нет у Эпифана. Это преимущественно кавказские народности, в том числе и а б х а з ы. В частности Ефимий называет абхазов в ряду таких народностей, как осетины, джики (в данном случае черкесы) и эры[3], т. е. в числе этнических общностей негрузинского происхождения.

Ефимий Афонский включает в свой список также сведения и о грузинских племенах, среди которых названы: карты, мегрелы и сваны. Ефимий упоминает также халибов, мосиников, колхов и тибаренов[4]. Этих последних он объявляет потомками Яфета, в то время, как картов, мегрелов и сванов считает потомками Сима. Совершенно очевидно, что Ефимий приводит

---

[1] С. Джанашиа, Абхазия в I—X вв., Рукопись, хранится в Абх. инст. яз. лит. и истории.

[2] См. труды Тбил. гос. Университета им. Сталина, т. VII.

[3] Там же, стр. 7.

[4] Там же, стр. 10.

античные названия некоторых древнегрузинских племен под влиянием своего первоисточника, в силу чего мегрелы у него фигурируют отдельно от колхов.

В данном случае для нас ннтерес представляет то обстоятельство, что Ефимий Афонский вносит в свой список, например, мегрелов как самостоятельную этническую единнцу, наряду с картами. Этим, несомненио, Ефимий хочет подчеркнуть, что карты и мегрелы являются носителями разных языков, а это и дает ему основание предоставить им отдельные места в своем списке. Ефимий не упоминает ни кахетинцев, ни месхов или гурийцев, включая их в понятие «картвели» (карты), т. к. все они говорят на диалектах одиого и того же языка.

Поскольку же Ефимий Афоиский особо включает в свой список абхазов, то это свидетельствует о том, что и они, по Ефимню, являлись иосителями особого языка, почему ои и выделяет их в самостоятельную народность, как, скажем, джиков илн осетин.

Другим весьма интересным источником такого рода является список народностей, составленный анонимным грузинским автором, который жил ие позднее XIII в.[1] Этот список восходит к „**Liber generationis**“ Ипполита Римского (III в.), известного, как отмечалось, под названием «Хроники Ипполита». Тем не менее этот список является не простой копией «Хроники Ипполита», а представляет собой по существу самостоятельное сочинение, особенио в части, касающейся народов Кавказа[2]. Так, автор включает в свой список целый ряд народностей Кавказа, которые не названы в «Хронике Ипполита», в том числе и абхазов.

Абхазы вместе с картвелами включены здесь в общий список народов мира, в частности в ряду таких народов, как русские, индийцы, турки, арабы, персы и др.[3]

Заслуживает виимания то обстоятельство, что автор помещает абхазов в своем списке между картвелами и сваиами в такой последовательиости: карты (картвелн), абхазы, сваны, мегрелы, двалы[4]. Здесь, прежде всего, мы имеем указание на то, что перечисленные единицы являются блнжайшими соседями, в частиости обитателями Грузинского государства. Кроме того, анонимный автор, так же, как и Ефимий Афонский, включает в свой список не грузинскую иародность в целом, а каждую из ее этинческих ветвей (карты, мегрелы, сваны) в отдельности. Разумеется, что и в даином случае в основу своей классификации он также кладет языковой принцип: подобно Ефимию, автор считает мегрелов и сваиов само-

[1] См. Труды. Тбил. гос. Университета им. Сталина, т. VII, стр. 12.
[2] Там же, стр. 15.
[3] Там же, стр. 12.
[4] Там же.

стоятельными этическими единицами, т. к. они говорят на особых языках, отличающихся от картского языка. На этом же основании автор помещает в свой список и абхазов, говоривших на языке, который отличался от всех картвельских языков. Совершенно очевидно, что если бы абхазы XIII в. говорили бы на одном из картвельских диалектов, то автор не уделил бы им отдельного места в своей классификации народов.

То обстоятельство, что абхазы помещены между представителями этнических ветвей грузинского народа («карты, абхазы, сваны, мегрелы»), не может расцениваться как стремление автора считать абхазов составной частью грузинского народа, поскольку тут же, рядом с ними названы двалы. Так что в более полном виде соответствующее место разбираемого источника выглядит следующим образом: к а р т ы (картвели), а б х а з ы, с в а н ы, м е г р е л ы, д в а л ы. Как известно, двалы представляли самостоятельную народность, обитавшую в центральной части Главного Кавказского хребта, в районе Мамисонского перевала.[1] Следовательно, здесь порядок перечисления объясняется не только ближайшим территориальным соседством перечисленных единиц, а главным образом тем, что абхазы и двалы являлись самыми ранними этническими компонентами, вошедшими в состав Грузинского царства на начальных стадиях его превращения в многонациональное государство, образовавшегося при ведущей роли картвельской народности.

Таким образом, приведенные выше сведения об этническом составе Кавказа, в частности Грузинского феодального государства в XI—XIII вв., со всей определенностью свидетельствуют, что в представлении грузинских авторов того периода абхазы являлись самостоятельной этнической единицей, которая в этом отношении отличалась от других народов Кавказа, в частности, как от картвельской народности в целом, так и от ее отдельных этнических ветвей — картов, мегрелов и сванов.

В свете и других аналогичных свидетельств, почерпнутых как в грузинских, так и иностранных источниках, положение об этнической индивидуальности абхазов в средние века не может быть подвергнуто никакому сомнению. Абхазы средневековья представляли собой этнически самостоятельную народность, которая, как мы видели, в историческом отношении была теснейшим образом связана с грузинским народом. Эта историческая связь, как уже отмечалось, еще более подкреплялась узами этнического родства, связывающими грузинский и абхазский народы.

---

[1] См. В. Гамрекели, «Двалы и Двалетия I—XV вв. н. э.», Тбилиси, 1958 г. (Автореферат кандидатской диссертации).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в политическом отношении многие средневековые авторы, как местные, так и иностранные, представляли себе абхазов так же, как осетин, двалов и др. в виде составных частей «грузинского народа» в широком смысле, т. е. в смысле одного культурно-политического объединения, возглавляемого картвельской народностью.

3. К историографии этнической истории средневековых абхазов

Литературовед П. Ингороква в своей работе «Георгий Мерчуле» подробно коснулся некоторых вопросов истории Абхазского царства, в частности, вопроса об этнической принадлежности абхазов средневековья. Вопреки своему прежнему взгляду о национальной принадлежности абхазов, в которых он правильно видел предков современного абхазского народа[1], в названной работе П. Ингороква кардинально изменил свою точку зрения и попытался доказать, что те абхазы, которые сыграли активную роль в образовании и в истории Абхазского царства, а также и многонационального Грузинского государства, являлись якобы не непосредственными предками нынешних абхазов, а «чисто грузинским племенем». П. Ингороква по этому поводу пишет: «Территория Абхазии в ту эпоху, когда возникло «Абхазское царство», т. е. в VIII в., была населена грузинскими племенами, и это не только в то время, в VIII в., но и вообще на протяжении всей древней истории, в античное время и в средние века. Абхазы и жившие в Абхазии другие племена (апсилы, мисимияне, санихи) — это были такие же чисто грузинские племена, грузинского происхождения, говорившие на грузинском диалекте, как и другие грузинские племена Западной Грузии — карты, мегрелы и сваны»[2].

То же самое П. Ингороква повторяет и в других местах своей книги. Так, на стр. 146 он пишет: «Население абхазских краев, как выясняется, с самого начала принадлежало к грузинской этнической группе, и такой же грузинский характер носил этот край, в частности, в ту эпоху, когда возникло Абхазское царство Западной Грузии».

Основное соображение, из которого исходит П. Ингороква, сводится к тому, что абхазы не могли бы сыграть позитивной роли в образовании Абхазского царства и затем в объединении всей феодальной Грузии, если бы они не были грузинами по своей этнической принадлеж-

[1] См. П. Ингороква, Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г., стр. 127.
[2] Его же, «Георгий Мерчуле—грузинский писатель X века», стр. 116.

ности. По этому поводу он пишет следующее: «Период «Абхазского царства» — это есть эпоха полной и окончательной победы грузинской государственной политики в Западной Грузии. Разумеется, все это было бы странным и непонятным, если бы мы допустили бы, что «Абхазское царство» Западной Грузии образовалось якобы в результате завоевания Западной Грузии чуждым, негрузинским племенем. Однако, как мы отметили, ничего подобного в действительности не происходило; грузинское государство Западной Грузии создано грузинскими племенами и одним из этих племен было грузинское племя абхазов»[1].

Таким образом, П. Ингороква по сути дела отрицает возможность образования многонациональных государств в феодальную эпоху и считает, что позитивную роль в образовании того или иного государства может сыграть лишь «племя», которое этнически идентично народности, возглавляющей процесс складывания данного многонационального государства. В этом случае, по его мнению, и всякое завоевание полностью исключено: родственные «племена», мол, не станут друг друга завоевывать. К сожалению, такая методологически и фактически неправильная точка зрения П. Ингороква нашла поддержку среди некоторых ученых (правда, не историков по специальности) и поэтому нам придется несколько подробнее остановиться на критике этих ошибочных положений (в той части, которая относится к средневековью).

Какими же данными П. Ингороква пытается обосновать свой неверный тезис о том, будто абазги-абхазы античности и средневековья не были предками современного абхазского народа, а являлись картвельским племенем?

Для этого П. Ингороква выдвигает следующие шесть «аргументов»: 1) этимология этнического термина «абасх-абазги», который он возводит к термину «месх»; 2) указания некоторых древних авторов (Гелланик Метилейский, Палефат Абидосский, историки митридатовых войн и Страбон), по которым, якобы, следует, что в античную эпоху на территории собственно Абхазии жили мосхи-месхи; 3) этно- и топонимические факты, свидетельствующие, по его мнению, будто картвельские племена с древнейшего времени занимали почти все черноморское побережье Кавказа; 4) сообщения средневекового грузинского историка Леонтия Мровели (Ингороква ошибочно принимает его за автора VIII в.), будто бы отождествляющего абхазов с эгрисцами; 5) ссылка на армянские средневековые источники, которые якобы не знают самостоятельного этнического термина «абхаз», а употребляют его лишь как синоним термина «егер» (мегрел); 6) Топонимические

[1] П. Ингороква, «Георгий Мерчуле», стр. 117 (подчеркнуто П. Ингороква).

материалы, весьма произвольно трактуемые. Ниже мы разберем лишь те аргументы П. Ингороква, которые имеют отношение к средневекой истории Абхазии, т. е. четвертый и пятый аргументы. Что же касается первых трех, то их критический разбор выходит за хронологические рамки данного исследования. Специально мы касаемся этого вопроса в другом месте[1].

Прежде чем перейти к разбору взглядов П. Ингороква, необходимо отметить, что тезис об отсутствии абхазов на территории современной Абхазии в средние века был выдвинут в исторической литературе еще задолго до П. Ингороква грузинским буржуазным историком Д. Бакрадзе, о чем в разбираемой книге П. Ингороква нет никакого указания. В своем труде «История Грузии» Д. Бакрадзе поставил следующий вопрос: «В то время, когда греки владели Черноморским побережьем и до X—XI вв., кто жил в нынешней Абхазии — родственники абхазов или родствениики мегрелов — картвелы?» И, отвечая на этот вопрос, писал: «Мы думаем, что абхазы после их переселеиия из-за гор (მთის-იქიდან), как более сильные, потеснили (მოაწვნენ) мегрелов и эти последние, в силу своей слабости, уступили им свою землю. На такую мысль наводит нас один факт, приводимый Шарденом. Много времеии проведший в Мегрелии Ламберти рассказал Шардену (?!), что абхазов отделяла от мегрелов р. Кодор, что к северу от Кодора был распространен абхазский язык, а к югу — грузинский... Если после XVII в. абхазский язык так *сильно потеснил мегрельский* (до Ингура), то *становится ясным*, что абхазский язык исстари (ძველთაგანვე) мало-помалу внедрялся (იჭერდა) в коренные земли распространения мегрельского языка (მეგრული ენის დედამიწისა) и, как мы думаем, к которому относятся упомянутые выше памятники (имеются в виду памятники грузинской культуры X—XII вв. в районе Цебельды — З. А.), вся Цебельда и Абхазия, если не целиком, то все-таки большая часть (მომეტებული ნაწილი), была еще занята мегрельским племенем»[2].

Таким образом, если на территории Абхазии обнаружены памятники грузинской архитектуры с древнегрузинскими надписями, то, по Бакрадзе, здесь проживали грузинские (мегрельские) племена. Такая точка зрения по существу мало отличается от взглядов П. Ингороква. Разница между ними лишь в том, что, по мнению Д. Бакрадзе, абазги античности и абхазы средневековья — это предки современных абхазов, но в тот период они обитали не в Абхазии, а где-то «за горами»,

[1] См. нашу статью «Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле — грузинский писатель X века», Труды Абх. инст. яз, лит. и истории, т. XVII, 1956 г.

[2] Д. Бакрадзе, История Грузии, 1889, стр. 272—273.

то П. Ингороква античных и средневековых абазгов объявляет грузинским племенем, место которых впоследствии (в XVII в.) заняло также пришедшее «из-за гор» «апсуйское племя», присвоившее себе и земли и имя «грузинского племени абхазов».

Вопросы расселения абхазов и грузин в XVI—XVII вв. на территории современной Абхазии и имевшие здесь место перемещения населения в тот период нами будут освещены в следующих главах, а теперь мы дадим лишь подробный критический анализ четвертого и пятого аргументов П. Ингороква, т. е. сообщений Леонтия Мровели и армянских средневековых авторов.

Пытаясь доказать свой тезис о грузинском происхождении средневековых абхазов, П. Ингороква, ссылаясь на Леонтия Мровели, утверждает, что абхазы, апсилы и саниги не упоминаются в сочинении Мровели, поскольку он эти племена «причисляет к эгрисской группе».[1] Подробный анализ этого «довода» нам необходим ввиду того, что П. Ингороква считает его «историческим показанием решающего значения».

Научная оценка сообщений Л. Мровели требует установления времени деятельности этого историка. В советской историографии принят взгляд, по которому Леонтий Мровели жил в XI веке, как это установил акад. И. А. Джавахишвили в своей работе «Древнегрузинская историческая письменность» (1918 г.).

Однако П. Ингороква, будучи не согласен с этим выводом, попытался доказать, что Леонтий Мровели являлся автором VIII в., посвятив этому вопросу специальное исследование.[2] Одним из важнейших доводов, на который ссылался П. Ингороква для подтверждения своих выводов, было то обстоятельство, что в сочинении Л. Мровели не упомянуты якобы Абхазия и абхазы. По этому поводу он писал: «Ясно, что абхазское племя в это время не играло какую-нибудь значительную роль в жизни народов Кавказа. Исходя из этого, сочинение Л. Мровели было написано раньше, чем началось то большое движение и политическая экспансия абхазского племени, которые оставили такой большой след в политической истории древней Грузии, в результате которого абхазское племя втянулось в общую жизнь Грузии и внесло значительный вклад в дело государственного строительства древней Грузии»[3]. Это «абхазское племя» П. Ингороква не считал тогда грузинским по своей этнической принадлежности, равно как и абхазскую династию, о которой, в частности, он писал, что только после перенесения

---

[1] Д. Бакрадзе, цит. соч., стр. 181.

[2] П. Ингороква, Леонтий Мровели—грузинский историк VIII в., Изв. ИЯИМК, т. X, 1941 г.

[3] П. Ингороква, Леонтий Мровели, стр. 127.

столицы Абхазского царства в Кутаиси «абхазская династия... огрузинивается, переходит на грузинский язык»[1].

В действительности же Леонтий Мровели не раз упоминает Абхазию и абхазов. Так, он пишет, что Андрей Первозванный и Симон Кананит распространяли христианство в Абхазии и Эгриси»[2]. В своем описании мученичества Арчила Л. Мровели указывает, что арабы поставили Арчилу в вину его антиарабскую деятельность в «Абхазии»[3].

Однако отмеченные места П. Ингороква не считает подлинными в сочинении Л. Мровели. По его мнению, все эти места в «Истории» Мровели являются вставками, сделанными неким деканозом Иоанием, жившим в XI в.[4]

Но это указание П. Ингороква не признано научно убедительным. Поэтому в первом томе полного академического издания «Жизни Грузии» (под ред. проф. С. Г. Каухчишвили) все места, в которых упоминаются Абхазия и абхазы, включены без изменений и каких-либо комментарий в тексте сочинения Л. Мровели. Это является вполне обоснованным, так как никаких реальных данных для того, чтобы изменять текст Л. Мровели, не имеется. Если бы даже Мровели действительно не упоминал бы абхазов, а те места, в которых они фигурируют, на самом деле оказались позднейшими вставками, принадлежащими перу другого автора, то это вовсе не дает основания приписывать Леонтию Мровели отождествление абхазов с эгрисцами. Выше мы неоднократно имели случай приводить свидетельства различных авторов VI—XIII вв. (византийских, армянских, грузинских и др.), по которым абхазы (абазги) упоминаются наряду с эгрисцами (лазами) и никогда не отождествляются с ними этнически. Дальше мы приведем и другие свидетельства, подтверждающие это положение. Почему это, спрашивается, Леонтий Мровели, будь он хотя бы автором VIII века, стал бы считать абхазов эгрисцами?

Кроме того, Л. Мровели никак нельзя признать автором VIII столетия. Не вдаваясь здесь подробнее в рассмотрение этого вопроса, поскольку он не имеет прямого отношения к нашей теме, мы ограничимся лишь указанием на то, что научный анализ исторических сведений, сообщаемых в сочинении Л. Мровели (чего, к сожалению, не делает П. Ингороква), полностью исключает возможность считать его деятелем VIII в. Достаточно указать хотя бы на то обстоятельство, что автор VIII в. никак не мог бы написать,

[1] П. Ингороква, цит. соч., стр. 130.
[2] «Жизнь Грузии», стр. 38.
[3] Там же, стр. 247.
[4] Там же.

скажем, о хазарах того, что пишет о них Л. Мровели. Подробные сведения о хазарах, которые имеются в сочинении Л. Мровели, приводят к неприложному заключению, что он не был их современником, а пишет о них на основании сведений, почерпнутых из исторических источников. Совершенно очевидно, что Л. Мровели писал свое сочинение после X века, когда хазары уже сошли с исторической арены. Итак, в своем труде «Георгий Мерчуле» П. Ингороква уже утверждает, что Мровели не упоминает об абхазах, поскольку считает их эгрисцами. (Этот взгляд, как мы видим, существенно отличается от того положения, которое П. Ингороква выдвинул в работе «Леонтий Мровели»). Однако в данном случае П. Ингороква упускает следующее важное обстоятельство. Л. Мровели употребляет термин «Эгриси» в двух смыслах: 1) для обозначения всей Западной Грузии («от Лихи... до реки малой Хазаретии»[1]) и 2) для обозначения собственно Эгриси (Мегрелии) — территории «между Эгрис-цкали и Риони, от моря до гор, внутри которой (территории) находятся Эгриси и Сванети»[2]. Следовательно, по Мровели, этнографически область Эгриси простиралась между Галидзгой и Риони.

Что касается сванов и Сванетии, то если исходить из соображений П. Ингороква, Л. Мровели не должен был писать и о них, так как он и сванов, якобы, причисляет к эгрисцам, однако «страну сванов» Мровели упоминает неоднократно. В частности, границы Сванетии Л. Мровели определяет так: «(Территория) от Дидоети до Эгриси есть Сванетия»[3].

Таким образом, если Л. Мровели помещает этнографическую Эгриси между Эгрис-цкали (Галидзга), Риони, Сванетских гор и Черным морем, то остается еще одна область, расположенная к северо-западу от Эгрис-цкали, т. е. Абхазия. Поэтому упоминание Абхазии в сочинении Мровели кажется нам вполне закономерным. Он считает ее самостоятельной этнической областью, входящей в состав более широкого географического понятия — «Эгриси» («от Лихи... до реки малой Хазаретии»). Вполне естественным, в таком случае, появляется у него и упоминание, наряду с эгрисцами, и абхазов, которые-де были обращены в христианство Андреем Первозванным[4].

Если бы даже Л. Мровели и считал абхазов в этническом отношении эгрисцами, то и это не дало бы ему основания

---

1 «Жизнь Грузии», стр. 5.
2 Там же, стр. 24.
3 Там же, стр. 27.
4 Там же, стр. 43.

умалчивать о них. Ведь упоминает же он гардабанцев, кахов, кухов и др., хотя и считает всех их потомками Картлоса[1].

Переоценивая значение этнических данных, содержащихся в сочинении Л. Мровели, П. Ингороква утверждает, что Мровели, якобы, дает «полную картину этно-племенного состава своей эпохи» (то есть, по Ингороква, VIII века)[2]. Так ли это в действительности? Нет. Целую группу кавказских племен и народностей, в том числе предков адыгов, чеченцев, двалов и др, Мровели объединяет под одним неопределенным имением «кавказцы», не указывая конкретно, кого он именно имеет в виду под этим названием. Все народности и племена Дагестана Мровели также объединяет одним именем «леки». Аланов (осетин) он не упоминает вовсе. В его генеалогической схеме эпонимов не нашли места абхазы, сваны и многие другие.

Можно ли после этого утверждать, что Л. Мровели «с прецизионной точностью и детальностью дает полную картину этно-племенного состава Кавказа»?[3]

На самом деле этническая схема Леонтия Мровели представляет собой, как это показал проф. К. С. Кекелидзе, компиляцию из упомянутой выше «Хроники Ипнолита» (Liber generationis), составленной в III в. и ее армянской переработки, сделанной в 628—640 гг. неизвестиым лицом.

По мнению К. Кекелидзе, генеалогическая схема Леонтия Мровели ближе всего стоит к схеме «Хроники Ипполита» и ее армянской переработке[4], как это явствует из приведенной ниже сравнительной схемы обоих источников.

Леонтий Мровели	Армянская переработка «Хроники Ипполита»
Армяне (сомехни)	Армяие (hайк)
Картвелы	Вирк^h (иберы)
Раицы	Албанцы (албанк)
Моваканцы	Лфик^h
Эры	Маскуты
Леки	Сарматы
Кавказцы	Савроматы
Эгрисцы (мегрелы)	Аланы
	Мегрелы (егерацик^h)

[1] Там же, стр. 8.
[2] П. Ингороква, цит. соч., стр. 131.
[3] Там же, стр. 130—131.
[4] К. Кекелидзе, Этюды..., т. IV, стр. 98.

Таким образом, в обеих схемах при перечислении кавказских народностей мы имеем полное совпадение. На первое место Л. Мровели, вслед за своим первонсточником, ставит армян. За ними поставлены картвелы в смысле «карты», т. е. восточные грузины (и б е р ы — «вирк»). Третью народность — а л б а н ц е в армянской переработки — Мровели обозначает именами двух ее подразделений — р а н ц е в, живших в бассейне нижнего течения Куры, и м о в а к а н ц е в, обитавших к северу от ранцев. Л ф и к ѣ а м армянской переработки у Мровели соответствуют они же в грузинском названии ѣэры. С а р м а т о в, с а в р о м а т о в и а л а н о в армянской переработки Леонтий Мровели объединил одним именем к а в к а з ц ы, и, наконец, в с л е д з а а р м я н с к о й п е р е р а б о т к о й Л. Мровели всех обитателей Западной Грузии (в нынешних ее границах) объединяет под названием «эгрисцы», т. е. обитатели Эгриси (Лазики) в широком смысле.

Совершенно очевидно, что армянский автор VII века не мог назвать Западную Грузию «Абхазией», каковое наименование она получила с конца VIII в., а должен был назвать ее только «Эгриси», а ее обитателей — «эгрисцами» (егерацик). Под этим названием («эгрисцы») армянский автор VII века разумел не узко этническое понятие, обнимающее одну какую-либо народность, а имел в виду всех обитателей п о л и т и ч е с к о й единицы Эгриси — абхазов, апсилов, сванов, собственно эгрисцев и др., т. е. пользовался им в таком же смысле, в каком с конца VIII в. вошел в употребление термин «абхазы».

Таким образом, утверждение П. Ингороква, что Леонтий Мровели не упоминает в своей схеме абхазов, сванов и др. потому что, якобы этнически причисляет их к «эгрисской группе», не имеет под собой никакой почвы. Как мы видим, в данном случае Л. Мровели списывает свою схему у автора армянской переработки «Хроники Ипполита», внося в нее лишь некоторые несуществующие изменения, которые, впрочем, не коснулись вовсе эгрисцев, как собирательного термина, обозначающего разноплеменное население Западной Грузии того времени. В свете приведенных материалов становится совершенно ясным, что попытка отрицать этническую индивидуальность средневековых абхазов, опираясь на Л. Мровели, и считать их этнически идентичными эгрисцам или картам, обречена на неудачу. «Историческое показание решающего значения», на деле выглядит абсолютно неубедительным.

Следующий довод П. Ингороква, на котором мы считаем нужным остановиться, это его замечание о том, что средневековые армянские авторы употребляют термины «эгрисцы» и «абхазы» как синонимы и что, якобы, свидетельствует

об этнической идентичности абхазов средневековья и эгрисцев. И этот довод не может выдержать критики.

Как выше уже не раз говорилось, в силу того обстоятельства, что Западная Грузия в ранний период раннефеодальной эпохи была объединена на протяжении нескольких веков в рамках Лазского царства, то всех обитателей этого царства, независимо от их конкретной этнической принадлежности, иностранные авторы нередко объедияяли общим именем «лазов», «эгрисцев» или «колхов», подобно тому, как впоследствии, в поздний период раннефеодальной эпохи (в период Абхазского царства), их стали объединять под именем «абхазов».

Такое же положеиие имело место, в частности, и в армянских исторических источниках. Так, более ранние армянские авторы Западную Грузию иазывали «страной Егер» (Эгриси), а всех ее обитателей эгрисцами. Как мы видели, в таком именно смысле употребляет термин «егерацик» автор армянской переработки «Хроники Ипполнта», писавший в первой половине VII века.

Некоторые армяиские авторы и позднее, употребляя термин «эгрисцы», разумели под иим всю Западную Грузию. Например, когда Иоанн Драсхаиакертский (X век) среди народов, которые нападали на Армеиию в начале X в., называет и «егерцев»[1], то в данном случае он употребляет этот термин не в узко этническом смысле, а обозначает им населеиие всей Западной Грузии.

Однако еще задолго до образования Абхазского царства армянские писатели знали о том, что термины «егер» и «страна егер» должны употребляться и в узко этническо-географическом смысле и не смешивали их в таком понимании с абхазами и Абхазией. Выше (гл. III, параграф 1) мы уже приводили сообщения анонимной армянской географии VII века, в которой четко отделяется Абхазия (абазги и апсилы) от «страны Егер».

После же образования Абхазского царства средневековые армяиские авторы, вместо терминов «Эгриси» и «эгрисцы», для обозначения Западной Грузии и ее населения все больше и больше начииают употреблять термины «Абхазия» и «абхазы». Термин «Абхазия» в смысле всей Западной Грузии употребляется, как было показано выше (гл. IV, параграф 3), в «Мученичестве святых Григория, Рипсимэ и Гаянэ», составленном ие ранее IX века, у Фомы Арцруни (X в.), Иоан-

---

[1] См. Г. В. Абгарян, Армянские источники об Абхазии и абхазах, стр. 38.

на Драсханакертского (X в.), Ухтанеса (X в.) и др. Когда же армянский автор X в. Моисей Каганкатваци рассказывает о походе арабского полководца Ибн-Джараха в Хазарию через «Абхазию» (в 20-х гг. VIII в.), то здесь уже имеется в виду собственно Абхазия, поскольку в то время термин «Абхазия» не обозначал еще всю Западную Грузию[1]. Армянский историк XIII в. Киракос Гандзакский, рассказывая о бегстве царицы Русуданы и ее сына Давида из Тбилиси в Западную Грузию (от монголов), пишет: «Русудан, как услышала об этом, бежала в Абхазию и Сванетию»[2]. Здесь также имеется в виду собственно Абхазия, поскольку она упомянута наряду со Сванетией. Армянский историк XV в. Фома Мецобский, перечисляя «восемь разных языков», из которых состоит «народ Грузии», называет «апхазов» наряду с мегрелами, картами, сванами, а также двалами и осетинами[3]. Здесь уже армянский автор под термином «апхаз» подразумевает абхазскую народность и не смешивает ее с мегрелами или картами и вообще с картвелами. Число подобных примеров можно было бы умножить.

Таким образом, утверждение П. Ингороква, что, якобы, показания армянских средневековых писателей дают основание для этнического отождествления абхазов с эгрисцами, не находит подтверждения в исторических материалах, в частности и у армянских средневековых писателей.

Употребление терминов «Эгриси» и «эгрисцы» в качестве синонимов названий «Абхазия» и «абхазы» армянские авторы допускают только лишь в широком смысле — для обозначения всей Западной Грузии и ее населения без учета его этнического состава.

Помимо исторических источников, для доказательства своего тезиса об отсутствии предков современных абхазов на территори нынеией Абхазии вплоть до позднего средневековья П. Ингороква пытается использовать также и топонимические материалы. В своей работе «Георгий Мерчуле» он помещает специальный раздел (стр. 146—188), посвященный анализу целого ряда топонимических терминов Абхазии и побережья северо-западного Кавказа (всего 136 названий). П. Ингороква утверждает, что все приводимые им географические названия принадлежат «к грузинскому языковому миру»[4].

В данном случае мы не станем вдаваться в подробное рассмотрение «специального топонимического экскурса» П. Ин-

---

[1] М. Каганкатваци, История агван, стр. 261.
[2] Киракос Гандзакский, История Армении, 1909 г., стр. 274.
[3] Фома Мецобский, История Ленг-Тимура, Париж, 1866 г., стр. 20.
[4] П. Ингороква, цит. соч., стр. 146.

гороква, поскольку его научно-аргументированный критический анализ дан в статьях языковедов, специально занимающихся изучением абхазского языка. Приведу лишь их выводы по этому вопросу.

Так, проф. К. В. Ломтатидзе пишет: «На территории Абхазии мы встречаем немало топонимических названий, имеющих грузинскую этимологию (и это вполне естественно), однако здесь же богато представлены абхазские (и вообще абхазо-убыхо-адыгские) древнейшие географические названия.

Абхазское царство по своему содержанию было Грузинским царством. Иного взгляда не имел ни один серьезный исследователь, ибо данное положение с непреложностью вытекает из соответствующих фактов. Но это вовсе не значит, что в состав этой грузинской государственной единицы не входили и в ее исторической жизни не участвовали абхазы (и племена, говорившие на абхазском языке)... Наоборот, показателем высокого уровня грузинской культуры данной эпохи является тот факт, что правители Абхазии были ее представителями и использовали грузинский язык в качестве мощного орудия культуры в соперничестве с греческим языком, имевшим до этого в Западной Грузии такое же назначение.

П. Ингороква игнорирует тот важный факт, что грузины и абхазы являются родственными народами; что их родственные языки содержат древнейший материал общего происхождения; игнорирует тот факт, что эти народы имели единую историю, которая была связана с единством их этногенеза»[1].

Доц. Х. С. Бгажба по этому поводу пишет следующее: «Названия больших рек, водных пространств и гор на рассматриваемой территории находит объяснение в основном при помощи структурных элементов абхазо-адыгских языков. Поэтому нет оснований утверждать, что древнее население этой зоны не абхазо-адыгского происхождения»[2]. И дальше: «Специальный экскурс П. Ингороква дает извращенное освещение древней топонимики Абхазии и вообще Кавказского Причерноморья. Не учитывая сохраняющиеся чрезвычайно долго лингвистические факты (в данном контексте абхазо-адыгских языков), автор тем самым запутал и без того сложные вопросы исторической географии и этнографии данной области»[3].

Вместе с тем Х. С. Бгажба справедливо указывает, что «Должен быть выделен топонимический слой, представленный гру-

---

[1] К. В. Ломтатидзе, О некоторых вопросах этнической принадлежности и расселения абхазов, журн. «Мнатоби», № 12 за 1956 г., стр. 139 (на груз. яз.).

[2] Х. С. Бгажба, Некоторые вопросы этнонимики Абхазии, Труды Абхазск. инст., т. XXVII, 1956 г., стр. 303.

[3] Там же.

зинскими и занскими названиями, главным образом, от р. Кодор до р. Ингури, т. е. в современных Очамчирском и Гальском районах. В Очамчирском районе в названиях горных пространств сравнительно легко выделяется абхазский элемент, например, такие названия, как Куниашта, Сауиџсара, Адәыҩада, Мрамба, Чамхара-ахы, Ачырасра, Аҟармара, Ахыблаара, Мгушырхуа и т. д. Но в нижней, равнинной полосе нередко можно встретить названия рек и населенных пунктов, объяснимые при помощи картвельских языков (в первую очередь, мегрельским диалектом занского языка, издавна соседствующим с абхазским языком), например: река Цхынцкар (по-мегрельски ცხენის-წყარი, букв. «лошадиная река»), река Цкургыл (по-мегр., букв. «родник холодный»), река Аалзга — мегр. ღალის-ძლი (букв. «берег реки») и др.

...В Гальском районе абхазский слой в топонимике редеет, уступая мегрельскому»[1] .

Таким образом, научный анализ топонимических данных Абхазии и северо-западного побережья Кавказа как раз подтверждает показания исторических источников об этническом составе и расселении обитателей данной территории в средние века. Он свидетельствует, что большую часть территории современной Абхазии (и далее к северу) населяли в ту эпоху собственно абхазы и ближайше родственные им другие абхазо-адыгские племена, в то время, как на значительной части южной Абхазии (в равнинных частях современных Очамчирского и Гальского районов) обитали также родственные абхазам представители картвельской народности — эгрисцы (мегрелы).

[1] Там же, стр. 301—302.

ГЛАВА VII

АБХАЗИЯ В ПЕРИОД РАСПАДА ЕДИНОГО ГРУЗИНСКОГО ЦАРСТВА

(середина XIII—XV вв.)

1. Нашествие монголов и начало распада Грузинского царства

Эпоха расцвета и политического единства грузинской феодальной монархии была в то же время кануном длительного упадка Грузии, затянувшегося на несколько столетий, вплоть до присоединения ее к России.

В начале XIII в. социальные отиошения и политический строй феодальной Грузии переживали глубокий кризис. К этому времени наиболее влиятельная часть господствующего класса страны в лице дидебулов, а также большинства средних феодалов добилась полного осуществления той социально-экономической программы, которую она ставила в свое время перед центральной властью, — закрепление в наследственное владение за ними находившихся в ее распоряжении земельных фондов и окончательного прикрепления к ним непосредственных производителей. К концу XII в. в ведущих районах Грузии побеждает крепостничество, то есть такая форма феодальных производственных отношений, при которой уже достигнута ступень всеобщего закрепощения крестьян. Общественный слой свободных крестьян-земледельцев почти полностью исчез.

После того, как центральная власть сыграла свою роль, она, с точки зрения значительной части господствующего класса, становится уже излишней; дидебулы и эриставы в своем стремлении добиться политического иммунитета не только не поддерживают централистических мероприятий царской власти, но всеми мерами препятствует их проведению. Таким образом, центральная власть начинает терять свою основную социальную опору.

Вместе с тем, в связи с победой крепостничества, царская власть потеряла и такой важный источник воинских резервов, как свободное крестьянство, которое раньше, в период борьбы за объединение Грузии, будучи заинтересованным в ликвидации феодальной анархии в стране, сыграло значи-

тельную роль в деле установления и укрепления государственного единства. Закрепощенные потомки свободных крестьян-«молашкре» (воинов) пребывали ныне не только в социальном, но и в политическом подчинении у отдельных феодалов.

Что же касается такой общественной опоры царской власти как торгово-ремесленные элементы городов, то эти последние, несмотря на существенные успехи, которых они достигли в своем развитии, не были еще политически настолько сильными, чтобы составить достаточное препятствие сепаратистским устремлениям крупных феодалов страны. К тому же многие города, такие как Цхуми, Ахалцихе, Поти и др., находились в непосредственной власти эриставов, которым принуждены были подчиняться верхушечные слои торгово-ремесленного населения этих городов.

Все это приводит царскую власть феодальной Грузии к серьезному политическому кризису. В этот критический момент появились монгольские захватчики, в лице которых центральная власть и многонациональное население Грузии неожиданно столкнулись с могущественным противником, а крупные феодалы, наоборот, приобрели надежного союзника.

Первый, разведывательный отряд монголов вступил в Грузию в 1220 г., но он потерпел поражение и вынужден был уйти из Закавказья. В 1225 г. в Грузию вторглись многочисленные полчища хорезмийского правителя Джелал-эд-дина, изгнанного из своей страны монголами. Политическая беспечность руководителей грузинского государства привела к тому, что Джелал-эд-дин одержал победу и подверг опустошению ряд районов Армении и Восточной Грузии.

Спустя два года войска Джелала вновь вступили в Грузию. На этот раз центральная власть в лице царицы Русудан (1222—1245 гг.) решила заблаговременно призвать для борьбы с врагом «всех амеров и имеров», т. е. ополчения восточной и западной частей Грузинского царства. По сообщению летописца, против Джелала выступили представители Картли, Кахети, Джавахети, Месхети, Тао, Мегрелии, Абхазии и Джигетии.[1] Однако быстрое наступление хорезмийцев обеспечило им победу над грузинским феодальным ополчением в битве у Болниси. Лишь в 1230 г. Джелал был вынужден покинуть Грузию.

Но не успела разоренная страна оправиться от пережитых потрясений, как у ее границ вновь появились монгольские захватчики, которые теперь уже поставили своей непосредственной задачей полностью овладеть Грузией. Перед лицом грозного захватчика центральная власть оказалась бессильной

[1] См. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. III, стр. 67.

организовать достойное сопротивление. Сразу же подняли голову внутренние противники существующих порядков, которые явились активными пособниками захватчиков[1].

Не встречая серьезного сопротивления, монголы к 1240 г. овладели всей Восточной Грузией. Центральное правительство еще до этого было вынуждено перебраться в Кутаиси и вскоре признало факт подчинения страны монголам, хотя последние, по условиям заключенного договора, непосредственно на территорию Западной Грузии не вступили. Грузия обязывалась уплачивать монголам большую дань в размере 50 тыс. золотых в год.

Утвердившись в Грузии, монгольские захватчики, не посягая формально на ее внутреннее самоуправление, внесли тем не менее существенные изменения в ее административное деление. Они разделили страну на восемь военно-административных округов (думенов): шесть в Восточной Грузии и два округа — в Западной. Территория Абхазии была включена в думен, во главе которого был утвержден Цотне Дадиани. Но деление Грузии на думены просуществовало недолго.

Монгольские поработители вскоре после утверждения своего владычества стали подвергать покоренное население жестокому гнету, чем, разумеется, вызвали резкое недовольство среди широких народных масс.

В 1246 году ряд крупных феодалов Грузии, опасавшихся за свои социальные привилегии, собрался в Кохтас-тави (Джавахети) и вынес решение организовать массовое восстание, чтобы свергнуть монгольское иго.

В подготовке этого восстания принимали активное участие и представители Абхазии. Грузинский анонимный историк эпохи монгольского владычества сообщает, что для участия в восстании «собрались далеко живущие абхазы, Дадиани Цотне, Бедиани... и рачинский эристав. Все они выступили в полной готовности»[2].

Однако монголам, как видно, заблаговременно удалось узнать о подготовлявшемся восстании и все его организаторы были арестованы. Первая попытка вступить в активную борьбу с монгольскими насильниками была, таким образом, сорвана.

В 1249 г. монголы утвердили на грузинском престоле двух царей — Давида Георгиевича (Улу-Давида) и Давида Русудановича (Давида Нарина). Оба царя в течение 10 лет правили Грузией (под контролем монголов) совместно. Поэтому, как указывал И. А. Джавахишвили, совершенно ошибочно утверждение некоторых историков, считающих, «будто сейча-

---

[1] История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, 1958 г., стр. 147 (на груз. яз.).

[2] «Жизнь Грузии», изд. З. Чичинадзе, 1913 г., стр. 547.

же по возвращении из ставки монгольского хана недовольный Давид Русуданович укрепился в Западной Грузии и даже в Абхазии»[1].

В 1259 г. в Грузии вспыхнуло антимонгольское восстание, которое возглавил Давид Нарин. Восстание в конечном итоге не увенчалось успехом. Давид Нарин отступил в западную часть Грузинского царства, где и укрепился. Монголы не решились преследовать его там, поскольку местное население активно поддерживало восставшего царя. Цитированный выше историк той эпохи свидетельствует, что, узнав о прибытии Давида Нарина, «абхазцы, сваны, Дадиани, Бедиани, рачинский эристав и все жители Лихт-Имерети собрались с огромной радостью и объявили его царем»[2].

Таким образом, дотоле единое Грузинское царство фактически распалось на два самостоятельных государства — Лихт-Амерети (Вост. Грузия), где утвердился царем Улу-Давид, а затем его потомки, и Лихт-Имерети (Зап. Грузия) во главе с Давидом Нарином. Такое разделение было выгодно монгольским захватчикам, и поэтому они санкционировали его. Этим было положено начало политическому распаду грузинского феодального государства. Но в силу ряда причин этот процесс затянулся на два с половиной столетия.

Одним из свидетельств царствования Давида Нарина в Западной Грузии является надпись, высеченная по его указанию на одной серебряной иконе, хранившейся в Илорской церкви. Надпись гласит: «Святой Георгий Илорский, прославь и дай царствовать царю царей Давиду, сыну Русудан, по повелению которого окован сей образ илорского великомученика»[3].

Монгольское владычество имело резко отрицательные последствия в истории Грузии. Прежде всего, быстро слабела центральная власть. После фактического разделения Грузии на два царства, каждое из них, в свою очередь, дробилось на более мелкие политические единицы, составившие владетельные княжества («мтаварства»). К концу XIII в. вся Грузия представляла собой совокупность таких «мтаварств»[4]. В частности, в Западной Грузии после воцарения Давида Нарина остались совершенно нетронутыми владения эриставов Сабедиано, Рачи, Сванетии, Абхазии и др. Правители этих областей — эриставы уже прочно добились признания за их родами наследственных прав на владение даными областями, являвшимися ранее обычными административными округами Грузин-

---

[1] И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 52—53.

[2] «Жизнь Грузии», там же, стр. 559.

[3] А. Павлинов, Экспедиция на Кавказ, 1888 г., Материалы по археологии России, т. III, Москва, 1893, стр. 20.

[4] История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, стр. 154.

ского царства. Монгольские власти всячески поддерживали и поощряли стремления отдельных мтаваров, направленные на укрепление их политического иммунитета.

Бесконечные поборы монгольских чиновников, тяжелая воинская повинность, начавшиеся феодальные междоусобицы и т. п. сильно затормозили хозяйственное развитие феодальной Грузии, и страна постепенно становится на путь экономического упадка[1]. Вместо сравнительно высоких для того времени форм торгово-денежных отношений, в результате общего упадка городской жизни, торговли и сельскохозяйственного производства, постепенно оживают отсталые формы натурального хозяйства, которые всемерно способствуют развитию процесса политической децентрализации страны.

Именно в период монгольского владычества в феодальной Грузии начинает распространяться практика работорговли, которая приводила к отправке в монголо-татарские и другие страны представителей наиболее здоровой части местного населения.

В этом отношении не составила исключения и территория Абхазии, в частности Цхуми, где уже в начале XIV в. свили себе гнездо люди промышлявшие этим позорным делом, наносившим колоссальный вред местному обществу[2].

В первой половине XIV в. феодальная Грузия освободилась от монгольского владычества, но его отрицательные результаты давали о себе знать и в последующее время.

2. Абхазия в составе княжества Сабедиано

После смерти Давида Нарина в Лихт-Имерети воцарился его старший сын Константин (1293—1327 гг.). Но вскоре против Константина поднял восстание его младший брат Михаил, которого поддержали почти все западно-грузинские мтавары (владетельные князья).

Историк Вахушти Багратиони сохранил в своем труде интересные сведения об этом смутном времени. Он рассказывает, что царевич Михаил утвердился в горных районах Западной Грузии — в Раче, Лечхуми и Аргвети, пользуясь поддержкой местных феодалов, вел систематическую борьбу против своего брата. Возникшей междоусобицей воспользовались бывшие эриставы, ныне уже мтавары, чтобы еще более упрочить свою власть в захваченных ими владениях. Один из них, Георгий Дадиани, занял, по сведениям Вахушти, всю Мегрелию и Цхумское эриставство до Анакопии включительно. Прежние цхумские эриставы Шервашидзе вынуждены были ограничиться территорией бывшего эриставства «Абхазия» —

[1] Там же, стр. 155.

[2] Хейд, Итальянские торговые колонии на Востоке в средние века, Венеция, 1866 г., стр. 62 (на итал. яз.)

к северо-западу от Анакопии. Сванские эриставы Геловаии прочно укрепились в Сваиетии. Все эти мтавары, по словам Вахушти, «вышли из повиновения царю»[1].

Одиако в первой половине XIV в., в период правлеиия царя Георгия V Блистательного (1314—1346 гг.), положение феодальиой Грузии значительно улучшилось. Воспользовавшись благоприятно сложившейся внешней обстановкой и улучшением общего положеиия в стране, Георгий Блистательный, опираясь на прогрессивную часть общества, упрочил свою власть в Восточной Грузии, а затем возглавил борьбу за восстановление политического единства феодальной Грузии.

Длительиая междоусобица, имевшая место в Зап. Грузии, облегчила осуществление этой задачи. Все передовые элементы Лихт-Имерети, и в первую очередь иародные массы, сочувственно должны были отнестись к объедииительной политике Георгия Блистательного. Пользуясь этим, в 1330 г. Георгий вступил в Западную Грузию и лишил престола царя Баграта, сына Михаила. По сообщению Вахушти, «Георгий занял все крепости и города имерские, а Баграту отдал лишь Шоропанское эриставство. Дадиани Мамия, Гуриели, сванский эристав и Шервашидзе абхазский, очевидцы этих побед, явились к Георгию с большими дарами и благословилн его на царство нмерское. После этого царь направнлся в Одиши, а оттуда в Абхазию, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиели, возвратился обратио»[2].

Таким образом, лихт-имерские мтавары, опасаясь лишиться своих владений, поспешили выразить свою покорность Георгию, для борьбы с которым они не располагали достаточными силами. Им удалось добиться своей цели в том смысле, что за ними по-прежнему были оставлены в наследственное владеиие их эриставства, хотя политически мтавары должны были отные находиться в полной зависимости от царя виовь объединенной Грузии.

Совершенно очевидно, что соглашение между царем и мтаваром могло оставаться в силе лишь до того времени, пока обстоятельства не пошатиули бы позиции центральиой власти. В силу этого положения восстановление политического единства грузинского царства в первой половине XIV в. носило по сути дела эфемерный характер и таило в себе живучие элементы партикуляризма, вызвавшие в дальнейшем иовый его распад.

Это не замедлило сказаться уже во второй половине XIV в., особенно с 1386 г., когда Грузия стала подвергаться опустошительным нашествиям грозного среднеазиатского завоевателя

[1] Вахушти, Жизнь Грузии, т. II, стр. 276.
[2] Вахушти, Жизнь Грузии, т. 1, 1885 г., стр. 277—278.

Тимур-ленга (Тамерлана). С этого времени сепаратистские тенденции мтаваров заметно оживляются. Первым проявил себя в этом отношении самцхийский атабаг Бека Джакели, который объявил себя самостоятельным владетелем. Его примеру последовал и имеретинский эристав Александр Багратиони, объявивший себя царем.

Однако действия Александра не пришлись по душе лихт-имерским мтаварам — Бедиели (Бедиани), Дадиани, Шервашидзе и др. Они, надо полагать, предпочитали иметь дело со слабой центральной властью, когда царь-сюзерен находился в Восточной Грузии, в Тбилиси, нежели иметь царя у себя под боком. Поэтому мтавары не признали ни Александра, ни его сына и преемника Георгия I (1389—1392 гг.). Последний решил наказать строптивых мтаваров и выступил в поход в Мегрелию. Однако коалиция мтаваров во главе с Вамеком Дадиани одержала победу, а царь Георгий погиб в сражении. В результате этого события формальное политическое единство грузинского царства опять было восстановлено.

Новая попытка имеретинских Багратионов (потомков Давида Нарина) завладеть престолом в Западной Грузии, предпринятая в 1396 г., также не увенчалась успехом. И на этот раз лихт-имерские мтавары поддержали Георгия VII. Во всяком случае, когда Георгий VII в 1401 г. вступил в Имерети, то к нему «явились все знатные — Дадиани Мамия, Гуриели, Шервашидзе и сваны».[1]

За политические заслуги перед восточногрузинскими Багратионами Георгий VII вновь официально передал Цхумское эриставство мегрельским мтаварам — сначала Вамеку, а затем его сыну Мамиа[2].

Таким образом, к концу XIV в. окончательно сложилась крупная политическая единица Сабедиано[3], в состав которой вошли Мегрелия и значительная часть территории Абхазии, в частности целиком бывшее Цхумское эриставство. Территориально Сабедиано составили в основном два бывших эриставства эпохи расцвета феодальной Грузии — Бедийское и Цхумское. Впоследствии границы Сабедиано значительно расширились за счет территорий Гурийского и Абхазского эриставств.

Между тем Шервашидзе не думали так легко уступить свои наследственные права на Цхумское эриставство. Пользуясь всяким удобным случаем, они поднимались на борьбу против Бедиан-Дадиани, чтобы восстановить свое владычество в Южной Абхазии. Это вызывало ответные карательные действия со стороны Дадиани, которые упорно отстаивали свое

[1] Там же, стр. 295.

[2] Там же, стр. 291.

[3] Свое название Сабедиано получило от титула бывших бедийских эриставов, которые принадлежали к знатнейшему феодальному роду Мегрелии Дадиани.

приобретение. Еще Вамек Дадиани в начале 90-х гг. XIV в. совершил опустошительный поход в Абхазию против Шервашидзе и разрушил их крепости «Угагно» (უღაღნო) и «Гагари» (Гагра)[1].

В 1414 г. князья Шервашидзе вновь выступили против Сабедиано. В ответ на это правитель Сабедиано Мамиа II во главе многочисленного феодального ополчения вторгся во владения Шервашидзе. Однако последний сумел организовать решительный отпор; мегрельское ополчение было рассеяно, остатки его спаслись бегством, а сам Мамиа был убит[2].

В эту междоусобицу вынужден был вмешаться грузинский царь Александр I (1412—1442 гг.). По словам Вахушти, он быстро собрал войска и отправился в Одиши, где утвердил мтаваром сына убитого Мамиа — Липарита I. «Затем он с Липаритом перешел в Абхазию, где его встретил Шервашидзе, подчинившийся власти царя. Уладив тамошние дела и успокоив абхазов, Александр возвратился в Кутаиси»[3].

Во второй половине XV в. мтавары Бедиани заметно укрепляют свое положение. Подвластная им область охватывала довольно обширную часть Лихт-Имерети, от р. Цхенис-цкали на Востоке и р. Копоети (Бзыбь) — на Западе.

Правители Сабедиано стали даже выпускать собственную монету. Однако такая монета, помеченная именем Вамека Дадиани (1384—1396 гг.), была обнаружена близ Сухуми. Она представляет собой весьма интересный уникальный образчик монет так называемого феодального чекана[4].

По сообщению арабского писателя Шихаб-ед-дина Эль-какманди, относящемуся к первой четверти XIV в., правители Сабедиано после царя считались наиболее могущественными владельцами в феодальной Грузии того времени, причем они даже именовались «царями». В своей «Энциклопедии» Шихаб-ед-дин пишет, что в Грузии два царя — один в Тифлисе, другой — Дадиан; последний владел двумя городами — Цхумом и «Абхазом», расположенными на берегу «Крымского моря»[5]. В данном сообщении под «городами» следует понимать не города в собственном смысле, а области-эриставства — Цхумское и Абхазское.

Действительно, вскоре после описанных выше событий Абхазское княжество подпадает в политическую зависимость от князей Бедиани. В подчинении у Сабедиано оказалась затем и Гурия. Венецианский дипломат И. Барбаро, побывав-

[1] Е. Такайшвили, Археолог. путешествие по Мегрелии, стр. 133 (на груз. яз.).

[2] Вахушти, там же, стр. 297.

[3] Там же, стр. 298.

[4] Д. Капанадзе, Грузинская нумизматика, Москва, 1955 г., стр. 97.

[5] См. «Записки Вост. отдел. Императорск. русск. географ. общества, т. I, вып. III, 1886 г. (См. Сизов, цит. соч., стр. 47).

ший во второй половине XV в. в Грузии, сообщает, что в княжестве мтавара Бедиани (**il signor Bandian**) имеется ряд приморских укрепленных пунктов, из которых наиболее крупными были Севастополь (**Sevastopoli** — Сухуми) и Батуми (**Vathi**).[1]

Показателем возросшего политического значения мтаваров Бедиани является тот факт, что царь Георгий VIII в своем письме в Рим (1459 г.), где он перечисляет членов возглавленной им коалиции против турок, именует князя Бедиани «царем» (« **Bandian rex Mingreliae** »). С одной стороны, правда, это обстоятельство можно оценить как стремление Георгия увеличить список коалиционеров, чтобы произвести большее впечатление на западноевропейских государей, помощи которых он домогался, но, с другой стороны, этот факт указывает, несомненно, и на то, что Бедиани был одним из крупнейших и влиятельнейших мтаваров Грузии, имя которого в указанном списке упоминается раньше имени самцхийского атабага Кваркваре, который, между прочим, назван только мтаваром (**dux**). Характерно, что и сам Кваркваре в своем письме герцогу Бургундскому тоже называет Бедиани «царем» (**Bandian rex Mirigreliae**), а себя и абхазского владетеля — мтаварами (**dux**).[2] Грузинские послы в Риме именуют Бедиани «царем Мегрелии и Абхазии» (« **Bendas Mengrelia et Abasiae rex**»).[3]

Комментируя эти факты, акад. И. А. Джавахишвили пишет: «Бедиани считался мтаваром отдельной политической единицы. Он являлся владетелем Мегрелии и Абхазии и был наделен настолько большими правами, что именовался даже царем. Он имел собственное войско и должен был иметь собственный управленческий аппарат. Но независимость Бедиани не отделяла его от Грузии так, как атабага. При отправлении послов в Западную Европу мтавар Мегрело-Абхазии не посылал своего посла и, по-видимому, посол грузинского царя был их общим послом»[4].

Тем не менее соглашение, заключенное между Георгием VIII и владетелями Грузии, оказалось непрочным. Первым против царя выступил самцхийский атабаг Кваркваре, которому с помощью иранского правителя Узун-Хасана удалось в конечном итоге победить своего сюзерена и взять его в плен (1462 г.). Этим и воспользовался кутаисский эристав Баграт, объявивший себя царем Грузии.

По сообщению Вахушти, после воцарения Баграта к нему

---

[1] См. Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, 1836 г., стр. 89.

[2] М. Тамарашвили, История католичества среди грузин, Тбилиси, 1902 г., стр. 595 (на груз. яз.).

[3] Там же, стр. 596.

[4] И. Джавахишвили, История Грузии, т. 1, стр. 304.

в Кутаиси явились Дадиани, Гуриель, Шервашидзе, сванский владетель. Баграт обещал им не посягать на их мтаварские права, если оии официально признают его царем. Те, разумеется, выразили свое согласие[1]. Вахушти пишет: «Дадиани, Гуриели, абхазы и сваны благословили (Баграта) на царство, за что он исполнил обещанное мтаварам и даровал им свободу... (Таким образом) образовалось Имеретинское царство с четырьмя княжествами, или сатавадо (სამთავრო ანუ სათავადო). Дадиани закрепил за собой Одиши, Гуриели — Гурию, Шервашидзе — Абхазию с Джигетией и Геловани — Сванетию»[2].

Но покорность владетелей Западной Грузии оказалась лишь внешней. Вскоре же после описанных событий феодалы Сабедиано, во главе которых стоял Вамек II Дадиани, становятся по отношению к Баграту в резкую оппозицию. Призвав на помощь абхазских и гурийских феодалов, Вамек совершил несколько грабительских набегов на имеретинские владения царя.

В ответ на эти действня Баграт, собрав свои войска, выступил против Вамека, и близ р. Цхенис-цкали между ними произошло решительное сражение, закончившееся полной победой царя (1477 г.). Вамек вынужден был смириться и дать Баграту клятвенное заверение в том, что в дальнейшем он против него ничего не предпримет[3]. Но, по-видимому, и после достигнутой победы позиции Баграта оставались недостаточно прочными, раз он не решился лишить Вамека мтаварской власти, а ограничился одной присягой.

Признав верховенство имеретинского царя, Вамек Дадиани оставался в то же время сюзереном абхазского и гурийского владетелей. Как уже отмечалось, территория современной Абхазии вплоть до р. Бзыбь (включая и Пицунду) непосредственно входила в состав Сабедиано. Поэтому в официальных документах Генуэзской республики мтавары Бедиани (**Bediano**) во второй половине XIV в. именуются иногда «князьями Себастополиса»[4].

Тем не менее абхазские владетели Шервашидзе, закрепившиеся в основном в забзыбской Абхазии, всегда стремились, как мы видим, освободиться от этой зависимости и, при случае, восстановить свою власть над Южной Абхазией. По свидетельству источников, «Шервашидзе подчинялся не всем приказам Дадиани» («შარვაშიძე მორჩილობდა არა ყოველსავე

[1] Вахушти, Жизнь Грузии, т. I, стр. 304.
[2] Вахушти, цит. соч., том II, стр. 281.
[3] Там же; см. также Б. Эгнаташвили, Новая история Грузии, 1940 г., стр. 35 (на груз. яз.).
[4] См. Е. Зевакин и Н. Пенчко, Очерки по истории генуэзских колоний на Зап. Кавказе в XIII и XIV вв., Историч. записки, т. 3, 1938 г., стр. 113.

ბ(რ)ძანებასა დადიანისასა»).[1] Однако Шервашидзе не располагали еще достаточными силами, чтобы осуществить свои политические замыслы. В борьбе с царской властью, например, абхазские владетели продолжали выступать, как правило, под началом мтаваров Дадиани.

Севастополь (Сухуми) являлся в то время одним из важнейших приморских центров на побережье Кавказа. Это подтверждает, в частности, знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин, который в описании своего путешествия в Индию пишет: «А в Севастей (Севастопольской) губе (заливе) да в Гурзыньской (Грузинской) земле добро обильно всем»[2]. На итальянских компасных картах XIV—XV вв. Севастополь неизменно фигурирует как один из значительных торговых пунктов (см. ниже).

Важное значение в период существования княжества Сабедиано приобретает Пицунда. Еще в конце XIII в. она становится религиозным центром всего Западного Кавказа. Проф. Ю. Кулаковский пишет: «В конце XIII в. митрополия аланская является в соединении с Сотириупольской (т. е. Пицундской — З. А.) и Зикхской. Заместитель этих трех кафедр припринимал участие в константинопольском Соборе... 1282 г.»[3].

О распространении духовной власти пицундского (сотириупольского, или абасгийского) иерарха на Северный Кавказ свидетельствует и другой документ, датируемый 1347 г. Из этого документа видно, что когда константинопольский патриарх задумал направить в Сотириуполь отдельного архиепископа, то митрополит аланский против этого возражал на том основании, что «митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиепископской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни»[4]. Здесь, разумеется, речь идет о тех политических изменениях на Северном Кавказе, которые произошли там в результате утверждения монгольского владычества. Считаясь с обстановкой, патриарх Иоанн принял решение о восстановлении единства Сотириупольской и Аланской кафедр.

Историческое значение Пицунды как одного из старейших религиозных центров на Кавказе в значительной степени обусловило то обстоятельство, что она и в эпоху позднего средневековья (до середины XVII столетия, а формально и после этого) оставалась руководящей церковью в Западной Грузии

[1] Б. Эгнаташвили, там же, стр. 49.

[2] Л. Баранов, Афанасий Никитин—первый русский путешественник в Индию, Калинин, 1939 г., стр. 74.

[3] Ю. Кулаковский, Христианство у алан, стр. 11. Вскоре после этого, как видно из документа, относящегося к 1317—18 гг., зихская кафедра выделяется в самостоятельную епископию с центром в Таматархе (Таманский п. о.), там же.

[4] Там же, стр. 12—13.

(в «Абхазии») и стала центром так называемого «Абхазского католикосата».

О роли Пицундской церкви в эпоху позднего средневековья проф. Д. Бакрадзе писал: «Пицунда приобрела особенную известность с исхода XIV столетия, а именно с 1390 года: здесь с этого времени сидел отдельный католикос или патриарх, которого духовная власть обнимала всю Западную Грузию, т. е. нынешнюю Имеретию, Мингрелию, Гурию, Сванетию и Абхазию... Как глава резиденции католикоса абхазского, Бичвинта пользовалась разными привилегиями: здесь происходило освящение мира, рукоположение епископов и другие торжественные церемонии».[1]

Пицундская церковь являлась одной из крупнейших духовно-феодальных сеньорий позднесредневековой Грузии, наряду с такими духовными сеньориями, как мцхетская, гелатская, алавердская, шиомгвимская и др.[2] По данным одной грамоты от 1470 г. в Имерети и Картли числилось 629 крестьянских дворов, принадлежащих Бичвинтской (Пицундской) церкви, а по другим данным это число доходило до 800, не считая отдельиых лиц.[3]

Важное значение для нас имеет то обстоятельство, что по своему национально-культурному облику Бичвинтская церковь являлась грузинской, несмотря на то, что в последние столетия существования византийской империи она поддерживала определенные связи с константинопольским патриархатом. В этом отношении она играла существенную роль в поддержании христианской религии грузинско-православного толка.

В этой связи понятным является то обстоятельство, что религиозно-церковная лексика абхазского языка по своему происхождению является в основном грузинской. Об этом свидетельствуют такие слова, как аҵар (от груз. ჯვარი) — «крест», анаҭ-ра (от груз. ნათვლა) — «крещеиие», аныха амзыз (от груз. მიზეზი) — «заклятие иконы», апап (от мегр. პაპა) — «священник», анаҧара (от груз. ანაფორა) — «анафора», аухуама (от мегр. ოხვამე) — «храм», азҟондар — «епископ» (от груз. ჭყონდიდელი) н др.

Из приморских пунктов княжества Сабедиано, расположенных на территории современной Абхазии, надо отметить торговую гавань у устья р. Келасури, которую итальянские картографы второй половины XV в. (Бенинкази — в 1480 г. и Фредуче — в 1497 г.) называют «мегрельскнм портом» («Porto mengrello»)[4]. Данное название следует истолковать в

[1] Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, 1875 г., стр. 121—122.

[2] В. Габашвили, Феодальный строй Грузии XVI—XVII вв., Тбилиси, 1958 г., стр. 151 (на груз. яз.).

[3] Д. Бакрадзе, там же, стр. 122.

[4] Ф. Брун, Черноморье, т. II, Одесса, 1879 г.

том смысле, что келасурская гавань находилась в «Мегрелии», т. е. на территории политической единицы Сабедиано.

Характерно, что на итальянских картах предшествующего времени, в частности на картах Весконте (1318 г.), Луксоро (нач. XIV в.), Безымянной (1351 г.), Пицигани (1367 г.), Пасквалини (1408 г.) и Бианко (1436 г.),[1] Келасурская гавань вовсе не фигурирует в качестве населенного пункта под каким бы то ни было названием. То обстоятельство, что Porto mengrello появляется только на картах последней четверти XV в., объясняется, очевидно, тем, что экономическое значение Севастополя в связи с ликвидацией генуэзской колониальной системы на Черном море на определенное время падает, а по соседству с ним, у устья большой реки (Келасури), возникает торговый пункт.

3. Генуэзские колонии на побережье Абхазии

Вопрос о генуэзской колонизации Черноморского побережья Кавказа и, в частности Абхазии, представляет для нас интерес в том отношении, что в ряде работ по истории Абхазии, опубликованных как до революции, так и после, историческое значение этого факта трактуется в корне неправильно. Многие приписывали генуэзским колонизаторам выдающуюся культурную роль, которую они, якобы, сыграли в Абхазии. В частности, ряд замечательных памятников культуры, созданных местным населением, объявлялся творением генуэзцев. При этом, разумеется, вовсе умалчивалось о тех отрицательных последствиях в этнических судьбах абхазского народа, которые имела коммерческая деятельность генуэзцев, в частности культивировавшаяся ими работорговля.

Так, П. Уварова утверждала, что в целом ряде историко-архитектурных памятников в районе Нового Афона следует видеть «остатки генуэзских построек»[2], которые в действительности являются памятниками средневековой Анакопии. Об известном одноарочном Беслетском мосте П. Уварова писала следующее: «Причисляя мост этот по существующему преданию (?) ко времени генуэзцев, спешу оговориться, что он по изяществу кладки может принадлежать скорее греческим мастерам»[3].

Другой автор (К. Кудрявцев) дошел даже до того, что ряд чисто местных географических названий в Абхазии, как-то: Лата, Атара, Калдахвара, Илори, Акуа и др., считал названиями итальянского происхождения[4].

Подобные утверждения ничего общего не имеют с истори-

[1] Ф. Брун, Черноморье, т. II, Одесса, 1879 г.
[2] П. Уварова, Христианские памятники, МАК, т. IV, 1894, стр. 10
[3] Там же, стр. 33.
[4] К. Кудрявцев, Сборник матер. по ист. Абх., стр. 134—135.

ческой действительностью, и поэтому нам придется несколько подробнее остановиться на вопросе о генуэзской колонизации в Абхазии, тем более, что вопрос этот в исторической литературе почти не освещен и с фактической стороны.

Утверждению генуэзцев на побережье Абхазии в первой четверти XIV в. способствовало прежде всего то обстоятельство, что к этому времени Грузинское царство распалось фактически на отдельные политические единицы, которые систематически слабели в междоусобицах и в борьбе с иноземными захватчиками. В таких условиях, разумеется, степень сопротивления генуэзской экспансии значительно снижалась. С другой стороны, большую поддержку генуэзцам оказывали монгольские захватчики, заинтересованные в посреднической торговле генуэзских купцов. На побережье Абхазии в XIV—XV вв. генуэзские фактории существовали в следующих пунктах: в Гаграх (**Cacary**), близ села Алахадзы (**Santa-Soffia**), в Пицунде (**Pezonda**), в районе Гудаута (**Cavo di Buxo**), в Новом Афоне (**Nicoffa**), в Сухуми (**Sevastopoli**) и около устья р. Ингури (**Sant-Angelo**).[1]

В административном отношении все генуэзские фактории на побережье Черного и Азовского морей, в том числе и абхазские фактории, были подчинены на правах колоний городу Каффе — главному постоянному центру генуэзцев в Черноморье. В метрополии же (в Генуе) с 1334 г. существовало особое учреждение под названием «Управление Газарии» (**Officium Gazariae**), непосредственно ведавшее делами черноморских колоний Генуи.

Наиболее важной генуэзской колонией в Абхазии был город Севастополь (Сухуми), который одно время являлся даже резиденцией протектора всех генуэзских факторий на побережье Кавказа[2].

Севастополь «был важным центром генуэзской торговли на Кавказе, откуда купцы извлекали большие доходы, а Генуя — значительные пошлины. В городе находилось консульство (древнейшее из них относится к 1354 г.). В Севастополе кончался старинный торговый путь, шедший через Кавказ по долине Теберды и вверх по Кубани и связывающий черноморское побережье с горскими народами центрального Кавказа; здесь же кончалась дорога через Рион (Фазис) в Имеретию и Гурию, которую часто посещали генуэзские купцы»[3].

Главным административным лицом в Севастополе являлся консул, утвержденный в своей должности магистром по «управлению Газарии» (Хазарии). В статуте черноморских

---

[1] Ф. Брун, Черноморье, т. II.

[2] Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч., стр. 91.

[3] А. В. Фадеев, Краткий очерк истории Абхазии, Сухум, 1934 г., стр. 110.

колоний, принятом в Генуе в 1449 г., о правах севастопольского консула говорится следующее: «Постановляем и подписываем, что консул в Севастополе имеет право взымать со всех вещей и товаров генуэзских, привозимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать на свой счет способного письмоводителя, переводчика и рассыльного»[1].

Генуэзские фактории в Абхазии, как и на всем побережье Кавказа, представляли собой торговые пункты, в которых генуэзские купцы, наживая огромные барыши, скупали у местного населения, преимущественно через посредство местных феодалов, все, что возможно было добыть в данном крае, в частности и в Абхазии, — лес (в особенности ценную древесину — самшит и др.), мед, воск, звериные шкуры, продукты земледелия, скотоводства и т. п. Взамен генуэзцы доставляли сюда предметы роскоши, оружье, продукты ремесленного производства, производимые преимущественно в Западной Европе и, главным образом, соль. Основным потребителем ввозимых товаров были в первую очередь местные феодалы.

Однако наиболее важным «товаром», более всего интересовавшим генуэзских торгашей, были живые люди — рабы, которые они поставляли в Золотую Орду и почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Главным невольничьим рынком на территории Абхазии и одним из главных в районе Черноморского бассейна был Севастополь. Данные о широко практикуемой работорговле в этом городе относятся уже к концу 20-х годов XIV века[2].

Невольников генуэзцы покупали не только у местных феодалов, но нередко захватывали их сами. Как свидетельствуют источники, большинство рабов с Кавказа по национальной принадлежности являлось черкесами, абхазами и дагестанцами («лезгинами»)[3]. Часть захваченных или купленных рабов оставалась в итальянских колониях Кавказа и Крыма, а большая часть направлялась в Египет и другие страны.

В кавказских невольниках особенно сильно нуждались правители Египта. Из кавказцев преимущественно комплектовались воинские части мамелюков, составлявшие основную вооруженную силу в Египте. Египетские купцы добились даже разрешения приезжать на Кавказ за невольниками на собственных кораблях[4].

Таким образом, систематическая работорговля на Кав-

---

1 ЗООИД, т. V, стр. 809.
2 Там же, стр. 836.
3 *Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч.*, стр. 91.
4 Там же.

казе, в частности на побережье Абхазии, получила распространение в период монгольского владычества, начиная со второй половины XIII века. Главными инициаторами торга живыми людьми были генуэзские купцы, которые в этом отношении явились достойными предшественниками турецких работорговцев более позднего времени.

Свои грязные дела генуэзские предприниматели вели при поддержке и попустительстве со стороны местных феодальных элементов, которые также немало наживались на этой торговле. Генуэзские власти строго предписывали своим консулам в Черноморье поддерживать хорошие отношения с местными феодалами. В одном из официальных посланий консулу в Каффе (от 1472 г.) указывалось: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано, князем Себастополиса»[1].

В другом аналогичном документе довольно недвусмысленно указывается на то, что во взаимоотношениях с местными феодальными правителями, в частности с Бедиани, генуэзские купцы практиковали подкупы феодальных правителей. В письме консула Каффы от 1 дек. 1465 г. говорится: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело с Бендиано, князем Мингрелии. Но если были у вас какие-либо расходы, то приказываю вам всем сразу, либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории»[2].

Касаясь вопроса о населении генуэзских факторий, следует подчеркнуть, что собственно генуэзцев в его составе было незначительное количество. Общее число итальянцев во всех колониях Черноморья не превышало нескольких тысяч человек. Больше всего их было сосредоточено в Каффе, Тане(Азов), Солдае(Балаклава), Матреге(Тамань) и в Севастополе. Католический епископ Петр в одном письме, посланном из Севастополя, свидетельствует ,что в этом городе существовала даже католическая община[3].

В своих факториях генуэзцы составляли верхушечную, эксплуататорскую прослойку, в которую входили и представители местной знати, экономически и политически связанные с генуэзским купечеством. Эта верхушечная прослойка получила в итальянских колониях название «жирный народ» (popolo grasso), который противостоял основной эксплу-

---

[1] См. там же, стр. 112—113.
[2] Там же, стр. 114.
[3] Хейд, цит. соч., стр. 62.

атируемой части населения колоний, презрительно именовавшейся «тощнм народом» (popolo minuto). «Тощий народ» состоял главным образом из представителей местных национальностей. Социальные отношения между «жирными» и «тощими» характеризовались как отношения систематической классовой борьбы, принимавшей нередко весьма острые формы[1].

Хотя владения генуэзцев не простирались за пределы городской черты, но богатые купцы селились порой и в окрестностях своих колоний, образуя крупные поместья феодального типа, основанные на эксплуатации местного земледельческого населения. В силу этого обстоятельства туземное население не только городов-факторий, но и соседних с ними сел подвергалось двойному гнету: как со стороны своих феодальных владельцев, так и со стороны генуэзских купцов. Кроме того, даже в тех районах, куда непосредственно не достигали щупальцы генуэзских эксплуататоров, их коммерческие операции косвенно способствовали усилению эксплуатации трудящихся феодалами, так как последние в своем стремлении приобретать предметы роскоши, доставляемые генуэзскими торговцами, взыскивали со своих крестьян максимально повышенную ренту, а то и самих производителей продавали генуэзским работорговцам.

Народы колоний вели долгую и упорную борьбу против генуэзских поработителей, которая в значительной мере предопределила падение их господства на Черноморье. Борьба эта началась с момента возникновения генуэзских колоний. В цитированном выше письме католический епископ Петр (1330 г.) жалуется на то, что в Севастополе генуэзцы систематически притесняются и подвергаются опасности со стороны «восточных христиан», проживающих в этом городе[2].

Особенно острый характер принимает борьба против генуэзцев с середины XV века, когда положение генуэзских колониалистов становится нестерпимым.

Весьма характерен в этом отношении следующий факт. В начале 1455 г. решением генуэзской верхушки на должность протектора в Севастополь был назначен патриций Филиппо Клаверенция, но он категорически отказался принять эту должность, которая в прежние времена сулила бы ему большие выгоды. Отказались поехать в Севастополь и другие семь кандидатов на должность протектора[3]. Эти отказы объясняются не только антигенуэзской политикой сул-

[1] Е. Зевакин и Н. Пенчко, Из истории социальн. отношений в Генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в., Исторические записки, № 7, за 1940 г., стр. 5 и след.

[2] Хейд, цит. соч., стр. 62.

[3] К. Кудрявцев, Сборник мат. по ист. Абхазии, стр. 137.

танской Турции, стремившейся превратить Черное море в свое собственное «внутреннее море», но и восстаниями против генуэзцев местного иаселения. Это подтверждается, в частности, донесеннем в Геную севастопольского консула Герардо Пинели (девятый каидидат, согласнвшийся, иаконец, принять эту должность), что 28 июля 1455 г. восставшие абхазы напали на Севастополь и подвергли его основательному разореннию[1].

Основательный удар генуэзским колониям нанесли турки-османы, захватившие Каффу и подвергшие ее страшному разгрому в 1475 году. Но, касаясь причии гибели этих колоний, нельзя ограничиться только указанием на враждебную по отношению к ним политнку султанской Турции. Генуэзская колонизацня пала под двойным ударом: с одной стороны, местного населения, с другой — турецких войск. Как вндно, генуэзское господство в Севастополе было ликвидировано еще до падения Каффы. Во всяком случае, уже с 1473 г. о генуэзском консуле в Севастополе в источниках иет никаких известий[2].

Приведенные выше материалы свидетельствуют, что генуэзская колоиизация отрицательио отражалась на судьбах местных народов, в частности грузинского и абхазского народов, поскольку политика Геиуи, как и Венеции, была связана «с насильственным грабежом, морскнм разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»[3].

Генуэзские колонии, как справедливо отмечает проф. С. А. Токарев, «были слишком малочисленны, чтобы повлиять на этнический состав или языки народов Кавказа»[4]. Зато косвенно они наносили большой вред этническим судьбам кавказских народов, и в этом отношении особенно пагубные последствия имела практиковавшаяся генуэзцами работорговля, которая навсегда отрывала от народа лучшие элементы его производительного класса. «Двухсотлетнее существование генуэзских колоний не оставило никаких следов в истории искоиного населения, не отразилось ии в идеологии, ни в материальной его культуре. Генуэзские колонии, будучи торгово-ростовщическими пунктами, иикогда не были производящими центрами, их отношения с окрестным населением представляли собой отношения крепостиика-эксплуататора и работорговца»[5].

Однако освобождение местного населения от генуэзских работорговцев ие избавляло его окончательно от пагубиой тор-

[1] Там же; см. также Ф. Брун, Черноморье, ч. 1, стр. 217.
[2] Ф. Брун, там же.
[3] К. Маркс, соч., Т. XIX, ч. 1, стр. 359.
[4] С. А. Токарев, Этнография народов СССР, 1958 г, стр. 223.
[5] БСЭ, 2 изд., т. 10, стр. 449.

говли людьми. Место генуэзцев заняли в этой позорной деятельности турецко-османские захватчики, которые в этом отношении далеко превзошли своих предшественников.

4. Завершение распада Грузинского царства. Начало борьбы против турецких захватчиков

XIV—XV столетия представляют собой важную веху в истории средневековой Грузии. В этот период окончательно завершается процесс утверждения крепостнического правопорядка, выразившийся в полном исчезновении слоя лично свободных крестьян-производителей.

Крепостнические отношения, являвшиеся в начале закономерным результатом развития феодальных отношений вообще, в условиях крайне неблагоприятной внешней политической обстановки и вызванного ею экономического распада своеобразно уживаются с процессом политического распада страны и уже, в свою очередь, начинают стимулировать этот процесс[1].

На данной почве происходят существенные изменения в среде господствующего класса, из которого выделяется княжеское (тавадское) сословие, стоявшее над сословием азнауров. Из присвоенных тавадами государственных и крестьянских земель образуются территории позднесредневековых грузинских сеньорий («сатавадо»), владельцы которых, добиваясь иммунитета, постепенно превращаются в фактически самостоятельных полугосударей, которые подчиняют себе широкие слои мелких феодалов-азнауров. Система «сатавадо» постепенно охватывает почти всю Грузию.

Аналогичные изменения происходят и в социальном строе ведущих районов Абхазии. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что высшая феодальная прослойка в Абхазии получила впоследствии то же название — т а в а д и (аҭ-ауад), а члены тавадского дома — ауҕалшәыл (от груз. უფლის-წული || უფლისწული) — «сын князя»[2]. О подпадении абхазских дворян (аамыста) в зависимость от тавадов свидетельствует старинная абхазская поговорка: «Тавад, не имеющий аамыста, — не есть тавад»[3]. Имеющиеся в нашем распоряжении фактические материалы, относящиеся к более позднему времени, в частности к XVII в. (см. ниже), *также* подтверждают факт господства на территории позднесредневековой Абхазии системы сатавадо (аҭауадырҭа).

---

1 В. Габашвили, Феод. строй Грузии XVI—XVII вв., стр. 113—114.

2 Х. С. Бгажба, Некот. вопросы этнонимики и топонимики Абхазии, Труды Абх. инст., т. XXVII, стр. 286.

3 Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке, 1958 г., стр. 156.

В период крепостничества происходит дальнейший рост эксплуатации широких масс крепостнического крестьянства, которые все более равнодушно относятся к централистической деятельности отдельных царей. Пользуясь этим, тавады-сеньоры значительно укрепляют свои позиции в борьбе за независимость от царской власти.

Как уже отмечалось, активными союзниками внутренних сепаратистских сил являлись внешние захватчики. Восстановление единства грузинского царства, осуществленное при Георгие Блистательном (перв. полов. XIV в.), могло закрепиться лишь в благоприятиых внешнеполитических условиях. Однако обстановка сложилась иначе, и дело упрочения единой Грузии не только затормозилось, а, наоборот, процесс политического дробления с конца XIV в. стал развиваться с еще большей интенсивностью.

Выше указывалось, что в 1386 г. в Грузию вторглись орды Тимурленга и подвергли ее опустошительному разорению. После этого Тимур еще семь раз совершал нашествия на Грузию. Особенио жестоким было последнее вторжение, совершенное в 1403 г. Вначале были подвергнуты разорению центральные области Картли, а затем Тимур приказал перенести военные действия в Западную Грузию. Как свидетельствует персидский историк Шаред-эд-дии, тимуровские войска под командованием полководцев Шейх Нуреддина и Шах-Мелика разорили в Западиой Грузии до 700 пунктов и захватили Кутаиси[1], но дальше продвинуться не смогли, вследствие сопротивления народных масс. Поэтому Абхазия была избавлена от непосредственного вторжения тимуровских полчищ.

Однако губительные последствия перенесенных вторжений не могли не отразиться отрицательно и иа тех частях Грузинского царства, которым удалось избежать нашествия турок, в том числе и на Абхазии. Вызванный этими событиями новый резкий упадок экономической и политической жизни страны привел к всеобщему ухудшению положеиия народных масс. Потребовались десятилетия, чтобы хотя бы в минимальиой степеии залечить тяжелые раны, нанесенные тимуровскими нашествиями.

В первой половине XV века царю Александру I (1412—1443 гг.), пользуясь некоторой нередышкой в виешнеполитических отношениях, удалось закрепить положение центральной власти. Воспомииания о тимуровских жестокостях были еще свежи, и это несколько угомонило сепаратистски настроенных феодалов, которые до поры воздержались от активных выступлеиий против царской власти.

О политическом положении Грузии в период правления

[1] См. И. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 214—215.

Александра I И. А. Джавахишвили пишет: «Царь Александр был повелителем единой Грузии: ему подчинялись «оба царства», и это обстоятельство подчеркнуто отмечалось в его грамотах: «Я ...обладатель двух царств, царь царей абхазов и картвелов...»[1]

Реальная власть Александра I распространялась на всю западную часть Грузинского царства («Абхазию»), в том числе на Мегрелию и собственно Абхазию. Интересные сведения в этом отношении сообщает немецкий купец Ганс Шильтбергер, побывавший в Грузии в первой четверти XV в. Он пишет, что здесь существует только одно царство (« Lhöngreich ») и называет его «Грузией» (Gursu). Упоминает он также Мегрелию и Абхазию, но не в качестве самостоятельных политических единиц, а как области (« Land»), входящие в состав Грузинского царства. Комментируя это указание Шильтбергера, И. А. Джавахишвили пишет: «Ясно, что Западная Грузия (Абхазия и Мегрелия) политически была по-прежнему связана с Восточной Грузией»[1].

Выше мы уже имели случай привести сообщение Вахушти об активном вмешательстве Александра I в междоусобицу, происшедшую между Дадиан-Бедиани и Шервашидзе в 1414 г. Шервашидзе, по свидетельству Вахушти, «подчинился приказанию царя», т. е. признал его верховную власть[3].

Однако эффективно воспрепятствовать процессу политического раздробления Грузии было уже невозможно. Крупные феодалы, успевшие оправиться от последствий тимуровских вторжений, вновь наступают на центральную власть. Уже в последние годы царствования Александра I стали заметно проявляться признаки ослабления его власти. Особенно же эта тенденция дает о себе знать в период правления его ближайших преемников.

Хотя сын Александра I Георгий VIII (1446—1466 гг.), по примеру своего отца, именовал себя «государем обеих царств», но реальное положение вещей все более и более не соответствовало этому титулу. И. А. Джавахишвили справедливо указывал, что по существу при царе Георгие «Самцхе-Саатабаго», Мегрело-Абхазия и Гурия являлись самостоятельными мтаварствами и были отделены от большой Грузии. После того, как Баграт захватил амеро-имерский престол, как видно, самим царем Георгием было основано кахетинское царство (1466 г.) и выделено из состава единой Грузии»[4].

Выше уже сообщалось, каким образом имеретино-карт-

---

[1] И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. IV, стр. 33.
[2] Его же, История груз. народа, т. III, стр. 226.
[3] Вахушти, Жизнь Грузии, ч. I, стр. 298.
[4] И. А. Джавахишвили, История груз. народа, т. III, стр. 95.

лийский царь Баграт принудил Вамека II Бедиани и его союзников Шервашидзе и Гуриели признать свою власть. Но вскоре после смерти Баграта (1478 г.) Вамек снова активно выступил против центральной власти в лице нового имеретино-картлийского царя Александра, сына Баграта, и стал оказывать поддержку внуку Александра I — Константину, другому претенденту на грузинский престол. Константина в его борьбе с Александром поддреживал и Липарит Бедиани, наследовавший Вамеку. Но Александру все же удалось воцариться в Имерети, а Константину пришлось ограничиться царским престолом в одной Картли.

Таким образом, в конце XV века феодальная Грузия окончательно распалась иа три царства — Картлийское, Кахетинское и Имеретинское, а также отдельные княжества — Самцхийское атабагство и Сабедиано. Акад. И. А. Джавахишвили по этому поводу писал: «Разделение Грузии на отдельные царства и княжества было результатом длительного процесса и борьбы; оно произошло не сразу, а протекало постепенно. Сначала отделилось Самцхе-Саатабаго, затем Мегрело-Абхазия и, наконец, — Кахети. Вскоре Картли и Имерети также стали самостоятельными царствами»[1]

Вместе с тем, как мы видели, процесс политического дробления страны на этом не остановился. Децентрализация происходила и внутри возникших царств и княжеств. В частности, в Сабедиано систематическую тенденцию к полному освобождению от власти Дадиан-Бедиани проявляют абхазский и гурийский владетели — Шервашидзе и Гуриели. Однако полное отделение Абхазского и Гурийского княжеств от Сабедиано пока еще не произошло.

Сепаратистские стремления этих правителей особенно активизировались после того, как по соседству с Грузией образовалась могущественная турецко-османская империя, которая все больше и больше начинает вмешиваться во внутреннюю жизнь царств и княжеств Грузии, стремясь подчинить их своей власти.

После завоевания Константинополя (1453 г.) турецкие султаны, внешняя политика которых носила ярко выраженный агрессивный характер, наряду с другими областями, включают в свои захватнические планы и Кавказ, в первую очередь его Черноморское побережье. Понятно, что в таких условиях Абхазия явилась одним из первых объектов турецко-османской агрессии на Кавказе. Уже через год после взятия Константинополя (в 1454 г.) большой турецкой флот подошел к Севастополю (Сухуми) и взял его приступом[2].

---

[1] Там же, стр. 95—96.

[2] Ф. Брун, Черноморье, ч. I, стр. 217; см. также Е. Зевакин и Н. Пенчко, цит. соч («Историч. записки», т. III), стр. 78.

Падение Византийской империи, с которой Грузия издавна поддерживала тесные культурно-экономические связи, и утверждение на её развалинах агрессивной феодально-варварской Турции, имели для Грузии резко отрицательное значение. Грузия оказалась оторванной от западноевропейского культурного мира и от главных экономических рынков. В частности, с этого времени заглох и торговый путь, проходивший некогда через Грузию и Закавказье из Европы в Азию[1].

Неожиданно обрушившаяся на Грузию новая серьезная опасность привела вначале к временной консолидации сил для борьбы против нее. В 1459 г. под главенством Георгия VIII мтавары Грузии объединились для совместных действий и вступили в организованную им коалицию против турок. Члены коалиции обратились за помощью к западноевропейским государям и римскому папе.

В письме к герцогу Филиппу Бургундскому царь Георгий VIII писал: «Я, Георгий, царь грузинский, пишу, чтобы вы знали, что мы сделали в настоящее время на Востоке. Знайте, что мы все, князья-христиане этой страны, заключили между собой перемирие и поклялись всеми силами бороться с турками, в особенности с теми, которые находятся в Константинополе, ибо они сильно враждуют с христианами. В силу этого союза каждый из нас выставляет свои войска. Я лично выставлю 40.000 чел.; у трапезундского императора Давида, согласно обещанию, готовы к отправке 30 кораблей с 20 тыс. чел. Готов со своими войсками мингрельский царь (**rex**) Бендиан (Беднани); грузинский князь Горгора (Кварквaре — атабаг самцхийский — З. А.) направляется с 20 тыс. кавалерией. *Князь Абхазии Рабиа обещал выступить со своими братьями, вассалами и со всеми своими войсками* (**Rabia, dux Apocasiae cum suis fratribus et baronibus promisit nobiscum et ipse veniet omnia sua potentia**), владетель Армении Бердебег обещал для нашего похода 20 тыс. чел. В этом союзе участвуют также другие народы, между прочим и три сильных татарских князя, готовых начать войну против константинопольских турок... Перечисленные лица поклялись друг другу в верности, изменник будет наказан. Но это, конечно, в том случае, если вы, латиняне, будете с нами и с вашей стороны начнете наступление против турок. Если же не захотите воевать, то и мы не выполним того, что обещали друг другу. Умоляю вас, отложите в сторону все прочее, обратите внимание на этот поход и ни за что не бросайте его... Отправляю своего посла,

---

[1] К. Кекелидзе, Отклики в Грузии на падение Константинополя, Этюды..., т. III, 1955 г.

который расскажет вам все, выслушайте его и через него же сообщите о вашем решении»[1].

Аналогичное послание бургундскому герцогу отправил самцхийский атабаг Кваркваре, который тоже указывал, что в состав антитурецкой коалиции входит «правитель Абхазии Рабиа (Rabia dux Apocasiae)».[2] Тому же адресату было направлено и послание трапезунтского императора Давида, также извещавшего об участии в подготавливаемом походе «Рабиа, князя Абхазии, вместе со своим братом и баронами с 30 тыс. воинов»[3].

Грузинских послов в Риме принял папа Пий II, который пообещал содействовать коалиционерам и даже отправил в Грузию своего посла (Людовика Болонского), чтобы выяснить обстановку. Затем грузинские послы побывали у французского короля Карла VII и у его преемника Людовика XI, но те равнодушно отнеслись к предложенному походу и отказались принять в нем участие[4].

В результате стало ясно, что идея большого антитурецкого похода оказалась мертворожденной, и организованная коалиция быстро распалась.

В 1461 г. турки-османы завоевали Трапезунтскую империю и присоединили ее территорию к своим владениям. Спустя три года, в 1464 г., они привели в вассальную зависимость Крым и значительную часть западного побережья Черного моря, а в 1475 г. разгромили Каффу и ликвидировали генуэзскую колониальную систему в Черноморье.

Таким образом, в 70-х гг. XV в. турецкие захватчики вплотную подошли к Грузии. Именно в этих резко осложнившихся внешнеполитических условиях и произошло окончательное распадение феодальной Грузии на отдельные царства и княжества, что, разумеется, поставило ее перед самыми худшими перспективами. Отныне Грузия, раздираемая феодальными междоусобицами, не могла оказать эффективного сопротивления систематической внешней агрессии со стороны султанской Турции и шахского Ирана.

5. Экономический и культурный упадок Абхазии в XIII — XIV вв.

Внешние вторжения и распад грузинского государства на отдельные царства и княжества, которые, в свою очередь, дробились на более мелкие сеньориально-политические единицы (сатавадо), имели весьма отрицательные последствия

[1] См. М. Тамарашвили, История католичества среди грузин, стр. 596—597 (латинский текст) и стр. 59—60 (груз. перевод); см. также К. Кекелидзе, цит. соч., стр. 91.

[2] М. Тамарашвили, там же, стр. 595.

[3] Ф. Успенский, Очерки из истории Трапезунтской империи, Ленинград, 1929 г., стр. 135.

[4] К. Кекелидзе, там же, стр. 93—94; Ф. Успенский, там же, стр. 136.

для грузинского и абхазского народов. Сложившаяся обстановка крайне неблагоприятно отражалась на социально-экономических отношениях и культурном состоянии страны. Внутренние и внешние неурядицы ввергли страну в глубокий социально-экономический и политический тупик, что соответственным образом отражалось и на отдельных ее частях[1].

Правда, Абхазия, как уже отмечалось, не испытала непосредственного вторжения монгольских, а затем тимуровских полчищ, однако страшные бедствия, обрушившиеся на ведущие районы Грузии, не могли не вызвать отрицательных последствий и для Абхазии.

В условиях постоянной опасности проникновения монгольских полчищ на территорию Абхазии население ее в известной мере лишено было стимула и возможности заниматься мирным созидательным трудом. Участие (в той или иной степени) абхазского крестьянства в борьбе грузинского народа против монголов, а также принудительное вовлечение их в чуждые им межфеодальные войны не могли не затормозить экономическое развитие края, рост его производительных сил. Наконец, возложенные монголами на Грузию дань и различные налоги, тяжесть которых, надо полагать, в какой-то мере нес и абхазский народ, тоже сковывали его творческую деятельность[2].

Одним из ярких показателей упадка общего состояния края является тот факт, что на протяжении XIV—XV вв. на территории Абхазии не было создано ни одного оригинального памятника архитектурного искусства, который по ценности и степени своего совершенства мог бы итти в сравнение с творениями предшествующих времен. О том же говорят и данные, свидетельствующие о широком распространении в Абхазии уголовного бандитизма. Жертвой этого социального недуга стал даже антиохийский патриарх Людовик Болонский... По прибытии в Абхазию (1475 г.) он и сопровождавшие его лица натолкнулись на шайку разбойников и были вконец ограблены ими[3].

Касаясь вопроса о культурно-экономическом упадке Сабедиано к концу XV в., И. А. Джавахишвили писал: «Сообщения итальянских послов, а также грузинские грамоты свидетельствуют о том, что народ Сабедиано, в особенности Мегрелии и Абхазии, в культурном отношении были принижены. Сельское хозяйство, торговля и промышленность пали на-

---

[1] См. История Грузии, под ред. Н. А. Бердзенишвили, 1958 гг., стр. 164—165.

[2] И. Г. Антелава, Абхазия в период развитого феодализма (XI—XV вв.), рукопись, 1956 г., стр. 30—31 (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН ГССР).

[3] См. Библ. иностран. пис. о России, ч. I, 1836 г., стр. 77.

столько, что население обеднело и деградировало... Стимул к труду был так притуплен, что обитатели этого в природном отношении богатого и благословенного края не только ничего не вывозили за границу, но и себя еле содержали»[1].

Одним из последствий изменения общей обстановки на территории Абхазии рассматриваемого периода является выселение определенной части ее населения (преимущественно из северных районов страны) на Северный Кавказ. Это переселение положило начало утверждению на северных склонах Кавказского хребта представителей абхазской национальности, которые впоследствии стали формироваться в самостоятельную абазинскую народность (см. выше).

Экономической предпосылкой такого переселения явилось, надо полагать, усиление роли экстенсивного хозяйства и увеличение удельного веса отгонного скотоводства. Обезлюдение значительных пространств на Северном Кавказе, в результате монгольских опустошительных нашествий, также должно было благоприятствовать этому процессу.

Выше уже приводились (гл. VI, параграф 1) исторические данные и мнения отдельных специалистов о времени переселения на Северный Кавказ одной части предков абазин (в лице позднейших тапантовцев). Напомним лишь, что сведения о первых абазинских поселениях на Северном Кавказе относятся уже к XIV в. Это положение подтверждается, по нашему мнению, и некоторыми данными из лексики тапантского диалекта абхазско-абазинского языка.

В этом отношении не лишено интереса то обстоятельство, что абазины называли большой и тяжелый деревянный плуг термином «кватан»[2] (ср. абх. а-куатан), который несомненно происходит от грузинского названия этого плуга «гутани» (გუთანი). Совершенно очевидно, что предки тапантовцев могли заимствовать это название из грузинского языка только до переселения на Северный Кавказ, ибо после этого они уже не имели с Грузией непосредственных связей. Между тем, как установлено в специальной литературе (акад. И. А. Джавахишвили), большой плуг «гутани» появляется в Грузии только в XII веке. Следовательно, приведенный факт является одним из косвенных свидетельств того, что переселение предков абазин не начиналось до XII века.

Одним из аналогичных свидетельств, уточняющих датировки переселения предков тапантовцев (а также ашхарцев), являются данные социальной терминологии абазин. Известно, что для обозначения высшей феодальной прослойки тапантовцы употребляли термин «амыстаду»[3], т. е. «большой дворя-

[1] И. Джавахишвили, История груз. народа, т. IV, стр. 108.
[2] Л. И. Лавров, Абазины, Кавказ, этнограф. сборник, 1955 г., стр. 19.
[3] Там же, стр. 22.

нин». Характерно, что подобного соционимического термина не знали адыги, которые, как известно, оказали существенное влияние на социальные отношения абазин после их переселения на Сев. Кавказ (это, между прочим, нашло свое отражение в тапантской соционимической терминологии — «унавы», «тльфакошао» и др.). Не знают этого термина и ашхарцы, употреблявшие, как и абхазы, термин «атауад»[1].

Нам кажется, что тапантский термин «амыстаду» является буквальным переводом древнегрузинского термина «дидебули азнаури» (დიდებული აზნაური), который также означает «великий дворянин». Этот соционимический термин бытовал в грузинской феодальной действительности лишь до XIV века, после чего был заменен термином «тавади». Следовательно, тапантовцы могли заимствовать этот термин только до этого времени, т. е. не позднее XIII—XIV вв. Таким образом, предки тапантовцев должны были переселиться на Северный Кавказ не позднее XIV в.

Что касается ашхарцев, то переселение их из Абхазии не могло быть осуществлено в данный период (XIII — XV вв.). На такой вывод, в частности, наводит та же социальная терминология. Так, например, термин «тавад», который для обозначения высшей феодальной прослойки появляется в Грузии лишь в XV столетии, не мог, разумеется, проникнуть в Абхазию раньше этого времени.

Еще более важное в этом отношении значение имеет употребление ашхарцами термина «агруа» («мегрел») для обозначения крепостных крестьян[2]. Такой социальный термин мог возникнуть у абхазов не ранее начала XVII в., когда Абхазия выделилась из Мегрелии в качестве самостоятельного княжества, и между Абхазией и Мегрелией начались систематические междоусобицы, в результате которых ряды феодально-зависимого населения Абхазии пополнялись пленными мегрелами, что и обусловило возникновение у них определенного социального термина этнического происхождения. Ясно, таким образом, что предки ашхарцев не могли переселиться на Северный Кавказ раньше XVII в., ибо сомнительно, чтобы ашхарцы уже с Северного Кавказа стали бы заимствовать социальные термины у абхазов, с которыми их связи после переселения значительно ослабевают.

Приведенные материалы, наряду с другими данными, должны, несомненно, учитываться при решении вопроса о времени переселения части абхазов (предков позднейших абазин) из северной и нагорной части Центральной Абхазии на Северный Кавказ.

---

[1] Л. И. Лавров, цит. соч., стр. 22.
[2] Там же.

ГЛАВА VIII

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVI—XVII вв.

1. Абхазия в составе Мегрельского княжества в XVI веке

В течение всего XVI столетия Абхазия продолжала оставаться в непосредственной вассальной зависимости от Мегрельского княжества. Об этом, в частности, свидетельствуют факты пожертвования мегрельскими владетелями западногрузинскому («абхазскому») католикосату деревень, расположенных на территории собственно Абхазии[1]. Так, например, в одной дарственной грамоте Мамиа III Дадиани (1512—1533 гг.) говорится, что он жертвует Пицундскому храму «в Абхазии селения Айтарне, Аруха и Рабица, расположенные вокруг Бичвинты, и гору Айтарне с маслиниами»[2]. Совершенно очевидно, что мегрельский владетель не мог бы раздаривать села, находящиеся близ Пицунды, если бы его реальная власть ие распространялась бы иа этот край.

Грамота Мамиа III была подтверждена и его преемиками: Леваиом I (1533—1572 гг.), Георгием III (1572—1582 гг.) и Мамиа IV (1582—1590 гг.). Этот факт говорит о том, что мегрельские мтавары по-прежнему считали себя вправе распоряжаться в политически зависимом от них крае.

Мегрельские мтавары пытались утвердить свою власть и в северной части Абхазии (в Джигетии). Вахушти рассказывает, что в 1533 г. Мамиа III Дадиани совместно с гурийцами и при поддержке имеретинского царя Баграта организовал поход в Джигетию, чтобы привести ее в покорность, а также с целью оказать противодействие туркам, которые в тот период пытались закрепиться в Джигетии. Однако этот поход закончился полной неудачей: вследствие измены одного из абхазских феодалов, объединенное мегрело-гурийское ополчение потерпело поражение, сам Мамиа Дадиани был убит, а Гуриели попал в плен[3].

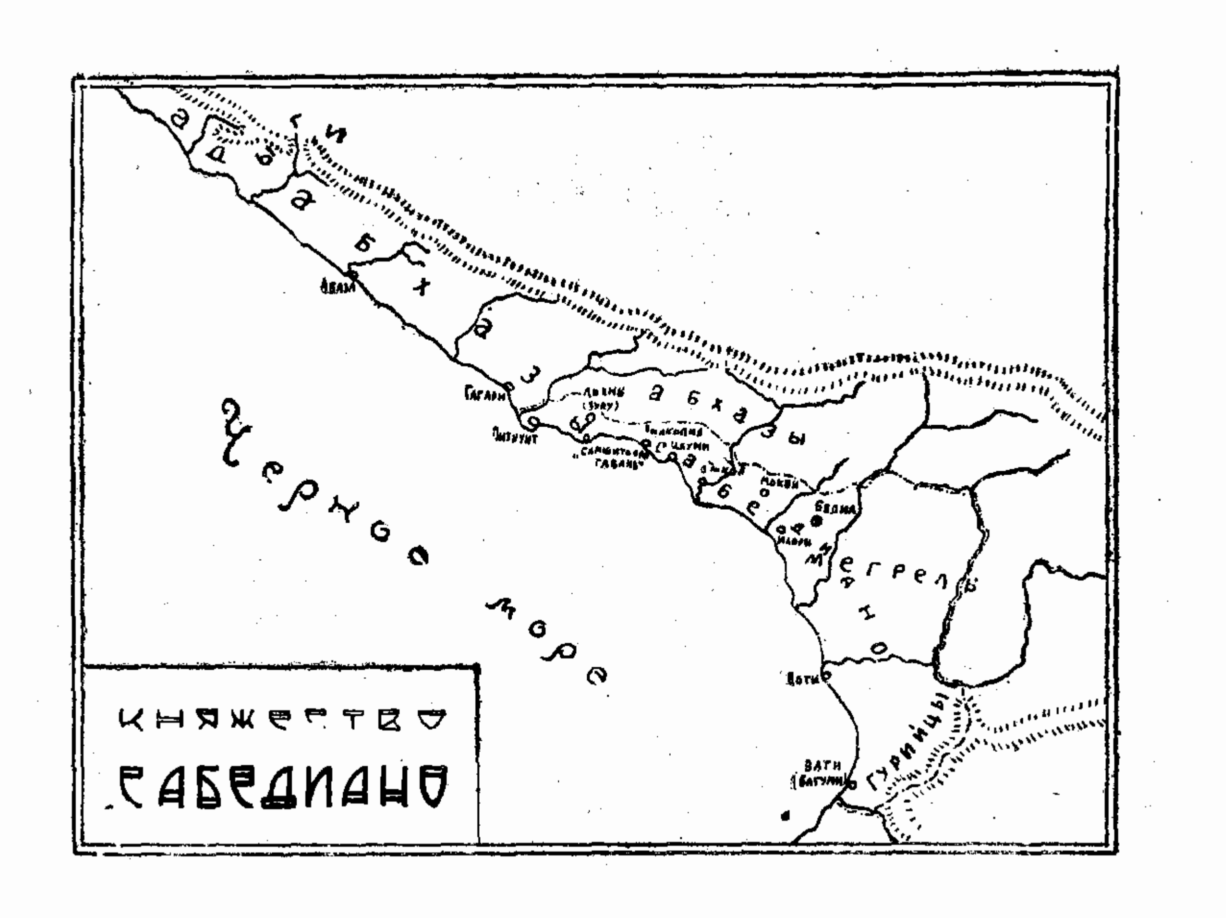
Поведеиие абхазских феодалов во время этого похода

---

[1] См. И. Г. Антелава, Очерки по истории Абхазии XVII—XVIII вв., Сухуми, 1949 г., стр. 27.

[2] Исторический вестник, кн. II, Тифлис, 1925 г., стр. 183 (на груз. яз).

Вахушти, Жизнь Грузии, ч. I, стр. 86.

адыги
абхазы
абхазы
Гагари
Питиунт
Сабедиано
Мокви
Бедиа
мегрелы
Поти
Бати (Батуми)
гурийцы
Черное море
Княжество
Сабедиано

свидетельствует об их стремлении воспользоваться любыми обстоятельствами, чтобы добиться политической независимости от Мегрельского княжества.

Во второй половине XVI века феодальные междоусобицы в Западной Грузии усиливаются. К этому времени западногрузинским княжествам удалось получить фактическую независимость от имеретинского царя. Если до этого Мегрелия и Гурия поддерживали лойяльные отношения друг с другом, то теперь они вступают в активное состязание между собой за политическое первенство среди княжеств Западной Грузии, втягивая в эту борьбу и абхазских феодалов.

Имеретинские цари активно вмешивались в эти междоусобицы, стремясь добиться взаимного ослабления борющихся противников с целью восстановить над ними свой политический сюзеренитет. Так, царь Георгий II поддерживал Георгия Гуриели в борьбе против Левана I Дадиани (1533 — — 1572 гг.), но последний обратился за помощью к султану, который тотчас же выслал ему на помощь войска. После этого положение Левана окрепло, и Гуриели предпочел смириться[1].

Однако на этом борьба не прекратилась. При мтаваре Георгие Дадиани, наследовавшем Левану (с 1572 г.), она разгорелась с новой силой. Но теперь военный успех переходит на сторону Гуриели, который разбил ополчение мегрельских феодалов, занял Зугдиди и назначил мтаваром младшего брата Георгия — Мамиа.

Георгий вынужден был бежать в Абхазию, где, пользуясь поддержкой местных феодалов, стал готовиться к реваншу. Вскоре во главе многочисленного ополчения, состоявшего преимущественно из абхазов и черкесов, Георгий вернулся в Мегрелию, где вновь потерпел поражение[2].

Лишь впоследствии, с помощью царя Георгия, которого он заверил в полной покорности, Дадиани сумел добиться своего признания во владетельских правах, и на некоторое время между царем и мтаварами были установлены мирные отношения[3].

Между тем борьба между Мегрельским и Гурийским княжествами снова возобновилась. В итоге этой борьбы мтавару Манучару Дадиани (1590—1611 гг.) удалось в конце XVI в., пользуясь поддержкой абхазских и части имеретинских феодалов, одержать над гурийским князем (Симоном) решающую победу — в битве близ села Опшквити[4]. Симон

[1] Бери Эгнаташвили, цит. соч., стр. 71.
[2] Там же, стр. 72.
[3] Там же, стр. 74.
[4] Вахушти, цит. соч., ч. I, стр. 297; П. Горгиджанидзе, «История». Историч. вестник, кн. II, 1925 г., стр. 14 (на груз. яз.).

со своими сторонниками вынужден был бежать в Картли, а на имеретинском престоле оказался ставленник Манучара Ростом. Опшквитская битва окончательно решила вопрос соперничества между Гурией и Мегрелией в пользу последней.

Таким образом, к концу XVI столетия самым сильным феодальным образованием в Западной Грузии становится Мегрельское княжество, в состав которого на вассальных началах входила и Абхазия. Мегрельское княжество добилось политического первенства в результате долгой и упорной борьбы с царской властью и гурийскими мтаварами. В этой борьбе абхазские феодалы, как правило, поддерживали мегрельских мтаваров, от которых они политически зависели.

Социально-политическая обстановка, сложившаяся в этот период в Мегрелии и вообще в Западной Грузии, в значительной степени предопределила ее политическую гегемонию и в течение первой половины XVII века.

2. Выделение Абхазии в самостоятельное княжество и его отношения с Мегрельским мтаварством в первой половине XVII в.

В конце XVI в. Мегрельское княжество закрепило свое положение в качестве самостоятельного феодального владения в результате решительной победы Манучара Дадиани над картлийским царем Симоном, попытавшимся установить свое господство в Западной Грузии. Последние годы своего правления Манучар провел сравнительно спокойно, ибо крайне ослабевшая царская власть не решалась больше принимать попыток восстановления своего господства над отделившимися мтаварами и была вынуждена довольствоваться лишь номинальным признанием ее сюзеренитета. В таких условиях, разумеется, абхазские феодалы не могли помышлять о своих давнишних замыслах на политическое отделение от Мегрельского княжества.

Манучару Дадиани наследовал сын его Леван (1611—1657 гг.), но по причине малолетства Левана Мегрелией стал управлять в качестве регента брат Манучара Георгий Липартиани. По свидетельству прожившего много лет в Мегрелии итальянского миссионера Арканджело Ламберти, Георгий Липартиани был умным и опытным государственным деятелем, и «в период его правления в Колхиде не было ни смут, ни волнений»[1]. Мегрелия в этот период, по свидетельству другого итальянца — путешественника Пьеро делла-Вале, сделалась «одной из лучших и населенных стран во всей Грузии»[2].

[1] См. Сборник материалов для опис. местностей и племен Кавказа, вып. 43, 1913 г., стр. 17—18.

[2] См. газ. «Кавказ», 1873 г., № 41.

Следовательно, в первые годы регентства Липартиани абхазские феодалы не могли отделиться от Мегрелии. Такая возможность возникает лишь около 1615 года, когда Георгий Липартиани начал активную борьбу с Турцией. Очевидец этих событий французский монах Луи Гранже рассказывает, что турецкий султан, не добившись покорения Мегрелии и Гурии силой, приказал своему флоту блокировать побережье этих княжеств, чтобы лишить местное население подвоза соли[1]. В конечиом итоге правители Гурии и Мегрелии, как сообщает Гранже, были вынуждены принять требование султана о выплате дани[2].

В описанных событиях об участии абхазов ничего не говорится. Речь идет лишь о Мегрелии и Гурии. Надо полагать, что абхазские правители, воспользовавшись стесненным положением Мегрельского мтаварства, нменно в этот период сумели политически отделиться от Мегрелии и оформить свои владения в качестве независнмого княжества. Во всяком случае, начиная с этого времени, Абхазия всегда выступает как самостоятельная политическая единица.

Когда Леван Дадиани достиг совершеннолетия, то Липартиани передал ему правление Мегрельским княжеством. Первой заботой молодого владетеля было укрепление политической связи с соседними княжествами — абхазским и гурийскнм. С этой целью, надо полагать, Леван вступил в брак с дочерью владетельного князя Абхазии[3] (около 1621 г.), а сестру свою выдал замуж за гурийского мтавара[4].

Супруге Левана, абхазской княжне, Ар. Ламберти дает, со слов знавших ее, исключительно лестный отзыв. Ламберти пншет, что «помимо прнродной красоты она обладала всеми добродетелями, которые подобают женщине ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, в великодушии и учтнвости она не нмела себе подобных, так что своим благородством она привлекла к себе сердца своих подданных»[5].

Союз, заключенный между Леваном, Шервашидзе и Гуриели, противоречил интересам имеретинского царя Георгия III (1604—1639 гг.), ие без основания усмотревшего в этом союзе его направленность против центральной власти. Мобилизовав свои силы, Георгий выступил протнв Мегрельского княжества. Однако Леван не стал дожидаться вторжения со стороны имеретиского царя и сам поспешил двинуться ему

[1] См. Изв. Кавк. отдела импер. московск. археолог. об-ва, вып. IV, отд. 2, 1915 г., стр. 32.
[2] Гранже, Там же, стр. 37.
[3] Ламберти, там же, стр. 18.
[4] Вахушти, ч. I, стр. 300.
[5] Ламберти, там же, стр. 18.

навстречу во главе многочисленного ополчения, состоящего, помимо мегрелов, из абхазских и джигетских отрядов[1].

Битва между войсками Георгия и объединенным мегрело-абхазскнм ополчеиием произошла в местечке Гочаури, близ Кутаиси. По словам Вахушти, эта битва носила весьма ожесточенный характер („იქმნა ბრძოლა ძლიერი"), и обе стороны понесли значительные потери. В конечном итоге мегрелы и абхазы одержали победу, имеретинские феодалы были вынуждены отступить. В руки победителей попали богатые трофеи и значительное число пленных, среди которых были как знатные феодалы, так и рядовые ратники („წარჩინებულნი და მდაბიურნი").[2] Многие из них впоследствии были выкуплены у Левана Дадиани за деньги — случай, по словам Вахушти, беспрецедентный в истории Западной Грузии, а с этого времени вошедший в обычную практику[3]. Этот факт красноречиво свидетельствовал о том, что в сознании крупных феодалов уже окончательно изжнвалась идея национальной и политической общности Грузии.

Удачная победа над Георгием значительно укрепила положение Левана Дадиани, и авторитет его в глазах соседних правителей возрос еще больше. С этого времени он уже перестал особенно считаться со своими активиыми союзниками — абхазским и гурийским владетелями.

Вскоре после этого в личной жизни Левана произошло событие, имевшее затем важные последствия. Вступив в интимную связь с женой бывшего регента Георгия Липартиани, Леван задумал отобрать ее у своего дяди и оформить свои отношения с нею законным браком. Но это он мог осуществить лишь после развода со своей тогдашней жеиой, дочерью абхазского владетеля, от которой у Левана было уже два сына[4].

За поводом к разводу дело не стало. Леван обвинил свою жену в супружеской неверности (трудно сказать, было ли это обвинение основательным) и расправился с нею самым жестоким образом: он приказал отрезать ей нос и уши и с позором изгнал из своего дворца[5].

Абхазский владетель, отец пострадавшей княгини, разумеется, не отнесся бы равнодушно к этому факту и вполне естественно было ожидать с его стороны актов мести по отношению к Левану. Именно поэтому, иадо полагать, Леван решил первым выступить против абхазов и активными действиями предупредить их выступление. Во главе многочислеииого

[1] Вахушти, ч. 1, стр. 300.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Ламберти, стр. 18.
[5] Там же.

войска Леван вторгся в Абхазию, захватив с собой изуродованную княжну. Вместе с тем целью его было, несомненно, восстановить свою власть над Абхазским княжеством.

Владетель Абхазии, застигнутый врасплох, не сумел организовать сопротивления и вместе со своими приближенными удалился в горы. Захваченные районы Абхазии, по словам Ламберти, Леван подверг жестокому опустошению, а затем, оставив там свою бывшую жену, вернулся обратно[1] и обвенчался со своей теткой. В ответ на этот поступок Георгий Липартиани поднял восстание против Левана, которое было подавлено с большим трудом[2].

Возникшей в Мегрелии междоусобицей воспользовались личные враги Леваиа, как внутри княжества, так и среди соседних правителей, в том числе и Гуриели, которому отнюдь не улыбалось усиление Левана Дадиани. Противники Левана организовали военный союз, в который вошли, кроме Гуриели, имеретинский царь и абхазский владетель[3]. Последний, оправившись от поражения, нанесенного ему Леваном, совершал теперь систематические набеги на различные районы Мегрелии, разоряя населенные пункты и уводя людей в плен.

Внутри самой Мегрелии был организован тайный заговор, поставивший своей целью погубить Левана и назначить мтаваром его младшего брата Иесе. Покушение иа Левана было совершено одним абхазом, но окончилось неудачно: Леван во-время заметил грозившую опасность, и кинжал убийцы нанес ему лишь незначительную рану[4].

Оправившись от полученного ранения, Леван повел энергичное следствие и, выявив всех заговорщиков внутри страны, подверг их жестокой каре.

После этого Леван во главе многочисленной рати выступил против вдохновителей заговора вне Мегрелии. В первую очередь, он совершил нападение на Абхазию и, одержав победу, принудил абхазского владетеля покориться и взять на себя обязательство систематически выплачивать даиь. «Но так как народ этот (т. е. абхазы — З. А.)... не имеет ни денег, ни товаров,—говорит Ламберти,—то дадиан наложил на них дань известным числом охотничьих собак и соколов, которые водились в этой стране»[5]. Сомнительно, одиако, чтобы Левану, кроме собак и соколов, нечем было поживиться в Абхазии. Столь ограниченный размер дани, наложенный Леваном иа абхазов,

[1] Там же
[2] Шарден, Путешествие по Закавказью, 1902 г., стр. 128.
[3] Ламберти, стр. 21.
[4] Там же, стр. 21—22.
[5] Там же, стр. 24.

объясняется, конечно, не тем обстоятельством, на которое указывает Ламберти ,а скорее всего номинальным характером зависимости абхазов от Левана, которая в данном случае устанавливалась. Фактически абхазские феодалы продолжали оставаться независимыми и впоследствии не раз еще с оружьем в руках поднимались против своего недавнего победителя.

Взаимоотношения между мегрельским и абхазским владетелями оставались натянутыми и в дальнейшем. Когда итальянский миссионер Иоанн Лукка посетил в 1629 г. абхазского владетеля Путо Шервашидзе, тот сообщил ему, что с мегрельским княжеством у него враждебные отношения[1]. Спустя несколько лет (в 1637 г.), митрополит Никифор, направленный грузинским царем Теймуразом послом в Россию, докладывал в Москве, что все соседние владельцы находятся во враждебных отношениях с Леваном Дадиани, в том числе «абхазы и соны (сваны) ему недруги»[2].

Междоусобная борьба абхазских и мегрельских феодалов отличалась проявлением крайних жестокостей и вероломства как по отношению друг к другу, так и, главным образом, по отношению к населению княжеств. А. Ламберти приводит в своем сочинении один весьма характерный в этом отношении эпизод. Абхазский князь во время одного из своих вторжений в Мегрелию сжег деревенскую церковь. Леван вызвал его на переговоры, но тот не соглашался явиться к нему до тех пор, пока Леван не выдал трех заложников — сыновей самых знатных мегрельских вельмож. Только после этого абхазский князь явился к Левану со свитой. Леван тут же приказал схватить князя и отрубить ему голову, а свиту отпустил на волю. Свой поступок Леван мотивировал тем, что отплатил князю за сожженную церковь. Узнав о случившемся, супруга убитого Леваном князя приказала немедленно казнить всех трех заложников[3].

Сообщение об одном из походов Левана II в Абхазию (около 1647 г.) сохранилось в надписи, высеченной на иконе св. Георгия, хранившейся в Илорском храме. Надпись гласит: «Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу, по сю сторону реки Муцу опустошили (все), еще раз напали на Зупу, по эту сторону реки Капоэти совершенно выжгли все и разорили, и где только были укрепления (სიმაგრე), взяли и

---

[1] М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 145.

[2] Материалы по истории русско-грузинских отношений, изд. М. Полиевктова, 1940 г., стр. 134.

[3] *Ламберти, Описание Мегрелии, ныне именуемой Колхида*, стр. 83—84 (на итальянск. яз.).

уничтожили. На реке Капоэти напали на нас Зупуар и Сихуар Аршани (Маршания), которых мы победили. Одних мы истребили, других взяли в плен и вернулись победителями»[1]. Такой же грабительский характер носили и другие взаимные набеги мегрельских и абхазских феодалов.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые Леваном Дадиани в борьбе против Абхазского княжества, ему так и не удалось полностью покорить его своей власти. По сообщению Шардена, абхазский владетель «не хотел заключать (с Леваном) ни мира, ни перемирья и кончил воевать только тогда, когда узнал о смерти своего варвара-зятя»[2].

В последний период своего правления Леван был вынужден перейти к оборонительной политике и с этой целью стал возводить и укреплять фортификационные сооружения на абхазской границе. Вахушти сообщает, что Леван к востоку от Анакопии, с морского побережья до гор, возвел стену, чтобы воспрепятствовать вторжениям абхазских феодальных ополчений в Мегрелию («ზღვიდამ მთამდე შეავლო ზღუდე... აფხაზთა გამოუსვლელობისა»)[3]. Об этой же стене сообщает и Ламберти, который помещает ее на составленной им карте и отмечает, что она тянется на 60 тыс. шагов. Однако, судя по этой карте, речь идет о древней Келасурской стене, которая, по-видимому, была частично восстановлена (преимущественно деревянными сооружениями) и укреплена гарнизонами.

Задача покорения Абхазии была лишь частью общих планов Левана Дадиани, направленных на установление его политической гегемонии по всей Западной Грузии, к чему вели также систематические войны против Имеретинского царства и Гурии. Но в условиях экономической и политической раздробленности тогдашней Грузии эта задача не могла быть осуществлена ввиду недостаточности сил у Левана и упорного сопротивления отдельных феодальных правителей. Набеги Левана на Имеретию и соседние княжества, в том числе и на Абхазию, не только не приводили к осуществлению поставленной им цели, а, наоборот, еще больше усугубляли политический беспорядок в стране и вызвали дальнейшее разорение и обнищание народа. Следовательно, политическая деятельность Левана II не могла иметь прогрессивного характера.

---

[1] Ф. Жордания, Хроники, ч. II. стр. 447.
[2] Шарден, Путешествие..., стр. 126—127.
[3] Вахушти, Опис. царства Грузинского, 1941 г., стр. 169.

3. Феодальные междоусобицы во второй половине XVII в. и расширение южных пределов Абхазского княжества

После смерти Левана II (1657 г.) положение Мегрельского княжества начинает систематически ухудшаться. Имеретинский царь Александр (1639—1660 гг.) начал активную борьбу против Мегрелии, чтобы отомстить местным феодалам за те многочисленные набеги, которые они совершали под водительством Левана, и подчинить Мегрелию своей власти. Александру удалось утвердить мегрельским мтаваром двоюродного брата Левана — Вамека Липартиани, который становится покорным вассалом царя[1].

Однако с начала 60 гг. XVII в. феодальные междоусобицы в Западной Грузии принимают еще более острый характер. Эти усобицы привели к тому, что даже мегрельскому мтавару Вамеку удалось захватить имеретинский престол. Не ограничиваясь этим, Вамек стал претендовать на признание его власти чуть ли не во всей Грузии и принял следующий громкий титул: «Я, нововенчанный повелитель всей Грузии, владетель стран Лихт-Имери и Лихт-Амери, Осетии, Двалетии, Кабарды, Джигетии, Абхазии и великой Одиши и Гурии, великий царь царей Дадиан»[2].

Однако фактическая власть Вамека не только не распространилась на Восточную Грузию, но даже имеретинские земли, расположенные к востоку от р. Буджис-цкали, находились в подчинении у картлийского царя Шах-Наваза (Вахтанга V — 1658—1675 гг.)[3]. Не подчинялось ему фактически и Абхазское княжество с Джигетией, не говоря уже о Кабарде и Осетии.

Вскоре у Вамека испортились взаимоотношения с Шах-Навазом, который вступил в Имеретию со своими войсками и лишил Вамека престола. Вамек бежал в Сванетию, где вскоре был убит агентами Шах-Наваза[4]. Войска Шах-Наваза заняли Зугдиди и подвергли Мегрелию опустошению.

Соседние правители решили изъявить Шах-Навазу свою покорность. По сообщению Вахушти, владетель Абхазии также прибыл в Зугдиди с большой свитой и богатыми подношениями (« ძღვენითა დიდითა »), признав себя вассалом Шах-Наваза[5].

---

[1] *П. Горгиджанидзе*, цит. соч., стр. 54; см. также *М. Броссе*, Переписка на иностр. языках груз. царей с российск. государями, СПБ, 1861 г., стр. 76—77.

[2] Д. Пурцеладзе, Грузинские церковные гуджары, Тифлис, 1881 г., стр. 144—145.

[3] Вахушти, Жизнь Грузии, ч. 1, стр. 308.

[4] Там же, стр. 309.

[5] Там же, стр. 309.

Автор исторической поэмы «Шахнавазиани» Пешанги, принимавший участие в походах Шах-Наваза, также свидетельствует, что абхазский владетель Шервашидзе признал своим сюзереном Шах-Наваза в период его пребывания в Западной Грузии[1].

Мегрельским мтаваром Шах-Наваз назначил племянника Левана II Шамадавле, который в честь своего дяди принял имя Левана. В период правления Левана III положение мегрельского княжества еще более ухудшилось. Антиохийский патриарх Макарий, находившийся в этот период в Мегрелии (1664—1665 гг.), пишет: «Леван не имеет никакой власти, а вся власть находится в руках его вельмож»[2]. Самого Левана Макарий характеризует как человека, который «не отличался ни сообразительностью, ни мудростью, ни красноречием... и никто из ратников его не слушается»[3].

Политическая анархия в Западной Грузии усилилась еще после того, как турки потребовали смещения с имеретинского престола царя Арчила, сына и ставленника Шах-Наваза, и воцарили здесь слепого Баграта.

Создавшимся положением не замедлили воспользоваться абхазские феодалы, которые сумели достигнуть полной политической независимости от имеретинского царя и вновь стали подвергать Мегрелию систематическим набегам, от которых местное население испытывало большие бедствия[4]. Дело дошло до того, что иностранные наблюдатели перестали даже рассматривать Абхазию как часть общегрузинской политической системы. Цитированный выше патриарх Макарий пишет: «В настоящее время (1660-е гг.) в руках Грузии остались только пять областей, а именно: Мингрелия, лежащая на восток от Черного моря, Имеретия, Гурия, Тифлис и Кахетия»[5].

Таким образом, Макарий, проведший в Западной Грузии около полутора лет, не считал Абхазское княжество частью феодальной Грузии. Это произошло, разумеется, вследствие внутренних феодальных междоусобиц и сепаратистской политики турецких захватчиков, в планах которых Абхазия должна была быть отторгнута от политического организма Западной Грузии одной из первых. Эти планы вполне соответствовали большинству абхазских феодалов, боровшихся за полную независимость и стремившихся использовать создавшуюся обстановку, чтобы поживиться за счет соседних грузинских вла-

---

[1] Пешанги, «Шахнавазиани», Тбилиси, 1935 г. (на груз. яз.).

[2] См. П. Жузе, Грузия XVII столетия по изображению патриарха Макария, Казань, 1905 г., стр. 60.

[3] Там же, стр. 60.

[4] Там же, стр. 35.

[5] Там же, стр. 14.

дений. Макарий свидетельствует, что «соседние племена,[1] а именно: абхазы, черкесы... и др., постоянно вторгаются в Грузию, уводят с собой кого могут из ее жителей и продают их в плен».[2]

Набеги абхазских феодалов на Мегрелию усилились в 70-х гг. XVII в. в связи с дальнейшим обострением внутреннего положения в Мегрельском княжестве. Итальянский миссионер Цампи, проживавший в тот период в Мегрелии, в одном из своих писем в Рим доносил следующее: «Мингрелии уже нет, так как из-за непрерывных войн она впала в состояние крайней разрухи... Сейчас ни один человек здесь не может чувствовать себя в безопасности, все пребывают в постоянном страхе, в ожидании нападения со стороны абхазов. Страх этот настолько велик, что люди бегут даже от собственной тени, принимая ее за абхаза».[3]

Аналогичные сообщения содержатся и в описании у иерусалимского патриарха Досифея, побывавшего в те годы в Мегрелии. Досифей свидетельствует, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса (Цхенис-цкали)». Причем, Дадиани был так беспомощен, что «не в силах был прогнать абхазов».[4]

Само собой разумеется, что от нескончаемых феодальных междоусобиц прежде всего и более всего страдали народные массы. Патриарх Макарий прямо указывает на это: «Но особенно сильно, — *пишет он*, — страдает простой бедный народ, так как победители разрушают его дома, уводят его в плен, а затем продают его или держат у себя в качестве рабов до тех пор, пока он не окажется в состоянии выкупиться большими деньгами»[5].

В выигрыше от междоусобных войн оставались в конечном итоге феодалы и турецкие работорговцы. Жан Шарден сообщает об этом следующее: «Война в Мингрелии доставляла нашим купцам выгоду, так как абхазцы приходили продавать им свою добычу. Однажды на наш корабль пришел знатный абхазец в сопровождении семи или восьми человек прислуги, на вид страшных плутов. Они привели трех рабов и принесли разную добычу»[6].

---

1 Следует иметь в виду феодально-верхушечную часть этих «племен».

2 Там же, стр. 35.

3 См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 204—205.

4 См. М. Селезнев, Руководство к познанию Кавказа, СПБ, 1847 г., стр. 46.

5 Макарий, там же, стр. 20.

6 Шарден, цит. соч., стр. 108.

В конце 70-х гг. Мегрельское княжество попадает в еще худшее положение. В 1680 г. оно испытало большое нашествие турок, которые разорили край и увели с собой около 4 тыс. пленных[1]. Вскоре после этого умер владетель Леван III, и фактическое управление княжеством захватил один из его приближенных Кация Чнковани. По сообщению Вахушти, «Одиши осталась без хозяина и Кация Чиковани стал главой и правителем ее»[2]. Мегрельские родовитые феодалы, недовольные воздвижением незнатного азнаура Чиковаии, вели против него борьбу, в результате чего политические неурядицы в крае разрастались.

Этим обстоятельством снова воспользовались абхазские феодалы .Один из них — Сарек Шервашидзе (сын владетельного князя Абхазии Сустара Шервашидзе) вместе со своим двоюродным братом Квапу в начале 80-х гг. XVII в. вторглись на территорию Мегрельского княжества и захватили его северные районы вплоть до р. Ингури. В отличие от прежних времен, когда абхазские феодалы, совершив набег, возвращались обратно с добычей и пленниками, Сарек Шервашидзе, как сообщает итальянский миссионер Распони, решил обосноваться на захваченной территории и, пользуясь отсутствием в Мегрелии владетеля, объявил себя мегрельским мтаваром[3]. Отсюда Сарек и Квапу предпринимали набеги за Ингури, стремясь расширить свои владения, но это им не удалось осуществить.

Утверждение Сарека Шервашидзе в северной части Мегрельского княжества не избавило эту область от дальнейших набегов абхазских феодалов. В одном из своих писем в Рим Распони сообщает, что в 1685 г., вследствие ссоры между Сареком и «его родственником» — абхазским владетелем (по-видимому, дядя Сарека Зегнак Шервашидзе), абхазы вторглись во владения Сарека и подвергли разорению всю область вплоть до Ингури[4].

Тем не менее Сареку удалось прочно утвердиться на захваченной им территории. Он стал пользоваться большим влиянием среди соседних правителей. Монах Распони свидетельствует, что когда Сарек Шервашидзе направил его своим послом к аланам (осетинам), то аланский владетельный князь Буслак принял Распони «с большим почетом как доверенное лицо мтавара Сарека»[5].

После смерти Сарека подвластная ему область была присоединена к Абхазскому княжеству, но когда умер абхазский владетель Зегнак Шервашидзе, то наследство Сарека поделили

[1] «Дневник Захария Акулисского», Ереван, 1939 г., стр. 123—124.
[2] Вахушти, цит. соч., стр. 315.
[3] См. М. Тамарашвили, цит, соч., стр. 208.
[4] Там же, стр. 209—210.
[5] Там же, стр. 211.

между собой младшие сыновья Зегнака: Джикешия взял себе в удел область между реками Кодори и Галидзга, а Квапу занял территорию между Галидзгой и Ингури. Старший же сын Зегнака Ростом остался княжить в собственной Абхазии в качестве главного владетеля.[1]

Таким образом, в 80-х гг. XVII в. абхазские феодалы добились существенных успехов в борьбе с мегрельскими мтаварами. Им удалось прочно утвердиться на приморской территории, расположенной между Кодори и Ингури.

4. Агрессия султанской Турции против грузинского и абхазского народов в XVI—XVII вв.

Как выше уже отмечалось, окончательный распад феодальной Грузии на отдельные царства и княжества был осуществлен в условиях резкого ухудшения ее международного положения, которое становится еще более неблагоприятным после того, как по соседству с ней образовались два могущественных агрессивных государства — Османская Турция и Сефевидский Иран.

В своих отношениях с Грузией как Турция, так и Иран придерживались обычной политики всех завоевателей, выражающейся в словах: «Разделяй и властвуй». Поэтому оба агрессора для достижения своих целей в Грузии всячески старались развивать процесс политического дробления страны и энергично препятствовали центральной власти подчинить непокорных вассалов.

В то же время оба захватчика вели бесконечную борьбу между собой, причем значительная часть военных операций происходила на территории Грузии. В 1555 г. полувековая борьба между Турцией и Ираном закончилась мирным договором, по которому они поделили территорию Грузии (ее по сути дела предстояло еще завоевать) на сферы влияния. Грузинский историк XVII в. Парсадан Горгиджанидзе об этом разделе сообщает следующее: «Султан и шах разделили Грузию на две части: Самцхе, Картли и Кахети достались шаху, а Имерети, Одиши с Абхазией, Гурия и страна лазов — султану»[2].

Несмотря на стойкое сопротивление народных масс, политически раздробленная феодальная Грузия, терзаемая непрекращающимися феодальными усобицами, не могла, конечно, расчитывать на победоносный исход в своей героической борьбе против Ирана и Турции одновременно. Главной помехой в этой борьбе были партикуляристские устремления мтаваров и тавадов, которые свое личное благополучие ста-

[1] См. груз. газета «Квали», 1897 г., № 20.
[2] П. Горгиджанидзе, цит. соч., стр. 7.

вили выше национальных, общегрузинских политических интересов.

Иноземиые захватчики не жалели средств, чтобы привлечь на свою сторону и сделать своим послушным орудием крупных грузинских феодалов. Так, например, мтавар Мегрело-Абхазии Леван I Дадиани вскоре после того, как добился фактической независимости от имеретинского царя, ездил в Стамбул к турецкому султану (1557 г.), от которого получил ценные подарки и личные заверения в покровительстве.[1]

Западногрузинские владетели в борьбе со своими противниками всегда стремились использовать турецких захватчиков, которые в любое время готовы были оказать им свою «помощь». Так, в конце XVI в. Георгий Гуриели, используя поддержку турок, одержал победу над имеретинским царем Ростомом и его союзником Манучаром Дадиани.[2] С этого времени обращеиия мтаваров за содействием к туркам приииmают систематический характер.

В начале XVII в. (около 1615 г.), как уже выше отмечалось, турецкий султан принудил правителей Гурии и Мегрелии выплачивать ему систематическую дань,[3] размеры которой не были постоянными и колебались в зависимости от обстановки. В 1639 г., например, по сообщению русского посла Ф. Елчина, Леван Дадиаии давал туркам в качестве дани ежегодио до 800 аршин полотна и рабов («ясырю») от 30 до 40 душ. Причем, Елчин добавляет, что Леван дает эту даиь для того, чтобы «приходили корабли с торгом».[4] То же самое сообщает и итальянец де-Лукка. По его словам, «Леван выплачивал дань туркам, чтобы не лишиться соли, железа и других необходимых товарав, доставляемых из-за границы»[5].

В таком же положении, как мегрельский и гурийский мтавары, находились и владетели Абхазии. По сообщению итальянского автора первой половины XVII в. Дортели Д'Асколи, турецкий султан не пускает на побережье Абхазии и Мегрелии торговые суда, «когда тамошние князья ие желают ему платить дань, поскольку сам ои не может подчинить их своей власти... В случае же нужды, эти князья снаряжают послов (к султану) и тогда разрешается (торговым судам) туда ехать»[6].

В начале XVII в. турки особенно активизируют свою экспансию по отношению к Абхазии. Отдельные представители господствующего класса, как видно, принимают ислам. Во

---

1 Вахушти, История Грузии, стр. 295.
2 Там же. См. также Б. Эгнаташвили, стр. 98—99.
3 Гранже, цит. соч., стр. 37.
4 Белокуров, Материалы по истор. России, Москва, 1888, стр. 323.
5 М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 148.
6 См. ЗООИД, т. XXIV, стр. 100—101.

всяком случае один из абхазских князей, по сообщению Лукка, в конце 20-х гг. XVII в. носил чисто турецкое имя Карабей[1]. Однако в целом ислам не получил в Абхазии широкого распространения. Турецкий путешественник Евлия Челеби, побывавший в Абхазии в 1641 г., свидетельствует, что абхазы живут «без законов и веры», т. е. не признают ислама и шариата[2]. Не случайно поэтому, что Абхазия, как сообщает Д. Д' Асколи, принадлежала к числу стран, выплачивающих Турции «хoрадж» (coraggio), т. е. подушную подать, которой облагались немусульмане[3].

В 30-х гг. XVII в. турецкие захватчики предпринимают и вооруженную интервенцию против Мегрельского княжества. Это было вызвано, по-видимому, фактом политического сближения Левана Дадиани с иранским шахом Сефи, с которым турки вели постоянную войну. Кроме этого, они хотели наказать Левана за то, что он поддерживал донских казаков, которые на своих легких ладьях («стружи») совершали частые набеги на малоазийское побережье Турции. В мае 1634 г. турки высадили большой военно-морской десант в районе Кодорского мыса и подвергли опустошению прилегающий район, разграбив, в частности, Драндский монастырь[4].

Следует, кстати, подчеркнуть, что население Западной Грузии было тесно связано с донскими и днепровскими (запорожскими) казаками, видя в них естественных союзников в борьбе против турецких захватчиков[5]. В этой связи интерес представляет следующий факт, сообщенный Иоанием Лукка. Когда он в 1629 г. посетил Пицунду, то в здешнем храме он увидал большую чашу, наполненную золотыми и серебряными монетами. На его вопрос о происхождении этих денег местный священник ответил, что они были пожертвованы Пицундскому храму донскими и днепровскими казаками в виде благодарности за благополучное возвращение из турецкого похода. Причем, священник добавил, что казаки поступали так всякий раз, когда возвращались на родину[6].

То обстоятельство, что по прибытии в Абхазию (в Пицунду) казаки считали свои походы благополучно завершенными, красноречиво свидетельствует, насколько дружелюбно к ним относились абхазы. В преданиях донских казаков со-

---

[1] См. ЗООИД, т. XI, стр. 492.

[2] ЗООИД, т. IX, стр. 180.

[3] ЗООИД, т. XXIV, стр. 100.

[4] Белокуров, цит. соч., стр. 324.

[5] См. И. Цинцадзе, Из истории грузино-украинских взаимоотношений, Тбилиси, 1954 г., стр. 47 и след. (на груз. яз.).

[6] См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144.

хранились даже сведения о совместных походах казаков с «абхазскими хрнстианами» против турецких «басурман».

К этому времени большой интерес к западиогрузннским делам начинает проявлять и Русское государство. В 1639 г. в Мегрелию прибыли русские послы (в ответ на Мегрельское посольство в Москву в 1636 г.), которым было поручено «разведать всеми мерами доподлинно: какова Дидиянская земля и сколь она пространна, на сколько верстах и сколько в ней городов и скольлюдна». Наряду с экономическими сведениями, послы должны были собрать и политические: «Любят ли Леонтия царя? Платят ли кому дань? В каких отношениях с Турцией и с Персией? В каких отношениях с правителями других областей Грузии? и т. д.[1] В заключение послам было поручено заверить Левана в том, что русский царь принимает его в свое подданство и обещает оберегать «от недругов» и «держать в царском милостивом жалованье и призрении»[2].

Хотя в конечном итоге соглашение между Россией и Мегрельским княжеством не было заключено, по-видимому, вследствие страха Левана перед Турцией, но этот факт, как и другие факты русско-грузинских дипломатических отношений того времени, свидетельствовал, что Россия готовится к активиому вступлению на политическую арену Западного Закавказья и противопоставит себя здесь султанской Турции. Это обстоятельство, с одной стороны, оказывало существеиное влияние на политические настроення местного общества, внедряло в него веру в конечное освобождение с помощью России от турецкой опасности, а с другой стороны, ставило турецкое правительство перед необходимостью активизировать свою агрессивиую политику по отношению к Кавказу.

Во второй половине XVII в. наблюдается заметное усиление турецкой экспансии. Этому в зиачительиой степеии способствовали участившиеся феодальные междоусобицы и вызванная ими полнтическая анархия в Западной Грузии, о которой рассказывалось выше. Враждующие между собой феодалы беспрестанно обращались за содействием к туркам, которые пользовались этнм, чтобы еще более укрепить здесь свое политическое влиянне, и достигли в этом отношенни иемалого успеха.

Однако, несмотря на крайне неблагоприятную обстановку, народ все-таки находил в себе силы для оказания актиэиого сопротивления турецким захватчикам. По сообщению армянского путешествеиника Захарня Акулисского, когда в 1680 г. турецкие войска под командованием Ибрагим-паши

[1] Белокуров, там же, стр. 283—285.
[2] Там же, стр. 282 и 287.

вторглись по приказу султана «в страну Дадиан», то в результате сопротивления местного населения «из войска паши было убито 2000—3000 чел.»[1].

Героическое сопротивление грузинского народа сказывалось положительно и на борьбе братского абхазского народа. Шарден свидетельствует, что турки и «абхазцев обложили данью, но они платили ее недолго, а в настоящее время совсем не платят»[2]. Этого абхазы вряд ли сумели бы достигнуть, если бы им пришлось бороться против турок в одиночестве.

Несмотря на систематические междоусобицы, западногрузинские мтавары иногда (правда, в редких случаях) объединялись для совместной борьбы с турками. В этой борьбе порой принимали участие и абхазы. Характерно в этом отношении указание Шардена о том, что в 1672 г. «мингрельский князь пригласил (абхазцев) на помощь против турок»[3]. Хотя в данном случае абхазские феодалы вскоре изменили своим союзникам, но самый факт обращения за помощью к абхазам наводит на заключение, что такие факты могли иметь место и в предшествующее время.

Однако в условиях господства феодального партикуляризма и почти беспрерывных междоусобных столкновений невозможно было организовать единый фронт борьбы против турецких захватчиков, которые не медлили с тем, чтобы использовать благоприятную для их агрессивных замыслов обстановку и настойчиво осуществляли свои захватнические планы. Это, в частности, находило свое выражение в том, что даиь, выплачиваемая населением Западной Грузии туркам, систематически росла. Быстро развивалась и культивируемая турками работорговля, наносившая огромный вред народам Кавказа.

5. Грузино-абхазские культурные связи в XVI—XVII вв.

Несмотря на политическую раздробленность и систематические феодальные междоусобицы, культурные связи между абхазским и грузинским народами в рассматриваемый период продолжали осуществляться, хотя и далеко не с такой интенсивностью, как это имело место в эпоху существования единого Грузинского царства.

---

[1] Захарий Акулисский, цит. соч., стр. 124.
[2] Шарден, цит. соч., стр. 101.
[3] Там же, стр. 103.

Ведущую роль в развитии грузино-абхазских культурных связей играло соседнее Мегрельское княжество, представлявшее собой непосредственное звено между Абхазий и Грузией в целом. Акад. С. Н. Джанашиа по этому поводу писал: «Мегрелия, как в силу своего географического местоположения, так и по причине этнографической близости обоих этих племен, возникшей на почве длительного исторического сожительства, представляла собой главную артерию, по которой осуществлялась циркуляция культурной энергии (კულტურული ენერგიის მიმოქცევა) между Абхазией и центральными провинциями Грузии»[1].

Особенное значение в этом отношении имела та область Мегрельского княжества, которая, как мы видели, к концу, рассматриваемого периода была присоединена к Абхазии, т. е. область между Кодорн и Иигури.

До нас дошел ряд культурных памятников XVI—XVII вв. с данной территории, свидетельствующих о широком развитии здесь грузинской феодальной культуры и, в частности, грузинской письменности. Интересна в этом отношении надпись шрифтом «хуцури» на одиой складной иконе св. Георгия из Бедийского храма, относящаяся ко времени правления в Сабедиано Левана I (1532—1572 гг.). В надписи содержится просьба о ниспослании благоденствия «эриставу эриставов и мандатурт-ухуцесу Дадиани Левану, по велению которого украшен сей святой образ». Другая грузинская надпись была высечена на западной стене Бедийского храма: «Святая матерь божия, будь ходатайницей за того, кто построил этот святой храм, за Симона, начальника каменщиков». На внутренней, южной стене храма, было написано: «... Царнца цариц Мариам и сын ее эристав эриставов и мандатурт-ухуцес Дадиани Георгий» (1572— 1582 гг.)[2].

Памятники грузинской церковной культуры и письменности были известны в XVI—XVII вв. и на территории собственно Абхазского княжества. Арк. Ламберти пишет об этом следующее: «За Колхидой, в стране абхазов и джигетов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле и с книгами на грузинском языке (**edificati alla Giorgiana, col libri scritti nell'idioma Giorgiano**), например, в местах, изываемых *Анакопия и Пиджвита*»[3].

---

[1] С. Джанашиа, Георгий Шервашидзе, см. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. III, 1939 г., стр. 38.

[2] Броссе, Отчет об археол. путешест. в Грузию и Армению, СПБ., 1849 г., ч. 1, стр. 96 и след. (на франц. яз.).

[3] *Ламберти, цит. соч. (итал. оригинал), стр. 8.*

В XVI—XVII вв., как и прежде, среди феодальных кругов Абхазии основным письменным языком продолжал оставаться грузинский литературный язык. По этому вопросу акад. С. Джанашиа писал: «Такая функция грузинского языка в Абхазии была плодом многовекового культурно-исторического развития... Соответствующие традиции переходили из поколения в поколение, в соответствии с историческими условиями, то беспрепятственно, то с небольшими задержками, поскольку в сфере реальных интересов тяготение Абхазии к остальным частям Грузии полностью никогда не прекращалось...»[1] И дальше: «Грузинский язык не потерял этой своей роли и тогда, когда, после распада Грузинского царства, образовалось Абхазское владетельное княжество — носитель самостоятельной („გახკერძოებული“) политической жизни. В церковном отношении Абхазия до последнего времени находилась в единстве с Имеретией, Мегрелией и Гурией с единым церковным (грузинским) языком. Грузинский же был языком учреждений княжества, как и вообще письменным языком»[2].

Одним из свидетельств распространения грузинского языка в высшей феодальной среде абхазского общества того периода является указание А. Ламберти о том, что супруга Левана Дадиани, дочь абхазского владетеля, «в чтении и письме... не имела себе подобных»[3]. Не подлежит сомнению, что грамотность абхазская княжна получила у себя на родине, в Абхазии. Об этом же свидетельствуют и некоторые грамоты абхазских владетелей, дошедшие до нас от того времени, в частности грамоты Сустара и Квапу Шервашидзе. Так, в грамотах Сустара (Соустаиа) и Шервашидзе на имя Пицундской церкви говорится о даровании ими этой церкви крестьян, чтобы обеспечить благоденствие ему и сыну его Сареку[4].

На факт распространения грузинского языка среди абхазских феодалов указывает и Вахушти. Он пишет: «(абхазы) имеют свой собственный язык, но знатные владеют также грузинским»[5].

Следует, однако, указать, что сохранилось весьма незначительное количество подобных документов, ибо впоследствии они были почти полностью утеряны или уничтожены[6].

---

[1] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 37.
[2] Там же, стр. 28.
[3] *Ламберти, цит. соч., стр. 18.*
[4] Д. Пурцеладзе, Грузин. церковн. грамоты, 1881 г., стр. 144.
[5] Вахушти, Описание царства Грузинского, Изд. М. Джанашвили, 1918 г., стр. 314.
[6] С. Джанашиа, цит. соч., стр. 28.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период, в связи с общим культурным упадком, степень распространения грузинской письменности в Абхазии была значительно ниже, чем в период существования единого Грузинского царства. А. Ламберти свидетельствует, что в его время в Мегрелии не только подавляющая масса трудового населения была безграмотна, но даже среди феодалов редко можно было встретить образованных людей. По его словам, грузинскую грамоту сохраняли лишь отдельные феодалы и представители духовенства, а главным образом женщины, разумеется, из господствующих сословий[1]. Подобное положение еще в большей степени имело место в Абхазском княжестве.

Как уже отмечалось, Абхазия продолжала оставаться связанной с Западной Грузией в церковном отношении. Еще во времена Ламберти (да и позднее) Абхазское княжество в вопросах религии находилось в подчинении у абхазского (западногрузинского) католикоса[2]. Вплоть до начала второй половины XVII в. резиденцией абхазского католикоса являлась Пицунда (Бичвинта). Еще в 1637 г. Гаврил Гегенава, посол Левана Дадиани, отправленный им в Россию, докладывал в Москве, что «патриарх-де Малафей живет в Пинчюском (Пицундском) Успенском монастыре»[3].

Во второй половине XVI в. при католикосе Евдемоне Чхетидзе Пицундский храм был основательно отремонтирован, о чем свидетельствует сохранившаяся в храме надпись на греческом языке.

В конце 50-х гг. XVII в. при католикосе Захарие Квариани (1657—1660 гг.), в связи с ухудшением внешнеполитического положения Грузии и усилившимися феодальными междоусобицами, престол католикосов абхазских был перенесен из Пицунды в Гелати (близ Кутаиси). Однако после этого утвердился обычай, по которому каждый новый католикос, хотя бы раз в своей жизни, должен был отправиться с многочисленной свитой в Пицунду и провести там торжественное богослужение[4].

Большой популярностью среди абхазов пользовалась Илорская церковь. По словам Ламберти, «абхазы поклоняются этой святыне и боятся ее». Он же указывал, что в день

---

[1] Ламберти, цит. соч., стр. 192.

[2] Там же, стр. 129.

[3] Материалы по истории русско-груз. отношений, изд. Н. Полиевктова, стр. 148.

[4] По мнению Б. Ломинадзе, резиденция «абхазского» католикоса была перенесена в Гелати значительно раньше, — во второй половине XVI в. (см. Б. Ломинадзе, «Гелати», 1958, стр. 12).

св. Георгия «не только одищцы, но даже и абхазы и сваны в большом количестве приходят на этот праздник»[1]. То же самое сообщает и миссионер Цампи, который писал, что икона св .Гергия в илорской церкви «весьма почитается мегрелами, грузинами и абхазами»[2]. Приведенный факт тем более знаменателен, что он относится к периоду, когда христианство в Абхазии значительно ослабло в сравнении с предшествующим временем (см. след. главу).

Следует отметить, что в рассматриваемую эпоху, несмотря на крайнюю политическую раздробленность страны, передовые представители грузинского общества сохранили в своем сознании представление о Грузии („საქართველო“) как о некогда большом и едином культурно-политическом организме и не исключали из этого понятия и абхазов. Так, Сулхан-Саба Орбелиани, побывав, во время своей дипломатической поездки в Западную Европу, на острове Мальта, сообщает, что там он «увидел грузин, некоторые из них были абхазы, некоторые имеретины, гурийцы и мегрелы; были они похищены татарами, язык же (грузинский) они по-прежнему хорошо знали». Показание С. Орбелиани тем более важно, что абхазов этнически он не считал грузинами. Это можно заключить из его удивления по поводу того, что абхаз, которого он встретил на Мальте, говорил по-грузински, Тем не менее, как мы видим, он и «абхазов считает грузинами»[3], разумеется, в широком культурно-политическом смысле этого слова.

Именно в таком же смысле употреблял выражение «картвели» и католикос Антоний (XVIII в.), который в одном стихотворении, посвященном Вахушти Багратиони, пишет:

«Славлю я сведения «Географии» Вахушти,
Исторические сказания, пространные мудрые предания.
Этим положено начало истории картвелов —
кахетинцев, месхов, абхазов, мегрелов, сванов и кавказцев»...[4]

Таким образом, под понятием «картвели» Антоний объединяет все родственные кавказские народности. И здесь, как мы видим, слово «картвели» употреблено не в этническом смысле, а в смысле широкого культурно-политического понятия, представлявшего «продукт реального исторического положения»[5]. В частности, в нем находит свое отражение та

[1] Ламберти, цит. соч., стр. 160.
[2] См. Шарден, цит. соч., стр. 59.
[3] См. С. Джанашиа, цит. соч, стр. 56—57.
[4] Там же, стр. 57.
[5] Там же, стр. 57.

историческая эпоха, когда феодальная Грузия выступала в роли политического объединителя народов Кавказа (XII — XIII вв.).

Идея исторического и, в частности культурно-политического, единства Абхазии с Грузией сохранялась, разумеется, и в среде самих абхазов. До нас, к сожалению, не дошли конкретные свидетельства об этом, относящиеся к рассматриваемому нами периоду, но соответствующие данные, относящиеся к более позднему времени, в частности к первой половине XIX в., дают полное основание предположить, что передовые представители абхазского общества XVI—XVII вв. расматривали Абхазию как органическую часть грузинского культурно-политического организма[1].

---

[1] Подробно об этом см. в работе С. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе».

ГЛАВА IX

ЭТНИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗСКОГО НАРОДА XVI—XVII вв.

1. Экономическое положение Абхазии в XVI—XVII вв.

Поскольку этническое состояние абхазского народа предопределялось в конечном итоге его социально-экономическим положением, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать хозяйственную жизнь и основные черты социальной структуры абхазского общества рассматриваемой эпохи.

Следует еще раз подчеркнуть, что общий и, в частности экономический, упадок феодальной Грузии, вызванный политическим раздроблением и резко осложнившейся внешней обстановкой, распространился в большей или меньшей степени на все составные части бывшего Грузинского царства, в том числе и на Абхазию.

В своем «Описании Колхиды» Арк. Ламберти дает лестную характеристику природным условиям Абхазского княжества. Он пишет: «К северу от Мегрелии живут абхазы, или абаски, которых турки называют «абаза». Страна их очень красива и привлекательна; вся она разделена на плодородные возвышенности. Воздух у них здоров и сух».[1] В таком же духе высказывался об Абхазии и И. Лукка: «Страна эта, — пишет он, — очень приятна и воздух в ней очень здоров».[2]

Однако, несмотря на большие хозяйственные возможности, которые могли быть обеспечены богатыми природными условиями края, экономика абхазского общества рассматриваемого периода стояла на весьма низком уровне. Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с источниками того времени, это полное и безраздельное господство в крае замкнутого натурального хозяйства. И. Лукка свидетельствует, что «монета у них (у абхазов) не в ходу»[3]. То же самое пишет и Ев. Челеби, который утверждает, что свои товары аб-

---

[1] Ламберти, цит. соч. стр. 198.
[2] Лукка, цит. соч., (ЗООИД, т. XI), стр. 493.
[3] Там же, стр. 493.

хазы «выменивают без посредства денег»[1]. Ламберти же писал, что у абхазов «нет ни денег, ни товаров»[2].

Арк. Ламберти в своем «Описании» дает классическую характеристику натурального хозяйства Мегрелии, которую в еще большей степени можно распространить и на Абхазию того времени. Он пишет: «Знатным вельможам крепостные каждый день носят все необходимые съестные припасы. Что касается среднего сословия или низшего сословия, то среди них нет таких, которые бы ремеслом приобретали необходимое для жизни. Они устраивают так, что все необходимое имеется дома... Все имеют без покупки то, что им нужно... Часто годы проходят так, что мегрел ни для себя, ни для своего семейства ничего не истратит и содержит себя тем, что получает из своего хозяйства»[3].

Одним из показателей господства натурального хозяйства в крае являлось отсутствие в нем городов, вследствие полного упадка городской жизни. Лукка свидетельствует, что в Абхазии «нет городов, но много селений в горах»[4]. О том же пишет и Ламберти: «В городах... абхазы не живут»[5]. Следовательно, ремесленное производство в Абхазии было теснейшим образом связано с сельским хозяйством.

Вся внутренняя торговля сводилась к натуральному продуктообмену, который порой осуществлялся на ярмарках, в частности в Мегрелии — в местечках Чипуриа, Бедиа и Илори, которые посещали и абхазы. Деньги и на ярмарках имели крайне ограниченное хождение, они обычно служили дополнением к натуральному обмену. «Деньги употребляются лишь тогда, когда один товар другому по цене не равняется»[6].

Господство замкнутого натурального хозяйства и обусловленная этим экономическая раздробленность соответствующим образом отражались и на этническом состоянии абхазского народа, т. е. вызывали ослабление связывающих его этнических уз.

Абхазы вели оседлый образ жизни и ведущее место в их хозяйстве занимало земледелие. И. Лукка пишет, что абхазы, «выбрав себе пребывание в одном месте, не покидают его»[7]. Автор XVIII в. Яков Рейнеггс указывал, что «земледелие с избытком удовлетворяет потребность абхазов»[8]. Вахушти в своей «Географии» подчеркивал, что в Абхазии «произрастают вся-

[1] Челеби, цит. соч., стр. 178.
[2] Ламберти, там же, стр. 23.
[3] Там же, стр. 184—186.
[4] Лукка, цит. соч., стр. 492.
[5] Ламберти, цит. соч., стр. 199.
[6] Там же, стр. 185—186.
[7] Лукка, там же, стр. 493.
[8] См. Вивьен, «Историко-географ. введение к книге Белла» (Архив Абх. инст. ЯЛИ АН ГССР).

кие зерна»[1], хотя, по свидетельству Лукка, абхазы в его время не сеяли пшеницу[2]. Различные источники свидетельствуют об определенном развитии в Абхазии садоводства и виноградарства. Так, например, Лукка подчеркивал, что абхазы возделывают много вина[3].

Наряду с земледелием, важное место в хозяйстве абхазов занимало скотоводство, особенно в высокогорных районах. Ламберти указывает, что «у них (у абхазов) имеется достаточное количество крупного и мелкого скота. Обычная пища их: сыр, молоко и дичь, рыбы не едят»[4].

Внешняя торговля абхазов сводилась к товарообмену в некоторых прибрежных пунктах с турецкими или западноевропейскими купцами, прибывавшими сюда на кораблях. И. Лукка пишет: «Они (т. е. абхазы) обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунта, Константинополя и Каффы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эски-Сумуни» (Eschisummuni — «Старый Сухуми»)[5].

Другим крупным торговым пунктом на побережье Абхазии была «морская стоянка» Абаза (Abbasa), расположенная, как видно, в устье р. Шахе[6]. «Туда прибывают в июле или в августе торговцы из Константинополя, Татарии и других мест Черного моря, ибо в это время там бывает как бы ярмарка, на которую привозят домашнюю утварь ручной работы, дешевые материи для одежды и много копченой рыбы из Татарии... Купцы же вывозят оттуда отличный мед, прекрасные нитки для выделки полотна, но довольно простого, рабов, воск и получают такую прибыль, что затративший 100 реалов получает 300»[7].

По свидетельству Ламберти, турецкие купцы получали большие барыши от торговли «пальмовым деревом» (самшитом), которое в большом количестве они вывозили из Абхазии. Выменяв на соль 7—8 тыс. кусков самшита, они «затем продавали его в Константинополе по одному скуди за штуку»[8]. О больших выгодах, которые приносила торговля на абхазском побережье, свидетельствуют также и другие авторы.

Местное население не доверяло приезжим купцам, которые могли воспользоваться любым удобным случаем, чтобы захва-

---

[1] Вахушти, Описание..., стр. 171.
[2] Лукка, цит. соч., стр. 492.
[3] Там же, стр. 493.
[4] Ламберти, цит. соч., стр. 198.
[5] Лукка, цит. соч., стр. 491.
[6] Д. Д'Асколи, цит. соч., стр. 100; по Д'Асколи, Абхазия находилась в 90 милях от Сухуми и в 50 милях от Гагра (стр. 103).
[7] Там же.
[8] Ламберти, цит. соч., стр. 234.

тить людей для продажи их в рабство, так как пленные их более всего интересовали (см. ниже). Поэтому торговые операции на Абхазском побережье осуществлялись с большими предосторожностями. Д. Д'Асколи пишет: «Вся торговля совершается в гавани или на судне. Они даже дают друг другу клятву в том, что не причинят никакого зла, причем берут один у другого заложников»[1]. Об этом же свидетельствует Шарден и ряд других авторов того времени.

Давая оценку внешней торговле населения Абхазии с иноземными купцами, надо указать прежде всего на следующее обстоятельство. Основным товаром, который более всего был необходим обитателям Абхазии, являлся такой жизненно-необходимый продукт, как соль. Второе место в импорте занимали товары, потребителями которых были в основном местные феодалы — предметы роскоши, оружие и т. п. Главным же «товаром», за которым охотились купцы, были живые люди — рабы. Следовательно, береговой обмен приносил местному населению чрезвычайно большой урон и в силу этого имел для него резко отрицательное значение: люди не могли обойтись без соли, феодалы «нуждались» в предметах роскоши, а за все это нужно было платить главным образов живыми людьми...

В результате подобной «торговли», от национального организма систематически отрывалась лучшая, наиболее здоровая его часть.

Поскольку работорговля в рассматриваемый период систематически возрастала и наносила огромный ущерб этническому развитию народов Кавказа, в том числе и абхазскому народу, необходимо остановиться на этом вопросе более подробно.

2. Работорговля в Абхазии в XVI—XVII вв.

Выше уже говорилось о том, что работорговля в Абхазии стала широко практиковаться в период монгольского господства и затем во время генуэзской колонизации (гл. VII, параграф 3). Однако «особенный расцвет работорговля приобрела на восточном побережье Черного моря как раз в эпоху турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль. «Полуфеодальное» хозяйство ближнего Востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства»[2].

---

[1] Дортелли Д'Асколи, там же.

[2] А. В. Фадеев, Краткий очерк истории Абхазии, ч. I, 1934 г., стр. 122.

Между тем социально-экономическая и политическая обстановка, господствовавшая в тот период на Кавказе и, в частности в Абхазии, создавала весьма благоприятные условия для превращения этого края в один из главных поставщиков дешевой рабочей силы в лице рабов на невольничьи рынки Ближнего Востока. Большой интерес в этом отношении представляет собой донесение венецианского посла Лоренца Бернардо об Оттоманской империи, составленное в 1592 г. В донесении говорится, что Турция граничит с Мегрелией и Черкесией, которые «представляют собой для турок как бы р у д н и к д л я д о б ы в а н и я р а б о в, потому что они занимаются тем, что промышляют там рабами, которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга»[1].

Арк. Ламберти прямо указывает на то, что турецкие купцы, приезжавшие на Кавказ, прежде всего интересовались рабами. Он пишет: «Сюда приезжает множество турецких купцов. (Они) привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются местные народы, и за что турки и с к л ю ч и т е л ь н о т р е б у ю т н е в о л ь н и к о в (**non altro prezzo ne voglino, che schiaui**). Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей»[2].

Ламберти сообщает далее, что «абхазские невольники высоко ценятся у турок; женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры»[3].

Пленников для продажи их в рабство туркам местные феодалы добывали во время набегов на соседние княжества. Евлия Челеби сообщает, что «оба народа (имеются в виду мегрелы и абхазы, т. е. их феодальная верхушка — З. А.) крадут друг у друга детей обоих полов и продают их в неволю»[4]. По свидетельству Ламберти, мегрельские феодалы, промышлявшие работорговлей, и их подручные среди таковых же элементов в Абхазии имели своих «поверенных» (**„persone confidenti“**).[5]

Существовали организованные воровские шайки, выработавшие «специальную» систему похищения людей и доставки их к местам стоянки турецких торговых судов[6]. Об одном ха-

---

1 «Отчеты венецианских купцов», Венеция, 1884 г., т. III, стр. 388 (цит. по Е. Зевакину и Н. Пенчко, Очерки по истории Генуэзских колоний на Зап. Кавказе в XIII и XIV вв.).
2 Ламберти, цит. соч, стр. 82.
3 Там же, стр. 199.
4 Ев. Челеби, цит. соч., стр. 169.
5 Ламберти, там же, стр. 79—80.
6 Макарий, цит. соч., стр. 20.

рактерном эпизоде рассказывает Макарий. По его словам, одному священнику «довелось провести со своими товарищами ночь в каком-то доме, который, как потом оказалось, состоял из одних разбойников, которые, сбрив священнику голову и бороду и убив всех его товарищей, продали его в плен абхазам. Но... он бежал оттуда и с большим трудом добрался до Грузии»[1].

Особенно широкие масштабы приняли похищение и продажа в рабство феодалами своих соплеменников. Челеби сообщает, что «Абхазы крадут детей одни у других» и продают их в рабство[2]. Аналогичные сведения имеются и у многих других авторов. Ламберти, например, сообщает, что абхазы «воруют людей: мужчин, женщин и детей и продают их туркам в рабство»[3].

Главными организаторами работорговли внутри страны, как уже неоднократно отмечалось, являлись местные феодалы. Патриарх Макарий обвиняет в этом «все дворянское сословие страны. Мы знали многих этих последних, которые занимались продажей в плен крестьян, включая сюда и священников»[4].

Продажей людей в рабство не гнушались и некоторые «священнослужители». Макарий по этому поводу пишет: «Своими глазами мы видели и своими ушами мы слышали, как некоторые архиереи продают красивых мальчиков, девиц и молодых замужних женщин своей епархии, вообще всякого, за кого только пленоторговцы предлагали сравнительно большую сумму. Нередко они продают жену на глазах своего мужа и наоборот. Мы лично видели, как епископ моквский Андрей в течение одного только года продал 60 человек из своих пасомых... Этого нечестивого епископа я временно отлучил от церкви, а на его место назначил нового, более достойного епископа»[5].

Описанные факты, относящиеся к Мегрельскому княжеству, были весьма характерны и для соседней Абхазии, где местные феодалы ничем в этом отношении не уступали своим мегрельским собратьям по классу.

Следует, впрочем, отметить, что среди феодалов и церковников встречались порой передовые люди, сознававшие, какой огромный вред наносит обществу работорговля. Они пытались даже вести борьбу с этим злом. Так, издавались указы отдельных царей и постановления церковных соборов против похищения людей и продажи их в рабство. Но в тех

[1] Макарий, цит. соч., стр. 26.
[2] Челеби, цит. соч., стр. 176.
[3] Ламберти, там же, стр. 199
[4] Макарий, там же, стр. 25.
[5] Там же, стр. 23—24.

исторических условиях эти попытки не могли иметь никаких существенных результатов.

Что касается широких крестьянских масс, то онн были лишены возможности оказать оргаиизованное противодействие феодалам-работорговцам. В условиях крайней политической раздробленности и острой материальной нужды, вызванной бесконечными поборами феодалов, крестьянская масса была забитой и отсталой. Она была способна, в основном, лишь на пассивное сопротивление, которое выражалось главным образом в бегстве крестьян от своих помещиков. Факты такого рода получили весьма широкое распространенне в позднесредневековой Грузии.

В чем коикретио выражается тот колосальный урон, который систематически наносила работорговля этническому состоянню абхазского народа?

Прежде всего, как уже отмечалось, работорговля наносила прямой вред в том смысле, что постоянно отрывала от народа лучшую часть его состава, поскольку работорговцев интересовали не старые и больные, а молодые здоровые люди. Число рабов, ежегодно вывозимых с Кавказа, и прежде всего с Черноморского его побережья, составляло, по сведениям Шардена, 12 тыс. человек в среднем.[1] Сколь не казалась бы эта цифра преувеличенной, оиа тем не менее должиа быть близка к истине. Если учесть, что ежегодно к берегам Кавказа прибывало большое количество кораблей, которые, как правило, уходили отсюда до отказа наполненные рабами, то их число должно было быть, несомненно, значительным. Немало рабов переправлялн и сухопутью, прėнмущественно через ахалцихский пашалык, который представлял собой одну из основных баз турецкой работорговлн с Кавказом.

Даже в первой половине XIX в., когда в результате оградительных мер, принятых русскимн властями, торговля невольннкамн резко сократилась, имел место следующий факт: только два турецких купца, орудовавшие в Абхазни, в течение одного года продали до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей[2].

Особенно страдали от работорговлн кавказскне прибрежные областн — Черкесия, Абхазия, Мегрелия н Гурия. Местным феодалам не составляло большого труда тут же сбывать работорговцам захваченных пленных, либо же своих собственных крепостных крестьян. Не случайно, по единогласному утверждению всех нсточников, абхазы заннмали одно из первых мест средн рабов, вывозимых с Кавказа, наряду с черкесами и грузииамн.

[1] См. Шарден, цит. соч., стр. 33.

[2] См. Г. А. Дзидзария, Народное хозяйство и соц. отношения в Абхазии в XIX в., стр. 153.

Это обстоятельство приводило к прямому сокращению численности населения, к обезлюдению целых районах, в особенности прибрежных, т. к. люди опасались селиться в местах, где они легко могли стать жертвой похитителей рабов.

Наряду с этим, практика работорговли оказывала большое отрицательное воздействие на естественный прирост населения. Люди теряли стимул к деторождению, а то и прямо лишали жизни новорожденных детей, рассуждая в том смысле, что не стоит тратить энергии и средств на воспитание детей, ибо рано или поздно они станут жертвами работорговцев. В источниках по этому поводу имеются прямые указания. Патриарх Макарий, например, пишет: «Самое сильное наказание состоит в том, что грузинские женщины из низшего сословия душат своих детей — мальчиков и девиц в младенческом возрасте, оправдываясь тем, что когда они подрастут, господа все равно продадут их в плен народам, которые заставляют их отречься от своей религии».[1] Макарий утверждает далее, что сам он лично «разослал от своего имени и от имени бедийского епископа людей, которым вменил в обязанность... строго—настрого запрещать матерям душить своих младенцев»[2]. Об ужасных случаях лишения жизни своих детей в младенческом возрасте, которые совершали некоторые отчаявшиеся крепостные крестьянки, свидетельствуют также Ламберти и Шарден.[3]

Вместе с тем работорговля, наряду с другими отрицательными факторами (междоусобицы и др.), резко тормозила развитие экономики страны. Опасаясь похищения, производители вынуждены были обрабатывать земли лишь в непосредственной близости от своего жилья, оставляя без обработки большие земельные массивы. Значительно суживалась также возможность развития отгонного (эйлажного) скотоводства.

Работорговля, наконец, консервировала отсталые, застойные формы натурального хозяйства. Предметы продукции труда обменивались не на таковые же, а на главную производительную силу — человека. Работорговля не только не подрывала, а, наоборот, укрепляла устой натурального хозяйства феодальной Абхазии.[4]

Приведенные данные не требуют особых комментарий. Они со всей очевидностью вскрывают тот огромный урон, который работорговля наносила этническому состоянию абхазского народа.

---

1 Макарий, цит. соч., стр. 35.
2 Там же, стр. 32.
3 Ламберти, цит. соч., стр. 143; Шарден, цит. соч., стр. 30.
4 А. В. Фадеев, цит. соч., стр. 123.

3. Социально-политический строй Абхазского княжества в XVII веке

В XVII столетии Абхазское княжество представляло собой фактически самостоятельную политическую единицу, которая номинально находилась в вассальной зависимости от имеретинского царя.

Во главе княжества стояли владетели («ах») из феодального рода Шервашидзе (Чачба), которые считали себя потомками цхумских и абхазских эриставов (შერვაშიძე)[1].

Однако в рассматриваемый период Абхазское княжество по своему внутреннему строю также отличалось крайней степенью политической децентрализации. Иногда во главе княжества стояло несколько владетелей, управлявших отдельными областями страны. Так, по сообщению И. Лукка, в первой трети XVII в. «Абхазия подчинялась двум князьям, из которых одного зовут Путо (Puto или Puso), а другого — Карабей (Carabey)». Как это можно заключить из рассказа Лукка, Путо управлял южной частью Абхазского княжества и имел резиденцию в «Старом Сухуме» (Eschisummuni), а Карабей — северной частью[2].

В конце XVII в., как уже было указано, сыновья владетеля Абхазии Зегнака Шервашидзе — Ростом, Джикешия и Квапу поделили страну на три части: территория до р. Кодор досталась старшему брату Ростому, Джикешия утвердился в области между реками Кодор и Галидзгой, которая впоследствии была названа «Абжуа» («Срединная область»), а младший — Квапу занял территорию между Галидзгой и Ингури, названную позже «Самурзакано» — по имени сына Квапу Мурзакана Шервашидзе[3]. Правители «Абжуа» и «Самурзакано» номинально считались вассалами главного владетеля, резиденцией которого во второй половине XVII в. становится село Лыхны («Зупу», по грузинским источникам)[4]. Однако и эти сравнительно крупные области политически не были едиными. Владения отдельных князей (аҭауадцәа), формально зависимых от владетеля, представляли собой типичные сеньо-

---

[1] Акад. С. Джанашиа высказал предположение, что позднейшие Шервашидзе генеалогически могли не быть связанными с носителями этой фамилии в более древние времена. В эпоху внутренних усобиц должность мтавара (аҳра) мог захватить какой-либо другой феодальный род, присвоивший себе и звание «шарвашидзе», которое, как и «дадиани», приобретало значение титула, соответствующего мтавару (См. С. Джанашиа, «Георгий Шервашидзе», 1939 г., стр. 30—31).

[2] См. ЗООИД, т. XI, стр. 492.

[3] См. С. Какабадзе, История Грузии (Эпоха новых веков), 1922 г., стр. 103.

[4] В грузинских источниках термином «Зупу» именовалась иногда и вся Бзыбская Абхазия.

рии, которые во многом были аналогичны грузинским позднесредневековым сатавадо[1].

Известный турецкий путешественник Евлия Челеби, побывавший в Абхазии в 1641 г., насчитал здесь («в горах и на побережье») до двадцати пяти «племен»[2]. Между тем, как правильно отмечает проф. С. Джикия, «племя» Челеби мы должны понимать как род или же как фамилию какого-нибудь феодала, которого, надо полагать, Челеби принимает вместе с его подданными за единое племя[3].

И действительно, названия целого ряда приморских абхазских «племен», о которых пишет Челеби («Чач», «Чанды», «Арт» и др.), восходят к фамильным наименованиям отдельных феодальных родов — Чачба, Цанба, Артба и др., а остальные племенные названия связаны с названиями определенных географических пунктов, либо же действительно связаны с наименованиями этнических подразделений абхазского народа.

По свидетельству Челеби, во главе всех абхазских «племен» стояли полусамостоятельные «беки», т. е. феодалы, облеченные сеньоральными правами. Каждый из них мог выставить определенное число воинов: «племя Чач» — 10 тыс., «племя Субиш» — 3 тыс., «племя Кютасси» — 7 тыс. и т. д.

Особое место, по Челеби, занимали «горные абхазские племена», к которым принадлежали: Псху — 7 тыс., Ахчипсху — 10 тыс., Беслебей — 7,5 тыс., Мункеллебе—30 тыс., Чичакорес — 3 тыс., Мача — 2 тыс. и др[4].

Говоря о «горных абхазских племенах», Челеби делает следующее весьма важное указание. Эти племена, говорит он, «никогда не смешиваются с прибрежными абхазами»[5]. Такое явление объясняется, несомненно, тем, что феодальные отношения у прибрежных абхазов были более развиты, чем у горских племен, у которых патриархально-общинный уклад занимал значительное место.

Что касается населения прибрежной части Абхазии, то здесь феодальные отношения были достаточно развиты. В частности, Вахушти писал, что зависимые сословия в Абхазии «весьма преданы своим господам и покорны им» (არიან ერთგულნი ფრიად თვისთა მეპატრონეთა და მორჩილნი მისნი).[6] Это указание Вахушти, разумеется, следует понимать не в том

---

[1] Г. Дзидзария, цит. соч., стр. 159—160.

[2] Челеби, цит. соч., стр. 181.

[3] С. Джикия, Евлия Челеби о лазах и лазском языке. см. Иберийско-кавказское языкознание, т. VI, 1955 г., стр. 249.

[4] Челеби, там же, стр. 173—180.

[5] Там же, стр. 181.

[6] Вахушти, Описание.., стр. 172.

смысле, что между господствующими и зависимыми сословиями в Абхазии были установлены гармоничные отношения, а в смысле сравнительно высокого уровня развития феодальных отношений. В условиях крайней политической раздробленности «преданность» зависимого населения своему «патрону» была нужна для того, чтобы использовать данный «патронат» в качестве одной из форм защиты от набегов соседних феодалов. Определенную роль в этом играли и пережитки патриархальных отношений.

В таких условиях классовая борьба крестьян против своих феодалов принимает своеобразные формы. В частности, одной из весьма распространенных форм борьбы, как отмечалось, было бегство крестьян от одного «патрона» и переход под «покровительство» другого феодала (асасра). Данная форма классовой борьбы имела широкое распространение в феодальной Грузии вообще и, в частности, в Восточной Грузии, где она была известна под названием «хизноба-богаиоба»[1].

В обстановке «феодального беспорядка», обусловленного политической раздробленностью, в форме «асасра» происходило порой значительное движение населения внутри страны, а также бегство крестьян за пределы княжества — в Мегрелию, Черкесию и т. д. С другой стороны, нередко крепостные крестьяне и другие лица из соседних феодальных владений переселялись на правах асасов в Абхазию, о чем в источниках имеются определенные указания. Макарий, например, рассказывает об одном случае, когда подвергнутая им религиозному преследованию мегрелка со своим мужем «бежала в Абхазию»[2].

Политическая раздробленность и связанные с ней междоусобицы консервировали и некоторые формы родового быта, в частности расселение отдельными родовыми поселками (ацуђа, или аҳабла), которые, как правило, состояли из представителей одной фамилии. Интересное свидетельство об этом сохранилось у Ламберти, который пишет: «В городах и крепостях абхазы не живут»[3], но обычно собираются вместе десять или двадцать семейств одной фамилии (**famiglie della stesse**), выбирают где-нибудь возвышенное место, строят из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом. Последнее делают потому, что у них обычай грабить друг друга (**perche la lora usanza è di rubarsi l'un l'altro**).[4]

---

[1] См. Г. А. Дзидзария, цит. соч., стр. 344.

[2] *Макарий*, цит. соч., стр. 32.

[3] Ламберти, разумеется, имеет в виду основную массу абхазов. Что касается феодалов, то наиболее могущественные из них имели хорошо укрепленные замки, развалины которых в немалом числе дошли до нас.

[4] Ламберти, цит. соч., стр. 199.

Совокупность таких «родовых» поселков, расположенных по соседству друг с другом, составляла сельскую общину (ақыҭа), находящуюся под покровительством того или иного феодала, в подчинении у которого было иногда несколько таких общин-акыта. Например, по сведениям Челеби, в подчинении у одного феодала Цанба («Большие Чаиды») находилось до 25 деревень, а у князя Гечба («Гечилер») — даже 75 деревень, большинство которых составляли, по-видимому, фамильные поселки — ацута[1].

При определении общего уровня социально-экономических отношений в Абхазии важное место имеют указания Лукка и Ламберти о том, что «по образу жизни» абхазы более походят на черкесов, сванов и аланов. Ламберти, например, пишет: «Про аланов и зиков я отдельно ничего не скажу, потому что у них такие же обычаи, как у их соседей сванов и абхазов»[2]. Это указание свидетельствует, что в целом социальная структура абхазского общества рассматриваемого периода все-таки более соответствовала недоразвитым горским обществам, нежели развитым феодальным отношениям, господствовавшим в равнинных областях.

Исторические источники XVII в. сохранили немало сведений о систематических феодальных междоусобицах внутри Абхазского княжества. Они происходили настолько часто, что, по свидетельству Ламберти, «абхазы в ожидании нападения обыкновенно спят одетые в броню, с пикой в руках, щит кладут под голову, а оседланную лошадь привязывают у своего ложа»[3]. Именно поэтому, как сообщает тот же автор, ведущее место в воспитании абхазской молодежи занимала подготовка их к войне. Он пишет об этом следующее: «Молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время то обучаясь владению пикой, то подбрасывая в воздух тяжелые вещи с целью накопления сил, то перескакивая через канавы, чтобы приучить себя к ловкости»[4].

Систематические феодальные междоусобицы также наносили, разумеется, огромный вред этническому состоянию народа. От этих усобиц прежде всего страдали широкие народные массы, представители которых в большом количестве гибли в бесплодной борьбе. Именно в такой обстановке могла возникнуть старинная абхазская поговорка: «Большие люди поссорились, а их крестьяне перебили друг друга»[5].

---

[1] Челеби, цит. соч., стр. 175.
[2] Ламберти, там же, стр. 190.
[3] Там же, стр. 199.
[4] Там же, стр. 198.
[5] См. Д. Гулиа, Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок..., Сухуми, 1939 г., стр. 49.

Совершенно очевидно, что в подобной обстановке резко падало общенациональное самосознание и все больше подменялось узко-сеньориальными интересами. Такие настроения главным образом царили в феодальной среде. Представители господствующего класса из-за своих узкосословных интересов всегда готовы были поступиться интересами страны в целом. Чтобы осуществить свои партикуляристские цели, они в любой момент были готовы пойти на сговор с иноземными захватчиками и т. п. Все это, разумеется, сильно подрывало этническую общность народа.

Феодальные междоусобицы резко ослабляли хозяйственную жизнь страны, поскольку они приводили к уничтожению полей, угону и истреблению скота, вырубанию многолетних насаждений. В таких условиях непосредственный производитель терял стимул к интенсивному труду, не был заинтересован в росте производимой им продукции, что резко ухудшало положение народных масс и приводило к сокращению естественного прироста населения. Все это, несомненно, имело своим последствием сокращение экономической базы народности, что также крайне неблагоприятно отражалось на ее этническом состоянии.

Общая численность населения в таких условиях, в каких пребывала абхазская народность в эпоху позднего средневековья, не только не увеличивалась, а, наоборот, имела тенденцию к систематическому уменьшению. Мы, к сожалению, не обладаем сравнительными статистическими данными[1], но тем не менее можно смело сказать, что междоусобицы, внешние вторжения, работорговля и т. п. вызывали уменьшение численности населения. Пример соседнего Мегрельского княжества, где в течение XVII в. численность населения значительно сократилась, красноречиво свидетельствует об этом.

4. Политические и этнические границы Абхазии в XVII веке

Черноморское побережье Кавказа от Фазиса (Риони) до Анапы турецкий путешественник Евлия Челеби называет «абхазским берегом Черного моря». Он пишет: «Берег этот пролегает от Фазиса до замка Анапского, близ острова Тамани».[2] Однако это указание не соответствовало ни политическим, ни этническим границам Абхазии первой половины XVII в. Оно, надо полагать, выражает пережиточное представление об «Абхазии» как о политическом объединении, охватывавшем

[1] По подсчетам Челеби, общее число абхазов к середине XVII в. составляло около 100 тыс. чел. (стр. 180).

[2] Е. Челеби, цит. соч., стр. 169.

некогда всю Западную Грузию и черноморское побережье Кавказа вплоть до Анапы и далее.

В данном случае мы имеем дело с последним примером подобного понимания термина «Абхазия», ибо почти во всех источниках XVI—XVII вв., в которых встречается этот термин, он уже выражает понятие собственно Абхазии. Именно в таком смысле термин «Абхазия» употребляется в работах Горгиджанидзе, Лукка, Ламберти, Шардена, Вахушти и многих других авторов. Как мы увидим ниже, и Евлия Челеби под словом «Абхазия» также разумел в основном собственно Абхазию, лишь в одном, приведенном выше, случае употребив его в более расширенном смысле.

Дело в том, что когда Челеби переходит к конкретному описанию «абхазского берега Черного моря», он локализует его между р. Кодор (приблизительно) и мысом Кютасси, в районе нынешнего Туапсе.[1] Так, он начинает описывать Абхазию с пункта, расположенного на расстоянии «одного дня езды» на судне от Риони, которое должно соответствовать расстонию между Риони и Кодорским мысом (около 100 км.), тогда как от Кютасси до Анапы Челеби плыл в течение двух дней.[2]

В этой связи следует отметить, что утверждение П. Ингороква, будто по данным Челеби этнографическая граница между Абхазией и Мегрелией проходила по р. Мчиш (к западу от Гудаута), не соответствует действительности. В книге «Георгий Мерчуле» по этому поводу он пишет следующее: «Заслуживают особенного внимания сообщения турецкого путешественника Евлия Челеби, который в 1641 году объехал побережье Черного моря. Из сведений Евлия Челеби выясняется, что грузинский язык (его мегрельский диалект) являлся родным языком населения не только в «Шуа-Сопели» (в Моквском и Драндском районах) и в Цхумском (Сухумском) районе, но грузинский язык был родным языком населения и основной части Абхазского владетельства в районе Чач (Сашервашидзео). Евлия Челеби пишет: «Главным племенем в Абхазии является племя Ч а ч, которое говорит на том же мегрельском языке, который в употреблении по ту сторону Фаша (Риони)». Этот основной край Абхазского владетельства — область Чач — есть С а ш е р в а ш и д з е о, а именно край, центром которого был поселок Лыхны и который включал в себя территорию нынешнего Гудаутского района от Анакопийского (Ново-Афонского) сектора до Самшитовой гавани (до ущелья реки Мчиш)».[3]

---

[1] См. там же, стр. 173—180.

[2] Там же, стр. 180.

[3] П. Ингороква, цит. соч., стр. 133.

В данном случае П. Ингороква был введен в заблуждение переводчиком сочинения Е. Челеби Ф. Бруном, который в своей публикации этого сочинения неверно перевел цитированное место. На самом деле в оригинале Е. Челеби читаем: «Племя (род) Чачей (Чачлар). И по-мегрельски говорят, поскольку по ту сторону Риона (Фаш) расположена исключительно Мегрелия»[1].

Основной смысл приведенной цитаты сводится к тому, что племя (род) Чачей (кроме абхазского) говорит «и на мегрельском языке», поскольку проживает в непосредственном соседстве с Мегрелией. Следовательно, здесь речь идет не о «главном» абхазском племени (слово «главный» Челебн вовсе не употребляет), а о первой от Мегрелии (Челеби путешествовал с юга на север) области, которая непосредственно граничит с Мегрелией и локализуется, по данным Челеби, в районе р. Кодори («один деиь езды от Риони»). Кроме того, автор говорит не о «племени» в этническом смысле, а о жителях, подчиненных определенному «роду», в данном случае роду тавадов Чачба (Шервашидзе).

Тот факт, что южная этническая и политическая граница Абхазии в течение большей части XVII в. (до конца 70-х годов) проходила в основном по р. Кодор (в нижней его части), подтверждается и показаниями целого ряда других источников того времени.

Так, И. Лукка пишет, что Абхазию от Мегрелии отделяет р. Аус, расположенная к востоку от Сухуми (Schisornum, или Schisummuni). Далее, он уточняет свое показание, добавляя, что из Сухуми он прибыл в местечко Скурча (Scorcia), которое считается первым пунктом Мегрелии[2].

Русские послы Ф. Елчин и П. Захарьев, побывавшие в Мегрелии в 1639 г., посетили и Драндский монастырь[3], который считался в то время самым крайним пунктом владений Мегрельского княжества на границе с Абхазией. С другой стороны, это показание свидетельствует о том, что некоторые пункты, расположенные к западу от Кодора (вблизи этой реки), входили в то время в состав Мегрельского княжества.

Говоря о границах Мегрелии, Д. Д'Асколи так же указывал, что область эта тянется по черноморскому побережью «от Фашии до Исгаура (Scauri)»[4].

Наиболее важное значение по вопросу о южных границах расселения абхазов имеют показания А. Ламберти, который в

1 См. Е. Челеби, «Книга путешествий», Стамбул, 1896—1897 гг., стр. 102.

2 См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144—146.

3 См. Белокуров, Материалы по истории России, 1888 г., стр. 324.

4 Д. Д'Асколи, цит. соч., стр. 103.

течение 1633—1650 гг. безвыездно проживал в Мегрелии. В своем «Описании Колхиды» он пишет: «Границей со стороны абхазов, или абасков является река, называемая местными жителями Кодор (Coddors)»[1]. Или еще конкретнее: «Совершенно так, как Фазис отделяет Мегрелию от Грузии, так и Кодор отделяет ее от Абхазии (Cosi il Corace la sparte da gli Abcassi), и подобно тому, как за Фазисом мегрельский язык сменяется сразу грузинским, так и за Кодором смеияется абхазским (Cosi da qua del Corace si muta in Abcassa)». И дальше: «Сейчас же (subito) после переправы через Кодор обитают абхазы со своим языком»[2].

Большой интерес для определения границ, отделяющих Мегрелию от Абхазии, имеет составленная Ламберти подробная карта «Колхиды» (Мегрелии), приложенная к его «Описанию». И на этой карте северная граница Мегрелии в основиом проходит по среднему и нижнему течению Кодора. На правом берегу Кодора обозначен лишь один пункт — Дранда[3]. Что касается северо-восточной границы Мегрелии, также отделяющей ее от Абхазии, то она проходила по линии Великой стены (длиной в «шестьдесят тыс. шагов»), назначение которой сводилось, по Ламберти, к защите Мегрелии «от вторження абхазов» («Murus sexaginta coercendus Abascorum incursus »). По карте Ламберти линия стены проходила вблизи таких пунктов, как, например, Бедиа и Сатанджо, а за пределами этой стены, в горах, также нроживали абхазы.

По данным патриарха Макария, северные границы Мегрелин во время его пребывания там (1664—1665 гг.) оставались прежиими. Среди религиозных центров Мегрелии Макарий отмечает и такие, как Дранды, Мокви и Бедиа[4].

Одиако прн Макарии драндская епархия, как видно, уже не фуикционировала, поскольку он иичего не сообщает о своем посещении Дранда, а соседних абхазов, изъявивших желание прииять христиаиство, он поручил окрестить бедийскому епископу, а не драндскому[5].

Ж. Шарден (1672 г.) также свидетельствует, что граница между Абхазским н Мегрельским княжествами проходила в районе Кодора[6]. Первым «мегрельским рейдом» он называет Исгаур, но это была пустыниая местность, лишенная оседлого

---

[1] Ламберти, цит. соч., стр. 2.
[2] Там же, стр 210.
[3] Село Дранда, по указанию Ламберти, находилось «по соседству с Абхазией» (Ламберти, цит. соч., стр. 132).
[4] Макарий, цит. соч., стр. 32.
[5] Там же, стр. 43.
[6] Шарден, цит. соч., стр. 21.

населения, вследствие постоянной опасности со стороны соседних абхазов[1].

Политическая граница между Абхазским и Мегрельским княжествами изменилась, как уже выше отмечалось, лишь в начале 80-х годов XVII в., когда абхазские феодалы, воспользовавшись ослаблением Мегрелии, довели политические границы своего княжества до р. Ингури. Это обстоятельство подтверждается свидетельством итальянского монаха Распони о том, что на территории, захваченной Сареком Шервашидзе, находилось и местечко Чипурия, где пребывала итальянская католическая миссия[2]. На карте Ламберти этот пункт обозначен вблизи правого берега Ингури, юго-западнее Зугдиди.

Выше отмечалось также, что Сарек решил прочно утвердиться на занятой территории. В целях осуществления этого намерения абхазские владетели стали переселять сюда абхазов(дворян и крестьян), и таким образом с конца XVII в. здесь появилось постоянное абхазское население.

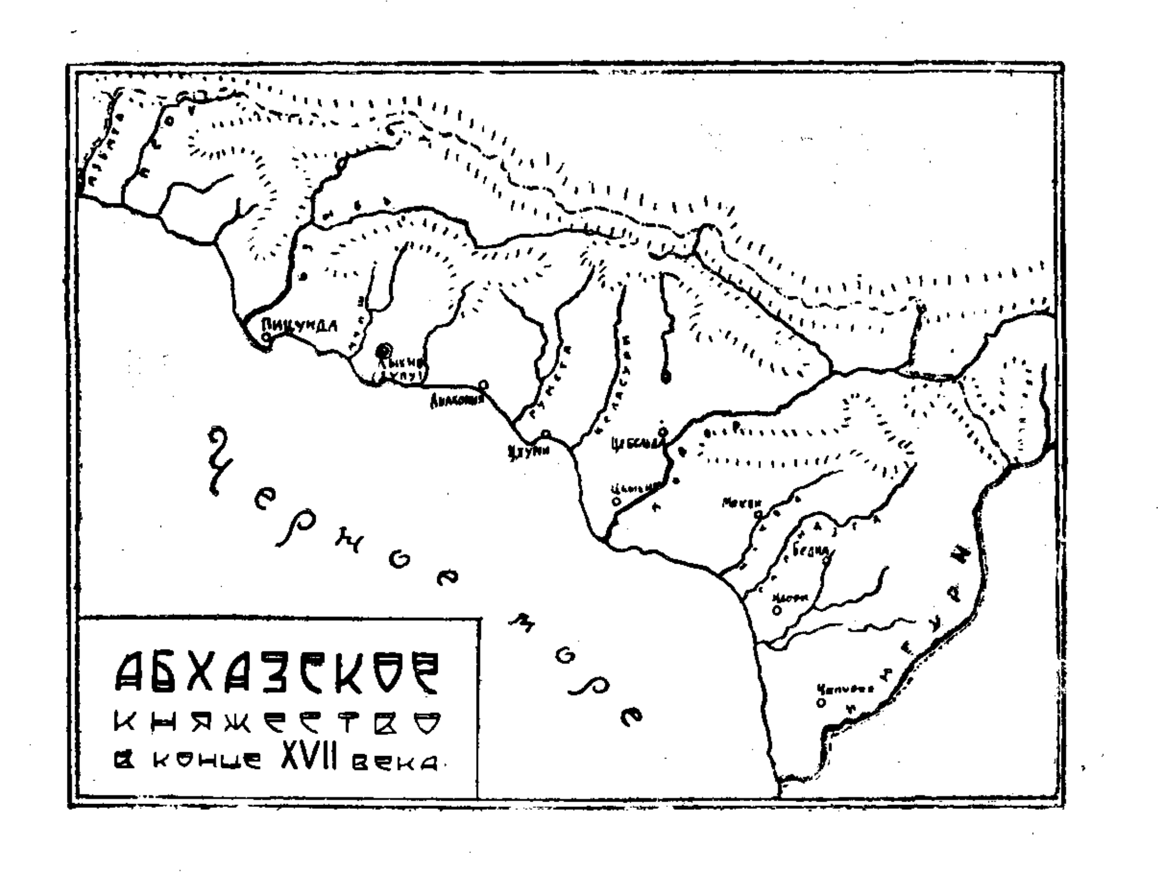
Как видно, абхазы этнически освоили вначале область между Кодором и Галидзгой («Абжуа»). Именно это обстоятельство, по-видимому, имел в виду Вахушти, когда он писал: «Абхазы овладели (территорией) до р. Эгриси и сами обосновались там (აფხაზნი... დაიპყრეს ვიდრე ეგრისის მდინარემდე და დაიშენებოდნენ თვით აფხაზნი)».[3]

Однако процесс абхазизации оставшегося там мегрельского населения затянулся в некоторых пунктах на длительный период. Д. Бакрадзе констатировал, что даже в 1860 г. жители села Илори употребляли мегрельский язык. По его словам, в Илори проживали «160 дворов старинных крестьян мингрельского происхождения; они знают абхазский язык, но постоянно говорят по-мингрельски»[4].

Теперь перейдем к вопросу о северных границах Абхазии. И. де-Лукка о местоположении Абхазии в целом дает следующее указание: «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов. На запад от них лежит Черное море, на восток — Мингрелия. Абхазия... простирается на 150 миль. В ней нет городов, но много селений в горах, самых высоких, какие я когда-либо видел. Абхазы рассеяны до морского берега»[5].

---

1 Там же, стр. 20—21.
2 См. М. Тамарашвили, стр. 208—210.
3 Вахушти, Описание..., стр. 170.
4 Д. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 74.
5 Лукка, цит. соч., стр. 492 (разрядка наша — З. А.)

АБХАЗСКОЕ
КНЯЖЕСТВО
в конце XVII века
Черное море
Пицунда
Анакопия
Цебельда
Ингур

Указанное расстояние (150 миль) следует отсчитывать от Кодорского мыса, где, согласно тому же автору, был расположен «первый пункт Мегрелии» Скурча[1], что составит, приблизительно, расстояние до Туапсинского сектора. Здесь же надо добавить, что по данным Дортелли Д'Асколи расстояние между кодорским мысом и Маметкале (близ Туапсе) составляло 160 миль[2].

На территории северной Абхазин рассматриваемого периода названные выше авторы отмечают ряд географических пунктов. Так, Лукка утверждает, что в Абхазии «протекают две речки: Соук-су (Sute-su) и Субаш (Subasu)[3]. Местоположение этих «речек» можно точно локализовать, опираясь на данные Челеби. Перечисляя пункты «абхазского берега», он называет Субиш и на незначительном расстоянии к северу от него — Соук-су. Последний находился в ближайшем соседстве с Кютасси.

Важное значение нмеет также указание Челеби о том, что территория, населенная абхазами, доходит до мыса Кютасси, так как уже «по соседству с Кютасси обитают Жаны (жанеевцы) из черкесов, (которые) говорят по-черкесски»[5]. «Абхазскнх Кютасси от черкесских Жана» отделял лишь однодневный переход[6].

Однако политическая граница Абхазского княжества в XVII в. проходила значительно южнее его северных этнических границ. По свндетельству ряда источнников того времени, эта граница, как вндно, не простиралась далее Сочинского сектора, за которым были расположены политнческие сеньории независимых абхазских «беев» (Челеби, Главани и др.).

Таким образом, если на юге политические границы Абхазского княжества расширялись, и это влекло за собой постепенное расширение н этннческих границ расселения абхазов, то на севере, наоборот, политическне границы отступают к югу и вслед за этим происходит систематическое сокращение этнических границ. Но этот процесс затянулся вплоть до XIX в. Одной из причнн отступлення этно-полнтнческих границ Абхазии на севере являлась захватническая политика турок, которые к тому времени прочно обосновалнсь в Анапе и оттуда постепенно наступалн по побережью в южном направлении.

---

[1] См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 146.
[2] Д. Д'Асколи, цит. соч., стр. 103.
[3] Лукка, цит. соч., стр. 493.
[4] Челеби, цит. соч., стр. 179.
[5] Там же, стр. 180.
[6] Там же.

5. Некоторые вопросы культуры и языка абхазского народа в XVI—XVII вв.

Общность культуры, как известно, является одним из этнических признаков народности и, в еще большей степени, нации. Степень культурного (а также языкового) единства народа находится в прямой зависимости от степени общности экономической жизни, которая в Абхазии, как мы видели, характеризовалась в рассматриваемый период крайней хозяйственной раздробленностью и упадком, что соответствующим образом отражалось на культуре и языке народа.

Но прежде чем перейти к освещению этого вопроса, необходимо сказать об антропологическом облике абхазов того времени. Арк. Ламберти следующими словами характеризует абхазов и их страну: «На север от Мегрелии живут абхазы... Страна их очень красива и привлекательна; вся она разделена на плодородные возвышенности. Воздух у них здоров и сух: оттого и народ прекрасной крови, имеет красивые черты лица, белую кожу и благородное телосложение; они храбры, подвижны и ловки, во всех трудах выносливы и поворотливы»[1].

Приведенное указание Ламберти свидетельствует о том, что в антропологическом отношении абхазы оставались типичными представителями «кавказской расы», как и другие этнически родственные им народы Кавказа, прежде всего ближайшие соседи абхазов — картвелы и адыги.

В культурной жизни абхазов многие авторы того времени усматривали большое сходство с культурой адыгов (черкесов). Так, И. Лукка прямо указывает, что «образ жизни (абхазов) таков же, как у черкесов»[2]. О том же свидетельствует и Ламберти. Выше уже приводилось его указание, что у абхазов «такие же обычаи», как у сванов, черкесов и аланов[3]. Эти сообщения указывают не только на общий уровень социально-экономического развития абхазов, но и на характер культуры (материальной, духовной) и народного быта.

Общий упадок, который переживала хозяйственная и общественно-политическая жизнь абхазского народа, отразился и на его культуре. Одним из ярких проявлений этого упадка было постепенное искоренение христианства в крае и связанных с ним элементов феодальной культуры. Вместе с тем среди абхазов стали оживляться дохристианские религиозные верования.

---

[1] Ламберти, цит. соч., стр. 198.
[2] Лукка, цит. соч., стр. 492.
[3] Ламберти, там же, стр. 190.

В первой трети XVII в. христианство в Абхазии имело еще некоторое распространение. Об этом свидетельствует следующее известие И. Лукка. Когда он гостил у абхазского владетеля Путо, то на вопрос последнего, откуда и почему приехал Лукка, он ответил: «Цель моего приеза — делать добрые христианские дела». Услыхав это, князь сказал: «Значит ты можешь остаться у меня, так как я и вся моя страна — христиане». В доказательство он показал мне крест, висевший у него на груди... На второе утро я сказал князю, что должен выполнить молитву для излечения его больной жены. Он со всеми близкими с большим благочестием выслушал молитву и поцеловал крест»[1]. Тот же автор отмечает, что у абхазов были священники, которые назывались «папари»—«так именуют тех, — пишет он, — кто погребает мертвых и молится богу о их душах»[2].

Однако в дальнейшем христианство подвергалось быстрому искоренению. Уже Ламберти подчеркивал, что абхазы «только по имени христиане, но не сохранили ни по вере, ни по набожности ничего христианского»[3]. В том же духе высказывался и Шарден, по словам которого абхазы «не имеют понятия ни о сущности религии, ни о ее обрядах»[4].

Тем не менее приведенные указания Ламберти и Шардена нельзя понимать в том смысле, что за каких-нибудь 30—40 лет от христианства в Абхазии не осталось никакого следа. Те же авторы сообщали, каким поклонениям со стороны абхазов пользовалась Илорская икона св. Георгия. Шарден, например, приводит один интересный факт, свидетельствующий о преклонении даже феодалов-работорговцев перед христианскими святынями. Один «знатный абхазец» доставил на корабль Шардену серебряную оправу, которую он снял с одной иконы во время ограбления церкви. «На мой вопрос, — пишет Шарден, — куда он дел самый образ, абхазец ответил, что оставил его в церкви, не осмелившись унести его из боязни, что святой его убьет»[5].

Отдельные представители господствующего класса Абхазии, сознавая, как видно, социальную сущность христианства, делали попытки восстановить эту религию. Патриарх Макарий рассказывает о следующем характерном в этом отношении факте: «Абхазцы, услышав о нашем прибытии и о нашей проповеди, явились к нам и приняли от нас крещение.

[1] См. М. Тамарашвили, цит. соч., стр. 144—145.
[2] Лукка, цит. соч., стр. 493.
[3] Ламберти, цит. соч., стр. 196.
[4] Шарден, цит. соч., стр. 99.
[5] Там же, стр. 108.

Их было 25 чел. и между ними два предводителя, которые просили нас поехать к иим и окрестить всех абхазцев, ибо они давно жаждут у себя людей, которые бы научили их христианской вере... До иедавнего времеии все они считались христианами и у них же находился престол католикоса, который теперь находится в Имеретии, да и до сих пор еще величественная церковь апостола Аидрея, через которую они приняли христиаиство, находится в их стране и весьма почитается ими (имеется в виду Пицундский храм — З. А.). В наше время лишь немногие из них умеют перекреститься н делать земиые поклоны (большинство же из иих и этого не знают), так как у них нет священников и никто вообще не заботится о них и не учит их. Ввиду этого я посвятил для них нового моквского епископа, представил его вышеупомянутым представителям абхазского племени и велел ему отправиться к ним для окрещеиия их и обучения христианской вере»[1].

Но в условиях систематического роста феодальных междоусобиц и турецкой экспансии во второй половине XVII в. намерение Макария об укреплении христианской веры в Абхазии не могло быть осуществлено.

Касаясь вопроса о некоторых устойчивых обычаях абхазского народа, которые отмечаются иностранными авторамн, начнная с античного времеии и до рассматриваемого периода, следует указать на практикуемый у абхазов обряд захоронения покойников на деревьях. Этот обряд является одним из красноречивых свидетельств автохтонности абхазов на занимаемой имн территорин. И. Лукка, наблюдавший этот способ захоронения в Пицунде, следующим образом описывает его: «Покойников кладут в выдолбленные пни деревьев, служащие для них гробом и потом, привязав их к четырем столбам, для предохранения от шакалов, держат их как бы висящими в воздухе»[2]. Он же рассказывает, что покойников иногда подвешивали на деревьях[3].

О подобном же обычае рассказывает и Ев. Челеби, который пишет: «Этот абхазский народ странным образом хоронит беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головой в ящике оставлено отверстие, дабы он мог, как говорят, видеть небо»[4].

Аналогичные сообщения мы встречаем и у Ламберти. По его рассказу, деревянный гроб с покойником подвешнвали на виноградных лозах к верхушке дерева, на ветвях которого

---

1 Макарий, цит. соч., стр. 43.
2 Лукка, цит. соч., стр. 492.
3 См. М. Тамарашвили, стр. 144.
4 Челеби, цит. соч., стр. 179.

развешивалось оружие, принадлежавшее покойнику при его жизни[1].

Характерно, что подобным же способом в Абхазии хоронили людей, сраженных ударом молнии, вплоть до начала XX в.[2] Этот же обычай, как выше уже отмечалось, был зафиксирован также и античными авторами[3]. Локализация этого обычая на Кавказском побережье Черного моря в течение двух тысячелетий свидетельствует, что он восходит к предкам абхазского народа, проживавшим в античную эпоху на той же территории.

Что касается абхазского языка в рассматриваемый период, то многие авторы того времени отмечают его распространение на черноморском побережье Кавказа. Еще Лукка отмечал, что абхазы имеют свой особый язык, который «резко отличается от языка их соседей»[4].

Д. Д'Асколи причислял абхазский язык к числу важнейших языков Причерноморья. Он пишет: «Вокруг Черного моря говорят на восьми языках, а именно, греческом, турецком, татарском, черкесском, абхазском „(Abbasa), мегрельском и армянском»[5].

Ценные сведения о распространении абхазского языка дает Ев. Челеби. Он указывает, что язык абхазов распространен на побережье Черного моря вплоть до мыса Кютасси (Туапсинский сектор). Челеби приводит ряд абхазских слов и фраз (около 20) для характеристики языка «Абхазской области»[6].

О южной границе распространения языка конкретное указание содержится в приведенной выше цитате из сочинения Ламберти: «Как за Фазисом мегрельский язык сразу сменяется грузинским, так и за Кораксом сменяется абхазским». Или: «После переправы через Кодор живут абхазцы со своим языком (con la lor lingua)»[7]

Однако абхазский язык не был единственным языком на отмеченной территории (от Кодора до Кютасси). Челеби, например, отмечает здесь существование садзского (садша) и убыхского языков; образцы «садша» он также приводит в

---

1 Ламберти, цит. соч., стр. 199—200.

2 Г. Ф. Чурсин, Материалы для этнографии Кавказа, стр. 310.

3 См. Ган, Изв. древн. писат. о Кавказе, ч. 1, стр. 149, 162, 205 и 208.

4 Лукка, цит. соч., стр. 492.

5 Д'Асколи, цит. соч., стр. 185; говоря об армянском языке, автор имеет в виду армян, живших в Крыму (см. там же, стр. 129). Говоря *о восьми языках, Д'Асколи перечисляет только семь. Очевидно, им пропущен грузинский язык.*

6 Челеби, цит. соч., стр. 181.

7 Ламберти, цит. соч., стр. 210.

своем труде[1]. Но, по указанию того же Челеби, садзы и убыхи рассматривались в составе абхазской народности, и среди них (в частности, у садзов) был распространен также и абхазский язык[2].

Между тем во времена Челеби в северных районах Абхазии уже заметно ощущалось языковое влияние адыгов. О племени «абхазских боздуков», проживавших по соседству с Субаши, Челеби говорит, что «этот народ... говорит по-абхазски и по-черкесски»[3]. В этом следует видеть один из показателей постепенного этнического влияния адыгов на население северных районов Абхазии.

* *
*

Изложенные выше материалы свидетельствуют, что этническая жизнь абхазского народа в XVI—XVII вв. испытывала значительный упадок, который проявлялся в ослаблении его этнических признаков. Это находило свое конкретное отражение в экономической раздробленности, в сокращении территории и области распространения языка (в частности, в отживании отдельных племенных языков), упадке культуры и т. д.

Отмеченный упадок этнической жизни был обусловлен крайне неблагоприятной обстановкой, в которой оказалась абхазская феодальная народность к концу средневековья. Политическая раздробленность, феодальные междоусобицы, работорговля, турецкая экспансия и т. п. — все это были факторы, которые в совокупности ставили абхазский народ перед опасностью национального вырождения.

В тех исторических условиях небольшая абхазская народность, как и многие другие народы Кавказа, в том числе и грузинский народ, не могли рассчитывать на свое национальное спасение собственными силами. Единственно реальной возможностью избавления от угрозы полной этнической деградации являлось присоединение к русскому государству, что было осуществлено в начале XIX века.

---

[1] Челеби, цит. соч., стр. 181.
[2] Там же, стр. 176.
[3] Там же, стр. 179.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ზურაბ ვიანორის-ძე ანჩაბაძე

შუასაუკუნეების აფხაზეთის ისტორიიდან

(VI — XVII სს.)

(რუსულ ენაზე)

Зураб Вианор-иҧа Анчабаӡе

АВЖЬАРАТӘ-ШӘЫШЫҚУСҚУА РААНТӘИ АҦСНЫ АҬОУРЫХ АҚЫНТӘ

(VI — XVII шәшә.)

(Урыс бызшәала)

Редактор *Дзидзария Г. А.* Техредактор *Хахмигери М. Д.*

Корректор *Костикова З. П.*

ЭИ01987. Сдано в набор 13.VI.1959 г. Подписано к печати 25.XI.1959 г. Объем 19,13 п. л. Заказ № 3014. Тираж 3000. Цена 5 р.

Типолитография им. Ленина Грузглавполиграфиздата, г. Сухуми.